

Многие мои дневниковые записки войны, писанные на отдельных клочках и второпях, к 1975 году, по ряду причин (переезды с одного места жительства на другое, отъезд на шесть лет на Крайний Север, и др.) были утрачены.

По совету моего друга журналиста Куликова М.И. я в 1978-80 гг. их суммировал и переписал в данную тетрадь, торопясь закончить к 35-й годовщине нашей Победы над фашизмом, однако, не успел. В дальнейшем решил: пусть мои дневники останутся моим внукам как семейный архив, как память о войне.

Вступление

Судьба этих записей – такая же замысловатая, как и жизненный путь их автора – ветерана двух войн Александра Кузьмича Резяпкина. Мы, его дети и внуки, хорошо помним, как он мог часами увлеченно рассказывать о коллективизации, голоде 20-х годов, войне с белофиннами, и, конечно же, о Великой Отечественной, которую он прошел с первого до последнего дня. А.К. Резяпкин принимал непосредственное участие в таких важнейших событиях, как сражения под Уманью и под Ржевом, переправа через Вислу и освобождение Варшавы, штурм Зееловских высот и Рейхстага. Всю войну он урывками записывал свои впечатления на отдельных клочках бумаги в короткие моменты затишья, в госпиталях, в дороге. Само по себе это было непросто в то время, но, будучи работником политотдела, он позволял себе эту роскошь, за которую мог понести суровое наказание. После войны все эти записи послужили основой для написания полного текста дневника, который долгое время хранился в сундуке и лишь изредка попадался на глаза, просто чудом уцелел до нашего времени. Когда-то автор сам намеревался их издать, но в таком виде их не могли принять к публикации, а существенно менять текст Александр Кузьмич не соглашался. Однако эти записи были использованы его однополчанами как материал для написания собственных произведений (генерал-лейтенантом Джанджгавой в книге «Немеренные версты», Алесем Стаховичем в произведениях о войне).

Сохранилось несколько вариантов дневника, которые местами существенно отличаются друг от друга (не совпадают даты и трактовка некоторых событий). Не совсем ясно почему – может быть, автор сознательно намеревался умолчать о щекотливых деталях или просто что-то путал. Иногда просматривается мотив приукрасить действительность, например, в случаях, когда он давал характеристику некоторым известным людям (в пассаже об Илье Эренбурге). За основу публикации взят наиболее полный текст дневника, а вставки из других версий, которые дополняют основной текст или противоречат ему, выделены курсивом.

Конечно, мы не собираемся идеализировать источник, понимая, что стопроцентная достоверность всех изложенных фактов невозможна в тако-

го рода повествовании. Человек в экстремальной ситуации, в том числе на войне, существует в мифологическом пространстве. Поэтому дневник наполнен преувеличениями и мифами, в которых отражаются представления солдат: чего стоят пропагандистские легенды о добром Ильиче, рассказы об уничтожении фашистами всех своих солдат при отступлении, о расстрелянных гестаповцем при попустительстве матери девочках-сестрах.

При подготовке к печати мы старались максимально сохранить текст оригинала. Были исправлены лишь грамматические ошибки и в некоторых местах для удобства чтения изменен порядок слов в предложениях. Несколько абсолютно неразборчивых мест было опущено.

Условно этот дневник можно разделить на две основных части – с июня 1941 по июль 1943, и с июля 1943 по май 1945 года. Первая часть писалась работником политотдела, вторая – командиром полка (после соответствующего приказа Сталина в 1943 году все политработники моложе 35 лет были переучены на командные должности). В первой части очень сильно чувствуется доминирование официальной идеологии, из-за чего автор постоянно пишет с «оглядкой» - должность политработника не позволяет ни на градус отклониться от линии партии. Вторая часть гораздо больше насыщена яркими детальными описаниями конкретных боевых действий.

Однако, этот документ интересен не столько как источник информации о боевом пути отдельных частей Красной Армии, сколько как книга, подробно воссоздающая психологическую атмосферу того времени, характеры и мотивы поведения действующих лиц, рисующая в мелких деталях суровый военный быт. Описания поступков героев повествования дают возможность судить о господствующей в той ситуации непримиримой идеологии по отношению к врагу (например – приказ обстрелять немецкую кухню у источника).

Зачастую подобные эпизоды насыщены чрезмерной патетикой с использованием распространенных комиссарских штампов – это и есть колорит времени, именно так они говорили, думали и чувствовали. По этой же причине в тексте умышленно сохранены устаревшие слова и выражения, такие, как: «в полуднях», «спроворили», «очертенело», «ливанул» и т.д. К счастью, для воссоздания достоверности мы можем привлечь в качестве источ-

ника не только зафиксированные письменно записи деда, но и то, что «осталось за кадром» и рассказывалось им в более узком кругу. *Сопоставляя информацию, мы видим, насколько устная и письменная версии местами отличаются друг от друга. Вспомним эпизод о том, как приехал польский ксендз с жалобой на вандализм красноармейцев и обвинил их в том, что солдаты уничтожили его коллекцию, выпив спирт из банок с заспиртованными трупиками детей. В дневнике описывается, как командир полка едет с ксендзом к нему на место расследовать происшествие. Он всячески отрицает причастность наших бойцов к этому, сваливая вину на провокаторов или власовцев. Аргументы, которые он использует, выдают неискренность, так как вначале говорится о том, что наши солдаты на это не способны, так как регулярно получают качественную водку. Затем утверждается, что это были не танкисты, а пехотинцы – другая часть, и что наши танкисты прибыли сюда на день позже инцидента. Все это демонстрирует желание командира отвести подозрения именно от своей части. В устных же рассказах дед допускал возможность подобного поведения своих солдат, вспоминая, что лишь одна банка не была выпита, и то потому, что в ней был вместо спирта хлороформ.*

Еще один пример – поведение наших бойцов в Берлине. В дневнике описывается подвал, заполненный вином, в котором плавали наши мертвые солдаты. В рассказах деда мы слышали больше деталей в этой истории. Оказывается, несколько человек проникли в винный подвал и начали выстрелами пробивать бочки, пробуя все по порядку. К концу дегустации падали замертво от винных паров и захлебывались. А прибегающие сверху солдаты, воздав почести погибшим, черпали каской вино и убежали дальше воевать.

В последние годы стало модно быть борцом против системы, а не ее строителем (хотя строить всегда сложнее, чем критиковать). Однако, не нужно забывать, что в этом противоборстве по обе стороны – как среди тех, кто искренне строил новое общество и «был в обойме», так и среди передо-

вых диссидентов, было много честных и порядочных людей независимо от национальной принадлежности. Волею судеб разделенные на два враждующих лагеря, они жили в соответствии со своим строгим кодексом чести.

Да, по пятам за освободителями шла совсем иная жестокая система, насаждавшая те же порядки, против которых они поднимались в атаку. С другой стороны, дневник помогает развенчать модный сегодня миф о том, что абсолютно все, кто носили советскую военную форму, были пособниками НКВД, поддерживающими зловещий сталинский режим. Один из примеров – «случай с тамбовским героем», когда паникующий солдат был утешен комиссаром без роковых для солдата последствий. Можно также много спорить о роли политработников в войне, но факты остаются фактами. Автор дневника в первых рядах шел на штурм в танке вместе со своими солдатами, а вылезал из люка подбитого танка последним, получая свои многочисленные ранения и контузии вопреки своей штабной должности...

И все-таки, не смотря на лояльность автора к системе, временами его личная позиция отличается от «генеральной линии партии». Крестьянское происхождение не позволяло ему безоговорочно ставить классовые интересы выше семейных и национальных. Дед всегда глубоко страдал, когда его разлучали с близкими. Именно поэтому он предпочел закончить многообещающую военную карьеру на самом взлете сразу после Победы и вернуться домой к жене и детям. А на фронте, где бы ни воевал, чувствовал на себе бремя миссии солдата-освободителя (многочисленные эпизоды, описывающие спасенных от смерти и голода женщин и детей). Именно здоровые крестьянские корни позволяли его партийной совести запросто и с уважением контактировать с представителями духовенства, будь то православные или католические священники (рассказ про отца Якова и польского ксендза).

Изначально эта книга была адресована нам – поколению внуков, которые еще помнят своих дедов и могут передать дальше ощущение их непобедимой силы, доброты и мудрости. Мы и они – уже очень разные люди, поэтому нам трудно понять, как они жили и что чувствовали. На наш взгляд, они полны противоречий – наивные, как дети, в своих суждениях, а в каждодневных поступках – герои. И вместе с этим, невозможно отрицать, что их натуры – более цельные, пронизанные стержнем веры. Веры

в Победу. Даже в самых критических ситуациях Красная Армия просто была запрограммирована победить, не взирая ни на какие жертвы, при минимальных возможных ресурсах. То, в каких условиях наши деды сражались, в современных головах просто не может уложиться. Как могут их понять те рейнджеры, которые отказались идти выполнять задачу, получив на завтрак не подогретые гамбургеры? Одни боролись за победу, другие сегодня борются за свои права и качество сервиса. Поэтому рейнджеры не понимают комиссаров, а комиссары – рейнджеров. Это – два полярно противоположных подхода к пониманию мира.

Поколение, познавшее на вкус войну, считает мир наивысшей ценностью, но, увы, уже не умеет жить в мирных условиях, оставаясь в своих воспоминаниях о прошлом, и мечтая о светлом мирном будущем своих детей. Они забывают о том, что нужно жить здесь и сейчас, созидая. А новое поколение, не прошедшее таких испытаний, не ценит того, что дано без борьбы и легко идет на поводу у тех, для кого война – прибыльный бизнес. Если безоговорочно принять, что война – абсолютное зло, то такие книги – живые свидетельства прошлых войн – просто необходимы для того, чтобы человечество научилось делать выводы из истории и перестало слепо следовать за своими харизматическими лидерами, которые стремятся самоутвердиться силой оружия.

Сегодняшняя война – война информационная, по существу она возвращает нас в первобытные времена, когда племя завоевателей прежде всего пыталось осквернить чужие святыни, скинуть с пьедестала статуи чужих богов и расколоть их, лишив души. Сегодня, как и прежде, идет борьба за символы, и Наша Победа – один из наиболее ценных для нас. Поэтому у нас нет другого выхода, как драться за него так же, как они дрались за нашу землю, если мы хотим остаться русскими...

Михаил Резяпкин

22 июня 1941

Как только Молотов окончил свою речь, капитан теплохода объявил: «Граждане пассажиры! Ввиду опасности для пароходов со стороны подводных лодок противника корабль «Аджария» в очередной рейс не пойдет. А потому предлагается всем пассажирам немедленно сойти на берег. Военнослужащим просьба пройти в ялтинский военкомат. Помощникам проследить исполнение».

Мы взяли свои чемоданы и пошли к военкомату. У военкомата стояли уже сотни военных. Неудивительно, весь Крым и Северный Кавказ (все южные курорты страны) были заполнены главным образом командным составом армии. Если до войны нам, военным, отпуска не давали по 2–3 года, то перед войной посылали прямо принудительно...

Вышел работник военкомата. Он приказал всем нам выстроиться в шеренгу по четыре человека. Нам стали менять проездные морские литеры на железнодорожные. Уже поздно вечером стали подавать автобусы, чтобы перебросить нас до станции в Симферополь.

23 июня 1941

На рассвете отчалили из Симферополя на Харьков. У каждого на душе – тревожные думы. В вагоне – всевозможные разговоры, догадки, предположения. Говорит один майор-артиллерист: «Значит, будем воевать. В истории жаловали к нам разные проходимцы с целью грабежа, но обратно с нашей земли они не уходили. Начиная с печенегов и кончая интервентами 1920 года. И эти колбасники найдут здесь себе могилу».

Черными змейками потянулись эшелоны к Западу. Часто слышится песня «Если завтра война, если завтра в поход!» Кто шутит, кто утирает слезы. Многие молчат и думают свои думы. Не слышно обычного смеха и юмора, присущего нашему народу.

24 июня 1941

Сижу в Харькове. Совсем немного не застал своего одесского поезда. Теперь придется «загорать» здесь неизвестно сколько, так как график движения поездов уже изменился, а вернее – нарушился.

У границы осталась жена с двумя малыми ребятами, у меня сейчас вся думка – о них...

На вокзале – сутолока, как в муравейнике. Лица у людей встревожены, многие плачут.

Перед вечером ко мне подседа пожилая украинка и, теребя за гимнастерку, заговорила: «Немцы, дорогой, вечно задирались и враждовали с нами. Они еще во времена Александра Невского бросали в огонь наших ребят. Да и по 1918 року мы их, колбасников, еще помним. И как заключили вы с ним этот договор о дружбе, прямо скажу, не верила я в эту дружбу. Немцу верить ни в чем нельзя. Ему вечно снится хлеб да сало украинское. У меня три сына и два зятя, все молодые, теперь все на хронт пидут». Уходя, добавила: «Добейте эту гадюку! Сейчас не время смотреть на ласки жен и слезы матерей! Он, немец-то, с нашим народом не шутит».

26 июня 1941

Лишь сегодня вечером я добрался, с четырьмя пересадками, до своего Котовска на Одещину. Поезда шли с перебоями, в дороге было несколько провокационных экстазов, организованных лазутчиками фашизма и паникерами.

Когда вошел в квартиру, на грудь бросились ребята, наперебой целовали и рассказывали новости. До боли сердечной я смотрел на них и с тревогой думал о том, что через несколько часов расстанусь с ними, и быть может, навсегда. С большим усилием я делал вид, что будто ничего в мире не случилось, что будто и нет никакой войны, не нависло никакой разлуки...

В некоторых соседних квартирах слышался плач, шли сборы багажа – люди собирались с границы вглубь страны. Среди семей

комсостава ходят слухи о зверствах фашистов в оккупированных районах, о бомбардировках вражеской авиацией наших городов. У некоторых – паническое настроение.

Наша дивизия уже двое суток как перекочевала на границу в Бессарабию, на границу, где идут бои. Через несколько часов с путной машиной еду туда и я...

27 июня 1941

Я проснулся рано, а вместе со мною проснулась и моя семья. Сынишка Виктор как клещ прилип и все спрашивает: «Папа, а ты тоже поедешь на войну? Возьми и меня с собой! А тебя не убьют немцы? А ты еще заслужишь орден?»

К 9 часам подошла машина. Со слезами оторвал я от себя ребят. Машина рванула, и мы помчались. Стоял тихий солнечный день.

Всю жизнь день разлуки с семьей я считаю для себя самым тяжелым днем. Словно всякий раз отрываешься от пуповины. Вот и сейчас думаешь: «А может, я в последний раз сейчас целовал и гладил эти родные головки? А как им будет без меня?»

Со мною в машине едут ст. политрук Фляжников, политрук Щербаков и шофер Киселев. Все они, как и я, год назад воевали в Финляндии, а сейчас тоже только что вернулись с курортов. Некоторое время мы едем молча, каждый думая свои думы. Отъехав от Котовска километра три, Фляжников сказал шоферу остановиться и вышел из машины. За ним вышли и мы. Все мы с грустью смотрели на Котовск, где остались наши семьи... Так стояли молча минуты три. Затем шмыгнули в нашу «Эмку» и быстро помчались к Днестру.

Вскоре показался Днестр. Он извивался голубой лентой под лучами июньского солнца и уходил за горизонт, насколько хватало глаз. А там, за Днестром, в летнем мареве, расстилалась многострадальная Бессарабия, которую лишь год назад мы освободили. Там

шел бой, и громовые раскаты артиллерийской канонады долетали до нашего слуха.

Едва мы подъехали к Днестру, как услышали властный голос дежурного: «Машину вправо, в кусты! На переправу летят вражеские бомбардировщики». Мы быстро юркнули в ближайший молдавский садик и затаились. Над нами нарастали звуки моторов. Шло восемь «Юнкерсов». Но стервятники пролетели дальше на Котовск, где остались наши семьи. Для нас это была первая воздушная тревога.

Проселочные дороги разбиты танками. Едем медленно, щелкая зубами. Пыль, духота, безводье.

Уже вечерело, когда мы добрались до своих. Мы их нашли на окраине Теленешти, недалеко до реки Реут. И вот, мы в кругу своих товарищей.

Вечером у машины политотдела слушаем информацию комиссара дивизии Руденко. Пьем теплый чай. Наша 16-я танковая дивизия пока находится во втором эшелоне. Положение дивизии не совсем удовлетворительное: танками она укомплектована на 60%, оружием и личным составом тоже. Но люди настроены героически.

Во вновь сформированной в прошлом году 16-й танковой дивизии я назначен зам. начальника политотдела. Сейчас у машины политотдела, укладываясь спать, мы долго разговариваем о текущих событиях, делимся новостями. В ночь боевые действия в первом эшелоне затихли. Инструкторы политотдела подобрались все ребята хорошие, грамотные, между собою живут дружно. Вот они, мои боевые товарищи: Корнеев, Сидоров, Дерягин, Колесатов, Щербаков, Кальнов, Маркелов...

29 июня 1941

Я крепко заснул под грузовиком нашего политотдела. Едва лишь забрезжил рассвет, меня разбудил инструктор политотдела Сидоров: «Вставай, дружище! Хозяин приказал нам срочно переба-

зироваться в Санжериию, это отсюда, говорят, километров за пятнадцать».

Я – в должности заместителя начальника политотдела 16-й танковой дивизии... Среди десятка инструкторов политотдела есть старше меня по годам и по званию, от того подчас я себя чувствую неловко перед ними.

Через полчаса мы были уже в Санжерии. Санжерия – большое село, три церкви, утопает в садах. Мы расположились в саду одного помещика.

Замаскировав ветками свои машины (их было пять), мы раскинули на траве брезент и прилегли в ожидании дальнейших распоряжений начальства. Вскоре к нам подошли три дочки помещика. Они учтиво поставили ведро черешни и попросили разрешения присесть около нас. Они по национальности – тоже русские. Мы как-то стушевались и неловко стали освобождать им место. Мы бросали недоуменные взгляды на живых помещиц, каких доселе видели лишь в кино. Усевшись на краю брезента, девушки любезно угощали нас, доставая своими пальчиками из ведра черешню. Они внимательно смотрели нам в глаза, шутили, отходили за ягодой, затем снова подходили... Красивые женщины на юге, слов нет!

Вечером помещик со своими домочадцами пил чай на веранде. На столе стоял, поблескивая золотом, русский самовар. Тучный хозяин с холеной бородкой важно, как патриарх, держал на ладони блюдце, то и дело шипя на дочек, хихикавших меж собой. Видеть перед собой живого помещика для нас было чудом.

Где-то впереди слышались глухие раскаты орудийных залпов – там шел бой. От границы вглубь страны шли машины с ранеными, проехал эшелон с беженцами. Некоторые женщины сидели на платформах в одних ночных рубашках с заплаканными глазами, потеряв своих детей при бомбежке. Фашистские стервятники висят над этими эшелонами, расстреливая их из пулеметов.

30 июня 1941

Ночью под Яссами прибыл и сдался в плен немецкий солдат.

Вечер. Только что получили приказ: нашей дивизии приказано ночью подтянуть все части к реке Прут, напротив румынского города Яссы. Здесь начали переправляться на нашу сторону румынско-немецкие части. Мы должны их сбить и занять оборону.

Вечером совсем рядом убит мой друг ст. политрук Федоров. Схоронили его здесь же на берегу Прута. Многие утирали слезы, скрипели зубами от возмущения.

После краткого совещания у командира дивизии Мындра мы разошлись по своим местам и стали быстро размещаться по машинам. Я на минуту забежал в штабную хату к комиссару Руденко. Там еще стучали пишущие машинки, кричали по телефонам связисты, подъезжали и уезжали от штаба связные и разведчики. «Ведите машины к указанному месту! Обеспечьте маскировку и тишину!» – сказал мне комиссар.

Тихая темная ночь в молдавнской степи. Двигаемся осторожно на встречу с врагом. Курить запрещено, разговариваем шепотом. Я еду с начальником разведки дивизии майором Мокроусовым и его помощником лейтенантом Родионовым впереди колонны в нескольких километрах. Проезжаем город Бельцы, который часа три назад был подвергнут бомбардировке с воздуха. Город почти весь разрушен. Стоят обугленные стены. Во многих местах еще бушует пожар. Не слышим ни звука человека, ни лая собачонки.

За Бельцами километрах в сорока меня высадили у небольшого моста. Я должен охранять этот мост до подхода наших колонн, и затем довести их до места, указанного штабом.

Я проводил Мокроусова. Осматриваюсь вокруг. Небо усыпано звездами, а на земле темно, как всегда на юге. Тишина, вокруг – степь. Я присел у моста. В балке шуршит камыш. Вдруг он зашуршал сильнее, я прижался к земле. Подумал, что к мосту крадется диверсант, но

из камыша вылетела стая аистов, обитателей здешних мест. Я облегченно вздохнул и снова поставил автомат на предохранитель...

Через некоторое время загудела земля, слышались звуки моторов – это подтягивались наши части. Я прыгнул на подножку первой грузовой машины, в которой ехал капитан Гришин, и с ним доехал к указанному месту. А с восходом солнца начался бой. Для меня – первый бой этой войны.

2 июля 1941

Вчера за день наши мотострелковый и артиллерийский полки полностью уничтожили два полка румынской пехоты, переправившихся на наш берег. Мы не понесли почти никаких потерь. Объясняется это, видимо, тем, что враг был застигнут врасплох, и его переправа сразу же была уничтожена нашей артиллерией. Кроме того, наши части были расположены в посадках, замаскированы, а румыны – на открытой местности, не окопавшись. С первых же метких артиллерийских залпов румыны забегали, как по футбольному полю, натываясь друг на друга, бросались в реку.

А ныне с утра немецкая авиация непрерывно бомбит наше расположение, не дает поднять голову. Много раненых и убитых. Разбито несколько машин. Наши зенитные средства и истребительная авиация в борьбе с немцами в воздухе – неэффективны!

4 июля 1941

После разгрома румыно-немецких войск в районе Унгены фашисты временно отказались от переправы. Они бросили против нас массированную авиацию. Степная местность Молдавии и ясная погода благоприятствует фашистам в эффективности ведения войны с воздуха, и потому мы несем от авиации врага серьезные потери.

Я где-то простудился (и это в июле!), у меня на обоих голених вскочило сразу по несколько фурункулов, да такие больные, что ходить нельзя.

На рассвете комиссар дивизии Руденко вызвал меня к себе в машину, выделил мне десять саперов и приказал отправиться с ними на починку дороги и мостиков. После прохода танков и машин дороги оказались разбитыми, и снабжение передовых частей затруднено. Для исправления дорог я пытаюсь привлечь местное население, но из этого мало что получается. Неокрепшая за год народная власть деморализуется с началом военных действий. К тому же, помещики и кулаки ведут среди населения яростную антисоветскую агитацию. Внушают населению, что-де не сегодня-завтра сюда снова придут румыны и немцы, и что все, кто помогает Красной Армии, будут строго наказаны. Поэтому при нашем появлении в деревне крестьяне прячутся в садах и огородах. Все же за день мы починили четыре мостика и засыпали десятки ухабов и ям.

Проезжавший с передовой интендант Рыбалко рассказал мне, что прошлой ночью четыре красноармейца стрелкового полка по своему почину тихо переправились на вражеский берег через Прут, закололи финками двоих часовых и притащили пленного офицера-немца. Командование представило всех четверых к наградам.

5 июля 1941

Превосходящими силами враг теснит нас за Днестр. Мы оставляем горящую Молдавию, которую только что, год назад, освободили от ига румынских бояр.

6 июля 1941

Наши тыловые подразделения сосредоточены на ст. Дроккия. Здесь – небольшие рощи, виноградники, где слабо замаскированы автомашины. Сюда я пришел со своими саперами, чтобы перекусить и отдохнуть. Ребята устали, трое суток не кушали горячей пищи.

Часа через два меня позвал начштаба дивизии подполковник Земляной: «Ты кстати оказался под рукой! Группа командиров едет

на рекогносцировку. Езжай с ними как политракторник, ясно? За старшего там – майор Мокроусов».

Человек двенадцать нас усаживается в громоздкий «ЗИС». И только мы выехали на окраину пристанционного поселка, как над нами развернулось до тридцати вражеских бомбардировщиков. От рокота моторов задрожали земля и воздух. Не успели мы выпрыгнуть из кузова машины, как самолеты начали пикировать, сыпать бомбы и строчить из пулеметов. Лавируя между разрывами бомб, мы бежим, ища спасения. Огромными черными фонтанами вздымается вокруг земля, большие комья и облака пыли вместе с осколками падают на нас, на строения. В паузах между взрывами слышатся причитания и крики ужаса.

Мы притаились с красноармейцем Егоровым у стены сломанного молдаванского домика. Следим за разбоем воздушных пиратов. Прямое попадание бомбы в броневик, где находились начальник разведки капитан Васильев, его комиссар политрук Иваненко и шофер – все герои войны с белофиннами, орденосцы... Вдруг один стервятник пошел в стремительном пики прямо на нас. Деваться некуда. Мы распластались прямо на земле. Оглушительный взрыв, и я потерял сознание...

Незнакомая крестьянка вытащила меня из виноградника на дорогу к санитарной машине, где я пришел в сознание. Я пришел в себя, когда уже кончилась бомбардировка. Солдат Егоров брызгал из своей фляжки водой мне на лицо и подзывал санитаров. Раздавались крики оставшихся в живых, стонали раненые. Сильно болела вся правая сторона тела, меня тошнило до рвоты. Нас, раненых и контуженных, грузили в санитарную машину. Жара, пыль, пороховые газы. Многих рвет.

7 июля 1941

В бессознательном состоянии со своими товарищами поздно ночью я был доставлен в наш полевой госпиталь во Флорешти. Ко-

гда врачи осмотрели меня, то констатировали, что в правой стороне от удара глыбы земли во время бомбежки подогнуто и надломлено два ребра, а в голове – пулевое ранение с повреждением черепа. Меня все время тошнит до рвоты, значит контузия – тяжелая. Мне делают уколы, дают какие-то капли и подкладывают под туловище гипсовую повязку.

За день я несколько раз принимал лекарство, но какого-либо облегчения не чувствую. Положение на нашем участке фронта ухудшается, а потому вечером в госпитале был получен приказ о переезде на левый берег Днестра, куда – мы, раненые, не знаем.

Нелегкое дело – перебазировать госпиталь вместе с больными, ранеными людьми и его громоздким имуществом на другое место. Нас грузят в машину, везут к санпоезду. Стоны раненых, перебранки медперсонала. Опасаемся налета вражеской авиации.

Темная южная ночь. Наш санэшелон переваливает через высокий Рыбницкий мост. Тысячи цыган, скопившихся у моста, в сотни глоток кричат, чтобы их тоже переправили на левый берег.

На каждом стыке рельс в правом боку пробегает острая боль. На рассвете наш эшелон подходит к Котовску, где пребывают наши семьи... Как быть? Меня увезут куда-нибудь за Волгу, а семья останется здесь, куда не сегодня-завтра вломятся фашисты! Что будет с семьями комсостава? Что же делать?

В 4.30 утра поезд остановился в Котовске... Идет сильный дождь. По окнам вагона бегут обильные мутные ручьи. Превозможая острейшую боль, мобилизовав всю силу воли, я надел свою пыльную форму, облегчив свой чемоданишко, тороплюсь к выходу, пока стоит поезд.

– Цэ шо таки, цэ шо таки?! – ухватила меня за рукав молоденькая сестричка. – Мени за вас ось як накажуть! Та вы ж такой хворий! Ни-ни, на койку!

– Дорогая сестричка, у меня здесь жинка с двумя хлопцами, – убеждаю я ее по-украински. – Не исключено, что скоро сюда при-

дут вороги. Вы знаете, что они сделают с семьей политработника? Помогите мне сойти, дорогая! – Я неловко чмокнул ее в щеку и, опираясь о стену, ползл к выходу. Со слезами на глазах она подала мне чемоданчик, и эшелон тронулся.

– До побачения, товарищ командир! Як жаль вас! Пропадете вы! – успела мне крикнуть девушка.

А дождь лил, и я был уже до нитки мокрый. В посадках у станции оставил чемодан. До военного городка – километра полтора-два. От боли идти не могу, ползу на четвереньках. Дорога усыпана мелким шлаком. Руки и колени – в ссадинах.

Дождь кончился. В тумане всходит солнышко. Сколько времени я полз – не знаю. Вот наш опустевший Военный городок. Здесь – лишь наш комендантский взвод, оставленный для охраны архива и имущества, да семьи начсостава.

Перед караульным помещением упал от боли и усталости, крикнул. Подбежали два солдата, потащили в помещение. Пришел лейтенант Коржев. Узнал. Сменил белье. Налил стакан вина. Послал солдата за моим чемоданом и сообщил ошеломляющую новость – все семьи комсостава вчера отправлены в Днепропетровск.

9 июля 1941

Проснулся на рассвете от сильной боли в боку. Все мои товарищи еще спали. У двери дремал часовой. Часа через два подошел лейтенант Коржев, справился, как я себя чувствую. Затем он послал солдата в город поискать врача. Врача, конечно, не нашли. Коржев уверяет, что в городок в ближайшее время должен приехать с передовой кто-либо из начальства.

11 июля 1941

Утро. Все болит и ломит. Температурит. Моя единственная пища и лекарство – виноградное вино. Вчера в середине дня дождь прекратился. Грязь сейчас – непролазная.

В обеденный перерыв я попросил Коржева, чтобы меня на плащ-палатке сносили в мою квартиру, это недалеко, лишь через дорогу. Дворник отомкнул квартиру, меня положили на диван. Я осматриваю свои домашние вещи. Мне страсть как хотелось узнать, что жена могла взять с собой. Оказалось, что все осталось на месте: мебель, одежда, обувь, продукты. Дворник сказал, что жена, как и все, взяла лишь два чемодана с бельем...

Варенье, все продукты, две пары сапог отдал солдатам, кое-что – дворнику. Лучшие платья жены и ребят велел сложить в сундук и отнести в казарму на склад.

13 июля 1941

Пять суток я по воле рока валяюсь в Котовске. Острая боль в боку – нельзя кашлянуть, нельзя повернуться. Это – мучительная пытка. Разве я слез бы самовольно с санпоезда, если знал бы, что семьи наши эвакуировались?

Утром Коржев сообщил мне, что наша 16-я танковая дивизия прошлой ночью отошла от Бессарабии за Днестр и сейчас находится в селе Гонорате. Вторая новость встревожила всех нас – прошлой ночью фашисты высадили небольшой воздушный десант в Ананьеве, это совсем неподалеку от Котовска. К счастью, десант был целиком ликвидирован. Диверсантов всех переловили.

Вечерами и ночью слышна артстрельба. Бои идут на Днестре. Неужели враг и сюда придет?

Перед вечером решили пойти к памятнику Котовскому. Здесь недалеко, всего метров 150. Меня снова несут на плащ-палатке, как китайского богдыхана.

Здравствуй, дорогой Григорий Иванович! Любимец советского народа, прославленный народный герой... Он строго смотрит своим орлиным взором за Днестр, в свою родную Бессарабию, где сейчас хозяйничают немцы и румыны... Но мы снова вызволим нашу Молдавию!

Осмотр памятника оставил неизгладимое впечатление.

14 июля 1941

Утро. Я поднялся с койки самостоятельно. Сделал два шага, и меня пронзила острая боль. Валось на постель снова, скрипнув зубами.

Часов в десять под окном остановилась «Эмка». Смотрю, из машины выходит старший политрук Фляжников, мой друг еще по Финской войне. Ба! У меня от радости забило сердце. Коржев уже сказал Фляжникову, как и почему я оказался здесь, и мой друг спешит ко мне. Со слезами обнимаемся и засыпаем друг друга тысячами вопросов.

Фляжников – честный, добросовестный офицер. Скромный, тактичный. По должности – зам. нач. особого отдела нашей дивизии. Он подтвердил, что наша дивизия сейчас выведена из боя в Гонорату на 2-3 дня для приведения в порядок боевой матчасти, и скоро отправится куда-то на другой участок фронта. За последние дни дивизия понесла большие потери. Многие наши товарищи погибли...

Фляжников прибыл по личному приказанию комиссара Руденко для того, чтобы отправить личные вещи комсостава, для чего через несколько часов подадут три платформы. Он вскоре ушел выполнять порученное дело. Я, обрадованный его приездом, стал ждать часа, когда отправлюсь с ним в Гонорату.

С пяти часов вечера стали загружать поданный состав, а через три часа погрузка окончилась. Весь комендантский взвод погрузился в грузовую машину, а я уселся с Фляжниковым. Эшелон с вещами двинулся в Пензу.

В полуднях мы отправились в дивизию. Всю дорогу без конца говорили. А вот и Гонората!

– А, наш контуженый! – встретил меня наш комиссар Руденко – А говорили, что ты сильно контужен и был без сознания?

– Да, вернуться то он вернулся, только не в строй, а в санчасть. А тут и без него вся санчасть забита ранеными, – говорит нач. санчасти врач Барбетов.

– А вы быстрее лечите его и возвращайте в строй! – сказал комиссар и заторопился по своим делам.

Барбетов поместил меня в санитарную машину и начал спрашивать о моей болезни. Сказал, что при первой возможности отправит меня в тыл с санитарным поездом.

15 июля 1941

Доктор Барбетов, видимо, вчера вечером подсунул мне снотворного. Я за много дней первый раз спал как убитый часов шесть.

У санмашины столпилось несколько местных женщин-украинок. Они принесли нам, раненым, яички, сало, вареники, вишни, и со слезами на глазах угощают. «Вот они, наши простые советские люди, – думаю я – у каждой из них сын или муж также сражаются где-то с врагом, а они ждут их... Ждут к мирной жизни, к родным очагам. Но и сюда придут враги... Они сожгут ваши хаты, ограбят, многих убьют, уведут в полон». Подошел доктор Барбетов. Он просил женщин об одном – чтобы они не совали тайком раненым «горелку».

Уединившись со мною, Барбетов шукнул мне, что завтра ожидается боевой приказ на марш.

В ночь ливанул сильный грозовой дождь, а у командира дивизии Мындра началось совещание с командирами частей и начальниками служб, куда вскоре ушел и Барбетов.

16 июля 1941

Совещание у командира дивизии кончилось поздно ночью. Я еще пока не спал. Пришел Барбетов. Он напился воды, сел рядом, и мне, как работнику политотдела, начал доверительно все рассказывать:

– Завтра во второй половине дня мы двинемся по маршруту километров на триста. А дороги раскисли после дождей черт знает как! Как ты себя чувствуешь? Если твое положение не улучшится,

мы оставим тебя в Балте, а оттуда ты уедешь с ближайшим санпоездом вглубь страны!

– Ради бога, доктор! – взмолился я. – Я через три-четыре дня буду на ногах, а пока буду ездить в санмашине. А в Балте я могу застрять и попасть в лапы фашистов...

– Ну, смотри, чтоб потом мне никаких нареканий!

Я облегченно вздохнул и крепко пожал доктору руку.

На рассвете все наше становище, словно муравейник, пришло в движение. Все подразделения готовились к серьезному маршу. Пять дней наша дивизия простояла в Гонорате: ремонтировали и регулировали машины, приводили в порядок хозяйство. Люди мылись, сушились. А в 17 часов части двинулись в поход.

После дождя проселочные дороги разрушаются до основания танками и автомашинами, а потому наши следующие позади машины часто застревают в лощинах и подолгу буксуют. Наша санмашина следует в самом хвосте колонны.

По жиденькой переправе в районе Ямполя переправляем машины через бушующий Южный Буг.

Уже было темно, когда мы добрались до Балты. Нас обступили местные жители. Как и в Гонорате, суют вишни, вареники, сало, виноградное вино. *Не забуду этого никогда. Вон у забора с большим тазом вишни стоит девушка, то смеется, то плачет: большой кружкой она черпает из таза вишню и сыплет подходящим солдатам в пилотки, в фуражки.* К нашей машине подошел дед со своей бабулей. Дед – типичный Тарас Бульба с запорожскими усами. Он потчует нас варениками:

– Кушайте, хлопцы, кушайте на здоровьечко! Сам був таким. Мы вместе с Миколой Щорсом громили цих швабов туточки на Украине в 1919 року.

– Разбрехався, старый! – отсунула плечом бабка деда и стала угощать нас варениками из своей /макитры?/, – дай хлопцам поисти, бо вони зараз пойдут!

Ночуем в какой-то дереvушке под Вапняркой. Уложив нас раненых на полу, хозяин дед сидит у изголовья и все приговаривает: «Почивайте, хлопцы, почивайте!»

18 июля 1941

Через трое суток нашего мучительного пути мы прибыли и сосредоточились в лесу около Умани. ...*Века три назад в фургончике, заложенный кирпичом, отправился в Варшаву Тарас Бульба, чтобы присутствовать при казни своего любимого сына Остапа.* Немцы уже заняли в Умани военный городок.

В лесочке у дороги командир дивизии Мындро ставит боевую задачу командирам частей: выбить немцев из военного городка и продолжать развивать наступление дальше на Запад... Через несколько минут наши части прямо схода начали наступление. После обстрела военного городка нашей артиллерией немцы стали отступать. Человек тридцать их осталось убитыми, трое мотоциклистов взяты в плен. Пленные показали, что в Умани был лишь передовой полк фашистов, а на подходе – целая армия, которая запыдала из-за дождя и бездорожья. Верно это или нет – в ближайшие дни увидим.

Части нашей дивизии выбили врага из военного городка и продвинулись вперед от 20 до 30 километров. Поздно вечером мы вошли в районное село Маньковку Киевской области. Здесь в лесу нас застала ночь.

Не смотря на боевой успех сегодняшнего дня, обстановка – тревожная и путанная. Командир дивизии Мындро часто нервничает, ругает штабных работников за плохую связь и недостаточную оперативность, за неувязку взаимодействия с соседними частями.

Я второй день передвигаюсь самостоятельно, хотя на груди у меня еще – гипсовая повязка. Но быстро ходить мне пока нельзя, и тем более – перепрыгивать хотя бы через борозду – сразу же ощущаю острую боль в правом боку.

19 июля 1941

Утром наши части возобновили преследование врага. Однако, дойдя до деревни Харьковки, т.е., продвинувшись на 15 км, были остановлены крупными силами противника. Завязались упорные кровопролитные бои. Однако, кроме нашей 16-й т.д., на этом участке фронта других частей мы не видим. Наши фланги открыты.

В полуднях к нам во второй эшелон заскочил комиссар дивизии Руденко. Он отозвал меня в сторону и заговорил: «Завязались ожесточенные бои под Харьковкой. К противнику подошло большое подкрепление мотомех частей. А его авиация не дает поднять головы. Ну, а ты как ходишь? Вот что: садись-ка в любую попутную машину и отправляйся в Умань. Там окажешь помощь начальнику госпиталя в расчистке «пробки». Погода жаркая, раненых там скопилось много, и еще прибывают непрерывным потоком. Мобилизуйте в городе из транспорта что можете. Действуйте решительно, как и нужно в военное время».

Часа через два я прибыл в Умань. Нашел комиссара госпиталя ст. политрука Михайлева. Знакомлюсь с положением. Передаю Михайлову приказ Руденко, и обходим двор больницы. Я увидел страшную картину: весь огромный двор заполнен ранеными. Они вопят о помощи, просят воды, скрежещут зубами от боли... А с переднего края прибывают одна за другой грузовые машины, кузова которых наполнены ранеными. *Хирурги со своими помощниками без разгибу сутками обрабатывали раненых и буквально валялись с ног от усталости. Санитары то и дело в тазах и ведрах выносили ампутированные конечности оперируемых. Все медработники, как мясники, с ног до головы были в крови. А погода стояла жаркая, как и положено на Украине в конце июля.*

Несколько машин с ранеными прямо тут же отослали дальше в тыл, не перегружая. Я, оставив Михайлева, поплелся в город к местным властям в поисках транспорта. С большим трудом выбил у

местных властей четыре грузовых машины и несколько конных подвод.

В 17 часов я вернулся в госпиталь. «Пробка» наполовину разрядилась. Михайлов предложил мне освежиться под душем санпропускника. Я решил помыть голову и ноги. И вот, едва я снял с себя пыльное белье, как загудели моторы, тут же начали рваться во дворе авиабомбы, в санпропускнике вылетели окна, и я был осыпан мелким стеклом. Я стал еще грязнее. Натягиваю трусы, бегу. Со второго этажа мчусь через две-три ступени, в боку – боль. Во дворе творилось нечто невообразимое: многие раненые были добиты, другие – дополнительно ранены, засыпаны землей. *В том месте земля шевелилась, и слышались глухие стоны. Фашисты сделали свое гнусное дело и после двух заходов удалились.* Две довольно крупные бомбы упали на операционный корпус. Все врачи и сестры вместе с оперируемыми погибли. Стервятники проследили, куда наши машины свозили несчастных раненых, и налетели на госпиталь совершенно преднамеренно.

Двор больницы превращен в кладбище. В воронках хороним погибших. Мы срочно эвакуируем оставшихся раненых, которые так и не получили медицинской помощи. Михайлев уехал с последними ранеными. Я ищу попутную машину, чтобы добраться на передовую. У изгороди жалобно рыдает молодая мать над погибшим от бомбы врага шестилетним мальчиком: «Родненький мий! Це що же вин гад робит! О, скільки вин хлопцев заховав туточки... Та где же ты бог наш?»

Уже было темно, когда я добрался до нашего штаба.

В штабе оказался комиссар Руденко. Я кратко доложил ему о трагедии в госпитале и, не сдержав себя, заплакал. Комиссар положил мне на плечо руку и сказал: «Ничего не поделаешь, дорогой, еще немало прольется нашей крови, но все равно мы победим. Иди пока отдохни. У меня сейчас будет срочное совещание». Как я по-

том узнал, комиссар в этот вечер проводил совещание с местными партизанами.

20 июля 1941

Трое суток идут ожесточенные бои с превосходящими силами врага. Наши части находятся уже в обороне. Наши потери в живой силе и технике очень ощутимы, а пополнения нет. До предела все напряжено, каждый бьется и работает за десятерых. А бой не ослабевает. Противник прет нагло и настойчиво.

22 июля 1941

Весь день шли ожесточенные бои. Мы несем большие потери в живой силе и технике. Поредевшие наши войска с исключительной храбростью отбивают превосходящие силы врага. Наши взводы сведены в отделения, роты – во взводы, батальоны – в роты. Как выясняется, наша дивизия дерется на острие главного удара немцев. Наши танки «БТ-7» и «Т-26» горят, как свечи. Танков новой марки «Т-34» – совсем мало. Танкисты, оставшиеся в живых от сожженных танков, берут винтовки и сражаются как пехотинцы. А как пехотинцы они не совсем умеют воевать.

В 17 часов комиссар Руденко послал нас с инструктором политотдела Рейзиным в арtpолк и противотанковый дивизион выяснить положение. Оборона наша сейчас удерживается главным образом этими частями.

Пробираемся по винограднику в д. Харьковку в противотанковый дивизион к капитану Андрианову. С воем летят через наши головы снаряды и мины противника. Я часто выбиваюсь из сил, расстроил свое ранение. Боль в боку – адская. Рейзин помогает мне в преодолении воронок и оврагов. Вот появились вражеские бомбардировщики. Они прижали нас к земле, не дают поднять головы. Колеблется земля, взлетают комья грязи и жужжат осколки. Стервятники гоняются за каждым человеком.

Как только закончилась бомбежка, мы выползли снова. Начался дождь. В середине деревни Харьковка – глубокий овраг, где мы отыскали командира артдивизиона ПТО Андрианова. Я знаю этого талантливого и доблестного офицера еще по Финской войне. Нам вместе с ним вручали орден Красной Звезды за Финскую войну в Верховном Совете СССР.

Мы обнялись и на какое-то мгновение замерли в объятиях друг друга. На глаза навернулись слезы.

– Ну, как дела, дружище? – спросил я его.

– Враг лезет остервенело. Отбиваем атаку за атакой, – говорит Андрианов, – а что творится справа и слева – не знаем. Связи давно уже нет, кроме как с арtpолком.

Переговорив с Андриановым о самом важном, мы с Рейзиным отползли обратно. Снаряды врага ложатся в нашем расположении и пролетают через нас. Харьковка горит во многих местах. Поскольку мы позвонили по телефону от Андрианова в арtpолк и ознакомились с положением дел в нем, в последний мы пробираться не стали.

В кромешной тьме, грязные и мокрые, мы добрались в Маньковку, где располагался наш штаб. Кратко сообщили командиру с комиссаром об обстановке в передовых частях. В это время нам принесли ужин в нескольких котелках. «А ну, мыть руки и – быстро за ужин! Может, по паре часов соснем», – говорит командир Мындро. За стол с нами сели также командир 31 т.п. Красноголовый, комиссар того же полка Карпец и секретарь партбюро полка Насонов. Полк этот был в резерве командования дивизии, и штаб его располагался рядом со штабом дивизии.

Ужинали как-то вяло, молча. Во всем чувствовалось, что на нас надвигается что-то страшное и неотвратимое... Никаких подкреплений в живой силе и технике с начала этой операции мы не получали. Я про себя думаю: «Вероятно, на нас надвигается катастрофа». Но задачу надо выполнять любой ценой.

После ужина тут же, кто где мог, улеглись спать. Командир с комиссаром – на деревянной крестьянской койке, мы с Рейзеиным – около них на полу, командование 31-го полка удалилось в соседнюю хату. Я дал себе слово не спать, несмотря на страшную усталость. На душе было тревожно и нудно.

По настроению командира можно судить о многом. Обычно оптимистичный, жизнерадостный, командир наш Мындра был мрачен, нервозен, временами скрипел зубами, глубоко вздыхал. Комиссар был также морально подавлен и молчал.

На столе тускло горела лампа. От артиллерийской стрельбы в хате дребезжали окна. Вдруг Мындра порывисто поднялся на локотках, наклонился к комиссару и взволнованно заговорил: «Чувствую я, Никита, что в ближайшие часы нас ожидает участь Чапаевской дивизии!» Они, вероятно, считали, что мы с Рейзиным спим, и потому говорили между собой откровенно. Из их разговора я понял, что наша дивизия находится уже в полу-окружении, связь с соседями прервана, и ни о какой помощи свыше и речи быть не может. Таким образом, наше положение – угрожающее.

23 июля 1941

Раннее утро. В тревожной дремоте прошла короткая летняя ночь. Командир с комиссаром часто выходили на улицу, посылали на передовую последние свои жалкие резервы.

С восходом солнца натиск врага стал нарастать с новой силой. В ряде мест наша оборона прорвана, дело доходит до рукопашных схваток. У нас не хватает винтовок, патронов.

В полуднях привели троих пленных мотоциклистов. *Немцы дрожат, боятся расправы над ними, один горько плачет.* В штабе их допрашивают вежливо и корректно, *угощают куревом.* Пленные в один голос заявили, что к ним приходят свежие мотомех соединения (*два венгерских корпуса*), и что вскоре в этом месте

будет нанесен решающий удар. Немецкое командование сообщило, что наша 16-ая танковая дивизия состоит из одних коммунистов-добровольцев и что достаточно разбить ее – немецкие части свободно двинутся вглубь страны, *до самого Урала, т.к. у Сталина больше резервов нет.* Да, фашисты умеют околпачивать своих солдат, ничего не скажешь!

25 июля 1941

Неделя прошла в ожесточенных боях. Силы наши – на исходе. У врага – во всем огромный перевес: в живой силе, в мехчастях, в авиации. Нашей авиации не видим.

В полуднях я вернулся из 31-го танкового полка, а проще сказать, «бестанкового» полка. Танковая часть превратилась в пехотную. В это время Мындро отдал приказ: нашим частям отойти в с. Роги, это в 8–10 км. Наспех бросаем свои пожитки в грузовики, едем в Роги. Отъехали километра три, как над нами развернулось 18 стервятников и пошли в пике. Падают бомбы, обстреливают из пулеметов. Три машины разбито, убито пятеро, ранено восемь человек.

Перед вечером окапываемся в Роги. Говорят, немцы ночью не воюют. Может, по часочку соснем.

27 июля 1941

Вторые сутки деремся в селе Роги. Это небольшое село уже превращено в груды развалин. Нас с каждым часом остается все меньше и меньше, мы до предела измотаны. Грязные, уставшие, но мужество не покидает нас – наоборот, с каждым часом возрастает наша ярость и отвага. Почти непрерывно совершаются танковые атаки врага во взаимодействии с авиацией и массированным огнем минометов. То, другое и третье им отработано и применяется с успехом, да к тому же во всем – его перевес и превосходство. Учись, русский офицер, учись русский солдат! Воюя – учись воевать. Война только начинается.

Полудни. Только что отбита очередная танковая атака врага. Минутное затишье. Мой близкий товарищ боец Смушков набрал уже пилотку спелой вишни. Грязными руками хватаем ее и торопливо отправляем в рот. Смушков оставил мне вишню, на миг зашел в хату, принес осколок зеркала, поднес мне к лицу. Я ужаснулся, увидев свою рожу – грязную, заросшую щетиной, с потрескавшимися губами и воспаленными глазами... *Смушков, улыбаясь, отвернулся в сторонку, выплевывая вишневую косточку, равнодушно говорит мне: «Не забывайте о том, товарищ старший политрук, чтобы всегда в запасе один патрон иметь на всякий случай!» Я знаю, о чем думает мой юный товарищ. Я не хочу думать об этом, но сказанные им слова действуют на меня как-то нехорошо. Мы молча кушаем сочную вишню.*

За холмами слышится ляг гусениц, шум моторов – готовится очередная танковая атака. Мы готовим связки гранат, заряжаем автоматы. Договариваемся оставить «для себя по одному патрону»... И вот, появились самолеты, пошли танки, за каждым танком – пехота. Танки открыли стрельбу сходу. Вот несколько танков прорвалось в село. Кругом – грохот, пыль, дым, стрельба.

Справа от нас человек шесть наших бойцов, испугавшись, выскочили из щели и побежали, трое из них тут же были скошены пулеметчиком противника из танка. «Ложись!» – крикнул я пробежавшим мимо меня. – Ползите сюда! Куда вы, глупцы, от пули убежите? В щели нужно было сидеть!» тяжело дыша, солдаты юркнули ко мне в щель. Гляжу – рядом со мною Смушкова нет. Убежал, что ли? Два танка идут параллельно, приближаются. Дрожит земля.

Распластавшись на земле у развалины хаты, Смушков улучшает момент, бросает под гусеницы проходящего танка связку гранат. Танк подорвался, задымил, остановился. Затем мы с ним сосредото-

чиваем огонь по пехоте, бежавшей за танком, и по танкистам, прыгающим из горящего танка. Шесть танков врага горят на улице села. Седьмая атака за день отбита. А какой молодец Смушков! На вид скромненький, а на деле – витязь, герой.

На рассвете получили приказ оставить развалины Роги и отойти в Легезино. Это – всего километра в пяти. Спешно окапываемся на новом месте. Я рассчитывал, что в Легезино нам дадут какие-либо подкрепления – черта с два!

Мы сейчас все выглядим как беспризорники 1918 года, но в каждом – большевистский дух и гладиаторская душа. Неописуемая злоба и ненависть к врагу заполняют наши сердца. Многие наши подразделения сражаются до последнего человека.

С восходом солнца началась артподготовка и появилась вражеская авиация. Затем последовали одна за другой танковые атаки. С большими потерями мы отбиваем превосходящие силы врага. Так прошел первый день боев в Легезино. На исходе боеприпасы. В каждом подразделении осталась горстка бойцов.

В конце дня мы со Смушковым зашли в одну хату. В стене зияла большая дыра, пробитая снарядом. На полу в луже крови, распластав в стороны руки, лежала молодая женщина, а в люльке кричал мальчик месяцев десяти, ее ребенок. Мы подняли малютку. Он испуганно смотрел на нас заплаканными глазами, кривил губенками... В окно было видно, как наша грузовая машина спешно заканчивала выгружать снаряды. Я подбежал к машине и с трудом уговорил шофера взять мальчика в тыл. Живи, крошка! Сколько вас таких оставит война?

Под обрывом у речушки Смушков расстелил какое-то ряднище, открыл банку консервов, отрезал черствого хлеба, пришел за мною позвать перекусить. Но в село ворвались немецкие танки, открыли бешеную стрельбу. Немцы хотели нас накрыть врасплох. Завязался ожесточенный бой. Связками гранат, противотанковыми ружьями отбили колбасников. Три танка и десятка три фашистов уничтожили.

Пошли со Смушковым «к столу». На его месте зияла воронка от артснаряда.

– Вот так, гад, пожрать не дал, – ворчал Смушков.

30 июля 1941

Легезино. Вечерет. Весь день снова прошел в жестоких боях, о которых не хочется и записывать, ибо он похож на все предыдущие дни: стрельба, жертвы, кровь...

Рядом через хату командир нашего корпуса генерал Новосельский в нервной обстановке ставит боевую задачу нашему командиру Мындро. Я облил голову холодной водой, присел у хаты, слушаю перепалку начальства. Хочется спать. Мои переломанные ребра болят, я не даю возможности им срастаться, ведь ежечасно приходится то падать на землю, то ползать, то через силу вскакивать.

Над селом от горизонта до горизонта висит густой шлейф дыма. Смушков сует мне густо посоленный ломоть черного хлеба и кружку колодезной воды. Усиленно жуем с ним хлеб. К нам подбегает следователь трибунала *нашей дивизии Моисеенко*:

– Я вас ищу весь день! – говорит он мне, – садитесь сейчас же ко мне в машину, и едем во второй эшелон. Вы не забыли, что являетесь членом дивизионного трибунала? Там нужно рассмотреть пять дел. Вопрос с комиссаром согласован. – Я все же бегу к комиссару доложить. *Здесь оказались: командир нашего корпуса генерал Новосельский, командир нашей дивизии полковник Мындро, комиссар Руденко, адъютанты и несколько командиров частей. командир корпуса Новосельский вел совещание. Он ставил дополнительные задачи командирам частей, говорил отрывисто, требовательно. Командиры записывали указания себе на планшетках.*

– Поезжай! – сказал мне Руденко. Я прощаюсь со Смушковым, и мы мчимся со следователем в Краснополку. Темно. Тихо. Как только прибыли в Краснополку, тут же началось судебное заседание.

Судим шпиона. Мордастый молодой детина из Западной Украины. Волосатый, морда обросла черной щетиной, на груди виден католический крест. Ведет себя нагло. Зброшен в наш прифронтовой тыл с целью диверсий и шпионажа. Едва разобрали его дело, в хату вбежал зам. начальника второго эшелона ст. лейтенант Бугаенко. Он вызвал в сени председателя трибунала юриста Украинцева и меня, сообщил: «Немедленно сняться из Краснополки и переехать в Пятихатку – немцы обошли Легезино и идут сюда. Командир дивизии приказал нам сейчас убраться в Пятихатку. Выступаем через пятнадцать минут!»

Спешно грузим имущество, документацию. *На соломе за хатой комендантский взвод приводит в исполнение приговор осужденному шпиону.* В кромешной тьме выезжаем. Рытвины, ухабы. Свет включаем на мгновение, в крайнем случае.

Пятихатка. Большое украинское село. Районный центр. Голосят женщины, мычат коровы, твякают собаки. Облюбовали хату. Выгружаем документы, подсудимых. *Все огромное село забито военными машинами. Отыскали хату. Разгружаем с машин что нужно. Председатель Трибунала Украинцев говорит, что разберем оба дела, потом будем завтракать.* Мы еще не начали судебное заседание, как снова вбегает Бугаенко, отзывает нас и передает: «Получен приказ – не останавливаться в Пятихатке, а следовать в Подыму, т.к. немецкие танки идут сюда. Краснополка уже занята». И тут же раздалась его команда: «По машинам!» Боже мой!

Выезжаем из Пятихатки второпях, едем все рядом, в дороге не помещаемся. До Подымы около полсотни километров. Мы отъехали километров десять, как на нас обрушился ливень. Дорога сразу взмокла. Хорошо, что путь идет под уклон и наши машины ревя ревут, но ползут. Мы все – уставшие, грязные, полусонные, набились в деревню, как рыба в сети. Помимо тыловых частей нашей дивизии, здесь множество машин других частей... даже не нашей ар-

мии. Едем по бездорожью по нескольку машин в ряд, похоже на панику. Все оглядываются назад – не догоняют ли танки противника.

Подыма расположена вдоль берега какой-то речушки, которая сейчас от дождей поднялась и превратилась в большой поток. А дождь все льет и льет уже несколько часов. Дорога к Подыме проходит по глубокой выемке. Как только мы спустились в деревню, многие свалились с ног и заснули, кто за рулем, кто около машины на дожде, не добравшись до хаты. Тьма стоит – в глаз коли...

Пунктуальный председатель Трибунала Украинцев тут же засуетился с организацией заседания. Мы на ходу жевали кто что мог, так как весь день нам некогда было перекусить. И часа через три мы, наконец, закончили заседание.

Мы с Фляжниковым, поискав Бугаенко, не нашли его. Вошли в ближайшую хатенку, сбросили с себя мокрое и грязное, улеглись на полу, расстелив плащ-палатку. Вскоре в хату вошел мужчина лет пятидесяти. Он разулся, вылил из сапог грязь, снял с себя плащ, облокотился на стол и заплакал. Это был председатель местного колхоза. «Та шо же воно робится, хлопцы? И виткиля вон сыскався, вепрь? Ну шо воно теперь буде з нами? На хверме тьма качек, курей, индюшек. Та пусть червоно-армейцы в утречке забирают усе, бо ворогу не забарть бы. А вы хлопцы дали бы мени якую небудь оружию!» Через некоторое время голова ушел.

Было часов одиннадцать ночи. Мы заснули. Но нас тут же разбудили. Вошел Бугаенко с незнакомым лейтенантом. С их плащ-палаток ручьями стекала грязная вода. Лейтенант оказался адъютантом генерала Захарова, командующего тылом нашей армии. Осведомившись, что за занавеской лежит хозяйка с детьми, лейтенант позвал нас всех троих в сени:

– Генерал Захаров приказал: всем до восхода солнца выбраться из Подымы и прибыть в Ново-Украинку. Полкилометра отсюда за

речушкой по берегу проходит на Ново-Украинку хорошая шоссейная дорога. С наступлением дня здесь будут немцы, а с приближением немцев наша артиллерия откроет ураганный огонь. Приказ начинайте выполнять сейчас же! Распишитесь в получении! – И он ушел.

Ну, вот это да! Сотни машин, почти все с военным грузом, в крошечной тьме, под проливным дождем перетащить через бурлящий поток? Перетащить людям, которые два часа назад свалились замертво от невероятной усталости?.. Но приказ есть приказ, его нужно выполнять. Минут пять сидели мы молча, ошеломленные.

– Так, я думаю, – заговорил Бугаенко, – подымайте шоферов, а я сейчас соберу несколько тросов, свяжем их. На тот берег протащим ЗИСы четыре и начнем буксировать машины. За дело! – Поднимаем шоферов. Некоторых силой ставим на ноги, на других плечем водой, треплем за нос, за уши... Буквально на руках переправляем ЗИСы с тросами. А дождь все идет...

31 июля 1941

Дождь прекратился в третьем часу ночи, а часа два спустя вода в речушке начала убывать. Работа с переправой машин пошла интенсивнее. Переправленные машины без задержки уходили на ст. Ново-Украинку.

Начало светать. На том берегу в Подыме оставалось еще около сотни машин. Теперь шоферы сами торопились. Они понимали, что с восходом солнца начнет действовать вражеская авиация.

Бугаенко уехал с машинами в Ново-Украинку. Мы с Фляжниковым упали в придорожных посадках на плащ-палатку и следим за переправой. К нам подбегает небольшого роста лейтенант-артиллерист, он совсем юнец.

– Товарищи начальники! *Я командир батареи № полка Завертайло!* У меня пятиорудийная батарея здесь в посадках. Вчера вечером авиация противника бомбила на марше нашу колонну. Я отстал от своей части. А тут пошел ливень. Куда мне деваться

– не знаю! Возьмите меня с собой! Говорят, к Подыме уже подходят немцы...

– Панику не сей! – прервал его Фляжников, – а снаряды у тебя есть?

– Есть! Полный боекомплект. Есть осколочные, бронебойные и шрапнельные.

– Вот как только немцы станут входить в Подыму, ты давай по ним шрапнелью из всех орудий. Приготавливайся. А потом – с нами в Ново-Украинку. – лейтенант убежал.

Оставалось не переправлено около десятка машин, когда пьяная немецкая пехота показалась из-за поворота и начала вытягиваться в узкое дефиле. Фашисты шли с засученными рукавами, держа автоматы на груди, горланя песни. Наши шоферы не переправленных машин, завидев немцев, бросили свои машины и быстро переправлялись на наш берег вброд. Они уверяли нас, что машины остались с малоценным грузом или совсем пустые. Но самое главное, что шоферы теперь не могли уже их переправить, и тем более сами попасть в лапы фашистов.

Немцы, между тем, продолжали заполнять узкое пространство, приближаясь к деревне. И вдруг грянул залп, за ним – второй, третий. Десятки фашистов упали, другие лезли на крутизну обочины дороги, но тут же скользили и падали снова на дорогу. До нас доносились вопли и стоны раненых, а наши орудия били и били. Дорога вся была завалена убитыми и ранеными фашистами.

Было семь часов утра, когда мы с последними машинами снялись в Ново-Украинку, а с нами – и героическая батарея. В воздухе появилась вражеская авиация. Самолеты рыскали и обстреливали то место, откуда только что вела огонь наша батарея.

1 августа 1941

Нашими машинами забита вся Ново-Украинка и окрестные хутора. Как только мы прибыли сюда, нашли Бугаенко. Он решил сна-

рядить 28 машин с боеприпасами, горючим и продовольствием и послать на передовую. Изыскиваем маршрут. Ведь машинам, чтобы добраться в Легезино или даже Краснополку – это 50–60 километров. Дороги после дождя раскисли, вражеская авиация висит в воздухе, да враг – уже в Подыме... Но все же решили послать. Колонну машин повел техник-лейтенант Алексеев. Парень он сообразительный, повел колонну по шоссейке в обход Подымы.

2 августа 1941

Мы расположились с частью спасенных машин на хуторе в пятнадцати километрах от Ново-Украинки. Большая же часть машин разместилась в самом селе. Одиннадцать часов дня. Только что закончилась воздушная бомбардировка Ново-Украинки. Разбито несколько машин. Шесть шоферов убито, одиннадцать ранено. Бугаенко рассредотачивает машины по хуторам. Поздно – не успели этого сделать.

В середине дня вернулся воентехник Алексеев. Только четырем машинам удалось проскочить через вражеские заслоны в Краснополку, восемь были разбиты, а шестнадцать вернулись обратно.

Все мы приуныли и не знали, что делать дальше. Начали искать генерала Захарова. Нашли его на одном из ближайших хуторов. Последний поблагодарил нас за то, что не смотря на ливень и ночное время, мы вытащили из Подымы все машины и за то, что с эффектом использовали полсотни снарядов нашей батареи.

В 15 часов был получен приказ генерала Захарова: Всем машинам двинуться в Булаховский лес около Павлограда. Начальником этой колонны назначен Бугаенко, я – комиссаром, Фляжников – начальником особого отдела. Собираем группами шоферов, доводим приказ. Начались сборы в путь. Путь этот – в несколько сот километров по открытой степи.

4 августа 1941

Пожары, разрушения, слезы и стоны принес фашизм на Украину, на всю нашу землю.

Вторые сутки едем на Восток по Кировоградской области разрозненными колоннами, часто подвергаясь нападениям вражеской авиации. По обочинам дорог на Восток тянутся беженцы: женщины, старики, дети. Там, где машины не перегружены, мы сажаем и попутно подвозим их. Они оставили свои родные места, оставили все, чем жили. Все испуганы, опечалены, разговаривают мало – только по необходимости. Втихомолку утирают лица.

Мы едем с Фляжниковым в одной машине. Разговариваем мало, каждый думает свои думы. *А дума у всех одна – судьба наших боевых товарищей, оставшихся в Лезезино. Что с ним, как они там? И, словно от большого стыда, мы боимся смотреть в глаза друг другу, многие молча вздыхают и утирают слезы.*

На полях вокруг, насколько хватает глаз, стоит тучная, давно созревшая пшеница и, когда обгоняющая машина чуть заденет бортом колосья, слышишь, как тучные зерна, словно дробинки, сыпятся на землю.

В одной деревушке, недалеко от Желтых Вод, остановились напиться. К нам подошел старик:

– Ну что, хлопцы, тикаемо? А в писнях спевали: «Ни одного вершка земли звоей ворогу не отдадим!» Тьфу вам! – Он отвернулся и зашагал прочь.

– Едем отсюда быстрее, а то старик еще дрыном огреет и будет прав! – выпалил Фляжников, и мы поехали.

– Да, стыдно людям в глаза смотреть, хоть в землю зарывайся, – сказал шофер. Едем опять долгое время молча.

6 августа 1941

Едем в пределах Днепропетровской обл. Враг преследует нас с воздуха всю дорогу. Нашу колонну он потрепал не ахти, пострада-

ло за все бомбежки всего пять машин, пятеро ранены, но мы не знаем, какой урон причинили стервятники другим колоннам. Связи с ними у нас нет. Во время одной бомбежки мне осколком порвало левое ухо. Перевязал Фляжников.

По обе стороны дороги тянутся необозримые поля уже перезрелой пшеницы. При малейшем ветерке до самого горизонта по ней пробегают золотые волны, от чего замирает сердце. До боли сердечной жаль, что все это скоро достанется врагу... Украинская пшеница! Массив – остистая, массив – безостая...

За нами по пятам на восток ползет фашистская коричневая чума, сея смерть и разрушения. Все, что годами создавалось трудом нашего народа, захватывается и уничтожается тевтонскими грабителями. Куда девать зло!!!

7 августа 1941

Полудни. В районе Днепропетровска переезжаем Днепр и устремляемся в Булаховский лес. Некоторые наши колонны уже прибыли раньше нас, с ними прибыл и Бугаенко.

Расставляем и маскируем машины. Личный состав купается в реке Самаре. Подводим итоги марша, намечаем планы. Колонны подтягиваются одна за другой. Считаем, что более полусотни машин мы спасли.

Здесь сейчас нас столько, что, пожалуй, больше, чем в Запорожской Сечи.

9 августа 1941

Все машины собрались в лесу. Недосчитались двенадцати – погибли от бомбежек. Бугаенко сказал, что мы отделались легкими ушибами. Итак, марш закончился. В лесу сосредоточилось около семисот машин. Почти все они – с военным грузом. В нашем таборе оказалось несколько походных кухонь, машины в основном с продовольствием. Артбатарея, машины с боеприпасами и часть ма-

шин с горючим были оставлены по приказу генерала Захарова в Ново-Украинке.

... Он отозвал нас (Бугаенко, Фляжникова и меня) в сторонку, поблагодарил за спасение обоза и потом приказал выстроить на опушке леса всех, кто был в нашем лагере. На это потребовалось некоторое время. Генерал отделил в особую группу шоферов, из остальных сформировал три взвода, выделил этой группе пятьдесят машин и отправил их к линии фронта. Бугаенко официально назначил начальником лагеря, меня – комиссаром, Фляжникова – начальником особого отдела. Генерал распорядился, чтобы без его ведома ни одной машины, ни одного человека никому не давать. Указав место своего пребывания, он уехал.

Я стал переписывать с Бугаенко людей и машины, имущество и продукты. Надо было как-то организовать людям питание, чтобы не расходовать безалаберно продукты и пресечь анархию. Для этого мы решили провести со всеми людьми совещание, которое было похоже на колхозное собрание.

На совещании машины были разбиты на отдельные колонны, во главе каждой был назначен начальник. Во всех колоннах назначены парторги и помощники по техчасти. Бугаенко приказал все машины очистить и отрегулировать, все имущество взять на учет. *Было решено ввести трехразовое питание, время подъема и отбоя, учесть оружие, обеспечить охрану лагеря.*

10 августа 1941

Утро. Перед завтраком мы умылись в Самаре: Бугаенко, Фляжников и я. Говорили о наших делах, о товарищах, оставшихся в «Уманском котле», об их участии... Потом пошли на завтрак.

В это время прибыл посланец от генерала Захарова с приказом: выделить сто автомашин в его распоряжение. Отправили. В полуднях потребовали еще сто машин. Отправили.

К вечеру в наш лагерь прибыло восемнадцать человек, просочившихся к нам из «Уманского котла», среди которых был мой друг рядовой Смушков. О, как я ему обрадовался! Накормили их, и с жадностью стал слушать своего боевого друга, с которым расстался еще в Легезино 30-го июля.

Смушков рассказывает все, что видел и пережил за мое отсутствие. Рассказывает просто, с застенчивостью.

Вот что произошло недалеко от Умани в селе Легезино в период с 30 июля по 4 августа. Однако для ясности я вернусь несколько назад. Наша 16-я т.д., которой командовал верный сын молдавского народа полковник Мындру Михаил Иванович, а комиссаром был «полковой комиссар» Руденко Никита Васильевич, 18 июля прибыла с Бессарабского участка фронта и тут же с ходу вступила в бой за город Умань. Через час мы выбили врага из Умани и погнали на Запад. Двое суток преследовали мы немцев, продвинулись километров пятьдесят, дошли до деревни Харьковка. Здесь к врагу подошло сильное подкрепление, и наше продвижение приостановилось. У нас к тому времени осталось 50-40 % танков, и те – устаревших марок: «БТ-7», «Т-26». Вскоре враг перешел в контрнаступление, а мы – к обороне. Никакой помощи в живой силе и технике с начала и до конца операции дивизия не получила. Вскоре противник отсек наши фланги, и связь с соседями была прервана. С упорными кровопролитными боями дивизия стала отходить на Восток.

Вечером 30 июля врагу удалось окружить передовые части дивизии в селе Легезино и в трехсуточных боях уничтожить ее остатки.

Командир дивизии Мындро М.И.

Еще в годы Гражданской войны он сражался в бригаде Котовского и был его другом. Все рядовые и командиры в окруженном Лезезино дрались как гладиаторы до последнего дыхания. 3-го августа у наших храбрецов остался один танк «БТ-7». Мындро лично поехал на нем в разведку, чтоб найти брешь из вражеского кольца. Но, увы! Прямое попадание снаряда в танк. Машина загорелась. Остановились. Водитель и адъютант убиты. Раненый Мындро вылез из танка и тут же был скошен очередью из автомата.

Комиссар дивизии Руденко Н.В.

Комиссары! Вы были цементом нашей Армии, знаменосцами наших полков, дивизий. Весь личный состав войск с жадностью слушал из ваших уст огненное ленинское слово. Ваше слово поднимало в смертельную атаку голодных и измученных людей. Ваше убеждающее слово поднимало штыки, вносило воодушевление в сердца и сознание самых отсталых маловеров и вселяло в них отвагу. В годы Гражданской войны – Киров, Куйбышев, Ворошилов, Постышев, Фурманов, Орджоникидзе – кто их не знает? В дни Великой Отечественной войны – прославленные комиссары Рыков, Руднев, Любавин, Груленко... Кто не слышал о них? Комиссарами назначались способные, высокоидейные, проницательные, отважные люди. Они были душой всего личного состава. Поэтому – горячо любимыми нами, и потому – самыми ненавистными и страшными для наших врагов. Вот почему взятых в плен комиссаров и политработников фашисты предавали самой мучительной, «фазинской», казни. Так был казнен ими Рыков.

К этой плеяде талантливых комиссаров я с полным правом отношу и комиссара нашей танковой дивизии – Руденко Н.В. Это

он учил нас так кропотливо работать с личным составом. Всегда энергичен, для всех доступен, жизнерадостен. Как пламенно он умел говорить, ведя людей на смертный бой! Он не раз лично ходил в разведку. С командиром Мындро они словно специально были созданы для совместной службы. Для всех нас они были образцом в выполнении своего долга. Их авторитет в дивизии был глубочайшим, и потому мы все безгранично любили и уважали их.

Когда Мындро погиб, Руденко гневно вскипел, вырвал из головы клоч волос, до крови закусил губы и сказал: «Ребята, будем выполнять задачу, поставленную нашим командиром, и мы ее выполним!» Он стал собирать в единую группу всех оставшихся в живых в камыши на берегу реки Синюхи. С наступлением темноты фашисты боялись совать свой нос в камыши и принялись их обстреливать из орудий и минометов. И хотя враги стреляли наугад, почти каждый их выстрел находил свои жертвы.

Их осталось всего семь человек во главе с комиссаром Руденко. Под покровом ночной темноты комиссар решил переплыть Синюху и незаметно проскочить вражеские заслоны. Все сняли белье, завернули в него оружие и документы и переплыли реку. Но эта попытка оказалась для них роковой – фашисты зорко следили за ними. Едва наши герои вышли на берег, как на них набросилась сторожевая застава. Осветили фонарями, скрутили руки, погнали к машинам, повезли в Умань.

В штабе гестаповцев сидел предатель, перебежавший к немцам в первые дни сражений под Уманью. Смушков говорит, что этот предатель – из Западной Украины. Он окинул взглядом пленных, указал на Руденко:

– Вот этот и есть комиссар 16-й т.д.

Комиссара тут же увели и после пыток расстреляли.

Утром, после избиения, остальных пленных повели в тюрьму. одному из шести, связисту Шевелеву, удалось бежать. Он то потом и рассказал о смерти комиссара.

Политрук батальона связи Пахомов

Он – уроженец города Балашова Саратовской области. Я его знал еще по Финской войне: в 204 батальоне связи я был комиссаром этого батальона, а он – политруком линейной роты. Отличный службист, дисциплинирован, аккуратен, оптимист и весельчак. Он принимал самое активное участие в самодеятельности: пел, плясал, декламировал. Его любили товарищи-офицеры и все подчиненные. Небольшого роста, подвижный непоседа. Но этот молодой офицер не только примерно служил и умел организовывать досуг солдат, он к тому же был горячим патриотом, отважным героем.

Когда начались уличные бои в окруженном селе Легезино, Пахом с горсткой связистов защищал дивизионный узел связи, который фашисты стремились разрушить. 2-го августа к узлу связи подкатил фашистский танк с автоматчиками. Пахомов с радистом Рубисом подбивают танк связкой гранат, а отделение немецких солдат уничтожают из автоматов. Но вот к узлу связи подходят три танка, за которыми следует до взвода пехоты. Танки ведут огонь из орудий и через несколько минут разрушают стену хаты, уничтожают узел связи, убивают троих связистов. В живых остаются Пахомов и Рубис. Они пробираются в камыш, где назначил сбор комиссар Руденко. В это время на деревянный мостик входят еще два фашистских танка. Смелчаки взрывают связкой гранат мост – оба танка проваливаются в речушку.

Вскоре наши герои привлекли внимание фашистского командования: вероятно, приказано было их схватить живыми – у Пахомова на рукавах гимнастерки сверкали красные звезды. Фашисты стреляют им по ногам. Но вот скошен Рубис, радист первого разряда, любимец всего личного состава... Пахомов остается один. Немцы выскакивают из-за угла, окружают, кричат «хенде хох!» Пахомов бросает гранату, косит из автомата, уничтожает

несколько человек. Но вот приближается новая группа немцев. Фашисты стреляют под ноги, перебивают ему ногу. Обливаясь кровью, стиснув зубы, Пахомов ныряет в погреб. После окрика «Рус, сдавайся!» немцы бросают в погреб гранату. Пахомов выбрасывает ее следом и убивает еще четверых фашистов.

Зная, что фашисты не оставят его в покое, да и оружия, кроме пистолета, у него не осталось, наш герой, преодолевая боль, с пистолетом в руке, вылезает из погреба. Видимо, рассчитывал, что сейчас рядом фашистов нет, и что он доберется до камыша, до которого оставалось уже близко. Едва он показался на улице, как его тут же окружили с десяток фашистов, наставили автоматы и загорлачили: «Хенде хох! Рус сдавайся!» Пахомов приложил пистолет к правому виску и крикнул: «Все равно вы нас, гады, не победите!», после этого спустил курок.

Так погиб политрук Пахомов, уничтоживший в одной схватке 27 фашистов и 3 танка.

Командир батареи лейтенант Чалов

Чалов был образцом советского офицера. За Финскую войну он был награжден орденом «Красное знамя». Среди солдат и офицеров пользовался уважением и славой. 2-го августа батарея Чалова осталась единственной боевой силой, которая отбила фашистские атаки с различных направлений. Она была хорошо замаскирована в саду. Сотни фашистов и десятки танков уничтожила эта героическая батарея.

Но вот метким массированным налетом вражеских минометов была уничтожена почти вся прислуга батареи. Целым остался лишь один сержант Грошев. Чалову оторвало обе ноги. Сержант хотел утащить своего командира в посеянную рядом коноплю, чтобы спасти его. Но Чалов приказал: «Оставь мне связку гранат, а сам немедленно спасайся. Обо всем расскажешь нашим, как мы сражались. Ну, прощай!»

Грошев пробежал несколько метров, как после небольшой паузы загорланили фашисты и с криком «Рус, сдавайся!» бросились на батарею. Затем скопились возле Чалова: «О, офицер?» Чалов рванул гранаты и вместе с фашистами взлетел на воздух.

О Чалове нам рассказал сам Грошев, о Пахомове – Смушков, о комиссаре Руденко – Шевелев. Все они, кто как мог, просочились к нам из окружения. Грошев убежал от немцев днем позже Родионова. В одной деревне он отдал свое обмундирование «одной тетке», а она в обмен дала старое гражданское своего сына.

Там же в Легезинском котле героически погибли (героями были все, об этом свидетельствует отчаянная борьба воинов 16 т. д. до последней возможности) командиры и комиссары полков: Гладьшиев, Карпец, работники политотдела: Корнеев, Сидоров, Дерягин и другие. Из начсостава дивизии уцелели: Самуйлов, Бугаенко, Фляжников и я, потому что к моменту окружения были во втором эшелоне и, согласно приказу, выводили в тыл машины.

13 августа 1941

Комплектуем автоколонны и одну за другой отправляем их по указанию генерала Захарова по назначению. А вечерами собираемся в лесу около машин, беседуем – делимся воспоминаниями о погибших и пропавших без вести наших товарищах. О, дорогие наши друзья-однополчане, как жаль вас!!!

Все они были в расцвете сил, все трудились на благо нашей Отчизны, у всех остались родные и близкие... Но вы отдали свои жизни не даром. Ведь кто отдает свою жизнь за Родину – бессмертен. Потомки не забудут вас. Придет время, и на ваши могилы будут возлагать цветы, и наша страна будет гордиться вашими подвигами. Мир праху вашему, советские витязи! Ваша гибель зовет нас на подвиги, на священную месть, к победе над проклятым фашизмом. Смерть немецким оккупантам!

С каждым днем в нашем лагере остается все меньше и меньше машин и личного состава. А мы ждем, чтобы как можно быстрее удалось раскассировать это скопление и снова отбыть на передовую.

Между тем фронт с каждым днем все откатывался на Восток и приближался к Днепру. От Баренцева до Черного моря шли кровопролитные бои, но почти ежедневно поле боя оставалось за противником. Мы знали, что в тылу нашей Верховное командование формирует и развертывает новые соединения, даже армии, которые рано или поздно остановят вражеские полчища и погонят их обратно на Запад. Но пока враг имел превосходство в живой силе и технике, и потому теснил нас.

Перед вечером мы с Фляжниковым купались в Самаре. После купания уселись на берегу, перебрасываемся своим сокровенным. Фляжников здесь – мой самый близкий друг.

– Да, Саша, скоро, как видно, мы расстанемся. Не сегодня-завтра наш табор окончательно раскассируют, и кто знает, где мы будем с тобой через несколько дней! – У меня от его слов заныло сердце. Мы молча поднялись, пошли к своей машине.

14 августа 1941

Вечером у автомашины долго слушали лейтенанта Родионова, вышедшего из Уманьского окружения – об этом когда-нибудь напишут сотни волнующих повестей и романов.

17 августа 1941

Утро. После завтрака мы занимаемся обычными делами. Проблеме с питанием мы уже разрешаем сами – продукты берем по фактурам Министерства Обороны в ближайших колхозах, а те, что были на наших автомашинах, отправлены по указанию генерала Захарова. Автомашин осталось десятка два. Сегодня их обещали взять. Вдруг подъехал адъютант

генерала Захарова Семенов. Это тот самый лейтенант Семенов, который в роковую ночь 30-го июля доставил нам приказ срочно эвакуироваться из Подымы. Ох, как сердились мы в ту ночь на него, но благодаря ему мы не попали в лапы фашистов и сумели спасти сотни машин с разным ценным грузом.

Лейтенант Семенов привез приказ: остатки машин – отправить. Вместе с этим лейтенант привез приказ и о нашем назначении. Фляжников – на свою должность в 15-ю мотодивизию. Мы с Бугаенко – в 47-ю танковую дивизию, тоже на прежние должности.

– Ну, вот и конец нашей совместной службы! – заговорил Фляжников, собираясь. – Случится ли еще встретиться нам на бесконечной военной дороге? – Наступила долгая пауза. За нами с Бугаенко подошла машина. Записываем адреса семей друг друга. Краткое рукопожатие, и все кончено...

Уже было темно, когда мы с Бугаенко прибыли в Знаменку, где располагался штаб 47-й т. д.

18 августа 1941

Секретарь политотдела сержант Сурков привел нас в одну хату. На полу была разостлана попона, мы тут же улеглись спать.

– Мы, Кузьмич, сделали немалое дело, – говорит мне Бугаенко, – спасли сотни машин с фронтовым имуществом. Генерал Захаров объявил нам благодарность.

Утром пришли в политотдел. Все его работники были уже на месте. Нас тут же пригласил к себе комиссар дивизии «полковой комиссар» Андреев, молодой еще, симпатичный человек. Здесь же был и начальник политотдела дивизии «батальонный комиссар» Максенков. Кратенько рассказав о себе, мы слушали комиссара об истории 47-й т. д. Дивизия воевала на соседнем участке нашего фронта, была сильно потрепана, теперь доформируется и скоро должна вступить в бой. Мне комиссар приказал пока принять должность комиссара мотострелкового полка, Бугаенко – начальника тыла дивизии.

После беседы с комиссаром я тут же ушел в полк. В беседе с командиром полка полковником Усковым знакомлюсь с состоянием дел в части. Полковник Усков – дряхлый старик, одолеваемый зубной болью, ходит с забинтованной щекой. Полк вооружен и укомплектован личным составом на половину до штата, пополнение прибывает медленно. А противник уже в ряде мест подошел к Днепру...

20 августа 1941

Собрания, совещания, проверки в подразделениях. Нынче весь личный состав помыли в бане, одели в чистое белье. С людьми всех степеней проводим боевые занятия. Приводим в порядок вооружение и имущество. Знакомлюсь с комсоставом, с положением дел в подразделениях.

22 августа 1941

В будничной кропотливой работе бегут сутки за сутками. Много предстоит еще сделать, чтобы каждое подразделение было боеспособным в предстоящих сражениях. Я привыкаю к людям, люди привыкают ко мне.

Перед вечером в полк прибыли командир дивизии полковник Родин и комиссар Андреев. Давали указания. Комиссар отвел меня в сторону и сказал, что днями будем передислоцироваться в другое место.

24 августа 1941

В середине дня получили приказ: с наступлением темноты поднять полк на марш. Суетимся, как в муравейнике, готовимся к маршу. Куда? Пока не знаем.

В 19.00 колонны вытянулись и пошли по направлению на северо-запад. К рассвету прибыли на ст. Головач, недалеко от Полтавы. Здесь разгружаемся, маскируем машины, организуем связь.

27 августа 1941

На новом месте занимаемся тем же, чем занимались в Знаменке: учеба, приведение в порядок имущества, беседы, совещания. В полуднях прибыло около ста человек пополнения, а с ними вместе прибыл из резерва вновь назначенный комиссар полка.

Перед закатом солнца на опушке лесочка я выстроил полк, представил личному составу нового комиссара, простился со всеми и ушел в политотдел.

Уже было темно, когда я подошел к палатке политотдела. Около палатки, шурша сапогами о траву, мирно ходил часовой. Я назвал пароль, прошел в палатку – все уже спали. Лег с краю на душистую траву и устремил свой взор на украинское небо, усыпанное яркими звездами. Где-то на западе шелкали сухие выстрелы зениток, нудно гудели моторы самолетов. В нашем районе было все тихо. А впереди стоял день неизвестных еще событий...

29 августа 1941

Вторые сутки работаю зам. начальника политотдела, с утра до поздней ночи ходим по частям: ведем беседы с личным составом, инструктируем, собираем сведения, а потом составляем информацию для вышестоящих органов.

Сегодня после совещания в политотделе, когда стали все расходиться, меня оставил комиссар Андреев:

– Ты не обижаешься, что мы отозвали тебя из полка? – спросил он меня.

– Привыкать было стал я там к людям, а так – нет, – ответил я.

– Ты мне здесь нужен больше. Максенков – неплохой мужик, но он недавно призван с гражданки, и его нужно подкреплять. А скоро начнется боевая страда. А ты вторую войну воюешь, имеешь опыт. Я это ценю в тебе. Ты понимаешь? – он пожал мне крепко руку и мы расстались. Я был польщен мнением комиссара обо мне.

В потемках пробираюсь к сараю. Вот уже три ночи, как мы обосновались в этом сарае спать на чердаке. Здесь – свежее душистое сено, отдыхать – любо! Мы каждый вечер здесь ведем разговор за полночь: обмениваемся новостями, воспоминаниями, фантазиями, мечтаем. В закуте под нами хозяйская корова сейчас смачно гоняет жвачку, время от времени глубоко вздыхает, и до нас доносится запах парного молока. А над крышей сарая то и дело с шумом пронесится стая диких уток. Эх! Хорошо спать летом на душистом сене под открытым небом! Давно я уже оторвался от деревенской жизни, а никак не привыкну к городской. Лучше деревенской жизни нет!

Я всегда засыпаю поздно. Вот уже похрапывают некоторые мои товарищи, а я лежу и перегоняю свои думы. Когда-то вот так же со своими братишками спал в родной деревне на сеновале, рассказывал или читал им разные истории, а над нами было мирное небо, усыпанное звездами... Где сейчас мои родные? Старшего Григория война застала в Мурманске, второй Федор перед войной служил где-то на Кубани, третий Василий – чекист, где-то на фронте, четвертый – Лешка – в начале войны уже убит...

И хотя тяжелым было наше детство, воспоминания о нем – всегда милые и приятные. С этими мыслями я засыпаю. Багрово-красная заря предвещает хороший день.

1 сентября 1941

Ст. Головач Полтавской обл. В третьем часу ночи на сеновале нас тревожно разбудила машинистка политотдела Маруся: «Вставайте! Расспались! Боевая тревога!» Скатываемся с сеновала друг через друга, стряхиваем с себя сенную труху, бежим в штабную хату.

В штабе уже почти все в сборе. За столом сидят командир дивизии Родин, комиссар Андреев, нач. политотдела Максенков и начштаба дивизии майор Митков. Как только мы вошли, из-за стола поднялся командир дивизии Родин и начал говорить:

– В районе Кременчуга на левый берег Днепра начал переправляться противник. Дивизия имеет задачу: во взаимодействии с другими частями прижать противника к Днепру и уничтожить его.

Начштаба Митков объявил порядок движения и маршрут следования. Быстро грузимся на машины. Мчимся навстречу врагу. До сего дня мы так и не доукомплектовались боевой техникой и личным составом...

В середине дня разворачиваемся в боевой порядок у приднепровского села Озерки. Окапываемся. Впереди идет упорный бой. Навстречу группами и в одиночку бредут раненые. Мы с ходу вступаем в бой.

Мы еще не успели занять боевой порядок, как появилась вражеская авиация. Начали бросать бомбы и обстреливать из пулеметов. Летят комья земли, облаками вздымается песчаная пыль. Под покровом авианалета из посадок вывалились до 20 танков врага и устремились на наши окопчики. Одну нашу стрелковую роту смяли. Но тут открыла яростный огонь наша противотанковая артиллерия. Четыре танка подбито, остальные повернули обратно. Так прошел весь день.

К вечеру наступило затишье. Мы собрались перекусить за одной хатой. Хозяйка дома голосит по убитой дочери. Наши санитары перевязывают и отправляют раненых. После ужина расходимся по подразделениям.

3 сентября 1941

Двое суток ведем упорный бой у села Озерки. Наша 47-я танковая дивизия (проще сказать, бестанковая) вместе с какой-то кавалерийской дивизией (которая осталась без коней еще до нашего подхода) едва сдерживают натиск врага, который непрерывно перебрасывает через Днепр танки, пехоту и др. свежие силы. От шрапнельных снарядов, минометного огня и авиации мы несем большие потери.

Наши зенитчики сегодня сбили четыре вражеских самолета. С одного сбитого самолета летчики спустились на парашютах прямо

в нашем расположении. *Пытались спрятаться в копне сена. Вытащили. Один – с железным крестом.* Сейчас их схватили и помчали в штаб. Летчики – асы, бомбили города во Франции, Югославии и Греции. *Начштаба майор Митков допрашивает их. О, сколько спеси и чванства в них! Они ведут себя так, что дескать не сегодня – завтра мы будем разбиты, а потому – отпустите нас...*

Наше положение – довольно тяжелое, но все же, кроме четырех самолетов, мы подбили восемь танков и вывели из строя до трехсот солдат и офицеров врага.

4 сентября 1941

Полудни. В разгаре бой. К командному пункту дивизии провались четыре немецких танка и начали стрелять в упор из пушек и пулеметов. Я как раз прибыл из стрелкового полка по поводу боеприпасов. Мы начали разбегаться – кто в щели, кто за хаты. Быстро пришли в себя. Две пушки, охранявшие к.п., повернули на танки. Два танка подбили, два повернули обратно. Тяжело ранены командир дивизии Родин и начальник штаба Митков. Командование дивизии принял зам. Родина полковник Михайлов.

Вечер. Бой затих. Отправляем раненых, хороним убитых. Среди убитых оказался мой друг Петя Смушков. Я опознал его по красноармейской книжке. Считаю своим долгом записать о нем несколько строчек, а также написать письмо его матери – он заслуживает, чтобы его называли героем.

Он показал себя героем еще в Уманьском сражении, о чем я писал выше. Когда мы расстались с ним в Булаховском лесу, он несколькими днями раньше меня был направлен сюда, в 47-ю т. д. По прибытии сюда он добровольно настоял, чтобы его записали в разведчики. Когда я с 17 по 27 августа комиссарил в стрелковом полку, Петька ездил куда-то в тыл за боеприпасами, и мы все десять

дней не знали друг о друге, потому и не виделись. А с вступлением дивизии в бой он все время был в разведке.

И вот о нем рассказал командир разведроты Федоров: «Петька переодевался деревенским пареньком, брал в руку уздечку и шел в расположение врага, делая вид, что он ищет свою лошадь. Малого ростом белокурого юношу немцы считали за деревенского паренька, а он собирал глазами данные о противнике и приносил в штаб ценные сведения. Раза два его немцы даже кормили на своей кухне. И вот часа три назад, при попытке проскочить к своим, фашисты срезали его пулеметной очередью уже в нашем расположении. Дважды Петька был представлен к наградам, но, увы! Не пришлось ему получать их...»

Сейчас мы хороним Петьку вместе с другими нашими товарищами. В разговоре припоминаем отдельные детали его короткой, но замечательной жизни. А мне все кажется, что Петька – живой, и вот-вот подбежит, как тогда в Уманьском бою, и спросит:

– Может, попить свеженькой водички, товарищ старший политрук, я принес целую фляжку?

Прощай, наш боевой друг! Мы отомстим за тебя!

5 сентября 1941

Весь день шел ожесточенный бой. Несколько раз в нескольких местах враг прорывал нашу оборону, но мы латали эти бреши и восстанавливали положение. Наши потери в живой силе и технике – огромны. Враг действует превосходящими силами танков во взаимодействии с авиацией, переправляя каждые сутки из-за Днепра все свежие силы. Наша авиация появляется редко и в небольшом количестве, а танков у нас почти не осталось, пополнения в живой силе так и не получаем...

Мы с каждым часом несем большие потери в живой силе и технике. Лишь наша артиллерия сдерживает натиск врага, на ней мы и держимся. Да, наша артиллерия – это сила!

Перед вечером командир дивизии Михайлов приказал перенести к.п. в деревню Порубай, отсюда километров за восемь. «Все! – подумал я, – теперь, как видно, покатимся на Восток».

Сумерки. Оставили в Озерках жалкое прикрытие, остальные машины и войска спешно направляем в Порубай. Враг заметил наш отход и тут же начал нас преследовать. Он быстро сбил наши заслоны и сопровождает нас артиллерийским и минометным огнем. Благо, что ночь, и его авиация не действует.

Вот мы и прибыли в Порубай. Небольшая украинская деревушка, утопающая в вишневых садах, окруженная кукурузой и подсолнухами. Начали занимать позицию, спешно рыть окопы и щели. Уставшие люди валяются с ног. Ряды наши за пять дней сильно поредели, нас осталась третья часть, а пополнения никакого нет и нет...

Прошло с час. Мы только что отрыли окопы. Шофер Фадеев у стены хаты разостлал плащ-палатку, открыл консервы, пригласил нас с политруком Сорокиным перекусить. Едва мы присели, как враг начал массированный обстрел из орудий и пулеметов. «Вот тебе немцы и не воюют ночью!» – сказал Сорокин и начал заворачивать непечатый ужин в плащ-палатку. Вдруг на наш «стол» с визгом шлепается мина. Мы мигом раскатываемся в разные стороны. Затаились, не поднимая головы, ждем... Проходит несколько минут. Мина на наше счастье не взорвалась.

Минут через пятнадцать обстрел прекратился. Слышно, как враг подтягивает танки. Вдруг передается команда: «По машинам! Отойти в деревню Бараньки!» В потемках, сонные, голодные, злые, измученные добираемся до Бараньков. Снова окапываемся. Выставляем заслоны, организуем разведку и наблюдения, связь. Ужинаем всухомятку, у кого что есть, и засыпаем тут же в щелях.

7 сентября 1941

Двое суток ведем тяжелые бои за деревню Бараньки. Ежедневно отбиваем по нескольку атак врага. Около к.п. часто с визгом па-

дают и рвутся снаряды и мины. Вокруг деревни – высокая кукуруза. Мы не видим противника, он – нас. А взаимная канонада не прекращается. Под прикрытием авиации подошли десять немецких танков. Четыре из них наши ребята подорвали, и они стоят догорают, остальные ушли обратно.

Мы – сотни три сухопутных танкистов и безлошадных кавалеристов, в общей массе выглядим как отряд анархистов в 1918 году. Но это – внешне, а на деле все обстоит иначе – мы отбиваем по 45 атак противника в день. У нас, конечно, мало автоматов, но есть несколько пушек, пулеметов, гранаты. Особенно молодецки воюют наши артиллеристы. За ними немцы охотятся, как за зайцами, поэтому своих пушкарей мы маскируем и охраняем.

Вечер. Бой затих. Немец ночью не воюет?

8 сентября 1941

Забрезжил рассвет. Я проснулся в щели от холода, стучу зубами. Шинель моя гуляет где-то во втором эшелоне, а кирзовая куртка, которую я успел надеть первого сентября, согревает мало. Мой друг политрук Сорокин еще спит, прислонившись в углу щели, и что-то бормочет во сне. Высоко в предрассветной тишине пролетает стая журавлей. Их заунывные томные крики возвращают меня далеко в родные края, в минувшее детство... *Журавли готовятся к отлету на юг. Им жаль покидать привольные степные просторы, как и нам – оставлять каждый клочок родной земли врагу.*

Вдруг пробежал к к.п. разведчик сержант Куканов, на ходу нам крикнул: «Немцы по кукурузе подползают сюда!» Сразу все вскочили и взялись за оружие. Пригибаясь, бежим навстречу врагу. Завязался ожесточенный ближний бой. Вскоре немцы бежали, оставив человек двадцать убитыми. Восьмерых мы взяли в плен. Наших убито шестеро, пятеро ранено.

А с восходом солнца над нами повисла авиация противника, бросает сериями бомбы, поливает из пулеметов. наших самолетов не видно уже который день.

9 сентября 1941

По другую сторону хаты вырыли себе щель ее хозяева, семья из пяти человек: отец, мать, две их дочери, уже невестки и пятилетний их сын, которого все мы, с первого дня нашего пребывания, величаем Иваном Ивановичем. В час затишья Иван Иванович – около нас. Мы его потчует, чем можем, и ведем с ним разговоры. Как только кончается обстрел, малыш высовывает свою белую головку-одуванчик и кричит нам: «Дядьки военные, а вы не шукали меня?» – и перебирается к нам. Симпатичный малец!

Но вот в полуднях противник открыл ураганный обстрел. Мы едва упрятались в щели. Обстрел продолжался дотемна. Один снаряд угодил в щель, где спасалась семья хозяина нашей хаты. Наш любимец Иван Иванович убит, ранена хозяйка, а одной их дочери оторвало ногу. Крик, плач, наш врач оказывает пострадавшим помощь. Мы все утираем слезы...

С наступлением темноты комиссар Андреев приказал капитану Ковальскому, работнику штаба, и мне отправиться на хутор Ковали с группой саперов, где за ночь подготовить новый командный пункт дивизии. Лавируя между разрывами мин, мы выскакиваем на машине из зоны огня. Хутор Ковали – близ Диканьки, заветные места великого Гоголя.

Темно, но мы работаем без разгибу. Производим земляные работы: строим блиндажи, роем щели. На хуторе – ни души из жителей.

На рассвете, когда работа подходила к концу, люди упали в изнеможении на траву и тут же заснули мертвым сном. Ковальский хотел будить людей, чтобы закончить работу, но я просил его, пусть отдохнут ребята, а остальную работу мы сумеем сделать сами. Так и сделали.

10 сентября 1941

С восходом солнца из Бараньков прибыли наши и начали нас будить на завтрак. Прибыла кухня. Полусонные, принимаем пищу.

А спустя час снаряды и мины врага уже рвались в нашем расположении. Особенно метко у немцев бьют минометы. Четко и эффективно действует авиация, от последних мы и несем основные потери.

Наша техника и живая сила уже на исходе, а подкреплений никаких нет.

Десять часов утра. Идет упорный бой. Нас несколько человек скопилось в школе. Школа – добротная, кирпичная, мы хотим превратить ее в опорный пункт обороны. Обозреваем, где что. Вскоре в школу вошел комиссар Андреев с коренастым рослым человеком в плаще. Это оказался руководитель местных партизан. Интересно!

Мы улеглись в углу комнаты на полу. Партизан начал рассказывать: немцы сейчас усиленно собирают у населения теплые вещи, вывозят хлеб. На Днепропетровщине они поступили так: в занятых ими районах вывесили свои приказы – очереди за хлебом ликвидировать, хлеб продавать вдвое дешевле. В то же время, приказали всем жителям от 15 до 60 лет выйти в поле и убрать хлеб. За нарушение приказа – расстрел.

Как только хлеб убрали, фашисты собрали все автомашины и подводы, зерно отвезли на станции и отправили в Германию. Население начинает голодать.

А в Винницкой области был такой случай. Как только немцы заняли Ямполь, собрали на площадь народ, открыли митинг, что-де советской власти капут, Великая Германия уже разгромила Красную Армию. На трибуну выставили одного мужика, чем-то обиженного советской властью, которого назначили старостой. Старик начал поносить на все лады коммунистов и советскую власть.

Довольный своим назначением, мужик после митинга пошел домой. А когда пришел до хаты, то около нее в несколько голосов

кричали его старуха с дочками и внучатами. Оказалось, что пока мужик митинговал там с немцами, здесь они без него выгребли все его зерно и угнали со двора весь скот, даже не оставили ни одной курицы. Старик, прицыкнув на голосивших баб, побегал по хате, крикнул: «Да вони поганее петлюровцев! Ди шлях до партизан? Зараз иду до них!» – и исчез из села.

Как только ушел партизан, ливанул дождь. До нитки мокрые, наши люди сидят в щелях.

12 сентября 1941

Целые сутки шел ливневый дождь. Утром, едва прояснилось небо, как в воздухе появилась вражеская авиация. Вскоре над нами завязался воздушный бой. Храбро сражались наши соколы. Результат – 2:5 в пользу врага. У немцев был большой перевес.

Две ночи мы с Сорокиным ходим по указанию комиссара Андреева в село С., где выследили и обезвредили вражеского лазутчика. Враг ведет войну коварную и жестокую во всех формах, на всех участках.

Весь день враг обстреливал нас минометным и артиллерийским огнем, бомбил с самолетов, но наступления не предпринимал, видимо, подтягивает резервы (да еще и дороги раскисли после ливня).

Вечером комиссар Андреев взял меня под руку, мы с ним идем по аллейке. Он заговорил: «Мы, вероятно, – на направлении главного удара немцев на этом участке. Фашисты готовят большой удар против нас. Любой ценой мы должны задерживать врага. В тылу у нас – новые корпуса и дивизии, которые должны в скором времени вступить в бой. А пока нам нужно воевать тем, что мы имеем...» Здесь мы с ним разошлись, я пошел в одну часть, он – в другую. А дивизию нашу сейчас можно свести в один полк, подкреплений нет, а потери ежедневно несем большие.

Вечером командир дивизии Михайлов и комиссар Андреев собрали весь комсостав на совещание. Говорил Михайлов. «Товарищи!

Не скрою от вас создавшееся положение – оно трудное и тяжелое, да никакая ведь война легкой не бывает. Мы за 12 суток боев понесли большие потери в живой силе и в технике. Но сейчас получили сообщение, что к нам подходит подмога – около тысячи человек пехоты. Танков у нас почти не осталось, но артиллерия почти вся уцелела, и это очень важно. Но артиллеристы тоже понесли большие потери в личном составе. Потому я приказываю: там, где расчеты выбыли, укомплектовать их вами. Вас всех до войны чему-то учили и, следовательно, вы с артиллерией знакомы. Кто не знает, как пользоваться приборами – наводите через ствол. Да нам и не стрелять с закрытых позиций! Имейте в виду, враг несет потери меньше нашего».

Ночь проходит в подготовке к завтрашнему бою.

13 сентября 1941

Фашисты нас за людей не считают – раненых на поле боя пристреливают, пленных в лагерях морят голодом, отступающих наших жителей расстреливают с самолетов или из пушек. Варвары! Палачи! Разбойники!

С восходом солнца враг начал мощный артиллерийский огонь. Земля вздрагивает. Мощные жесткие комья высоко поднимаются вверх и ухают на наши головы. Наши зенитчики подбили один вражеский бомбардировщик. Летчики спустились на парашютах и взяты в плен. Вот мы их допрашиваем. Один из них назвался сыном социал-демократа. Ну что же, все может быть. Социал-демократы расчистили путь фашизму к власти в Германии, в Испании. А не социал-демократы Носке, Церигбели расстреливали немецких рабочих в 1918–1923 г.г.? Пленный, видимо, гордится своим отцом социал-демократом, а когда я ему напомнил о предательстве социал-демократов на протяжении всей истории, он с выпученными глазами долго смотрел на меня, недоумевая. А может, делал вид?

Другой рассказывал комиссару Андрееву:

– Несмотря на наши успехи, многие из нас не верят в нашу победу, хотя вслух не говорят об этом.

– А почему не верят? – спросил комиссар.

– Да потому, что до зимы мы вас все равно не разобьем, а зимой вы соберетесь с силой. Нас пугает не только русская зима, а народ ваш, который позади нас поднимается на борьбу. Да и в Сибири у вас создаются новые армии с новой техникой. Ваши пространства и ресурсы – страшнее всего для нас...

– Грамотный, сукин сын! – шепнул чуть слышно комиссар.

Пока мы вели разговор с летчиками, в блиндаж втолкнули еще троих пленных. Эти были пехотинцы, наши разведчики взяли их в деревне, где они ловили поросят. У одного из них похрюкивал на пуд весом поросенок. Как он словил этого парасука в деревне, так его разведчики с ним и привели. Узнав, в чем дело, один из пленных летчиков подошел, плюнул в глаза своему мародеру и от-
вернулся.

– Выходит, что здесь вам не Франция? – заканчивая свою речь, спрашивал комиссар.

– О, да! – ответил летчик.

После беседы с пленными мы с капитаном Ковальским сидим в щели около блиндажа. Мимо нас раза два прошел деревенский парень. Ковальский подозвал его. Паренек выглядит деревенским механизатором. Рубашка на нем – в мазуте, рукава засучены, старые сапоги и брюки.

– Что вы здесь ходите? Видите, кругом снаряды, мины рвутся? Кто такой?

Прислонившись спиной к стене, парень нам стал рассказывать, что сам он из-под Винницы, шофер, что немцы его заставили на своей же полutorке подвозить грузы к фронту до самого Днепра. Здесь у Днепра два дня назад снарядом его машину и разбило. Он от немцев сбежал к нам, а сейчас разыскивает своих родствен-

ников, которые проживают здесь, в совхозе. Услышав наш разговор с парнем, к нам подошел комиссар Андреев. Он вынул пистолет, приставил к груди парня и спросил:

– А ну говори, зачем тебя прислали немцы?

Паренек мгновенно, по-военному, стал по команде «смирно» и произнес:

– Послали узнать местонахождение вашего к.п. и с появлением авиации указать!

Ну, вот это да! Мы с Ковальским вытаращили глаза и прикусили языки...

– Садись на мою «Эмку», – сказал комиссар мне, – и отвези его во второй эшелон, сдашь майору Григорьеву, т. е. в особый отдел.

По прибытии в особый отдел я узнал, что доставленный мною оказался нашим бывшим лейтенантом К. *из разведбата бывшей нашей 16-й танковой дивизии*. Попавший месяц назад к немцам в плен, наскоро был обработан фашистами и брошен к нам.

А мы с Ковальским развесили лопухи... А если бы не подоспел комиссар Андреев? Ясно одно – враг коварен и хитер, а мы – благодушные ротозеи...

14 сентября 1941

После непрерывных двухдневных боев наши и силы иссякли до предела. Сегодня к исходу дня фашисты выбили нас из хутора Ковали. Мы отходим, кое-как отстреливаясь, а враг идет за нами по пятам. Некошенная пшеница под солдатскими сапогами. Вчетвером, отдельной стайкой: командир и комиссар дивизии, нач. артиллерии и я идем удрученные, изредка перебрасываемся словами, как на похоронах. Вокруг рвутся снаряды и мины. Тягостно на душе...

Вечером зацепились за хутор Шебалки. Здесь тоже – центральная усадьба соседнего совхоза. Мы с переводчиком Карпелем вошли в совхозную школу. Начали опять сооружать свою оборону. Я наспех написал на школьной доске:

*Гитлер-бандит послал сюда вас,
И вы грабите Родину нашу сейчас!
Лучшего мы и не ждали от вас.
Бесчинствуйте, гады, добро наше жгите,
Но нас никогда вы не победите!
И помните, звери, что станет потом
Вашей могилой каждый наш дом!*

Переводчик Карпель перевел это на немецкий ниже. Так все и осталось на доске...

15 сентября 1941

Весь день немцы палили по нам из артиллерии и минометов. Мы кое-как огрызались. Немцы, видимо, тоже выдохлись и ждут подкреплений, а потому не атакуют нас так активно.

Когда стало смеркаться, и враг прекратил обстрел («немцы ночью не воюют»), командир Михайлов отдал приказ покинуть хутор Шебалки и отойти на реку Ворскла. Оставшиеся орудия катим сами на себе.

Отошли от Шебалок километра три, столкнулись с колонной грузовых машин, которые до отказа были заполнены пехотой. К нам на подкрепление прибыло до тысячи человек каких-то «астраханцев». Кроме винтовок, у прибывших ничего не было. Но мы были рады и этому. Все мы от радости начали обниматься, и стихийно возник митинг, чем враг и воспользовался. Не менее двух батарей врага открыли по нам беглый огонь. Тут же появились убитые и раненые. Прибывшие в панике начали разбегаться по полю кто куда.

Через некоторое время мы выбежали из-под обстрела и начали собирать людей. Темно. Кричать сильно нельзя. К полночи собрали людей. Из новичков недосчитывалось до полсотни человек. Видимо, еще несколько человек блуждали по степи. Собираем убитых.

На рассвете стали окапываться, занимать позиции на новом месте. Позади – река Ворскла.

16 сентября 1941

Более суток вместе с прибывшим к нам пополнением мы вели ожесточенный бой, и все же сегодня вечером враг сломил наше сопротивление и прижал нас к реке Ворскле. Вдоль реки тянутся посадки, высокие ветлы, плакучие ивы. В них-то сейчас мы и окапываемся. У нас, кроме винтовок (немного автоматов) и пулеметов, осталось десятка полтора орудий. И все. Недалеко идет воздушная бомбежка.

Темная, душная южная ночь. Время – 20.00. Командир дивизии Михайлов и комиссар Андреев позвали сейчас к себе ст. лейтенанта Толстого и меня. Мы прибыли.

– Берите мою «Эмку» и езжайте сейчас же в Военсовет армии (комиссар сказал нам о его местонахождении), доложите о нашем положении. Или пусть дают нам срочно подкрепление, или выведут на доформирование, иначе утром враг с нами покончит. Вы, ст. лейтенант, тут же мчитесь сюда, доложите о результатах, а ты, – говорит комиссар мне, – добирайся до нашего второго эшелона, и чтобы через три часа здесь были боеприпасы и харч.

И вот, в кромешной тьме мы пробираемся вдоль линии фронта. Темь – в глаз коли, а свет включать нельзя. Нас несколько раз останавливали наши посты. Наконец-то мы выбрались на дорогу и взяли путь на Кобыляки, один из районных центров Полтавщины.

Проехав километра три, шофер остановил машину – перегрелся мотор, т.к. мы ехали все время на малой скорости. Мы со ст. лейтенантом вышли из машины. Вдруг в придорожных посадках, совсем рядом, раздался детский крик. У ст. лейтенанта оказался карманный фонарик. Мы пошли на крик, раздвигая кусты. Нашим глазам предстала страшная картина: лежала молодая женщина, муча-

ясь с родами. От паха до колена ее правая ляжка была разорвана осколком авиабомбы, и она истекала кровью, а около нее надрывался криком мальчик 4–5 лет... Роженица то приходила в себя, то теряла сознание. И вдруг, крикнув, она разрешилась. Оказалось, что с полчаса назад здесь бомбила вражеская авиация.

Боже мой! Мы выполняем срочное задание, но нельзя и бросать в беде своего человека.

Нам невольно пришлось быть акушерами. В чемоданчике моем было полотенце, хотя не совсем чистое, а в чайнике у шофера было литра два воды. Полотенцем мы забинтовали рану матери, облили новорожденного, завернули его в юбку матери, и всех их на плащ-палатке водворили в машину.

На наше счастье, женщина пришла в сознание. Она нас просила, чтобы мы ее доставили в Кобылякскую больницу, где ее сестра работает медфельдшером. А наш путь как раз лежал через Кобыляки, до которых расстояния было – километра четыре.

Все остальное случилось быстро. Сестра приняла у нас мать с уже двумя сыновьями. Мать была в тяжелом состоянии.

17 сентября 1941

Сегодня в своих листовках фашисты пишут, что Сталин и Молотов в панике улетели в Швецию.

Темная ночь. Время, которое мы отдали рожавшей женщине, задержало нас в пути, и потому в штаб армии мы прибыли только на рассвете. Я побежал на розыски члена Военсовета. У его двери стоял адъютант – огромного роста майор с греческим носом. Дверь в комнату была прикрыта неплотно, и через щель в коридор падала яркая полоска света от аккумуляторной лампочки.

Майор перегородил мне дорогу, стал допрашивать, кто я такой и по какому делу лезу к члену Военсовета. Я доложил.

– Подождите, дайте покушать Члену Военсовета!

– Я ждать не могу! – напирая я, – речь идет о судьбе дивизии!

– Пусть войдет! – ответил из комнаты член Военсовета. О члене Военсовета М. мы кое-что слышали – что он груб, кичлив, мстителен, невнимателен и, где только не бывал, искал жертвы, а делу было – провал. Но не наше дело – попов судить.

Член Военсовета сидел к двери спиной и с треском разламывал курицу.

– Ну что там, докладывайте! – говорил он, не поворачивая головы. Я доложил кратко, как мне было указано командованием дивизии. Тут он повернулся ко мне лицом и изрек:

– О вашем положении нам известно! Меры принимаем! Рубеж отстаивать до последнего человека! Ясно? Сейчас же возвращайтесь на место! Все!

Я выскочил как из рукава... Мы поехали. Я рассказал ст. лейтенанту о своем разговоре с Членом Военсовета и до перекрестка дорог, где я должен был высадиться, мы грустно молчали. Распростившись с Толстовым, я пошел пешком.

Километра три мне надо добираться до второго эшелона нашей дивизии, чтобы скорее отправить на передовую боеприпасы и продовольствие. Иду почти бегом. В животе пусто, болит голова. Хочется и жрать, и спать. Быстро отправляем нужные машины. Наскоро перекусил, окунулся в ближайшее озерцо и свалился на траву, уснул.

18 сентября 1941

Когда проснулся – у меня была температура. Вот и искупался в свежей воде! Болело горло, голова, а самого – лихорадило. Врач второго эшелона сказал, что у меня ангина, и велел сопроводить меня в ближайший сарайчик на сеновал. Вот это да!

Пью стрептоцид, лежу с забинтованным горлом, а там, на Ворскле, слышно с раннего утра, грохочут пушки, кружатся вражеские стервятники – идет бой. Там мои товарищи бьются с фашистами.

В середине дня пошел сильный дождь. И вот уже время клонится к вечеру, а дождь не унимается.

Заскрипела дверь сарая. Вошел мой друг, инструктор политотдела Моржов, присел около меня с кислым видом.

– Вставай! Получен приказ, чтобы второму эшелону сейчас же перекантоваться в деревню Контокузовку. Враг сбил наших за Ворсклу, и какое положение сейчас там – неизвестно. – Моржов помог мне подняться на ноги, и мы пошли с ним к машине.

Дорога раскисла. Моторы режут неистово, буксуют. С трудом выбрались на большак, но и на большаке грязюка такая же. Дождь как будто прекращается. Проехав километров шесть, мы нагнали большую толпу девчат. Это были учащиеся полтавских учебных заведений. С приближением фронта девчата покидали свою родную Полтаву и уходили на Восток. Девушки стали просить нас, чтобы мы попутно подвезли их. Начальник эшелона интендант Змеёв разрешил девчатам сесть на порожние и малонагруженные машины.

Дождь прекратился, а дорога по-прежнему грязная. Вскоре стало темно, а со светом ехать нельзя. Не доезжая до Контокузовки километров восемь, Змеёв дал команду свернуть в сторону к стогам сена, где переждать до рассвета.

Около одного стога писаря и шоферы надергали сена, разостлали брезенты, и мы стали располагаться на ночлег. К нам присоединилось несколько девчат. Они были все разутые и легко одетые, а ночь – свежая. Девчата жались друг к другу как ягнята. Я пылаю, как в огне, у меня температура поднялась, видимо, до 40. По одну сторону от меня расположился шофер нашего грузовика политотдела Сурков, по другую – Галя, студентка II курса пединститута, красивая, лукавая девушка. За каких-нибудь десять минут она рассказала мне не только свою биографию, но и многое другое. Ей хочется говорить и говорить, а мне и этого нельзя. Я не сплю от ангины, а Галя – не знаю от чего... Она все время вздыхает, что-то волнуется.

То закинет руки за голову и глядит в небо, то снова руки свои опустит по швам. Потом повернулась ко мне, спрашивает:

– Когда же кончится война, долго ли еще мы будем отступать? – Ее упругая грудь уперлась в мое плечо... Я ощущаю горячее дыхание девушки. По всему я догадываюсь, что Галя – еще честная невинная девушка. Она без умолку ставит один вопрос за другим и тут же делает свои предположения. От всех ее предположений и выводов веет пессимизмом. Мое равнодушие к ее разговору, видимо, злит ее.

– Вы думаете, что мы, женщины, не представляем себе последствий войны? Можно с уверенностью сказать, что многих из нас ожидает вечное одиночество... А что может быть страшнее для девушки? Ведь сколько еще перебьют и искалечат вас, мужчин? – она глубоко вздохнула и умолкла. Вероятно, она не догадывалась о моей болезни. Ведь всякая женщина обижается, когда мужчина равнодушен к ее разговору, к ее делам, к ее желаниям, не одобряет и не хвалит ее в этом. Мне стало жалко девушку, и я, пересиливая боль, заговорил:

– Вы не правы в своих суждениях и напрасно отчаиваетесь. Вы – такая молодая, хорошая, и ваше будущее еще впереди. Не падайте духом. Сейчас нужно всю вашу энергию, все силы направить на разгром врага, а война только что началась!

– Уж не подражаете ли вы Николаю Островскому? – сказала она с обидой и рывком отвернулась от меня. Я не знаю, спала ли Галя, но я так и не заснул. Я понимал, что у слабовольных и молодых людей война повышает остроту чувств, сеет в душе смятение и отчаяние.

Лежим молча. Я понимал эмоциональные порывы девушки, ее отчаянный взгляд на свое будущее. Однако я был не только больным, но... коммунистом и армейским политработником, и это прежде всего удерживало меня от данного соблазна.

Рано утром мы прибыли в Контокузовку, начали располагаться, расставлять машины. Девчатам надлежало следовать дальше. Надевая на плечи свой рюкзачок, Галя тихо сказала мне:

– До побачивания, хворий! Бувайте здоровеньки. Желая вам счастья, вы – хлопец добрый. – Ирония, досада, сожаление, а может быть, испытание было в ее словах?

19 сентября 1941

Деревня Контокузовка. Моржов отвел меня в одну хату, где у хозяйки – четверо малышей. Вскоре меня навестил врач. Он договорился с хозяйкой, чтобы поила меня горячим молоком с маслом. Деньги за молоко хозяйка не взяла.

Часов в десять опять ливанул дождь. Вскоре пришли Карпель, Моржов и Абрашин – все работники политотдела. Они рассказывают, что наши еще сражаются на Ворскле, что идут ожесточенные бои, что положение на передовой – тяжелое.

Вечер. Слышна артканонада. Уложив в постель ребят, хозяйка присела около меня, поит теплым молоком. Плачет. Муж у нее – на фронте. Она спрашивает меня, как ей быть в случае нашего отхода, оставаться дома или бросить все и эвакуироваться с ребятами. Что мог ей ответить я?

20 сентября 1941

Утром пришел Моржов. Он сообщил, что звонил комиссар Андреев и велел мне и переводчику Карпелю прибыть на передовую. Комиссар не знает, что я больной, а Карпель уже выехал. Я негоую в душе, что заболел и не могу выехать.

Часа через три прибежал секретарь политотдела Сурков и сообщил мне потрясающую новость – по пути на передовую при аварии машины погиб Карпель.. Он сидел в кузове, нагруженном продуктами. На крутом повороте машина перевернулась, и Карпель был раздавлен...

«Вот она, судьба... – размышлял я, – а если бы я поехал с ним, то разделил бы с ним его участь? Какая нелепая смерть!»

Вечером привезли Карпеля. Он был неузнаваем. Весь в грязи. Лицо и грудь сплющены. Одна нога переломана.

На местном кладбище ему вырыли могилу. Обмыли, одели в новое обмундирование, но похоронили без гроба. Так закончил здесь, в Контокузовке, свой жизненный путь наш боевой товарищ Карпель.

Вернувшись с похорон Карпеля, я присел около своего овина на соломе. У меня вроде температура начала спадать. Друг Карпель меня вылечил, а сам...

22 сентября 1941

Вечер. Я только что прибыл на передовую. Горло мое еще было забинтовано. Комиссар Андреев и мой друг Сорокин обняли меня. Говорили о гибели Карпеля и других товарищах. Сейчас затишье. Поговорив с комиссаром, мы с Сорокиным вышли из блиндажа перекурить. Темно. За хатой – куча соломы. Сидят группа солдат и меж собой разговаривают. Мы присели рядом, слушаем их разговор.

– Мы все равно победим, – говорит один, – Коль Гитлер напал на нас по-разбойничьи врасплох, значит, он не уверен был в своей победе. Ведь он, гад, как на спящего набросился, и этим своим коварством разозлил наш народ...

– Фашисты уже убедились, что тут им не Франция и не Голландия. Вон что пленные-то говорят, – повел разговор другой. – А вот с наступлением зимы фрицы совсем расквасятся как мокрые куры. Они зимы нашей боятся, как черт ладана. Да и техника вон новая начинает к нам поступать.

– Городов и сел наших он, гад, разорил уже много, – встревает в разговор третий. – А то, что сыграют тут в ящик все эти колбасники, так это – как пить дать.

– А я, друзья, так думаю, что немецкая армия сейчас – наподобие льдины в весеннем потоке, чем дальше она плывет, тем быстрее тает. Наша задача – крушить эту льдину, чем только можно.

Пришел командир группы, поднял солдат, сделал перекличку и увел на передовую.

На западе разгоралось зарево, это горело село Войтовка, занятые немцами. До нас доносился рев коров, визг свиней, крики женщин. Сцепив зубы, мы молча слушали. Наши сердца наполнены ненавистью к врагу.

24 сентября 1941

Погода – слякотная. Наволочь, туманы. Но это сковывает действия вражеской авиации, и потому нам на руку. Артиллерийская и минометная канонада не умолкает. К ночи обычно бой затихает. Горестное отступление, гибель любимых товарищей, скверная погода – все это действует на настроение слабых духом. В такие минуты необходимо работать с людьми, поднимать в них боевой дух, вселять уверенность в нашей победе. Ползаем по подразделениям, инструктируем агитаторов, беседчиков, разносим газеты.

26 сентября 1941

Я – не писатель и не журналист – просто записываю, как могу, события войны – то, что вижу и переживаю я сам и мои близкие товарищи по оружию, стремясь сделать это достоверно.

Вечер. Погода прескверная. В штабе дивизии только что нами получен приказ выйти в тыл на доформирование. Почти месяц мы находились в непрерывных боях, потеряли многих своих товарищей. Оставшиеся в живых – до предела измотаны. Сдаем свои позиции и остатки оружия пришедшей на смену свежей дивизии и направляемся на Харьков. Едем ночью по грязным разбитым дорогам.

27 сентября 1941

Утром добрались до Харькова голодные, грязные, усталые. Располагаемся на Холодной горе. Но еще не устроились, через четыре часа получен приказ: передислоцироваться в Малиновку, что неподалеку от Чугуева. Это в ту самую Малиновку, о которой напи-

сал свою знаменитую оперетту «Свадьба в Малиновке» Александров. Исторические места!

28 сентября 1941

Ночь на исходе. Мы прибыли и располагаемся в Малиновке. Вечером нас позвал к себе на ужин комиссар Андреев. Когда мы пришли к комиссару (Бугаенко, Моржов и я), у него уже находился командир дивизии Михайлов.

За ужином все расчувствовались до слез, вспоминая потерянных товарищей и минувшие бои. Разошлись за полночь. Не смотря на усталость, я долго не мог заснуть, перебирая в голове последние события. Сегодня мой сынишка – именинник, ему исполнилось пять лет. Я не имел возможности поздравить его с днем рождения... А больше всего думаю о том, что враг занял уже Прибалтику, Белоруссию, Молдавию и половину Украины. В Прибалтийских республиках и Белоруссии мне бывать не приходилось, а в Молдавии я служил перед войной, там участвовал в боях, и все, что было связано с Молдавией, отзывается болью в сердце...

Помню дом Инзова в Кишиневе, где великий Пушкин писал «Евгения Онегина». Помню, как в июле прошлого года я со своими товарищами по Финской войне возлагали венок к подножию памятника А.С. Пушкина, на котором золотыми буквами написано: «Здесь, лирой северной пустыни оглашая, скитался я...»

Я вспоминаю двор монастыря в Кишиневе, где я временно дислоцировался со своей частью, и хозяина этого монастыря, отца Якова, оригинального человека редкой судьбы. Он приехал из Самары к родственнику в 1918 «наварить вареньев», да и остался под румынской оккупацией там навсегда, а жена его с троими детьми умерла с голоду в Самаре в 1921 году. Отец Яков не захотел уходить с румынами, спрятался и с радостью встретил освобождение Бессарабии. Это он в первый день нашего пребывания пришел ко мне и поставил вопросы: «Господин комиссар, можно ли в дальнейшем служить обед-

ни в монастырской церкви, и когда вы нас будете арестовывать? Можно ли достать текст Советской Конституции, и когда вы нас будете записывать в свои колхозы?» А когда мы посмеялись над его вопросами и поговорили с ним, он восторженно откланялся и стал потом нашим другом. Он ежедневно присылал нам на кухню десятки кошелок виктории и черешни, ходил к нам в кино и рассказывал незабываемые анекдоты про попов и архиереев. А когда через месяц мы покидали монастырь, он со слезами на глазах благословлял нас...

Я вспоминаю памятник Котовскому в Бирзуле, который взорвали румынские оккупанты, как только пришли.

А как забыть красавицу Одессу, где театр – один из величайших в мире, в котором я в 1940 г. слушал оперу «Запорожец за Дунаем» с участием Татаржинского и Оксаны Петрусенко?

А еще думал до боли сердечной о своих друзьях, убитых и пропавших без вести. Какие все они были молодые и хорошие, как они были нужны своим семьям и нашему Отечеству! Дорогие друзья! Склоняем пред вами наши головы и клянемся, что отомстим за вас. Многих из вас мы не могли похоронить с почестями, но кто отдал за Отечество свою жизнь – бессмертен! Вашим общим памятником будет наша победа над врагом! Вечная вам слава! Мы отомстим за вас!

2 октября 1941

Будничная кропотливая жизнь: совещания, собрания, уборка, приведение в порядок имущества.

Утро. Туман, мелкий дождь. Сейчас получили приказ: переехать в совхоз Кочеток, совсем неподалеку.

Как только прибыли вечером в Кочеток, Бугаенко, инженер Самуэни и я были вызваны к командиру дивизии, где нам объявили, что мы составляем комиссию по инвентаризации всего имущества. Тут же приступили к работе.

– Догадываюсь, что днями нас расформируют, – сказал Бугаенко нам с инженером. – Теперь ликвидируются танковые дивизии, и

вместо них создаются танковые бригады!

«Значит, снова предстоит разлука с боевыми друзьями?» – подумал я про себя.

Я быстро привыкаю к товарищам, и разлука с ними – для меня нож острый. Кто не знает, что такое дружба военная?

4 октября 1941

Трое суток работаем по инвентаризации хозяйства. Вечером к нам в комнату явился командир дивизии Михайлов. Поинтересовавшись нашей работой, перед уходом он предостерегающе сказал нам: «Днями наша дивизия будет переформирована в бригаду... Штаты бригады будут значительно сокращены». Мы об этом уже знаем.

А по данным разведки, противник с большими силами продвигается на Восток уже между Полтавой и Харьковом. Вражеская авиация сутками бомбит Харьков, который враг стремится занять до наступления зимы. С падением Харькова почти вся Украина будет занята врагом... Харьков – это Москва на юге нашей страны, крупнейший ж. д. узел, промышленный центр, академический город со многими высшими учебными заведениями...

Вечером доставили газеты. С жадностью читаем, спорим о создавшемся положении.

5 октября 1941

Мы втроем продолжаем работать по инвентаризации хозяйства нашей дивизии. Но, кажется, сегодня все кончим. Ходим из части в часть, проверяем оружие, имущество. Все берем на учет до последней портянки.

Радио слушаем часто, а газеты получаем редко. С фронта поступают неутешительные сводки. По непролазной грязи мимо нас ежедневно проходят наши потрепанные в боях части, а к фронту идут свежие, обмундированные уже по-зимнему. На Восток тянутся

гражданские обозы, тракторы, комбайны, вереницы беженцев. Часто можно слышать плач, стоны, проклятия по адресу Гитлера. Это поистине Великое Переселение народов, вызванное фашистским нашествием.

Украина плачет. Украина в огне. Сколько раз ты переживала подобное? Жмись, Украина, к своему старшему брату – русскому народу, только он тебе поможет в твоей беде, как и в минувшие времена.

Перед вечером налетело пять стервятников, и подвергли наше расположение ожесточенной бомбежке. Убито и ранено несколько человек, разбито до десятка машин. Меня садануло осколком в голову, хожу с забинтованной головой. Да, и в тылу во время войны гибнут люди и ценности!

8 октября 1941

Наши разведчики ночью изловили вражеского парашютиста. Вел себя нагло. В его дневнике – десятки изнасилованных девушек во Франции, Греции, на Украине. О, как нам хотелось растерзать его в клочья!

10 октября 1941

Поздно вечером комиссар Андреев позвал нас с Бугаенко к себе на квартиру. Неизменно обаятельный и корректный, он встретил нас с радостью, усадил за стол, налил по 100 гр., открыл банку консервов. Мы перекусили молча. Потом комиссар заговорил:

– Итак, дорогие товарищи! Теперь от вас скрывать нечего. В ближайшее время нам придется расстаться. Дивизия переформируется в бригаду, ряд товарищей, даже ветеранов дивизии, выведутся за штат. Большинство товарищей поедут на повышение. Но дружба военная остается дружбой. – Комиссар взволнованно встал, пошел за ширму, принес нам по фотокарточке, подписал их, вручил нам, обнял, и мы ушли. Шел дождь, а вражеская авиация бомбила Харьков.

Итак, жизнь в 47-й т. д. окончилась. Куда завтра бросит судьба, где ожидают новые товарищи?

11 октября 1941

Рано утром мы были подняты по тревоге. Шел нудный обложной дождь. Мы, работники штаба и политотдела, столпились в грязи около штаба, слушаем распоряжения начштаба: «Враг прорвал нашу оборону и продвигается на Харьков. Нам приказано влиться в Харьковский гарнизон и оборонять Харьков. Все вооружение и технику, положенную по новому штату, получим на месте в Харькове. А сейчас – по машинам!»

Часа через два мы прибыли в Харьков и снова сосредоточились на Холодной горе. Здесь начали получать пополнение живой силы, танки и артиллерию. Весь день прошел в этой сутолоке.

Вечером после совещания комиссар Андреев отозвал меня в сторонку и заговорил:

– Утром поедешь в Политуправление фронта на новую должность. У нас в бригаде по новому штату прежней твоей должности нет, а понижать тебя я не имею права и не хочу. Характеристику на тебя я написал хорошую. Надеюсь, и на новом месте воевать ты будешь так же достойно. На этом давай попрощаемся! – Он обнял меня, хлопнул слегка по плечу и пошел. Я смахнул слезу, потащился к политотдельской машине. Мне жаль было расставаться с комиссаром Андреевым. Хороший и душевный человек. Жаль было расставаться с товарищами, с которыми я свыкнулся и сроднился...

12 октября 1941

Из дома от матери получил первое письмо, в котором сообщалось, что мой младший братишка Леишка еще в июле сгорел в танке где-то под Брестом... Юноше было 18 лет, призван в армию в апреле 1941 г.

Ликвидировалась 47-я танковая дивизия, как и два месяца назад 16-я... Но обе они внесли свой вклад в дело нашей победы. Родина не забудет имена отдавших свои жизни во имя нашей Победы над фашизмом.

Шестеро нас – четверо командиров и двое политработников, выведенных при формировании бригады за штат, прибыли сейчас в резерв Юго-Западного фронта. Резерв размещается в самом большом здании Харькова, в Доме Промышленности в центре города. Командиры ушли в свое отделение, а мы – политработники, Миша Богомолов, бывший комиссар танкового полка и я, бывший зам. нач-ка политотдела 47-й т. д. – пришли в расположение политработников. Прибывшие раньше нас сюда товарищи от нечего делать где-то бродят по городу, в зале лежат лишь их вещи – рюкзаки, чемоданы.

Гражданские учреждения из города эвакуируются. Идет нудный обложной дождь. В туманном небе бродят вражеские одиночные самолеты и наугад, для паники, бросают тут и там бомбы.

Вечером стали сходитьсь обитатели Дома Промышленности. Знакомимся, вливаемся в разговор – своя братва...

13 октября 1941

Утром пошли с Богомоловым в Политуправление фронта. Через час нас принял нач-к Политуправления генерал Галаджев. Кратко побеседовав с нами, Галаджев вызвал работника своего аппарата подполковника Чернышева:

– Вот, идите с ним, он скажет, куда вы назначены, и что вам нужно делать. – В своем кабинете Чернышев вынул из стола бумаги, нашел наш приказ и объявил, что Богомолов назначен начальником курсов комиссаров, а я к нему – начальником учебной части – новое поприще. Чернышев сказал нам:

– Сегодня и завтра отберите семь преподавателей в резерве, шесть машин в АБТ центре, литературу в Политотделе и книжных

магазинах, и через два дня отправляйтесь в станицу Ново-Анненскую, куда днями будут прибывать курсанты. – Наша задача – через три месяца подготовить 300 человек комиссаров танковых рот.

В одиннадцать часов мы с Богомоловым уже рыскали по огромному городу в поисках машин, литературы и пр.

14 октября 1941

Утром мы с Богомоловым снова помчались по городу. Некоторые командиры частей сопротивляются отдать машины по приказу, и мы прибегаем к помощи Военсовета фронта.

Уже было темно, когда мы, уставшие и голодные, вернулись на ночлег в Дом Промышленности. В это время вошли два товарища, каждый имел бутылку коньяку.

– Это где достал? А ну, поделись!

– В пол-квартале отсюда ресторан эвакуируется, там военным дают бесплатно по бутылке! – Мы все, как один, хлынули туда – народ молодой!

Когда мы вошли в ресторан, то увидели: огромный зал был забит военными. Все они напирали на паркет, где солидный директор отваливал каждому бутылку. Рядом с ним стояла, слегка кокетничая, эстрадная актриса, видимо, подготовилась к выступлению, но оно не состоялось.

Директор стоял, как Цезарь, около ящиков вина, держа за руку актрису, слезно говорил:

– Дорогие наши защитники! Оставляем мы завтра наш родной Харьков. Чтобы продукты не достались врагу, раздаю и жертвую их вам. Каждому – бутылка коньяка и бутылка шампанского. Только, пожалуйста, без сутолоки, и чтобы порядок был, а то стало невозможно работать и дело придется прекратить. Пожалуйста, порядок!

Трое официантов выхватывали из ящиков бутылки и щедро вручали просящим, к ним тянулись сотни рук. Про-

ворные и ловкие ухитрялись получить дважды. Гвалт с каждой минутой нарастал.

– Командирам отпускайте вне очереди! – кричал директор... Получив с Богомоловым по бутылке, мы стали пробираться к выходу, но это было не так легко.

В это время черным ходом в зал прошел комендантский патруль. Начальник патрульной команды высокий капитан с красной аповязкой на руке подошел к директору и громко крикнул:

– Кто вам давал право спаивать людей и транжирить народное добро? Прекратите выдачу спиртных напитков сейчас же! – Директор с испугу побледнел, что-то залепетал дежурному. Выдача напитков прекратилась. Кто получил, как и мы, усиленно пробирался к выходу, кто не получил (а их были еще сотни), драли горло, чтобы выдачу напитков возобновили.

Не успели пройти мы до двери, как мимо нас через головы, тоже к выходу, переправили актрису, словно Жанну-де-Арк.

– Товарищи командиры! Ради бога, вы мне все колени исщипали, я попрошу! – взывала Жанна-де-Арк.

Едва мы с Богомоловым выбрались из ресторана, как подкатили две машины с патрулями. Мы ускорили шаг. А пришедшие вслед за нами наши товарищи сообщили, что подполковник из комендатуры тут же прекратил раздачу спиртного и выгнал всех военных из ресторана.

В ресторан уже никого не пускали, а из ресторана валом валил люд с бранью. У кого обнаруживали бутылки – со скандалом отбирали и бросали к ногам часового. Некоторые бутылки разбивались.

В Доме Промышленности на разостланной шинели со всеми удобствами безмятежно спал тот капитан, что давеча указал нам путь к ресторану. В ногах у него стояла опорожненная бутылка из-под коньяка...

Мы с Богомоловым сооружаем рядом со спящим из двух шинелей себе постель, распиваем одну бутылку, остальное убираем в чемодан. Ложимся.

16 октября 1941

Богомолов уехал вчера на «Газике» к новому месту нашей службы, а я, со всем нашим хозяйством и с преподавателями на шести грузовиках, выехал только сейчас, в 12.00 дня. Идет дождь, дорога – адская. Машины часто останавливаются, буксуют.

К вечеру еле-еле добрались до Чугуева, где догнали Богомолова. У него поломалась машина, и он с шофером чинит ее. Грязные, уставшие располагаемся на ночлег, варганим ужин.

17 октября 1941

Утром тронулись дальше. Та же дорога, тот же дождь. Не мы едем на машинах, а они на нас. Уже было темно, когда мы добрались до купянска. На окраине города в одной хатенке расположились Богомолов, шофер и я; в соседней – преподаватели и шоферы.

Мы заканчиваем ужин. Послышались звуки моторов в воздухе, и тут же началась бомбежка железнодорожного узла. На станции в это время стояли эшелоны с разным грузом. В одном из эшелонов было три вагона с взрывчаткой. Одна из бомб попала в эти вагоны. Страшный взрыв аж поколебал землю. Все окна в городе вылетели. Много жертв. Все пристанционные постройки уничтожены, на станции возник большой пожар.

– Ложитесь спокойно спать! – сказал шофер Федька Маслаков, помогая хозяину затыкать окна тряпьем.

18 октября 1941

Все по той же непролазной грязи, в невероятных трудностях, к вечеру мы добрались до большого села Уразово *Курской области*, недалеко от ст. Валуйки. Грязь – буквально до пояса.

– Мы уже, кажется, въехали в Черноземную область? – часто вставляет свои «шпильки» шофер наш Федька, – А здесь, я слышал, пласт чернозема до трех метров. Чего вы хотите?

Располагаемся на ночлег. Подошли двое военных. Ба! Капитан Добров. Он сменил меня в должности комиссара 204 батальона связи после Финской войны. Добров, как только опознал меня, бросился на шею и зарыдал. Всклипывает и рассказывает об Уманьской трагедии. Тот убит, тот ранен, эти попали в плен. Мы просидели до полуночи, вспоминая своих друзей и довоенную службу в Котовске...

20 октября 1941

Утро в Уразове. Дождь льет обложной, а мы собираемся в путь-дорогу. До места назначения нам предстоит еще проделать 250 км. Да когда же мы преодолеем это расстояние, если в сутки проходим 15–20 км? В грязи на дороге встречаются застрявшие машины, павшие лошади, бочки и пр. Досада и отчаяние наполняют душу.

Мы часто, буквально на руках, вытаскиваем своего «козла» из грязных ухабов, потому облеплены с ног до головы грязью.

Ночуем среди дороги в машине мокрые, злые.

Стало светать. Лязгая зубами от холода, кое-как завели машину от стартера. Меньше едем, больше буксуем и стоим. По обочине ехать – еще хуже. Кругом – сплошное тесто, а сверху льет и льет.

За день проделали 16 километров, дотянули до небольшой деревушки Малаховка. В одной грязной, с земляным полом, хатенке, располагаемся на ночлег. Хозяйка сварила нам ведро картошки в мундирах. С голоду и устали мы чешем картошку как грузчики.

В середине хаты – болото, в нем купаются три утки, хлопают крыльями, аж брызги летят. Хозяйка с троими малышами устраивается на своей кровати, Федька шофер – на печи, мы с Богомоловым – на лавках.

Блохи всю ночь кусали, как бешеные собаки.

23 октября 1941

Все та же скучная картина, все та же непролазная дорога, аж записывать ничего не хочется... Горючее – на исходе, а вокруг – ни села, ни воинской части. Поистине, положение наше – хуже губернаторского. К вечеру добрались мы до какого-то хуторка, проехали километров 12. Здесь засела какая-то батарея, и ребята пережидают дождь. Выпросили Христом-богом у артиллеристов на заправку горючего и масла.

24 октября 1941

В середине дня у нас поломалась машина. Сидели некоторое время, перебрасывались отдельными фразами. Дождь идет по-прежнему. Впереди, с километр в тумане дождя, виднеется какое-то село. Оставляем Федьку с машиной, а мы с Богомолковым, подсучив шинели, идем в село. Кое-как добрались. Идем на конюшню. Там оказалась лишь пара волов. Уговорили старика-конюха на волах притащить нашу поломанную машину в село. Старик начал ломаться, но когда мы ему пообещали бутылку спирта, в него вселился невероятный энтузиазм. Канистру спирта мы действительно имеем в машине: это Богомоллов раздобыл еще где-то в Харькове.

Старик с 15-летним парнем захватил веревку и отправился за машиной. Не прошло и часа, как наш «лимузин» был прибуксирован прямо к кузнице.

Федька, грязный и голодный, как пират, вылез из машины и заявил:

– Я где-нибудь разыщу противотанковую гранату и взорву этот «черный ворон»...

– Я тебе взорву! Я тебе взорву! – набросился на Федьку Богомоллов. – Исправляй вон. Чтоб машину завтра исправить!

– Пошли в хату, отогреемся и об ужине покумекаем! – предложил я.

Федька отогрелся, поужинал и запел:

– Привез его испанец зимой в телеге. – Русский человек, без юмора он и часу не жил. Он и сам говорил:

– Мне бы, дураку, на комика учиться, а меня на шофера черт понес!

27 октября 1941

Дождь с полночи льет как из ведра, он вообще уже идет с месяца, а сейчас льет особенно. Все кругом раскисло в сплошной кисель, как будто вокруг нас кто-то разлил тысячи цистерн жидкого теста...

Ехать надо, но ехать нельзя, да и машину еще не удалось доремонтировать. Вот уж досконально познали мы, что такое воронежская грязь во всей ее красе.

Перед вечером, подоткнув полы шинели, я отправился на противоположный конец деревушки к артиллеристам с целью попросить их, чтобы они помогли нам отремонтировать машину. У них есть такой же «Газик».

Темнело. Я подхожу к хате, где помещаются командиры артиллерийской части. Окна хаты прикрыты ставнями, через щели пробивается свет. Около окна стоит мужчина в плаще, слушает, о чем говорят подвыпившие командиры. Я тихо подошел сзади, вынул пистолет и громко крикнул:

– Руки вверх! – Не успел незнакомец обернуться ко мне, как на крыльце появилось человек пять артиллеристов. Все мы вошли в хату. С артиллеристами находился их начальник «Смерш». Я рассказал о своем подозрении, и нач. «Смерш» приступил к своим обязанностям.

– Кто таков, откуда? – спрашивает знакомого «Смерш».

– Я – начальник конторы «Заготскот» из соседнего района, – ответил детина и полез за документами. Но «Смерш», прежде, чем взять у него документы, начал его обыскивать. У знакомого ока-

зался пистолет «ТТ», финка и блокнот с цифрами и записями. Подозрения наши еще больше увеличились. Самое большое подозрение – десять тысяч рублей в крупной купюре.

– Посадить в амбар, приставить часового, утром разберемся! – распорядился «Смерш».

– Вы за все это будете отвечать! – со злобой сказал незнакомец, когда его уводили, – вы завтра узнаете, кто я такой!

Артиллеристы пообещали утром помочь в ремонте машины. Поужинав с ними, я стал пробираться к себе. О, грязь!

29 октября 1941

Артиллеристам спасибо! Вчера они помогли нам отремонтировать машину. Часов в десять утра мы снова на волах выволакиваем свои машины. Конюхи уже привыкли перетаскивать наши машины, за каждый раз они получали по кружке спирта.

Дождь все льет. И все же мы к вечеру, преодолев километров пятнадцать, добрались до большого села Алексеевки. Здесь – ж. д. станция.

Поужинав, мы держим совет. Богомолов решил: утром мы с Богомоловым и семеро преподавателей отправляемся поездом. Шоферы остаются с машинами, и как только установится путь, едут своим ходом к месту назначения. Шоферам оставили все продукты.

30 октября 1941

Рано утром комендант станции втиснул нас в товарный вагон, и мы отчалили. Отъехали от Алексеевки километров двадцать. Подъезжаем к какому-то разъезду, который бомбят семь стервятников. Вышли из вагонов и смотрим, как бесчинствуют пираты.

Как только фашисты улетели, попутно прострочив наш эшелон, троих убили, семерых ранили из числа пассажиров, начальник эшелона объявил нам: «Эшелон дальше не пойдет, так как на разъезде путь выведен из строя, когда починят – неизвестно»...

Мы берем свои чемоданы, сумки, идем пешком до следующей станции. Шли под дождем весь день. Ночевали кое-как в сидячем положении в каком-то придорожном сарайчике для ж. д. инструмента. Мокрые, голодные, злые.

В вагоне один капитан рассказывал, как он, будучи в разведке, в оккупированной деревне застал за столом немецкого майора, который чванливо ел вареные яйца, а после ужина обещал расстрелять хозяйку и ее четверых ребят.

31 октября 1941

В полуднях добрались до Острогожска. На окраине города нас остановили два пограничника. Проверили документы, отпустили, указали, где начальство. «Вот куда отодвинулась граница-то наша!» – говорит преподаватель Степин.

В кабинете полковника погранвойск отогреваемся, отдыхаем. Здесь услышали скорбную весть – 26 октября, где-то под Каневым убит из засады фашистами писатель Аркадий Гайдар...

В Острогожске решаем: я поеду один к месту назначения, чтобы подготовить кое-что для встречи курсантов. Богомолов подьдет попозже.

3 ноября 1941

Вторые сутки сижу в Лисках, не могу выехать даже при помощи коменданта. На дорогах от бомбежек и скопления эшелонов движение закупорено, на каждой станции скопилось по несколько эшелонов. Сутолока, шум, крики, слезы, ругань.

В середине дня комендант всунул меня в тамбур санитарного поезда. Поезд подолгу стоит на каждой станции, на каждом разъезде.

6 ноября 1941

Наконец-то сегодня в середине дня я добрался к месту назначения, в станцию Ново-Анненскую. Три недели добирался от Харь-

кова! Этот маршрут запомнится нам на всю жизнь.

Завтра праздник Октября, но какой это праздник, если вся Родина наша погружена в траур?

Собираю в одну кучу своих курсантов, некоторые из которых прибыли сюда уже полмесяца назад. Казачки приглубили их по своим квартирам и... без начальства они здесь сами себе хозяева. Ребятки после боев, ну?

Связываюсь с местными властями насчет помещений и обеспечения людей всем необходимым на первое время. Вечером собрал своих орлов на совещание. Некоторые уже смахивали на анархистов 1919 года. Сказал краткую речь: «Товарищи будущие комиссары! Приведите себя в порядок. В ближайшие дни соберется вся наша воинская часть, и мы начнем занятия. Не забывайте, зачем вас сюда послали. Время сейчас – тревожное, а мы с вами – люди военные, должна быть военная дисциплина. Оставьте свои адреса, а завтра в час дня все приходите в здание Райво, чтобы приготовить его к приезду наших товарищей и начать занятия».

Я обосновался на квартире у директора М.Т.С. Оставшись один, начал составлять расписание занятий. А вечером слушал речь Сталина на торжественном заседании в Москве. Сталин сказал, что, несмотря на наши жертвы и временные неудачи в начале войны, враг будет разбит и победа будет за нами. Речь вождя воодушевляла нас на подвиги.

8 ноября 1941

Сидим после завтрака: группа преподавателей и я, у окна ответственного нам помещения. Я встревожен тем, что преподаватели прибыли, а Богомолова все нет. Они расстались с Богомоловым на второй день после моего отъезда, в Острогжске. Решаем завтра начинать занятия, хотя курсанты собрались наполовину. Остальных ждать не приходится.

Под окнами гуляют старики-казаки. Они достали из сундуков свою старую форму *без погон* (брюки с лампасами, папахи, шинели с башлыками) и ходят как фазаны, *а мы любимся ими*. О, как они ненавидят немцев! Сейчас даже старики рвутся в бой.

А ночью был совершен первый налет вражеской авиации на станицу. К счастью, жертв не было. И сюда стал доставать, гад!

9 ноября 1941

Ночью прибыл Богомолов, и с ним – до 30 человек курсантов. Я обрадовался его приезду. Разослали всех курсантов по станице проверить светомаскировку. Через станицу круглые сутки проходят на фронт маршевые роты. Солдаты хорошо одеты по-зимнему и вооружены автоматами. Лихо поют песни.

Стало подмораживать, значит, скоро придут наши машины.

11 ноября 1941

Учеба с курсантами идет нормально. Сегодня всех водили на стрельбище. Ребята физически отдохнули.

Вечерами все преподаватели ведут беседы среди населения. Сегодня, во время моей беседы на одной улице, поднялся один пожилой казак и с энтузиазмом заговорил: «Вы, хлопцы, не знаете, как мы рубали этих колбасников в Карпатах в ту войну? Да я бы и сейчас их крошил как капусту!» На нем были штаны с лампасами, в левом ухе болталась серебряная серьга, а на груди колыхались два Георгия. Это действительно был рубака!

20 ноября 1941

Проходят напряженные дни учебы. Надо наверстывать упущенное. Сегодня наши курсанты в местном клубе давали концерт самодеятельности. Народу было битком. Казаки включились в концерт и лихо плясали.

29 ноября 1941

Сегодня отпросился на пару дней отскочить в родные места, навестить семью и мать с ребятишками. Отсюда – двести километров. Когда еще придется мне с ними увидеться? Снегу выпало пока мало, с учебной дело наладилось.

В середине дня я с шофером Пастернаком выехал на полторке. Едем по степи, ведем разговор. У шофера на Украине в оккупированной зоне осталась семья: мать и жена с двумя ребятами. И мы говорим с ним только об этом. Пастернак говорит о семье со слезами на глазах. Я понимаю его положение, но чем ему можно помочь?

Уже ночью мы добрались до Балашова. Ночевать заехали к моему двоюродному дяде Симонову Петру Ильичу. Последнего я не видел лет пять и очень обрадовался нашей встрече. После чая, когда шофер уже спал, мы долго разговаривали с хозяином о житействе, перебирая своих земляков...

30 ноября 1941

Поднялись с рассветом, выехали. Я дорожку каждой минутой времени. До родного села Лады от Балашова – 50 километров. Дорога накатана, и через час мы примчались в родное село.

Родной домишко от времени уже врос в землю. Выбежали мать, сестренки, племянницы; прибежали соседи, и пошел разговор. Мать сильно постарела. Из пяти сыновей ее, мы четверо – на войне. Младшего Лешки уже нет в живых, о Федьке и Ваське ничего не слышно... Сколько лет перед войной мать мечтала о том, чтобы мы все вместе собрались к ней под родной кров, и она поглядела бы на всех нас... Увы! Не сбылось ее материнское желание. Помешала война. Плачем все. Взахлеб обмениваемся новостями.

Часа четыре пробыл я в родной избенке, не отходя от матери и сестренки. Несколько моих друзей детства уже погибло на войне. Не хочется отрываться от родной пуповины, но мне надо ехать в

Аркадак, отсюда 45 километров, где сейчас, после эвакуации, живет с двоими ребятами жена – моя семья. Последние еще ничего не знают обо мне с начала войны.

Прощаюсь со всеми плачущими, уезжаю. Сердце заныло в мучительной тоске. Уже наступает ночь.

Дорога от Лады до Аркадака – более занесенная и мало наезженная. Аркадак – это другой район, и сюда, особенно с началом войны, ездят мало. Машина наша часто пробуксовывает. Ночь – лунная и тихая, а морозец – подходящий.

Часа три буксовали до Аркадака. И вот, словно призрак, я предстал перед своими. Ребята не слезают с колен, наперебой рассказывают все подряд. *Я им говорю, что скоро приеду совсем. А сам про себя думаю, увижу ли я еще их?* Опять приходят соседи и спрашивают, и рассказывают все новости. Тепло. Уютно. Пьем чай...

1 декабря 1941

Аркадак. Морозная дымка стелется по снегу. Со слезами оторвал от груди своих ребят. Заскрипели по снегу скаты машины. Мелькают покрытые инеем домики, садики. На душе – грустно, тоскливо. Больше всего не люблю день разлуки с семьей. До самого Балашова сидим с шофером молча. Вот и Балашов, наш бывший уездный городишко.

С курсантами идут регулярные занятия. Сегодня вышел первый «Боевой листок». В связи с седьмой годовщиной злодейского убийства С.М. Кирова в листке помещено оригинальное стихотворение курсанта Аржанова.

3 декабря 1941

Из-за выпавшего снега дорога стала менее проходимой, и мы только сегодня вечером добрались до Ново-Анненки. Без меня здесь Богомолова вызвали в штаб фронта. Видимо, должны быть какие-то новости.

Всю ночь через станицу идут воинские части. Далеко слышны на морозе скрип снега под колесами пушек и под ногами солдат. Солдаты часто стучат в окна, просят обогреться.

7 декабря 1941

Вечером прибыл из Воронежа Богомолов, с ним – подполковник Чернышев и майор Швецов – оба представители Политуправления с проверкой наших дел.

9 декабря 1941

Чернышев и Шевцов /Швецов?/ двое суток проверяли ход учебы, быт и устройство курсантов. Сделали ряд замечаний, беседовали с преподавателями, с курсантами. А перед отъездом передали приказ Политуправления фронта, чтобы мы в ближайшие дни перебазировались в Воронеж...

11 декабря 1941

Два дня вели занятия и одновременно упаковывали свое имущество, готовясь к переезду. Завтра отъезжаем. Уезжать с насиженного места нам ну никак не хочется.

12 декабря 1941

Морозное утро. Погрузили наше небольшое имущество. Нас провожают многие жители. Курсанты шутят, поют. В полуднях прибыли в Поворино. На перроне лежат несколько солдат, отравившихся утром древесным спиртом из цистерны. Это черт знает что такое!

За Поворино снегу больше, дорога переметана, и машины наши часто останавливаются. В таких случаях курсанты тут же спрыгивают и проталкивают их. *Около Борисоглебска одна машина вышла из строя. В открытых кузовах курсанты совсем околели и загрипповали. А в ночь разразилась небывалая пурга.*

На ночлег мы остановились в селе Ново-Макарово. Озябшие курсанты мигом рассыпались по хатам.

13 декабря 1941

Ночью разразилась небывалая пурга, и сейчас бушует, не видно белого света. Сугробы снега – уже под крыши домов.

Совещаемся, спорим с Богомолвым, как быть. Решили проводить занятия в домах, небольшими группами, до установления пути. Собираем преподавателей на совещание. Ночь курсанты коротают кто на печи, кто на полу.

Мы с Богомолвым и Федька-шофер устроились спать тоже на полу. У нашей хозяйки в избе – теленок, он в трех метрах от нас. Прошло с полчаса, как улеглись спать, и хозяйка погасила лампу. И вот теленок сорвался с привязи и, как бешеный, стал носиться по избе. Он наступил на ногу Богомолву, затем свалил ведро с водой, и вода хлынула на нас. Пока хозяйка засветила огонь, глупое животное произвело настоящий погром. Мы вынуждены были перебраться на печку – здесь, хотя и тесновато, но сухо.

– Завтра, Федька, подыщи нам новую квартиру. Здесь тесно и грязно, – отдает приказание Богомолв.

– Тут в Ц.Ч.О. в деревнях в каждой хате земляной пол, утята, поросята и телята в избе, – отвечает Федька.

– Кончай разговор, спи! – заключает Богомолв.

19 декабря 1941

Вот уже неделя, как бушует пурга, прижав нас в селе Ново-Макарово. Хожу со двора на двор и проверяю, как проходят занятия. Богомолв с Зампохозом занимается питанием личного состава.

Мы оторваны от всего мира, как Челюскинцы – ни радио, ни газет. Мы не знаем уже несколько дней, что творится на фронтах. Ну какое может быть качество занятий в данных условиях? Вот пе-

ред вечером зашел в одну группу, а там девчат больше, чем курсантов, как на свадьбе.

– Староста группы, что это такое?

– А куда мы от них денемся?

За каким чертом нас потащили из станицы в Воронеж? Сколько еще дней нам придется сидеть? А прекратится пурга, чем мы будем расчищать путь?

Ко всему этому, несколько курсантов загрипповало и лежало в постели...

22 декабря 1941

Тишина. Морозное утро. Десятидневная пурга окончилась. Но дороги так замело, что без очистки их и пешком не пробраться. Решили так: я еду на колхозной лошадке по маршруту вперед до следующей деревни на разведку пути, а Богомолов идет к директору М.Т.С. насчет трактора для очистки дороги.

Часов в двенадцать на огромных дровнях я с ветхим стариком тронулся в путь. Старик ветхий, а его лошадка еще старше его. Снег глубокий почти по всей дороге. Мы не отъехали и пару километров, как наша коняга стала останавливаться и хлопать боками как парусами на ветру. Не доехав до деревни с километр, лошадь стала окончательно. Декабрьский день – короче воробьиного носа, уже стало смеркаться. В степи начала снова разыгрываться пурга. Мы стоим. Впереди в деревне вспыхнул огонек.

– Вот что, сынок, – говорит мне дед, – до деревни тут рукой подать, дойдешь быстрее. Назад, к дому, она может, дойдет, а вперед – никак. Вам-то, военным – плыть да быть, а мне с лошадкой погибать ни за что, это как? – Я слезаю с дровней. Старик разворачивается на обратный курс. – С богом! – крикнул он мне и затрусил в Ново-Макарово... Иду на огонек и читаю в душе рассказ Пушкина «Метель».

Побрел на огонек. Снег – местами до пояса. Вскоре я стал весь

мокрый. Уже было темно, когда я постучался в окно крайней хаты. Дверь открыла пожилая тетка. Попросил ночлега.

– Раздевайся, садись с нами есть картошку! – рядом, опасаясь на меня, садятся внучата хозяйки, два мальчика и девочка. Когда я рассказал хозяйке, как меня десантом высадил в степи старик, хозяйка сказала:

– Да что же это ты, военный человек, а не пригрозил этому бессовестному старику, чтоб он до деревни довез тебя?

С удовольствием ем ароматную воронежскую картошку, затем засыпаю на лавке как убитый.

23 декабря 1941

Поблагодарив гостеприимную хозяйку за ночлег, я пошел разыскивать местную власть. Самая высокая власть в этой деревушке – дворник-бригадир. Он без сопротивления снаряжает мне лошадь обратно в Ново-Макарово, видимо, потому, что ему надо было туда посылать парня по какому-то делу.

Пурга, которая начала было вечером снова разыгрываться, прекратилась, но свинцовые тучи сумрачно висели по всему горизонту.

Возница мой, паренек лет пятнадцати, довольно любопытный, всю дорогу меня пыгает как на допросе:

– А я знаю, кто вы!

– Кто?

– Майор!

– Да, майор!

– А сколько вы немцев сами убили?

– Да фашистов семь свалил...

– Маловато! А когда вы их прикончите?

– Да вот, наверное, весной рассчитаемся.

– А из «Катюши» вы стреляли?

– Нет, не приходилось.

– А орденом вас наградили?

– Один имею.
– А если я добровольно в партизаны захочу, меня возьмете?
– Пока нет. Для этого подучиться надо. Да и в колхозе работать надо. Мужиков-то из колхоза много молодых взяли.
– Э-э... тут баб да девок много, обойдутся! А что, правда, эти немцы как в колхоз приходят, так весь хлеб и скот забирают, а девок наших сильничают?
– Правда!
– Вот гады!
– А Сталина вы не видели?
– Нет, не видел. В Москве я не служил, а все на границе.
– О, это интересно! А какая она граница, расскажите!
Но лошадка у моего ямщика оказалась справная и везла нас спористо. Я не успел ответить пареньку – мы въехали в Ново-Макарово. Подарить хлопцу, кроме карандаша, у меня не было ничего...

25 декабря 1941

Богомоллов выпросил у директора М.Т.С трактор с волокушей, который и пошел на расчистку пути. Вскоре вслед за ним мы всем табором двинулись на Воронеж. А до Воронежа... еще бог мой! За каждой машиной – группа курсантов, они толкают машины метр за метром.

За день проехали километров двадцать. Ночевали на ферме какого-то совхоза, где всего одна изба. Мы опасаемся – как бы снова не грянула пурга, тогда наше дело – труба, это будет еще хлеще, чем то, как мы просидели полмесяца в Ново-Макарово, ибо здесь нам никакой помощи никто не окажет.

29 декабря 1941

Последние четыре ночи ночевали в попутных деревушках и хуторах, а с наступлением дня пробивались к Воронежу. Часть курсантов обморозилась, а гриппуют почти все. Но сегодня, кажется, наш «Ледовый поход» кончается.

Уже ночью мы добрались до станции Анна. Все обрадовались. И, не смотря на измотанность в пути, все ликуют, обнимают друг друга, как все равно после победоносного боя. Слышу разговор: «Ну, коли добрались до бабушки Анны, то теперь мы не замерзнем».

Быстро расквартировали курсантов, накормили горячим ужином. За ужином решаем: шоферов с машинами оставляем пока в Анне, а мы все отправляемся утром до Воронежа поездом. От Анны до Воронежа осталось 135 километров.

30 декабря 1941

Поздно вечером ныне добрались до Воронежа. От ст. Филоново до Воронежа мы находились в пути 19 суток, испытав декабрьские морозы и сплошь заснеженную зимнюю дорогу. Да, на войне бывает все.

Воронеж по несколько раз в сутки подвергается налетам вражеской авиации, и уже порядком разрушен. В разных местах города – пожары.

Оставив курсантов с преподавателями на вокзале, мы с Богомоловым отправились в Политуправление фронта доложить о прибытии и решить вопрос размещения личного состава. Нам указали разместиться в корпусах Сельхозинститута.

(18 декабря 1941: разместились кое-как в холодных корпусах Сельхозинститута. А утром 19-го декабря нас вызвали в Политуправление и дали нагоняя за самочинное заселение зданий.)

Уже к полуночи мы прибыли в указанное место, от вокзала это довольно далеко. Корпуса с начала войны не отапливаются, пустуют, и в каждом здании – собачий холод. Стены заиндевели, с потолков течет, канализация не работает, на полу – вода. Люди ворчат, ругаются. И правильно возмущаются. Зачем было перемещать нас сюда из Ново-Анненки?

Учебная программа – под угрозой срыва.

1 января 1942

Да здравствует Новый 1942 год!

Миновал 1941 год, год войны, лишений и неудач для нас, для нашего народа... Но мы верим в свою Победу и готовы переносить все лишения. Не посмотрим ни на какие жертвы, и Победа будет за нами!

2 января 1942

Ночевали все словно в холодильнике. Многие – в сидячем положении, скорчившись, руки «рукав в рукав». Семнадцать курсантов и преподаватель Перверзев на занятия не поднялись, они – в сильном гриппозном состоянии. Надо быстрее наладить дело с пищеблоком, с учебой, с медицинским обслуживанием. А ведь нас – всего около четырехсот человек! Так мы встречаем Новый год.

Богомоллов тоже еле держится на ногах.

3 января 1942

Утром Богомоллов отправился в интендантство фронта, а я – в Политуправление для решения насущных вопросов. Вечером мы с Богомолловым обсуждали создавшееся положение. Я его обрадовал тем, что начальство разрешило нам разместить курсантов по частным квартирам, а занятия проводить в институте. Больных – поместить в гарнизонный госпиталь.

Мы едва разместили курсантов, как город подвергся большой воздушной бомбардировке. Одна из бомб ударила в соседний дом. Семья из четырех человек погибла. Хозяйка наша с двумя небольшими ребятами все время от страха плачет. Она особенно боится, когда мы уходим из дома.

Часа два возились с окнами. Стекла окон во время бомбежки вылетели. Затыкали их тряпками.

9 января 1942

Учеба идет так себе. Скорее бы закончить с этим делом! Все так очертенело! Больные почти все вернулись из госпиталя. Ныне прибыл представитель Политуправления фронта. Кое-что проверил, расспросил и сказал перед уходом, что через месяц мы закончим учебу. Половину программы пробежать за месяц?

14 января 1942

Ежедневно по нескольку раз вражеская авиация бомбит город. Многие здания разрушены.

Вечером с Богомоловым возвращались из Политуправления. Проходили какой-то скверик, когда бомбы посыпались прямо на нас. Мы упали в сугроб. Стервятники сделали несколько заходов и держали нас, не давая поднять головы, довольно долго. Мы со своим другом обморозили лица и руки. Три самолета врага были сбиты нашими зенитчиками.

19 января 1942

После нескольких сбитых за последние дни нашими зенитчиками вражеских самолетов немцы теперь бомбят город по ночам. Как только наступает ночь, фашисты повиснут над городом и начинают сыпать на наши головы фугасы и зажигалки, обстреливают из пулеметов. Но, несмотря на все трудности, занятия с курсантами проводятся, и дело с учебой подходит к концу.

26 января 1942

Весь день ругались и хлопотали перед своим начальством по части продуктов и дров, ведь 380 мальчиков, разбросанных по квартирам города, надо кормить.

На квартиру вернулись с Богомоловым озябшие, голодные. Едва сели перекусить, как объявили воздушную тревогу. Проверяем светомаскировку. Деваться нам некуда. Бомбы рвутся где-

то рядом. Дом дрожит и потрескивает. Хозяйка и ребяташки плачут.

30 января 1942

Закругляем нашу учебную программу. Занятия проходят напряженно. Совместными усилиями наверстываем время, упущенное в переездах. Все пережитые трудности сблизили наш коллектив. Я представляю себе в недалеком будущем нашу разлуку и часто думаю об этом. Ребятки наши, как братья, сроднились между собой. Как же они будут расставаться вскоре?

Прошлой ночью, через квартал от нас, крупнокалиберная бомба упала на общежитие девчат, работающих на оборонном заводе. Имеется много жертв.

3 февраля 1942

Вечером проводил занятия в одной группе. После занятий надолго затянулась частная беседа. Курсанты рассказывали свои военные приключения, довольно интересные. Ночь – ясная, морозная, и почему-то сегодня нет фашистских стервятников.

8 февраля 1942

Наступило время, к которому мы стремились более трех месяцев – начинаются зачеты и экзамены наших курсантов. Мы должны дать нашей Армии 380 комиссаров рот и батальонов.

В 11.00 из Политуправления фронта прибыл бригадный комиссар Ушаков с группой политработников-экзаменаторов. Они стали вызывать по списку каждого курсанта в отдельности и беседовать с ним, проверяя степень его подготовки. Работали сразу пять групп экзаменаторов. Экзамены шли до 21 часа.

А поздно вечером собрали нас всех, преподавателей и курсантов, в актовЫй зал института, где зачитали два приказа Военсовета фронта.

В первом приказе было объявлено о присвоении воинских званий, во втором – о назначении в должность.

После товарищеского ужина бывшие курсанты распрощались с нами и отбыли в резерв фронта. Затем объявили приказ Военсовета фронта, где нам, всему начальствующему составу курсов, объявлена благодарность с занесением в личное дело. Кроме того, Богомолу и мне досрочно присвоено очередное звание «батальонный комиссар» и вручено по именованному серебряному портсигару.

9 февраля 1942

Утром распростились с преподавателями курсов: Радецким, Степиным, Переверзевым, Авросимовым – они тоже отбывают в резерв фронта. Мы с Богомолу остались вдвоем. И сразу на душе стало как-то пусто, тоскливо... Куда мы последуем со своим другом, пока неведомо.

12 февраля 1942

Словно осиротевшие, мы с Богомолу бродим по старинному русскому городу Воронежу. Нам дали трехдневный отпуск, и вот мы гуляем, осматриваем город.

Воронеж – истинно русский город, имеет свою богатую историю. Здесь – памятники Кольцову, Никитину, Петру Первому. Воронеж – родина Плеханова.

16 февраля 1942

Сегодня в Политуправлении узнали, что нас с Богомолу отправляют в Главрезерв в Москву. Нам дали по нескольку анкет – листов, которые мы должны заполнить и завтра сдать сюда.

17 февраля 1942

Анкеты заполнили, сдали. Нам сказали, чтобы мы уходили на квартиру и никуда не отлучались, так как нас могут вызвать в любое время.

Богомолов где-то раздобыл книгу «Граф Монтекристо», и вот мы на переменках ее мусолим от нечего делать, как когда-то в детские годы.

21 февраля 1942

Утром за нами пришла машина и увезла нас в Политуправление. Нас тут же принял начальник генерал Галаджеев. Генерал побеседовал с нами минут 10 и сказал: «Получайте командировочные и сегодня же отправляйтесь в Главрезерв в Москву».

(1 января 1942: после выпуска курсантов нас с Богомоловым откомандировали в Главрезерв в Москву. Ночь. Сидим в переполненном Воронежском вокзале в ожидании поезда. Какой-то верзила сержант (подвыпил по случаю Нового года) взобрался на стол и начал орать несусветную околесицу, солдаты его стащили и выпроводили в толчки.)

Поздно вечером на Москву отходит воинский спецпоезд, в который сели и мы с Богомоловым. В вагонах – теснота, духота, но кругом – свой родной народ.

23 февраля 1942

Сумерки. Наш поезд только что прибыл в столицу. По дороге несколько раз подвергались бомбардировке с воздуха, но все обошлось благополучно.

Столица затемнена. С Курского вокзала до площади Маяковского – черт-те куда! Идем пешком. У меня – чемодан и рюкзак, у Богомолова – чемодан и матрац, чем-то набит. Мы часто останавливаемся передохнуть. В одном месте я пощупал матрац своего друга и был поражен – в матраце был автомат с диском, да еще два диска с патронами, про запас. Я рассмеялся:

– За каким чертом ты захватил это? – спрашиваю.

– Не скаль зубы! Это память еще из 47 т. д. и с ним до конца войны не расстанусь! – Как истый сибиряк, мой друг очень любит оружие, но самое главное – он умеет беречь память друзей.

До предела усталые, добрались мы в академию им. Ленина на площадь Маяковского. Здравствуй, родная моя, кузница политработников РККА!

Располагаемся на третьем этаже. Чистая постель. Тепло. Мы уже забыли про такой уют. Но едва мы улеглись в постель, как объявили воздушную тревогу. «Немедленно всем в метро!» – кричал дежурный. Наспех одеваемся, спускаемся вниз.

Тревога продолжалась с час. В сотне метров от выхода из метро на четырехэтажный дом упала бомба крупного калибра. Два верхних этажа разрушено. Имеются жертвы. Тревога окончилась. До утра спали спокойно.

Так прошел для нас День Красной Армии.

27 февраля 1942

В столице жизнь бурлит днем и ночью. Всюду дисциплина, порядок, все строго, официально. Ритм жизни не останавливается ни на минуту. Учреждения, заводы и фабрики, транспорт работают как часы.

Мы днем по несколько часов гуляем по Москве, знакомимся с ее достопримечательностями.

2 марта 1942 (24 января 1942)

Сегодня к нам в Главрезерв на беседу прибыл писатель Илья Эренбург. Он проводил с нами беседу «О моральном облике немецких солдат и офицеров».

Эренбург ведет беседу мастерски. Мы часто аплодируем ему как заправскому артисту.

*(Он читал главы из своей будущей книги «Девятый вал».
Читал нудно, скучно.)*

А после беседы был концерт. Перед нами выступали светила столицы: Уланова, Лемешев, Максакова, Рейзин и др. Такой концерт не забудешь.

3 марта 1942

Утром меня с политруком Рудерманом вызвали в Главное Политуправление. Я подумал, что за получением назначения. Но, увы! Оказалось, что в течение двух суток нам надлежало проверить готовность двух бронепоездов при отправке на фронт на станции Ховрино, где и провели мы со своим товарищем двое суток.

12 января 1942

Экскурсия в редакцию «Правды». Вот это да! В Москве просто пожить – и то многое узнаешь, многому научишься.

15 января 1942

Экскурсия в Третьяковскую галерею. Шедевры, от которых трудно оторвать глаз. В художественных полотнах отображено великое прошлое нашего народа, его гений и интеллект.

5 марта 1942 (17 января)

Утром докладывал в Глав. Политуправлении о результатах проверки бронепоездов.

Когда перед вечером вернулись к себе на пл. Маяковского, в Актовом зале резервисты были собраны на лекцию О.Ю.Шмидта «О значении Великого Северо-морского пути». Лекция очень интересная. *Но слышимость была плохая.*

В курилке перед отбоем всегда веселые разговоры. Некто, затягиваясь дымом, острит:

– В резерве кормят как на убой: на завтрак – манный суп, в обед – манный суп с консервами, на ужин – чай. И когда только выберешься на передовую?

Из Ленинграда только что прибыл батальонный комиссар Лукин. Его койка – рядом с моей. Лукин рассказывает нам жуткие

вещи о положении в Ленинграде. Затаив дыхание, мы слушаем волнуемую летопись наших дней. О, мужественные наши ленинградцы!

10 марта 1942

Мой друг Мишка Богомолов получил назначение – он едет комиссаром танковой бригады. Он достоин этого. Я сейчас провожаю его на Курском вокзале. Много пережили мы с ним вместе с первых дней войны!

– Прощай, друг! Придется ли нам встретиться еще на бесконечной военной дороге? Я тебя не забуду! – сказал он мне, обнимая. Когда его поезд отчалил, я словно потерял родного брата. С грустью в сердце вернулся я к себе на пл. Маяковского. Не успел я пройти вестибюль Академии, как меня вернул к себе дежурный:

– Ваша фамилия? – Я назвал. – Звонили из Глав. ПУРа, приказано вам явиться туда сейчас же в 38-ю комнату.

Спускаюсь в метро, еду в ПУР. Вот и 38-я комната. Захожу. Сидим за столом. Ст. батальонный комиссар подает мне кипу анкет, ведет в пустую комнату.

– Не уйдешь отсюда, пока не заполнишь все эти анкеты. Буфет вон там, сейчас он пока закрыт, туалет, кушетка для отдыха здесь в комнате. Все. – Я разделся и принялся за писанину. Уж очень много у меня родственников, и потому всякий раз писать мне свою биографию – все равно, что переписывать роман «Война и мир» Л. Толстого. Но писать надо, требуют.

11 марта 1942

В середине дня вернулся в Академию.

– Вы что, по девчатам гуляете до сих пор? – спрашивает меня староста комнаты.

– Да, был более полусуток тут у одной москвички, имя которой – Глав. Политуправление РККА, – ответил я.

– Это – другое дело. Идите на обед!

После обеда – «мертвый час». Я крепко заснул. Но вскоре был разбужен возбужденным разговором своих товарищей. Оказалось, что делили «наркомовскую посылку» одного товарища. Я не знал о том, что как только кто-то получает назначение, ему со склада А.Х.О. вручают продовольственную посылку. Среднему комсоставу – на 10 кг, старшему – на 15. В посылке – сухофрукты, печенье, сухая колбаса, кусок шпика и... поллитровка. Вот и делят сейчас эту посылку. Мне тоже досталась горсть сухофруктов. А вот Богомолов уехал без посылки, подумал я. Гордость сибиряка не позволила?

В 22 часа меня снова вызвали в Глав. ПУР. На этот раз меня, как Кузьму Крючкова, водили из кабинета в кабинет, представляли, знакомили, заставляли кратко рассказывать о себе. Наконец-то привели к начальнику бронетанкового отдела полковнику Вишневскому, который объявил мне, что я назначен начальником политотдела 58-й танковой бригады, которая сейчас находится на переформировании в Костереве, в 150 км от Москвы.

Потом начался инструктаж. Вся процедура затянулась до 20 часов. Получив посылку в А.Х.О., я прибыл в Академию. «Милая братия» встретила меня в дверях, отняли посылку, распаковали и начали делить на всех. Правда, на этот раз мне, как хозяину, поднесли сто грамм.

– А что вы хотите? – говорил один, – Тут такой порядок: товарищ, что получил посылку, едет на фронт, харч там приличный. А мы здесь на 10-й норме сидим. И сколько еще сидеть будем? Неизвестно.

12 марта 1942 (10 февраля 1942)

В три часа ночи за мной зашла попутная машина. Это уже была забота Политуправления. Ехал на машине политрук Шаш.

Морозная ночь. Долго выбирались из Москвы. Прощай, Москва! Рано утром прибыли в расположение бригады. Шаш указал мне избу, где Политотдел.

Все работники Политотдела спали. Я потихоньку лег с краю на своей шинели, не будгача их.

13 марта 1942

После завтрака пошел представиться комиссару бригады полковому комиссару Соловьеву, командиру бригады подполковнику Моргунову, начштаба подполковнику Гордову, нач. Особого отдела Котову и др.

Говорят, что первое впечатление редко обманывает. Может и правильно. Характеристики, которые я получил о начальствующем составе 58 т. б. в Политуправлении, подтверждались полностью, как только я познакомился с руководящими лицами.

Комиссар Соловьев: более чем спокоен. Либерален. В работе себя не переневоливает. С личным составом беседует редко. Живет в отдельном особняке, куда вызвал месяц назад жену. Через стену в том же особняке живет со своей п.п.ж. командир бригады Моргунов. Напыщенный, чванливый, с личным составом груб. «Руководит» только голыми, сухими приказами. Безоговорочно поддерживается комиссаром во всех, даже неправильных действиях. А долг комиссара – особенно неотступно работать над воспитанием командира, как это делал Фурманов.

Начштаба подполковник Гордов – тучен, молчалив, беспечен, не оперативен. Все чем-то обижен. Много не договаривает. Нач. Особого отдела майор Котов – инициативен, честен, принципиален, за дело беспокоится. В бригаде пользуется уважением.

Таково было мое первое впечатление. Но люди познаются в практических делах. Поживем – увидим...

14 марта 1942

Вечерами знакомлюсь с работниками аппарата политотдела, где всего семь человек, а днем хожу по подразделениям и знакомлюсь нашими боевыми единицами и с хоз. подразделениями. Из

всех разговоров и документов складывается история бригады, ее боевой путь. Бригада участвовала в боях, но абсолютно ничем в них не отличилась, а потому командиры среднего звена говорят о минувшей истории своего соединения с какой-то досадой и с неохотой. Значит, в Москве меня ориентировали правильно. Командир бригады Моргунов – больше кажется, чем есть на самом деле, рисует, петушится, с подчиненными груб. А комиссар Соловьев на всю его кичливость смотрит с олимпийским спокойствием, как и подобает слабовольному и беспринципному человеку. А партия требует – комиссар должен быть душой личного состава.

Вечером долго сидели у Нач-ка Особого отдела Котова, говорили о делах в бригаде, о ее прошлом. Котов приподнял передо мною завесу интимной, личной стороны командования бригады. Мне нравится этот энергичный коммунист своим честным отношением к делу, принципиальностью и партийностью. Его мнения на все вопросы совпадают с задачами ЦК и Политуправления.

17 марта 1942

В двух подразделениях присутствовал на отчетных партсобраниях. Критика недостатков – слабая. Я чувствую, что меня еще мало знают, дескать, не такой ли я, как и комиссар Соловьев? Потому ходят вокруг да около. Но я вижу, что передо мною – честные люди, и они болеют душой за авторитет и славу бригады. Им надо помочь, их надо воодушевить. Я кратко выступил. Просил вскрывать и устранять недочеты, за которые всегда приходится расплачиваться в бою. Просил в любое время заходить в политотдел, напомнил, что коммуниста все касается, и плох тот коммунист, который видит недостатки или безобразия, но боится сказать о них прямо кому бы то ни было.

25 марта 1942

Собрания, совещания в подразделениях. Мне надо успеть не только формально побывать в каждом подразделении до выступле-

ния бригады на фронт, но и ознакомиться с положением дел в деталях, выявить недочеты и устранить их, воодушевить людей на ратные подвиги, которые не за горами, укрепить парторганизации.

Последние трое суток провел в хозяйственных подразделениях. Некоторые начальники заражены беспечностью, безответственностью, и не думают, что нас в любую минуту могут послать на фронт. Ох, эта наша русская беспечность!

29 марта 1942

Вечером Соловьев и Моргунов пригласили меня к себе на квартиру для беседы. Здесь уже сидели Котов и Гордов. Ну, а также жена Соловьева и «жена» Моргунова.

Был подан ужин, выпили по сто грамм. Все было как-то натянуто и скованно. И вот начал говорить Моргунов. Он говорил как-то скороговоркой, как будто боялся, что его вот-вот прервут; говорил отдельными фразами, о себе лично, высокомерно и напыщенно, часто ссылаясь на генерала Лелюшенко, давая понять, что последний выдвинул его на командира бригады и является его шефом и покровителем. Соловьев же кивком головы как бы одобрял направление речи Моргунова. Котов незаметно под столом жал мне ногу своей ногой.

Котов не вытерпел и сказал, что в бригаде еще уйма безобразий, и что надо их устранять, а не хвалиться, что бригада к боевым действиям еще не готова, и если в ближайшие дни мы получим приказ вступить в бой, эти все безобразия тут же скажутся на ее боеспособности. К моему удивлению, Котову стал резко возражать комиссар Соловьев. Что-де Котов все преувеличивает, что де таких недочетов не меньше в других соединениях, а у нас все в порядке.

Я, как человек новый здесь, промолчал, а цель Моргунова и Соловьева была, как видно, вызвать на этот разговор меня.

Когда мы с Котовым шли к себе, он сказал:

– Чувствую, что как воевали мы плохо, так и снова будем воевать с таким командованием. Это – не командир, а самонадеянный

мальчишка. Не дорос он еще до командира бригады. А Соловьев, Соловьев-то какую позицию занимает?

2 апреля 1942

С Котовым у меня завязалась настоящая дружба. Мы с ним вечерами часто говорим исключительно о делах в соединении, взаимно обмениваемся информацией. Дружба наша развивается исключительно на деловой основе. Котов – трезвый, честный, инициативный парень, скромный, прямой. Я часто думаю про себя: «Если бы его качества переплести в Моргунова и Соловьева, то дела у нас шли куда лучше».

Штаб планирует «генеральные учения» с выводом буквально всех подразделений и матчасти. А погода началась скверная, вторые сутки идет мокрый снег с дождем, а в лесах здесь и без того снегу много.

С Соловьевым присутствовали вечером в стрелковом батальоне. Выступающие говорили о серьезных недочетах. В заключение выступил Соловьев. Речь его здесь мне понравилась, зря говорить нечего.

7 апреля 1942

В ночь все подразделения вышли на учения. А погода сырая, ветреная. Весь день бродили в лесу по глубокому мокрому снегу, разыгрываем встречный бой.

Вечером после учений я в землянке начштаба бригады Гордова. Мне хочется ближе познакомиться с этим начальником, узнать, кто он, ведь от него зависит много. Гордов больше молчит. Спросишь что – ответит и снова замкнется в свою скорлупу. Он скромнее Моргунова, свое дело знает, но вижу – инертный и малоинициативный. Как и всякий тучный тип, он мало подвижен, делает все медленно, не торопясь, даже там, где надо пошевелиться.

9 апреля 1942 (5 марта 1942)

Трехдневные учения показали, что в подразделениях надо много еще чего сделать, чтобы они стали боеспособными. Заня-

тия прошли путано, неорганизованно: связь и взаимодействие – из рук вон плохо, задачи ставились нелепые. Только измучили людей и сожгли горючее. Неужели воевать так будем?

Разборку учений Моргунов поручил начальнику штаба Гордову. Сам вроде заболел гриппом.

После разборки Гордов сказал мне, что в ближайшее время будем проводить боевые стрельбы танков и орудий.

12 апреля 1942

Проводим весь день боевые стрельбы из танков и орудий. Результаты – посредственные. По беспечности и халатности в одной роте убит сержант и ранено двое рядовых. Весь вечер с Котовым занимались расследованием.

Ночью из Москвы прибыл представитель Глав.ПУРа ст. батальонный комиссар Кузнецов. Кузнецов поднял нас с Котовым в два часа ночи с постели и стал расспрашивать о положении дел в бригаде. Командира с комиссаром он еще не видел. Я подумал, что прибывший товарищ имеет целью проверить лишь работу Политотдела, оказалось – наоборот – боеготовность бригады. Меня он лишь спросил о создании партийных и комсомольских организаций в подразделениях, об организации политико-воспитательной работы с личным составом и о боеспособности бригады.

По всему я чувствую, что нас в ближайшее время отправят на фронт.

Мы проговорили с Кузнецовым до утра, потом все пошли на завтрак.

16 апреля 1942

Часто выпадает мокрый снег, погода стоит сырая и слякотная – такова уж северная весна.

Представитель Глав. Политуправления Кузнецов трое суток тщательно проверял нашу боеготовность. А сегодня после обеда

собрал на совещание «головку командования» и резко говорил о выявленных недостатках, решительно требуя устранить их. Потом потребовал в ближайшие три дня до нормы обеспечить горючим, продовольствием и всем необходимым для ведения боя. Вечером Кузнецов уехал.

Как только отбыл Кузнецов, Моргунов и Соловьев собрали нас опять на совещание. Оба они были хмурые и, видимо, недовольные визитом Кузнецова.

Моргунов меньше говорил о ликвидации выявленных недочетов, а больше изливал сетование, что де в бригаде завелись «шептуны» и «капальщики» (явный намек на нас с Котовым), которым делать нечего, а у нас де дела не хуже, чем у других. Соловьев, не желая обидеть Моргунова, так же ничего разумного не сказал.

– Давайте не обиды и счёты сводить, а немедленно выполнять указания представителя Ставки, – сказал я, – видимо, в ближайшие дни получим приказ о выступлении на фронт. Все мы, сидящие здесь, головой отвечаем за боеготовность бригады и за то, как она будет воевать. А по части того, что кто-то пытается подорвать авторитет командира и комиссара, мы не позволим никому, и парторганизация соединения всегда будет охранять авторитет командования. Но об укреплении авторитета вашего, товарищ командир соединения, вы и сами подумайте. Вы – коммунист, и надо быть поближе к парторганизации. Всех нас партия ставит на любой пост и воспитывает. А вы – человек очень обидчивый, и на все замечания реагируете болезненно. Вот даже, и на замечания представителя Ставки, чувствуется. А разве эти замечания для нас не существенные? А разве мы не могли избежать ЧП на прошедшем стрельбище? А разве не было у нас времени обеспечить себя всем положенным? Я считаю, что в этом и вина парторганизации. Давайте за дело, перед нами впереди серьезные задачи, вот о чем мы должны сейчас думать и готовить себя, наших людей.

Вечером Котов говорит мне:

– Вот увидишь, что в первом же бою Моргунов покажет себя бездарным и беспомощным командиром. – Я даже удивился его мнению:

– Ну, давай помогать ему, чтобы он стал полноценным командиром! – с тревогой говорю я. – Ведь помнишь, что и у Чапаева были примерно такие выкрутасы, а Фурманов помог ему освободиться от мешанско-анархического груза и сделал из него выдающегося полководца и горячего патриота?

– Согласен, Саша, только мы с тобой не Фурмановы, а Моргунов – не Чапаев. А помогать ему и следить за ним будем. Давай спать. Делов завтра у нас до черта.

21 апреля 1942

Учения, собрания, разборки, в подразделениях – в этом бежит время. Сегодня на совещании отличников Моргунов в своем выступлении начал кричать, угрожать, некоторых обзывать в карикатурном виде. И кого – отличников! Из которых мы, как и чем могли, некоторых поощрили. Короче, в бочку меду влил ложку дегтя. После совещания Соловьев его отчитал. Я впервые увидел Соловьева на высоте своего положения.

– Ты всегда портишь всю обедню! – говорил он. – Как разоидешься и понесешь, словно глухарь на току, и забываешь, кто перед тобой. Ведь это лучшие люди нашей бригады и с ними надо было говорить так, чтобы остались довольными нашей встречей. Нельзя так: кричать, стучать кулаком по столу, будто перед тобой штрафники!

– А ну Вас, я на Вас никак не ужою! – огрызнулся Моргунов, и разошлись на обед. Да, есть над чем подумать...

26 апреля 1942

Соловьева и Моргунова вызвали в ставку ныне утром, видимо, за боевым приказом. А в обед туда же вызвали нас с Котовым. Мы

прибыли в политуправление. Нас принял начальник танкового отд. ПУР. полковник Вишнеvский, где находился и Кузнецов, тот, который недавно приезжал к нам с проверкой.

– У вас было достаточно времени для обеспечения боеготовности бригады. Мы вас предупреждали и проверяли. Можно в ближайшие дни еще кое-что доделать. В скором времени получите боевой приказ. За все отвечаете вы наравне с командованием бригады. Ясно? – это говорил полковник Вишнеvский. – О слабостях вашего командира и каждого из вас мы знаем. Больше помогайте командиру в его делах. Дополняйте его недоделки. Помните, что вы – коммунисты и ответственные люди. Время разговоров прошло, – он пожал нам руки и отпустил нас.

1 мая 1942

По случаю Первомайского праздника в подразделениях проводили беседы. И тут позвонили со станции, что нам прибыли два эшелона с танками, которые мы давно ждали, чтобы доукомплектоваться до полного штата.

Обрадовались! Бросили все и все побежали к месту разгрузки, и до глубокой ночи провозились с этим делом.

– Новенькие «Тридцатьчетверки», шутка сказать? – проходя мимо нас, радостно резюмировал Моргунов.

– Как еще воевать будем на этих «новеньких» то, вот в чем суть! – парировал вслед Котов.

6 мая 1942

Сидим словно на чемоданах в ожидании приказа. Учеба в подразделениях фактически прекратилась. Так: короткие совещания, упаковка, беседы, разговоры на перекурах. А Москва не торопится, видимо дает нам возможность «заштопать все наши прорехи», подтянуть нашу боеготовность.

11 мая 1942

Вечер. Командир Моргунов срочно собирает в штаб командиров и комиссаров частей, начальников служб. Пришел приказ: бригаде погрузиться в два эшелона и в ночь на 13 мая отбыть на Калининский фронт. Все заликовали, всем надоело сидеть здесь «в Муромских лесах» в ожидалке.

(28 апреля 1942: ночью офицер связи Деев привез приказ – бригаде погрузиться в эшелоны и отбыть на фронт. Приказ этот мы ожидали давно. Выступаем 30-го апреля.)

После совещания Соловьев с Моргуновым оставили меня и начальника оперативного отдела штаба бригады майора Очканя для разговора.

– Вы завтра утром рано с начальником разведки Серовым и моим адъютантом Шейченко на двух «Эмках» выедете на Калининский фронт в г. Андринополь. Ну... подготовите там место для разгрузки, разведаете район и встретите нас.

Между нами происходит такой диалог:

– Я считаю, что мне отрываться от Политотдела нецелесообразно. Да и политработа в пути следования необходима и давно спланирована. Да и начальнику оперотдела майору Очканю я считаю нецелесообразно от штаба отделяться. Я думаю, с этой задачей вполне справится начальник разведки капитан Серов? – говорю я.

– Вот видишь, (смотрит на Соловьева) он всегда в оппозиции! Этот вопрос решен мною комиссаром! – отвечает Моргунов. Соловьев в знак согласия кивнул и добавил:

– Теперь дискуссии разводить нет времени. После разберемся, кто не прав, а кто прав. Бригада приступает к сдаче боевого экзамена.

– По-моему начальник политотдела прав. Вы напрасно его отделяете от политотдела, а меня от штаба, – вставил Очкань. Но Моргунов настоял:

– Я своего приказа не изменю, и пререкаться не будем! Я сам в пути буду руководить своим штабом, а комиссар политотделом.

Вы что, оба отказываетесь выполнять приказ командира соединения?

– Разрешите идти и выполнять приказ? – подвел я итог.

Когда я пришел на квартиру и стал собираться, так как согласно нового приказа мне уже надо выезжать через 5–6 часов, Котов меня спросил, чего это я взволнован и засуетился. Я объяснил ему, в чем дело.

– Безмозглый приказ! Оторвать Вас от политотдела, ради чего? Нет, они чего-то тут задумали... Я еду через Москву, забегу в ПУР и расскажу об этом.

Забегал в политотдел, предупредил своего старшего инструктора Ведерникова, что он в эшелонах будет возглавлять политотдел, а я уезжаю по приказу на машине. Работники аппарата смотрели на меня недоуменно...

12 мая 1942

В пять утра, едва начало светать, за мною прибежал адъютант Моргунова лейтенант Шейченко. Я распрощался с Котовым, схватил свой чемоданчик и побежал к машинам, которые стояли у квартиры Моргунова. Садясь в машину, обратил внимание, что они были забиты до отказа продуктами. Еще больше был поражен, когда увидел в машине расфуфыренную п.п.ж. Моргунова Люсю. «Вон оно в чем дело! – понял я, – Моргунов нас с Очканем вроде прикомандировал для препровождения и охраны своей любовницы?»

Я демонстративно не сел в ту машину, дверцу которой с улыбочкой мне открыла Люся, а сел в ту, в которой сидели Очкань и Серов. И вот мы двинулись по грязной лесной дороге на двух «Эмках». Впереди: шофер, Очкань, Серов и я, позади за нами: адъютант Моргунова Шейченко, шофер и Люся. Здесь, в отсутствии посторонних, мы с Очканем и Серовым можем свободно говорить о наших служебных делах.

Дорога ужасная: по колено снег, смешанный с глиной, ухабы. Наши машины сверху донизу облеплены глиной. Моторы ревут, как

быки, скаты буксуют иногда по несколько минут на одном месте. Но нам надо торопиться.

За Москвой нашему взору открылась картина зимних боев за столицу. По обе стороны – сожженные и разбитые машины, танки, орудия; необрунные еще – валяются в снегу – трупы людей, лошадей. *Вокруг – сожженные деревни, куда возвращаются со своими узлами жители.*

В полуднях остановились перекусить и заправить машины в деревне Спас-Заулок. Избы без крыш. Заходим в одну хату. Старик и молодая женщина с тремя детьми. Ребятишки – голодные, жмутся к нам. Открываю им большую банку тушенки, режу по ломтю хлеба. Ребята с жадностью кушают, мать с дедом плачут. Утощаем и их. Глядим, хозяйка тащит из печки нам чугунок картошки. Произошел без разговора как бы обмен: хозяйка съели нашу тушенку, а мы с удовольствием хозяйскую картошку, о которой так истосковались. После того, как мы перекусили, младший хозяйский мальчик взобрался ко мне на колени, ощупывая на груди орден, заговорил:

– Меня зовут Колей, мне уже пятый годик, – я глажу его по льняной головке, слушаю, – А у нас тут были немцы без вас. Они застрелили нашу Лину (сестру хозяйки), и съели нашу коровку, а Шарика застрелили. Мы жили тогда в погребе. А папа наш на войне (еще в начале разговора хозяйка сказала нам тайком от ребят, что папа их в декабрьских боях был убит на Волоколамском шоссе). Как придет наш папа, так он починит нам домик и купит нам коровку.

С грустью в душе мы распрощались с гостеприимными хозяевами. Щемило сердце за наш народ.

14 мая 1942

Ночевали в какой-то деревушке уже Калининской области. Выехали рано, с рассветом. Идет дождь со снегом. Дороги здесь еще хуже, чем под Москвой, а добираться до Андриаполя нам еще

далеко. Фронтная дорога – с поперечным настилом кругляша, и то не сплошная, а лишь на самых болотистых участках. Едем, молчим, щелкаем зубами от встряски, да выглядываем на свинцовое небо.

Проезжаем около озера Селигер, откуда берет свое начало великая русская река Волга. Весь лес вокруг залит водой не только от растаявшего снега, а от дождя, который идет непрерывно уже несколько дней в этих местах.

Деревни на пути попадают редко, и те разрушены и сожжены отступающими немцами.

Вечером решили свернуть немного в сторону на один островок и ночевать прямо в машинах сидя. Закусываем, нехотя перебрасываемся словами, погружаемся в дремоту. А дождь идет, где-то недалеко идет ночная воздушная бомбардировка, ухают взрывы. В небо летят десятки ракет и рассыпаются на тысячи разноцветных искр.

15 мая 1942

С наступлением дня двинулись дальше. Проезжая деревню Оскерово, от которой немцы оставили один дом, мы остановились около этого дома и вошли в него перекусить. В доме оказался один старик лет 60, довольно крепкого телосложения. Мы его пригласили с собой завтракать. Дед жевал довольно спористо. Я его спросил:

– Почему фашисты при бегстве спалили всю деревню, а его дом оставили? – Дед видимо подумал, что мы подозреваем его в сотрудничестве с немцами. Он серьезно взглянул на меня, бросил ложку и, схватив за рукав, потащил на улицу. Начальник разведки Серов и шофер двинулись за нами.

За двором в небольшом овражке на грязном снегу лежал с разрубленной головой немецкий солдат.

– При отступлении немцы ходили с факелами и поджигали дома. Этот подошел поджигать мой дом. Я оглянулся, этот немец ос-

тался последним. Я решил: недалеко лежал топор. Ну, вот я его и тюкнул.

Я уже не хотел завтракать. Мы поехали. Уже вечером прибыли в сожженный Андринополь. Наш путь продолжался четверо суток. Бригада наша еще не прибыла. Да где по такой дороге эшелонам так быстро прибыть?

В потемках нашли землянку, где помещались железнодорожная станция и комендант. Комендант посоветовал нам убрать машины метров на двадцать в лес и не ходить, так как кругом в лесу минные поля и можно взлететь на воздух. Он указал нам направление и своему солдату дал указание проводить нас. О прибытии эшелонов нашей бригады ему ничего неизвестно.

Подремать «устраиваемся» опять в машинах. Я предупредил своих людей об опасности минных полей и разговоры прекратить, потому что помимо наличия вокруг минных полей, здесь в лесу днем, а особенно ночью, бродят группы вражеских диверсантов, оставленные врагом при отступлении. Ну, прямо как на курорте!

16 мая 1942

С представителем комендатуры мы: Очкань, Серов и я ходим по лесу и по берегу Зап. Двины, разведываем местность, где размещать наши части и вооружение, как только они придут. Вдруг неподалеку раздался взрыв мины. Ведь взрыв то произошел неподалеку от наших машин... К нам подбежал лейтенант Шейченко. Он был бледен как мел и докладывал в испуге, что когда мы ушли на рекогносцировку местности, шофер Дерягин с машины Очканя нашел неподалеку от машины противотанковую гранату и стал извлекать из нее взрыватель. Дерягин взрывом убит, а майор Очкань (который от нас ушел к машинам всего пять минут назад), тяжело ранен в обе ноги и в правую руку.

Мы с Серовым поспешили к машинам. У машины лежал и стоял весь в крови Очкань. Шофер Дерягин с открытыми глазами ле-

жал мертвым, ему разнесло все туловище и голову. Люся орала во весь голос над майором. В одной машине было несколько пробоин.

На одной машине, с представителем комендатуры, отправляем Очканя в ближайший полевой лазарет. Дерягина хороним здесь же.

17 мая 1942

Каждый день по несколько раз мы ходим к коменданту и спрашиваем одно и то же: «Ну что слышно о наших эшелонах?»

Сейчас неподалеку подорвались на mine женщина с ребенком.

С Серовым сидим в землянке коменданта. О приближении наших эшелонов – ни слуху, ни духу.

Комендант нам рассказывает: «Я живу тут как на вулкане. В лесу кругом валяется разное оружие, не обезврежены тысячи мин. С каких пор обещают саперов, а их нет... Дня не проходит, чтобы не подорвались люди или скот. После бегства фашистов люди возвращаются к своим очагам, не зная о минных полях. А ребяташки, завидев оружие, бросаются на него, стреляют, гибнут».

18 мая 1942

Вчера мы с Серовым и Шейченко соорудили небольшую землянку в берегу Зап. Двины, и ночевали уже в ней. Машины свои очистили от грязи и замаскировали около комендатурной землянки, где ночью выставляется часовой. Люсю тоже взяли с собой, в машине одну ее оставлять нельзя. Она все время ревет и клянет на чем свет Моргунова, зачем он ее одну послал с нами, а не взял с собой в эшелон.

Утром мы умылись в реке, завтракаем возле своей землянки. Когда Шейченко и шофер ушли к машинам, мы с Серовым и Люсей остались втроем. Кое-о-чем разговариваем. Успокоив молодую женщину, которая все время ревет, я говорю ей:

– Вы бросьте, девка, реветь. Никому Вас в обиду не дадим, скоро приедут наши, и будет все в порядке. А вот берите на себя роль хозяйки в землянке, обед, завтрак, чай готовьте. Продукты у нас пока есть: хлеб, консервы, крупы. Вот купайся тут, как чайка, но по минам не ходи.

Видимо, тронутая к ней нашим расположением, молодая женщина присела около нас, разоткровенничалась. Она жила в Москве вдвоем с матерью. В прошлом году окончила среднюю школу и прошлой осенью хотела устраиваться на работу, на ту фабрику, где мать ее работает уборщицей. Отец их бросил года три назад и уехал куда-то на Кавказ. С полгода назад она встретила в Москве с Моргуновым. Последний увлек ее, как Денис Давыдов, сказал ей, что он не женат и берет ее как жену. Привез в свою часть. Люсю можно было бы провести в штат секретарем или еще кем, и это было бы вполне законно. Но Моргунов этого не сделал, он держал ее, как лермонтовский Печорин Бэлу, на квартире на полулегальном положении до сегодняшнего дня. Вот и вся история с Люсей.

Люся – наивное дитя. Она неплохая сама собой. Как видно, увлеклась своим Моргуновым, а теперь начинает в нем разочаровываться.

На станцию, где не осталось ничего, кроме четырех землянок, прилетели пять стервятников и сбросили бомбы. «Неужели гады получили сведения о том, что вот-вот придут наши эшелоны?» – говорит Серов.

Мы пошли с ним на станцию, как только улетели самолеты. Оказалось, что землянки и наши машины целы. Бомбовый груз упал метрах в ста в стороне. Лес здесь густой и маскировка хорошая.

Я попросил коменданта запросить по линии, где находятся наши эшелоны.

19 мая 1942

12 часов дня. Возвращаемся с Серовым от коменданта станции, которому мы очертели со своими справками об эшелонах. Вдруг позади раздался сильный взрыв. Оказалось, что за нами шли четверо военных из вновь прибывшего саперного подразделения. Они взяли метров пять левее от той тропы, по которой ходим все время мы. Оказывается, тропа эта проходит по минному полю. Один сапер убит, один ранен.

Часа через два прибыли саперы и начали разминировать площадь около станции и по направлению к реке, где наша землянка. Часа через четыре они извлекли сотни мин, складывая их штабелями в одном месте у реки.

Саперы сделали неподалеку от нас две землянки, и нам с ними стало веселей. Вечером мы ужинали вместе. Саперы нагушили рыбы. Но что выяснилось? Оказалось, что мы все время ходили по минному полю: Серов, Шейченко, я и другие. Сам комендант станции, и все работники станции не знали точно, насколько простирается это пристанционное минное поле.

Эх! Беспечность ты наша русская!

22 мая 1942

Утро. После завтрака направляемся к коменданту. Мимо нас конвоируют с полсотни пленных немцев. Они остановились на привал. Конвой разрешил пленным сесть и перекурить. Мы в нескольких метрах остановились. Немцы грязные, обросшие, сняли с себя гимнастерки, били вшей, курили, переговаривались. Говорить с пленными начальник конвоя нам не разрешил...

Вечером комендант ошарашил нас сногшибательной новостью: Москва ответила на его запрос, что наши эшелоны в Москве «переадресовали» и ... направили на Украину. Нам приказано двигаться в Москву в Бронетанковое Управление, где и узнаем мы обо всем.

Ну, вот это да!

23 мая 1942

Рано утром выезжаем. Машину погибшего при взрыве гранаты Дерягина ведет лейтенант Шейченко. К нашему счастью, он шоферское дело знает.

Я в душе нервничаю, что бригада скоро вступит в бой, политотделу много дел, а я ... блуждаю здесь.

Ночуем в какой-то деревушке. Люся до полуночи варила нам горох, а стряпать она, как видно, еще не умеет. Я этот пересоленный и пригорелый горох и есть не стал, как и Серов. Люся реветь перестала, видимо окрыленная надеждой, что скоро снова соединится со своим Моргуновым.

25 мая 1942

Вечером подъехали к Бронетанковому Управлению. Москва, Москва, чем ты, матушка порадуешь нас? Направили в отдел формирования. Передо мною – молодой еще статный красивый полковник. Докладываю: такой-то, такой-то.

– Знаем! Садись! – говорит он. – Вот начальник политотдела 58-й непромокаемой. Слушай: при укомплектовании бригады, ваше командование скрыло от нас две легковые машины, на коих вы сейчас сюда явились. Эти машины, загрузив продуктами, Моргунов и направил своим ходом под вашим началом в Андринополь. Вы знали обо всем этом? *(А ты, начальник политотдела, помогал им в обмане командования? – Я остолбенел, потом заплакал от обиды и объяснил как мог. Выпил два стакана воды и успокоился.)*

Я смотрел на полковника, как баран на новые ворота, и тут вся подлость Моргунова мне стала ясна. Но ведь и Соловьев об этом все знал?

– Моргунов и Соловьев будут отвечать за это. А кто сейчас с Вами на машинах? – Я сказал. – Так вот: потрудитесь эти машины сдать сейчас (он указал мне адрес), о сдаче принесете мне документ,

тогда получите проездные бумаги (на всех, кроме Люси – она вне штата «приглублена» в бригаду Моргунова) и отбудете в свою часть. Мы скажем место дислокации бригады. По всем этим вопросам будет следствие. Сегодня же уезжайте на ст. Белый Колодезь. Ваши там. Вот так-то, начальник политотдела! Намотай себе на нос. Желаю успеха!

Я повернулся, как Швейк, и принялся за дело.

Ай да Моргунов! Ай да Соловьев! Ну и фокусники!

Когда я сообщил своим, в чем дело, Серов и Шейченко изумленно на меня уставились, а Люся как никогда занялась «мокрым делом».

– Вот что, товарищи, – говорю им, – забирайте из машины свои вещи, продукты. Отвезите Люсю на квартиру, отведите туда-то машины. Серов остается со мною, а лейтенант и шофер после сдачи машин явитесь сюда.

Пока ждали Шейченко с шофером, мы с Серовым оформляли проездные документы. Затем взвалили на плечи чемоданы, рюкзаки, начали пробираться на Курский вокзал.

– Какова ирония судьбы! – острит Серов, – час назад мы были мехвойска, а сейчас – пехвойска...

27 мая 1942

В полуднях нас высадили десантом в Валуйках. Дальше на юг поезда не идут. «Голосуем» на дорогах попутным машинам, но идущие, как правило, к фронту, они все загружены и нас не сажают. К ночи добрались по пыльной дороге до села Уразово. Решили ночевать и кое-о-чем узнать. Достали крынку молока, съели как волки.

28 мая 1942

Мы проспали с дороги крепко и поднялись рано, у хозяйки была готова картошка «в мундирах». Наскоро перкусив, я разослал своих товарищей разузнать, нет ли фронтowych машин, ночевавших поблизо-

сти с нами. И – о, счастье! Рядом в соседях оказался «ЗИС», наполовину загруженный ящиками с продуктами, идет на передовую. И мы помчались, обрадованные удачей. Пожилой шофер оказался из соседнего соединения. Он сказал, что наша бригада кочевала вместе с их пехотной дивизией четыре дня, и сейчас она – во втором эшелоне.

Часа через четыре мы были на месте. В роще стояли несколько танков, автомашин, две палатки, замаскированные ветками и травой. Мы подходим... из палатки выходит Котов. Обнялись. Перебивая друг друга, рассказываем. Моргунов с Соловьевым отсутствуют, их вызвали в штаб Армии. Котов рассказывает:

«Были в бою. Накостыляли нам». Бригада была в боях, воевала плохо. Потеряли треть танков, до полусотни бойцов убито и ранено. Моргунов показал всю свою беспомощность и растерянность. Авторитет его перед личным составом упал окончательно. Задачи в бою ставит путано, неуверенно, кичится и грубит. Да кому же, он – трус. В первый же день нас порядком долбанула вражеская авиация. Дело дошло до паники. Все пущено на самотек.

Я наскоро рассказал Котову о своих приключениях. Услышав об истории с двумя легковыми машинами, Котов был ошарашен и с *возмущением* сказал:

– Вон оно в чем дело! Ну, это даром им не пройдет!

29 мая 1942

За полмесяца в политотделе накопилось дел более чем достаточно. Мои ребята говорят, что за время моего отсутствия Соловьев ни разу там не был. Все, что требовалось им подписать, ребята носили к нему на квартиру.

Ночь. Все мои работники спят. Шурша сапогами о траву, в палатку заглянул часовой. Всунув голову в отверстие палатки, он тихо сказал:

– Вас вызывает комиссар! – значит, они приехали. Иду. Природа благоухает. Тишина. Звездное небо. Заливаются курские соловьи.

Вдали на горизонте разноцветными искрами рассыпаются ракеты. Но мне некогда любоваться всеми этими прелестями природы. Вхожу в палатку. Соловьев и Моргунов, обжигаясь, пьют чай.

– Ну, прибыл? – сказал Соловьев, протягивая руку

– Да, вчера!

Вместо ответа на мое приветствие Моргунов в грубой форме спросил, перебив Соловьева. – Где машины и где Люся?

– Люся и скрытые от командования машины в Москве!
– ответил я

– Так... подвел ты нас, начальник политотдела!

– Кто кого подвел, с этим разбираются в Москве. Вон ваш адъютант там присутствовал и знает, как все получилось, – отвечаю я.

– Пошли на ужин, делов до черта! – потянул за рукав Соловьев Моргунова. – И они нырнули в свою палатку, не желая больше говорить со мной..

– Да обожди ты с этим делом! – перебивает Моргунова Соловьев, – тут есть дела поважнее. Были в боях. Немцы дерутся ожесточенно и дерзко. Ныне нас долго в штабе и Военсовете держали. Ну и, как всегда, давали нагоняя... Фрицы на нашем участке готовят наступление. Ну что же – будем драться...

Моргунов уже лег спать. Больше он в разговор не вступал.

– Ну, давай трошки соснем. Мы сегодня чертовски устали. Иди! – сказал на прощанье Соловьев.

31 мая 1942

Поздний вечер. Сидим с Котовым в его землянке. Я за два дня обошел все части. Мы с Котовым взаимно информируем друг друга. Котов рассказывает забавные эпизоды фронтовых будней.

Есть в разведротте разведчик Горобец. Ходил этот разведчик не раз за линию фронта за языками, но долгое время притаскивал немцев полуживыми, и они не дожи-

вали до допроса – отдавали богу душу. А дело было в том, что Горобца, как и других разведчиков, учили: когда берешь языка, то стукни его врасплох, затыкай кляпом рот, связывай и тащи ночью в условном месте через линию фронта, не забывая пароли. Обладая богатырской силой, Горобец стучает всякий раз схваченного немца вроде слегка, но редкий захваченный потом выживает. За такую «неаккуратную» работу начальник разведки однажды пригрозил отчислить Горобца из разведроты в хоззвод. И вот, Горобец оправдывается и сокрушается перед командиром: «Вот же морока мне с цыми немцами. Я его каждый раз завсим тихосенько стучаю, а вин подыхает. Як муха квилый народ цы немцы».

И вот, на следующий раз Горобец приволок немецкого офицера, но тоже в бессознательном состоянии. Боясь, что фашист тоже скончается, не приходя в сознание, и тогда Горобцу не быть уже разведчиком, наш герой положил его на кровать, брызгал ему в лицо водой, дул ему в рот, делал искусственное дыхание, приговаривая: «А ну живи, дружок! Дыши, виткрой свои моргалки! Да смотри не вмирай! Иначе мени не быть в разведке». Немец ожил и дал ценные показания, а Горобец был награжден орденом Красного Знамени.

Я смотрю на Горобца – богатырского телосложения парень. Добродушен, прост до наивности, даже застенчив. Боится только мышей. Рассказывают, что недавно в одном месте ночью, когда к нему в штаны заползла мышь, он поднял такой переполох, что разбудил всех, за что друзья смеются над ним и поныне.

Второй случай. Вперди нас сейчас один стрелковый полк, которым командует старый полковник Усков. Недавно прямо днем к нему на к.п., в землянку, заходят четыре «лейтенанта» и заявляют:

«Мы, товарищ полковник, не лейтенанты, а военнопленные русские. Немцы послали нас, чтобы мы схватили вас и притащили к ним». *А мы по дороге решили: по прибытии к вам открыться вам и сдаться. Мы насмотрелись на зверства фашистов, будучи у них в лагере и никогда не простим им этого. Вот вам наше оружие и делайте с нами что хотите. Только они скоро подступят к вашей землянке и если не схватят вас живьем, то убьют здесь».* Полковник Усков был вдвоем с адъютантом в своей землянке, его ординарец ушел за водой. Усков давно маялся с зубами, челюсть его всегда от этого забинтована. Он сорвал повязку, выпучил глаза на «лейтенантов», растерялся... Адъютант выскочил из землянки, крикнул в расположение солдат. Последние увели «лейтенантов», а полковника подменил его заместитель. Говорят, после этого у него перестали болеть зубы.

– Но вот я имею данные, это больше по твоей части относится, – продолжал Котов, – немцы в прифронтовой полосе ночами изымают на убой скот, птицу и сваливают этот грабеж на партизан. Крестьянам за изъятый скот даже выплачивают по несколько марок в виде страховки. Вот что делают, стервецы!

2 июня 1942

Партийные и комсомольские собрания в подразделениях. Обобщение опыта боев. Смотры и проверки боеготовности подразделений – в этом проходит время.

Ночь. Я возвращаюсь с партсобрания из стрелкового батальона. Чувствую, меня нагнал Моргунов. Ухватив меня за руку, он спрашивает:

– Скажи мне откровенно: ты умышленно оставил Люсю в Москве или она сама захотела? Ведь мы фактически с ней уже поженились, только формально не оформились!

– А со своей законной женой вы развелись?

– Да это все можно сделать быстро!

– Слушайте! Я объяснил вам, как получилось дело. Люсе не дали проездных документов. А что касается того – обижали мы ее или нет, вы напишите ей. Вы же знаете ее адрес? А вообще, у нас с вами сейчас дела куда посерьезнее. С минуты на минуту вступим в бой, это для нас – серьезный экзамен. А дома ваша Люся будет в целости. А вот за то, что вы скрыли от командования две машины, и нас несколько человек оторвали от своих дел, вам придется держать ответ перед командованием и парторганизацией.

– Хватит! Не учите командира соединения в его действиях и оставьте свои нравоучения! – Он повернулся в сторону и, не попрощавшись, ушел обиженным.

4 июня 1942

На нашем участке фронта установилось затишье, видимо, перед бурей. Как-то все ушли сами в себя. Моргунов со мною даже не разговаривает. Он считает, что я специально отвез его Люсю в Москву назло ему – чудак!

Соловьев как меньшевик держит меж нами нейтралитет, но всегда склоняется к Моргунову – беспринципен. Лишь с Котовым мы по-прежнему дружим на деловой основе. А после моего двухнедельного отсутствия в бригаде наша дружба, кажется, стала еще крепче.

Перед вечером Соловьев предложил нам: мне, Котову, Моргунову и Китаеву пойти искупаться в Донце. Река эта у нас в тылу в двухстах метрах. Погода стоит жаркая, и мы приняли предложение Соловьева с радостью.

Поплескались с удовольствием в воде, лежим на песке.

– Да, хорошее купанье, хорошо всю пыль и пот смыть с себя в такую жару, – говорит Котов, пересыпая из руки в руку прибрежный сухой песок

– Да, хороша река, – отозвался Моргунов, – как бы не стала эта река для нас могилой в ближайшие дни, как для Чапаева...

– Ну, ты не каркай, командир! – ответил на его реплику Соловьев, – пошли!

И мы пошли в село.

6 июня 1942

Вечером мы с Котовым долго сидели за своими бумагами. За полночь улеглись спать и крепко заснули.

С восходом солнца к нам в дверь сильно застучали. Я подумал, что объявлена боевая тревога. Открываю дверь. Стучали Моргунов с Соловьевым. На улице шел сильный облачный дождь, а они с вечера приспособились спать за нашей хатой «на свежем воздухе» в садочке. Оба наши начальника были до нитки мокрые.

Едва они вошли в хату, дождь, как по команде, перестал. Следом за ними прибыл начальник разведки Серов. Последний всю ночь ползал по переднему краю, делая свое дело. Серов был грязный, уставший. В бригаде все любят этого симпатичного, честного, бесстрашного капитана. А я в нем – души не чаю. Доложив нам самое важное, Серов свалился и уснул.

Вечером ВС Армии предупредил нас, что противник в ближайшее время начнет наступление.

8 июня 1942

Весь день вручал партийные и комсомольские билеты в подразделениях, писал донесение.

Вечером состоялось совещание в штабе. Все говорили о боеготовности в случае наступления противника, которого мы ожидаем, и о котором нас предупреждают уже несколько дней. Все как-то тревожно.

10 июня 1942

Опять мы с Котовым сидели допоздна при занавешенных окнах и крепко уснули на рассвете. А в самый крепкий сон нас разбудили сильные взрывы, которые нарастали с каждой минутой.

Мы быстро оделись, выскочили на улицу. Над селом разворачивалось до тридцати вражеских бомбардировщиков на второй заход. Одновременно враг начал сильную артиллерийскую канонаду. «Видимо, началось наступление немцев, о чем нас предупреждали», – подумал я.

На ходу застегиваем ремни, бежим в боевые подразделения. Занимавшая впереди нас оборону 176-я стр. дивизия после недолгого боя сместилась куда-то влево, и мы оказались лицом к лицу перед наступающим врагом. Весь удар мы приняли на себя. Натиск врага упорен, он лезет нагло, ошалело.

Девять часов дня. Бой нарастает. Плотный огонь противника не дает поднять головы. Над полем боя висят самолеты врага и беспрерывно сыпят на нас бомбовые удары. Но где же наша авиация?

Кое-как добрался до к.п. бригады. Начштаба майор Демидов (незадолго до начала боев начальника штаба Гордова сменили) стоял бледный, грязный, *без фуражки*, смотрел в бинокль в сторону противника

– Ну, как дело? – спрашиваю.

– Жарко! И все непонятно! – отвечает

– Где командир?

– А кто его знает! – *сердито бросает начштаба.*

– *Этот в боевой обстановке всегда ценнее, чем сам командир бригады, – говорит мне Котов.*

Бой с каждой минутой нарастает, но мы пока держимся. В двух местах немцы было, переправились через Донец, но мы их сбили обратно.

9 июня 1942

Замаскировавшись в кустах, мы с Котовым наблюдаем в бинокли, как в с. Муроме фашисты чинят расправу над мирными жителями.

11 июня 1942

Прямым попаданием мины убит сержант-разведчик Хлопов. Он замертво слетел с обрыва в Донец и скрылся в воде, как Чапаев. Товарищи сказали, что это был казачок из Ставрополя.

Приполз измученный, весь мокрый от пота Серов. Он сообщил, что до батальона немцев переправились на левый берег Дона и окружили нашу роту. Демидов послал резервную танковую роту, и немцев сбросили обратно за Донец.

Но мы деремся – одни танкисты, без пехоты. К 17.00 из трех пунктов поступили сигналы, что у них на исходе снаряды. Демидов слезно просит меня проскочить во второй эшелон и обеспечить доставку снарядов. Бегу, пригнувшись, с к.п. И вот – чуть не упал... в полсотне метров от к.п. лежат, как близнецы, Моргунов с Соловьевым.

– Вон впереди Демидов! Чего вы здесь лежите? Я еду за снарядами, снаряды на исходе!

– За снарядами? Мм... да. Неужели уже расстреляли четыре боекомплекта? – мямлит Моргунов. – А впрочем, езжай, скажи – я приказал. Давай!

Разыскал мотоциклиста. Мчимся напрямую во весь дух по пшеничному полю. Тучные колосья бьют по лицу. Приехали. Зам. по хозяйству Кобылин быстро нагружает и отправляет боеприпасы. Я снова сажусь на мотоцикл, и – вдогонку за автомашинами. В небе – неслучайное количество бомбардировщиков и истребителей врага сыпят бомбы и обстреливают из пулеметов. За поворотом, в облаке пыли,

навстречу вынырнула наша санитарная машина. На крыле машины, грязный, с развевающимися седыми волосами, без фуражки, стоял нач. санчасти бригады Галкович. Он был похож на мельника из оперы «Русалка». Галкович махнул мне рукой, чтобы я остановился.

– Наши отходят! К.п. только что переехал к кирпичному заводу. Машины с боеприпасами я направил туда, – кричит мне перепуганный доктор.

Мотоцикл направился к кирпичному заводу. Увы! На кирпичном заводе оказался лишь один лейтенант Семениченко. Последний сказал, что к.п. на кирпичном заводе не остановился, а проследовал в деревню Юрченково, отсюда – 3–4 километра.

Вечер. В Юрченково наспех оборудуем оборону. Неорганизованно, мелкими группами, стекаются сюда наши потрепанные в боях подразделения.

11 июня 1942

Враг за ночь переправился через Донец и с восходом солнца обрушил на нас всю свою огневую мощь с земли и с воздуха. Мы несем большие потери, особенно от его минометов и авиации.

Весь день отбивали одну за другой атаки немцев. С наступлением темноты подали команду – в тихом порядке отойти в совхоз и там занять оборону. Оставляем горящую деревню Юрченково.

Я иду с командиром майором Волошиным. Волошин ранен в левую руку, она у него на перевязке. С нами – группа автоматчиков. Вдруг впереди среди автоматчиков завязался жестокий спор:

– Все равно мы все погибнем, а немцу ничего не сделаем! – кричал в лицо своим товарищам небольшого роста солдат. Он был в истерике.

– Так чего же ты предлагаешь, тамбовский герой? – наставили в грудь истеричному дулю автомата

– Прекратить шухер! – властно прокричал Волошин, – в чем дело? – мы продолжали идти. Я положил руку на плечо «тамбовского», некоторое время шли молча.

– Обидно, товарищи командиры, – всхлипывая, но, уже успокаиваясь, говорил солдат, – Где же наши силы? Как ни бьемся, какие потери ни несем, а победа остается все за немцем!

– Да, пока дело обстоит так, – отвечаю я и даю бойцу закуристь. – Но так не всегда будет. Знайте, что враг сколотил большой перевес. Напал на нас внезапно, хотел закончить с нами одним махом. Не вышло. А потери и он несет не меньше нас. А в тылу у нас разворачивается несколько армий, которые скоро вступят в бой. Наполеон когда-то даже Москву занял, а потом что получилось? Верить надо в нашу Победу, в наш народ, и врага мы крушим!

Боец усиленно курил, слушал. Все остальные шли молча и тоже слушали.

12 июня 1942

Всю ночь укрепляли оборону, сооружали командный пункт. На рассвете все уснули мертвым сном. На диво враг молчал, не беспокоил нас ни минометами, ни авиацией.

С восходом солнца зарокотали в ясном небе армады стервятников. А вскоре под их прикрытием пошли танки, пехота и начали грохотать мины. У нас под руками – всего четыре танка и две пушки. Вначале наши открыли довольно меткий огонь в гущу пехоты врага. В бинокль вижу, как у немцев получилось замешательство. Но не прошло и пяти минут, как десятка три «Юнкерсов» начали лупить нас с воздуха, мешая все с землей. «Здорово все же у немцев поставлена связь и взаимодействие!» – подумал я.

Под мощным прикрытием авиации вражеские танки и пехота снова двинулись на нас, и вскоре немецкие танки ворвались на наш передний край. В ряде мест начался рукопашный бой. С обеих сторон полетели ручные гранаты. И... отбили вражеский натиск. И у них, и у нас большие потери. Враг оставил на поле боя много убитых и несколько танков.

Опять несколько раз бросались на нас немцы, и опять мы их отбрасывали. Однако, силы наши на исходе, нашей авиации не видно... Вечером отошли в совхоз Ново-Александровский, где опять сооружаем оборону.

13 июня 1942

Новый день начался, как всегда, с минометного обстрела и авиационной бомбардировки врага.

– Вставай, братва, рабочий день начался! – крикнул кто-то из наших. День с утра ясный, и для авиации врага – свобода действий.

Часа через три под усиленным обстрелом и натиском немцев наши подразделения дрогнули и бросились к дороге. Ни Моргунова, ни Соловьева не вижу. Бегу к перекрестку дорог на перехват убегающих и лицом к лицу сталкиваюсь с Котовым. Остановили бегущих. Заставили залечь и окапываться. Из придорожных посадок выползает Соловьев и кричит мне:

– Бери мотоцикл и дуй во второй эшелон за боеприпасами!

– Как будто еще и послать некого на это дело! – огрызнулся я.

– Скажи Кобылину, что если он и впредь будет волынить так с доставкой боеприпасов, я его расстреляю! – кричал мне вслед Соловьев.

Не прошло и получаса, как боеприпасы были отправлены. Я собрался ехать обратно на передовую, как над нами уже развернулись и пошли в пике до тридцати самолетов.

– А ну, разбегайтесь по ложине, быстро! Иначе сейчас вмажет в склад боеприпасов, и мы взлетим на воздух! – крикнул Кобылин. Веером рассыпались мы по ложине, а бомбы уже рвались в нашем расположении. Кругом летит вверх земля, осколки. Вот ухнуло совсем рядом. Что-то больно рвануло за правую руку. Поднял голову, смотрю – безмянный и мизинец моей правой руки висят на сухожилке, как чужие. Свищет кровь, рана – в земле...

Стервятники улетели, в склад не попали. Вдруг подбегает Ко-

тов. Он выхватил свой носовой платок, перетянул мне запястье и крикнул своего шофера:

– Мчи начальника политотдела в Валуйки в госпиталь! – Обнял меня, толкнул в машину.

Семьдесят километров – где по дороге, где напрямую. Кровь свищет всю дорогу. Вся кабина, все на мне в крови. Кружится голова, тошнит страшно, хочется пить.

Часов в пять (семнадцать) прибыли в Валуйки. Шофер повел меня прямо в операционную. Снимают гимнастерку, делают укол, промывают рану. Один палец ампутируют, другой зашивают. Я потерял много крови, т.к. до Валоек 70 км. меня везли, не наложив жгута. Хирург очень ругал шофера, но он тут при чем? В связи с большой потерей крови стал вопрос о переливании, но на мою беду в госпитале моей группы крови нет (у меня 1 гр.). Валуйский прифронтовой госпиталь переполнен, и мне после оказания медпомощи предложили ехать в Алексеевку, это еще 70 км.

Уже было темно, когда я распростился с шофером и отпустил его в часть. Так внезапно я выбыл из 58-й т.б. А там, на поле боя, остались сражаться мои товарищи, друзья.

Располагаюсь в Алексеевском госпитале, который также наполнен ранеными до отказа.

14 июня 1942

Ст. Алексеевка. Раннее утро. Многие раненые, видимо, еще спали. Было приказано всех нас погрузить в санпоезд и эвакуировать. Видимо, это вызвано тем, что надо освободить прифронтовые госпитали для вновь поступающих раненых и... в связи с приближением врага.

По коридорам и палатам забегали санитары, сестры. Потаскили ящики, бутылки и пр. медицинское имущество. А потом стали выводить к машинам раненых, чтобы подбросить их на станцию к санпоезду. И вот, нас высаживают прямо на перрон. В недалеке – горы

шлака. Высадив нас, машины отправились за другой партией раненых. Из-за небольшого поворота начали подавать санпоезд. В это время, как снег на голову, прилетели семь стервятников и сходу пошли в пике, начали сыпать на нас бомбы и обстреливать из пулеметов. Поднялась паника. Санитары и сестры разбежались. Тяжелораненые, обсыпанные шлаком, ползут или откатываются с перрона в сторону от станции.

У пакгауза меня кто-то крепко схватил за здоровую руку. Передо мною стоял богатырского роста человек с ампутированной по колено ногой: «Я – майор Вережкин. Не бросай меня, браток! Костылей я лишился, а на одной ноге по шлаку не напрыгаешься!»

Бомбежка кончилась. Вокруг – крики, стоны. Появились санитары, собирали снова в кучу раненых для посадки в поезд. Торопились. Девять человек было убито, несколько человек дополнительно ранено. Но все были грязные, а менять повязки некогда. Сказали, что сделают это в поезде.

Поехали довольно быстро. Начали менять перевязки, а потом перевязки делали уж только тем, кому это было совсем необходимо.

Вечером прибыли в Воронеж. Мы считали, что нас повезут дальше, а нас стали разгружать здесь.

17 июня 1942

Трое суток нахожусь в Воронежском госпитале. В Алексеевке во время бомбежки моя рана засорилась, и пока доставляли нас в Воронеж, рука воспалилась, покраснела до самого плеча, дергает и горит, как в огне. Врачи хлопочут, делают уколы. Буюсь, как бы не оттяпали мне мою правую руку. Температура не спадает.

Вражеская авиация ежедневно бомбит Воронеж, иногда 2–3 раза в сутки. Сегодня во время налета бомба крупного калибра упала на Дом пионеров, неподалеку от нас, где как раз проходило соб-

рание пионеров. Погибло много ребят. Сейчас в госпитале только и разговор об этом. Фашисты не щадят ни санитарные эшелоны, ни детские учреждения. Припомнит все это наш народ фашистским палачам!

Перед вечером нас опять начинают перевозить к санпоезду. Врач сказал, что на этот раз нас отправят куда-то далеко на Восток.

Погрузились в санпоезд, поехали. В вагонах тесно, душно, запах карболки, йодоформа – весь букет медицины.

Рядом в купе мечется с высокой температурой тяжело-раненый лейтенант, который полчаса назад обижался на невнимательное отношение к нему со стороны медсестер. В вагоне выпускается Боевой листок, я продиктовал в Листок свой стишок, посвященный тяжелораненому лейтенанту.

19 июня 1942

Утро. Наш санпоезд прибыл на ст. Балашов. Станция забита эшелонами. Узнаю, что наш поезд идет через Аркадак, а в Аркадаке – госпиталь. Там – жена с двумя ребятами... Веду разговор с начальством поезда, чтобы меня высадили в Аркадаке. В конце концов, согласились. От радости забилось сердце.

Высаживаюсь десантом в Аркадаке. Из вагона на перрон мне выбросили чемоданчик и шинель. Поезд ушел. Смотрю – окружают знакомые. Подхватили, повели. Госпиталь располагался во 2-й ср. школе.

Сразу пошел к врачу, тут же положили в палату и начали лечебные процедуры. Пришла жена с ребятами.

22 июня 1942

Сегодня – день начала войны. Год горестных неудач, больших потерь для нашего народа. Потеря тысяч советских людей, десятков областей, республик, промышленных предприятий... Но мы стали злее, научились воевать, стали упорнее, а самое главное –

глубоко верим в свою Победу. Враг будет разбит. Русский народ еще покажет свою силу. От фронта до Сибири формируются новые армии.

У меня – кризисное состояние. Рука болит, горит, ломит.

24 июня 1942

После большой потери крови у меня постоянно кружится голова. Тошнота. Сегодня врач сказал мне, что у меня назревала гангрена. Теперь кризис начинает разряжаться, и через некоторое время воспаление пойдет на убыль. Это он меня морально успокаивает?

26 июня 1942

Краснота и опухоль на руке стали постепенно исчезать. Гангрена отступила. Врач говорил правду.

Госпиталь каждый день пополняется вновь прибывающими ранеными. На Юге и центральных фронтах идут ожесточенные бои. Враг овладел всей Украиной и продвигается к Волге, к Кавказу. Где сейчас моя 58-я непромокаемая? Кого еще из моих однополчан приняла в свои костлявые объятия смерть? Сведения получить невозможно.

30 июня 1942

Сегодня в своей палате проводил с ранеными беседу о положении на фронтах. Читал газеты. В растворенное окно 2-го этажа слышался голос сынишки Виктора. Я выглянул в окно, и он тут же крикнул стоявшей об руку с ним дочурке Ларисе:

– Вон наш папа! Папа, мы к твоему окну будем приходить теперь каждый день! Теперь мы приметили твое окно!

Раненные товарищи по палате все столпились у окна, некоторые утирали слезы.

2 июля 1942

10 дней в Аркадакском госпитале. За это время меня навестили многие родные и знакомые. Я узнал о судьбе многих товарищей и друзей детства.

Из дома мне приносят молоко и картошку. Я стал приходить в себя. Температура спадает, но рука еще болит и на повязке.

Кроме раненых, стал проводить беседы с медперсоналом. Люди внимательно слушают, поднимают много вопросов.

3 июля 1942

В тылу проводится огромная работа по оказанию помощи фронту: сбор средств, теплых вещей.

15 июля 1942

Сегодня врач разрешил мне жить дома с условием ежедневно приходить в госпиталь на перевязку. Едва я прибыл на квартиру, как собрались все соседи – расспрашивают и плачут.

Враг подошел к Воронежу. Его самолеты уже бросают бомбы на Балашов, Ртищево и Аркадак. Население волнуется.

20 июля 1942

В сорока пяти километрах от Аркадака – мое родное село с трогательным названием Лада. Там живет моя мать и сестры. Братья все на фронте. С разрешения врачей я сегодня с женой и ребятами на попутной машине уехал в родное село. Лада: детство, юность, комсомол – все стрелою пролетело здесь...

И вот, я среди своих земляков. Хожу по селу, расспрашиваю о своих друзьях детства, которые почти все – на фронте, а некоторые из них уже погибли. Убиты мои одноклассники: Ванька Куденков, Егорка Хользунов, Егорка Резяпкин, Петька Резяпкин, Ванька Орлов, и другие. Единственный из моих сверстников, не призванный на фронт по своему физическому недугу – Вася Пе-

тюков, вот с ним сейчас мы подолгу беседуем о многих насущных вопросах.

24 июля 1942

На перевязку своей раны хожу за 15 километров в Ново-Покровку, т.к. в Ладе сейчас нет фельдшера.

Дорога в Ново-Покровку пролегает вдоль родной реки Елани, где мы в детстве летом купались, а зимою катались на коньках. И наплывают воспоминания.

Сегодня, придя на перевязку в Ново-Покровку, узнал, что врач, делающая мне перевязку, является женой моего друга по комсомолу Жени Белоглазова, с которым я потерял связь несколько лет назад. А Женя работает сейчас первым секретарем райкома Партии в Челябинской области.

По выходе из больницы лицом к лицу столкнулся с Сашкой Фляжниковым, с которым расстался в Булаховском лесу 17 сентября прошлого года при расформировании нашей 16-й т.д. после Уманьской эпопеи. Плачем, обнимаемся...

Сашка тоже ранен в ногу, сильно хромает. Здесь в Ново-Покровке у него родные, и он, как и я, лечится здесь.

Уже вечером мы с ним расстались, договорились встречаться.

26 июля 1942

Со своими ребятами брожу по лугам около Андреева озера, куда мы обычно в детстве уезжали в ночное. Вдали колхозники жатками убирают хлеб. Работают в основном женщины и дети...

От горизонта до горизонта – саратовские степи. Сынишка Виктор собирает полевые цветы в ложине, поет песню Гайдара «Барбанщик». На душе много раздумий..

29 июня 1942

Утром распростился с матерью, сестрами и земляками – отбыл

в Аркадак. Рана моя, третья за эту войну, подживает. Скоро меня обещают выписать. А там... опять на Гитлера проклятого.

1 августа 1942

Сегодня меня выписали, хотя руку я еще ношу на перевязке, и рана еще не полностью зажила.

На квартире, предчувствуя разлуку, ребята от меня не отходят, и непрерывный разговор и разговор...

Цельми днями брожу со своими ребятами по берегу Хопра. Заветные места... Из-под ног порхают птички, а вот выскочил заяц. Сынишка Виктор тут же начал просить рассказать ему про птичку и про зайку сразу. Выдумываю, сочиняю, а ребята слушают.

3 августа 1942

Из Аркадакского военкомата идет в Саратов грузовая машина. Вчера договорились с военкомом Калашниковым, что она заедет за мной. Я жду эту машину с минуты на минуту. Сажу с женой и тещей у окна. Они обе плачут. Ребята бегают где-то около дома. Вдруг вбегает и плачет сынишка Виктор, ему еще нет шести лет:

– Вы тут сидите, а я себе руку сломал! – Действительно, рука его ниже локтя висла дугой. Оказывается, он упал в щель, вырытую во дворе как бомбоубежище, где ребята повседневно играют. Боже мой! Напасть!

Хватаю его на руки и бегу в больницу. На ходу кричу своим:

– Как заедет военкоматская машина – вы положите чемоданчик с шинелью и подъезжайте к больнице!

Сынишке наложили лубок. А тут и машина подошла. Я распростился со своими и уехал.

Поздно вечером приехали в Саратов, где как раз была объявлена воздушная тревога.

Красавец наш областной город, где я семь лет назад окончил Комвуз, обрадовал меня. Город, как и вся наша страна, живет сейчас напряженной деловой жизнью. Но и сюда заглядывает уже вражеская авиация.

4 августа 1942

Штаб ПриВО из Куйбышева переехал в Саратов, куда я сейчас и направился. Едва я подошел к зданию ПриВО, как лицом к лицу столкнулся с Котовым...

– Саша!

– Сережа! – ведь это мой друг, да какой! Это он меня 13 июня отправил с поля боя раненого на своей машине...

Оказалось, что 58-я «непромокаемая» стоит сейчас в Татищеве, под Саратовом, на переформировании.

Я попросил Котова подождать меня несколько минут со своей машиной, пока я выясню все о себе в отделе кадров. В кадрах сказали, чтобы я завтра явился за документами.

Мчimsя с Котовым ко мне на квартиру, на Цыганскую 79, где живет мой шурик Андрей. Обнимаемся, говорим наперебой. Боже мой, сколько новостей!

С Котовым проговорили до полуночи.

– Немец может прийти сюда, – говорит мне Сергей. – Я советовал бы тебе, Саша, жену с ребятами отправить за Волгу, временно. Кто ее знает, как дело обернется. Я завтра выделю грузовик, и он скатает за твоей семьей.

– Но я завтра, видимо, отъеду в Москву...

– А мы без тебя все тут сделаем.

– Ну, хорошо! А действительно, если сюда пожалуют фрицы, нашим семьям достанется.

Мы распростились. Сережа уехал. Я долго сидел потом, разговаривал с шурином Андреем, который целиком одобрил мое решение о перебазировании семьи за Волгу, куда и он хочет перевезти свою семью.

5 августа 1942

Часов в 12 дня приехал Котов. Он сообщил мне, что в ночь машина пойдет в Аркадак за моей семьей, чтобы перевезти ее за Волгу. Я бесконечно ему благодарен. Я сообщил ему, что завтра отъезжаю в Москву, и что мои документы уже у меня на руках. Даю Котову адрес шурина.

– Я приеду проводить тебя на вокзал, – сказал мне Сергей. Он торопился, у него было много дел.

6 августа 1942

Котов приехал с Китаевым. Они привезли мне на дорогу хлеба и консервов. Я был тронут.

Мы распростились. Прощайте, друзья! Прощай, родной областной город Саратов!

8 августа 1942

Здравствуй, седая матушка Москва! На Павелецком вокзале встречаю друга по Академии Федю Щербину, который тоже после ранения направляется в Главрезерв. Я его, а он меня считали погибшими... По дороге он мне рассказывает такие романтические вещи, что у Конан Дойля не вычитаешь. Он чудом вышел из Пирятинского котла, а я – из Уманьского. Сколько в том и другом котлах осталось наших боевых товарищей? Со слезами на глазах вспоминаем о них.

17 августа 1942

Жизнь в резерве идет своим чередом. Одни прибывают сюда, другие выбывают отсюда.

У нас много свободного времени, и мы днем со своим другом Федей знакомимся с достопримечательностями столицы. Побывали в некоторых театрах, в Третьяковской галерее, были в двух музеях. Но чтобы познать все сокровища Москвы – не хватит жизни. И я

благодарю судьбу, что она подарила мне хотя бы такую возможность узнать нашу чудесную столицу...

23 августа 1942

День моего рождения отметили на квартире знакомой семьи моего друга Феди Щербины. Хозяин квартиры где-то достал по этому поводу бутылку «Московской». Долго говорили о текущих событиях. Однако я был доволен тем, что наши хозяева по фамилии Московские живут на улице Московской. Уходя от гостеприимных хозяев, я им сказал:

– Не забуду, что я 33-ю годовщину своего рождения отметил в Москве, на Московской, у Московских, где и выпили «Московской». Символично!

– Да, действительно, – согласился хозяин, – а я и не подумал над этим делом.

(Щербина и еще два друга достали где-то поллитра. Мы уединились в каптерке, где и отметили мой день рождения).

25 августа 1942

Состоялась лекция о положении на фронтах. Да, а положение на фронтах трудное.

После лекции был дан хороший концерт силами артистов столицы.

29 августа 1942

Возвращаемся со Щербиной с завтрака. Когда проходили мимо дневального, последний спросил:

– Батальонный комиссар Резяпкин есть? Вас срочно вызывают в Политуправление. Комната № 38.

Быстро одеваюсь, еду.

– Ну как, рука зажила? – спросил полковник

– Почти, – отвечаю.

– Хотя не совсем зажила, а писать тебе сейчас придется. Вот бумаги, вот комната. Садись, пиши не торопясь – за нами не гонят. А как напишешь – иди в резерв отдыхай.

Полковник В. после краткой беседы взял мое личное дело, повел меня к генералу Пупышеву. Последний усадил меня напротив себя, стал кое-что уточнять в моей биографии. Затем, оставив нас с полковником, генерал вышел.

Через минут 7–8 генерал вернулся и сказал:

– Езжайте в резерв, но далеко не отлучайтесь. Мы вас вызовем еще. Скоро получите назначение.

1 сентября 1942

Два дня сидел в общежитии резерва, никуда не отлучаясь, ждал вызова в Политуправление. И вот, вечером позвонили, чтобы я срочно явился в 38-ю комнату. Меня тут же провели к генералу Пупышеву. У генерала сидели генерал и два полковника.

– Вот, знакомьтесь, – сказал он, и пойдете к Александру Сергеевичу.

Оказывается, что генерал-майор, два полковника и я назначаемся все четверо на одинаковую должность – начальниками политотделов мех. корпусов.

Входим в кабинет начальника Глав. Политуправления Красной Армии Александра Сергеевича Щербакова. Генерал Пупышев представляет нас каждого в отдельности Щербакову, коротко в десяти словах характеризуя.

Щербаков усадил нас, повел краткую речь:

– Партия и Командование направляет вас на серьезные участки работы и надеется, что вы оправдаете это высокое доверие. От вас требуется самоотверженная, честная служба, принципиальность, бдительность. Все недоуменные вопросы выясняйте вот с генералом Пупышевым. Желаю вам успехов. Он пожал нам руки и отпустил нас.

У Пупышева пробыли двадцать минут. Он ориентировал нас, что сейчас к фронту подтягивается несколько резервных армий, хорошо экипированных и вооруженных новейшей техникой, что предстоящая зима должна быть решающим, переломным периодом в ходе войны в нашу пользу.

Добираюсь до резерва, по дороге думаю: «Не переоценивают ли тебя, Кузьмич, подваливая тебе такой пост? Мехкорпус – сложное, огромное соединение солдат, офицеров, коммунистов, комсомольцев... Более сотни одних первичных парторганизаций... Но коль тебя ставят на это дело – оправдай это доверие Партии».

2 сентября 1942

Ночь я спал плохо. Все думал о предстоящей работе. Надо ехать в Политуправление, получить печати, документы. Ведь наше соединение формируется заново, как говорят, на новом месте. Скоро будут прибывать в состав корпуса бригады, полки, дивизионы – их надо встретить, разместить, вооружить, накормить. Их надо научить, и не чему-нибудь, а воевать.

4 сентября 1942

Собираюсь на отъезд к месту формирования. Мысленно прощаюсь со столицей, с товарищами по резерву. Машиной подбросят на Казанский вокзал, а там – «железкой» к месту назначения. Вдруг в комнату входят два майора и два капитана, спрашивают меня. Я отозвался.

– Мы назначены служить в ваше соединение. Нас сейчас сюда направило Политуправление. Все мы – политработники, направлены в ваше распоряжение. – Они стали представляться: майор Вязанкин – зав. отделом по орг. парработе политотдела корпуса, майор Скоков – помощник по комсомолу, капитан Балан, зав. отделом пропаганды, капитан Мухин – зав. отд. по партучету. Садимся, знакомимся.

Все отправляемся на Казанский вокзал. Ждать долго не пришлось. Садимся в поезд. Все четыре часа езды в поезде говорим о предстоящих делах. В полночь прибыли в Костерево, где полгода назад формировалась 58-я т.б., из которой я выбыл 13 июня по ранению.

Располагаемся на ночлег в дощатом сарае на соломе. Слушаю за перегородкой разговор:

– Товарищ генерал! Докладывает лейтенант Постников. Московский поезд прошел, но начальника политотдела корпуса и в этом поезде не оказалось!

Я поднялся и пошел в соседнее отделение сарая. Тускло горит фонарь «летучая мышь». Так же на соломе лежит группа людей, одетых в шинели. Представляюсь.

– Наконец-то! – приподнялся высокий худощавый, лет сорока, без погон, человек, и, пожимая мне крепко руку, отрекомендовался:

– Соломатин.

За ним представились полковник Купарев, комиссар корпуса и полковник Дубовой, нач. штакор.

– А нам только что доложили, что вы опять не прибыли с московским. Лейтенант Постников! Ты кого же, не девчат ли встречал? – все засмеялись, – Присаживайся! – приглашая меня на солому, сказал генерал. – Может, чайку горячего выпьете? Мы только что попили.

– Со мною прибыло четверо работников политотдела, товарищ генерал! Они, видимо, весь день не кушали!

– Зови! Постников, накорми ужином всех прибывших в нашем полку! – сказал генерал.

Мы прилегли на соломе, знакомимся, говорим о предстоящих делах.

Новая семья, новые товарищи, новые масштабы...

5 сентября 1942

Рано утром, отдав некоторые указания своим работникам, я с генералом Соломатиным поехал по частям. Надо быстрее знакомиться, особенно с комсоставом. А части прибывают одна за другой с полным вооружением и техникой.

Генерал Соломатин мне нравится как человек. Он прост, общителен, добродушен, обаятелен, доступен. Мы с ним беседовали с личным составом в двух бригадах, познакомились с комсоставом. Соломатин – хороший беседчик, эрудирован, оптимистичен.

7 сентября 1942

Создаю аппарат политотдела корпуса и аппараты политотделов в бригадах. Создаются парторганизации в частях. Во всех прибывших частях сейчас идут партийные и комсомольские собрания. А вечером обмениваемся информацией и намечаем планы на следующий день.

9 сентября 1942

Сегодня имел длительную беседу с комиссаром Купаревым. В отличие от генерала Соломатина, полковник Купарев сух, грубоват, самонадеян и всегда хмур. В нем больше командирского, нежели комиссарского. А в характере – что-то такое тяжеловатое и отталкивающее. А партия учит нас и требует, чтобы комиссар был душой личного состава...

Ныне же познакомился и беседовал с зам. командира корпуса по хозяйству полковником Белоусовым. Этот во многом смахивает на нашего генерала Соломатина. Типичный русский человек: прост, заботлив, отзывчив, самокритичен – считаю это главным в человеке.

Сегодня вечером генерал Соломатин собрал первое совещание комсостава корпуса в расположении 19-й мехбригады, куда захватил и меня вместе с комиссаром корпуса Купаре-

вым. Соломатин в своем выступлении дал ряд деловых ценных указаний. А вот комиссар в своем выступлении говорил грубо, угрожающе, и вижу, что его речь как генералу, так и всем окружающим не понравилась. Обратном ехали – всю дорогу молчали. Машину вел лично сам генерал. Я удивился, как он мастерски водит машину.

12 сентября 1942

Почти круглые сутки в подразделениях идет организационная работа. Собрания, совещания, проверки. Много еще не сделано в хозяйственных и санитарных подразделениях, куда я направляю внимание своих работников. Надо быстро познакомиться с командным составом, а он многочислен, молод – много неопытных и необстрелянных еще в боях.

15 сентября 1942

Все силы коммунистов и комсомольцев направлены на материальное обеспечение частей продовольствием, обмундированием, боепитанием и пр. В то же время идет боевая учеба в подразделениях. На сегодня, кажется, все части прибыли по штату. Комплектование корпуса закончено. Большое хозяйство, большие заботы.

17 сентября 1942

Генерала вызвали в Москву. Возможно, привезет приказ на грузку эшелонов.

Ныне урвал с полчаса и беседовал с нач. штаком полковником Дубовым. Товарищ дело свое знает. Однако всеми статьямишибает на комиссара Купарева, они и ростом, и внешностью, и по комплекции похожи друг на друга. Но в штабе, видимо, такой начальник более подходит.

Заместители у Соломатина: полковники Горяинов и Трахтенберг – оба на своем месте, достойные уважения.

18 сентября 1942

Вечером наш генерал вернулся из Москвы. Я зашел к нему, здесь сидели Купарев, Белоусов и Дубовой.

– Садись! – сказал мне генерал. – Итак, товарищи: через два часа начнут подавать составы под погрузку, грузимся и отправляемся на фронт. Все недоделки в частях будем доделывать в пути. Никакой сутолоки. В каждой части есть план и график. Командиры частей знают, что им делать, но проконтролировать все это дело надо нам, все. Вы свободны!

Мы сразу же пошли по частям. Все пришло в движение, как в муравейнике. Вывозят машины, грузят ящики, мешки. Смех, русские острые словечки.

В 22 часа уже был готов первый эшелон, с которым едем: прокурор, председатель трибунала, я и еще несколько начальников служб соединения.

Часа через три прибыли в Москву. Наш эшелон тут же загнали в какой-то тупик.

20 сентября 1942

Двое суток загораем в тупике. Хожу по вагонам, беседую с людьми. Люди настроены оптимистически. Завтракаю у связистов. Один удалец рассказывает деревенские истории, над чем мы все хотим. Ну, прямо артист, сукин сын. Поручаю ему и политруку организовать самодеятельность в своем подразделении в пути следования.

22 сентября 1942

Вечер. Наконец-то наши эшелоны начинают выпроваживать из столицы. Едем на Калининский фронт. Дорога идет все время лесом. Часа через четыре эшелон остановился на каком-то разъезде. Выясняем причину остановки. Оказывается, впереди вражеская авиация бомбит станцию Соблаго.

На рассвете нас быстро пропустили. Погода морозная, но небо заволокли тучи.

26 сентября 1942

В течение пяти суток наше соединение перебазировалось благополучно из Костерова в Торопец. Разгрузились, замаскировались в лесу.

В середине дня по прямому проводу меня вызвал нач. Политуправления Калининского фронта к себе в штаб фронта. Из Торопца до штаба фронта – около 200 км. Лечу на У-2. В открытой кабине самолета – собачий холод. Щелкал зубами от холода, как цуцик, и приземлился совсем оочечневшим.

Нач. Политуправления фронта генерал Дребеднев принял меня тут же. Он пил чай. Заметив мое состояние с дороги, он меня тоже усадил за стол.

– Пей чай и докладывай! – говорит он. Я пью и докладываю. Сколько парторганизаций, коммунистов, какие начальники, как доехали, как личный состав.

Генерал мне понравился: ему лет 55, высокий, русский, добродушный, простой, смахивает на нашего генерала. А потом, как выслушал, стал говорить он. О маскировке, о бдительности, об усилении партийно-воспитательной работы в подразделениях. Самое главное, как я догадывался, генералу важно было познакомиться со мной. Он посмотрит на меня и с иронией улыбается, дескать, пацан еще и не рано ли назначен на такую должность. Я тоже думаю, что рано.

В сумерках я приземлился в своем расположении.

29 сентября 1942

Соломатин вечером собрал совещание комсостава. Со многими видимся впервые, поэтому знакомимся тут же. Затем генерал говорит об особенности ведения боя в лесисто-болотистой местно-

сти, с приведением частей в полную боевую готовность. Соломатин говорит просто, доходчиво, по-академически. Минутная пауза. Генерал спрашивает, у кого какие вопросы. Затем стал вызывать по очереди командиров бригад, полков и спрашивал каждого о боеготовности его части.

2 октября 1942

Весь день с зам. генерала полковником Горяиновым и нач-ком особого отдела майором Ситниковым провели в 35-й мехбригаде: занимались проверками, проводили совещание. Затем с полковником Белоусовым проводил совещание с хозяйственниками.

Проходя мимо землянки Соломатина, я спросил его адъютанта, не спит ли генерал. «Не спит еще!» – ответил адъютант. Я зашел, информировал генерала о состоянии дел в 35-й бригаде, где был с проверкой. Генерал кое-что себе записал и тут же отпустил меня – ему надо отдохнуть.

4 октября 1942

Вечером – совещание у Соломатина с комсоставом среднего звена. Генерал говорит о взаимоотношении командиров с подчиненными. Он указывает на грубость и чванство отдельных командиров, о бездушном отношении отдельных командиров к солдатам. Да, это требование – суворовское.

– Нужно меньше казаться, а больше быть на самом деле, т.е. меньше воображения, больше соображения, – говорит генерал. – Вспомните простоту, душевность к солдатам Суворова, Кутузова, Ленина. К черту отбросить грубость, прусское солдафонство. Советую всем прочесть новую пьесу Корнейчука «Фронт». Это о нас с вами написано.

Разошлись поздно, но понял я, что беседой генерала все были довольны. Я сегодня понял, что Соломатин – не только генерал, а первоклассный беседчик и лектор.

7 октября 1942

Днем и ночью в штабном автобусе разрабатывается план предстоящей операции, намечаются направления ударов, потребности в боеприпасах, горючем, продовольствии и пр.

Перед вечером получен приказ: нашим частям, не демаскируя себя, начать передвижение к линии фронта в район озера Велиспо и войти в подчинение 41-й армии. А через два часа наши танки, автомашины и пушки пошли своим маршрутом. Лишь ломаются сушня в лесу, да тархтят моторы. Мы с Ситниковым едем параллельно по проселочной дороге. Догнали засевшую машину нач. штакаора Дубового. Дубовой сказал, что торопится к генералу, и что последний через час будет принимать боевое решение, и потому просил нас следовать за ним.

8 октября 1942

Темная осенняя ночь в лесу. Вторые сутки моросит мелкий дождик. В 20.00 в лесной деревушке Орехово, в большой деревянной избе битком набилось комсостава. Ярко горит аккумуляторная лампочка. На стене развешаны карты, схемы. Соломатин сначала объясняет путь следования той или иной части, затем вызывает командира этой части и просит его рассказать, как он понял свою задачу.

Совещание закончилось поздно, все стали расходиться. Нас осталось только около десятка человек: заместители генерала, нач. штакор, комиссар и я. В это время заходит нач. оперотдела штаба подполковник Лебедев и сообщает нам потрясающую новость: во время совещания исчез один очень важный секретный документ... Всех, кого нужно, подняли на ноги, искали всю ночь, но, увы! Документ не нашли. Генерал дал штабистам дрозда, посадил всех, чтобы все делали заново, *а в части дал указания, что приказ по операции отменяется.*

– В штабе корпуса – или шпион, или ротозей! – говорит генерал. Ситников приступил к расследованию.

12 октября 1942

Все обстояло благополучно, все держалось от врага в тайне. Но за последние дни вражеская разведка засекла наше соединение, и теперь авиация врага буквально висит на нас. Чтобы не обнаружить себя полностью, генерал приказал нашим зенитчикам огня пока не открывать, а частям – рассредоточиться и лучше маскироваться.

Вечером в наше расположение прибыли командующий 41-й армией Тарасов и член Военсовета генерал Семенов. Прибывшее начальство проводит совещание с генералом Соломатиным и начальста Дубовым.

15 октября 1942

– Начальник! – впервые так меня сейчас назвал наш генерал, от чего мне стало как-то неловко. – Идут дожди, дороги здесь – сами знаете какие. Наше «святое» интендантство со своими задачами не справляется. Нужно не только накормить огромную массу людей, а и создать какой-то запас на период предстоящих боев. Да не только продовольствия, а боеприпасов, горючего и пр. Прошу помощи от парторганизации!

– Михаил Дмитриевич! Бегу сейчас же к вашему зам. по хозяйству полковнику Белоусову, и все предоставлю в его распоряжение, чтобы выполнить ваши указания!

– Вот это – по-большевистски! – улыбнулся Соломатин, усаживаясь в свою машину. А я помчался во 2-й эшелон к Белоусову.

– Ну что, старик, зарпортовался с подвозом всех своих интендантских сокровищ? – говорю я по-дружески Белоусову.

– Не говори, Саша! – Белоусов был лет на 15 старше меня и с первого дня нашего знакомства звал меня Сашей. Я не обижался.

– Ну что, тебе добавить машин? – спрашиваю Белоусова. – Или людей?

– Машин если, то немного, а людей вот – да!

Договорились так: выстроить солдат вдоль дороги, как на стройке, и передавать по цепочке. Часа через четыре дело пошло. Вечером я в землянке подписывал партбилеты вступающим в партию. Позвонил Соломатин:

– Кузьмич, спасибо! Завтра продолжайте тоже. Люди сейчас свободные. Между прочим, соседние соединения тоже подхватили наш почин.

– Да это надо благодарить не меня, а Белоусова!

– Ну-ну! А до твоего приезда чего же он не применял подобное?

В глубине души я радовался, что генерал был доволен. Дело сделано.

Вечером генерал вызвал меня к себе в землянку. Я пришел. Там с генералом сидел маршал бронетанковых войск Федоренко. Последний шутил, расспрашивал меня о наших делах. Что-то такое притягательное и человеческое было в нем, от чего невольно проникаешься к нему любовью и уважением. У таких надо и нам учиться, как ставить себя по отношению к подчиненным.

18 октября 1942

Дожди льют без конца вторую неделю. Весь лес залит сплошным болотом. А работа по переправке грузов вручную продолжается. Перед вечером к нам прибыл Соломатин. Посмотрев на работу, генерал расцеловал человек десять солдат и сказал нам с Белоусовым, чтобы мы представили нескольких человек к наградам.

20 октября 1942

Больше недели лил дождь, а вчера выпал большой снег и стукнул русский морозец. Мы затаились в лесу и пока не воюем. Пополняем боеприпасами и продовольствием. Эшелоны к нам прибывают ночью. Я допоздна сидел в землянке у сол-

дат 19-й мехбригады. При мне поймали немецкого разведчика, который ходил в наше расположение.

21 октября 1942

Враг ведет бешеную пропаганду и агитацию по разложению наших войск: ночью и днем разбрасывают с самолетов листовки с пропусками на обратной стороне. Начали подтаскивать репродукторы-усилители и клеветают по-геббельски, обещая пленным райскую жизнь, поместье и красивую жену.

– И где он бережет для нас столько миллионов красивых жен? – язвит один солдат.

Необходимо немедленно организовать контрпропаганду не только в подразделениях, но и для передачи на вражеских солдат. Бдительность нельзя ослаблять ни на минуту. А у нас еще есть немало таких, которые по своей наивности не могут отличить ложь от правды. А враг – коварен и хитер.

25 октября 1942

Ночевал с молодыми офицерами 65-й мехбригады в их землянке. Лейтенант Бегушев носил кубанку. Мы его попросили рассказать, почему он нарушает форму, и он рассказал.

26 октября 1942

24-го генерал Дребеднев снова вызывал меня в Политуправление фронта. На этот раз разговор был о предстоящих боях, и он попросил доложить конкретно о проделанной работе. В самолете простыл, гриппую и едва стою на ногах. Не умею, не привык я еще летать на открытых «кукурузниках», а летать и впредь здесь, на этом фронте, еще придется немало.

Ночью в землянку зашел нач. особого отдела Ситников и сообщил, что в одной бригаде снял группу вражеских лазутчиков... Это

меня встревожило. Враг не дремлет. Чаще надо напоминать лично-му составу о бдительности. А парторганизации забывают о ней.

В корпус прибыл маршал Федоренко. Значит, дело подходит к баталиям.

И когда же прекратится дождь?

29 октября 1942

Третий день валяюсь от гриппа в землянке. Ослаб. Одолевает кашель и пот. А работы – невпроворот. Вызываю сюда своих помощников и гоняю их по частям. Через силу встаю и подписываю партбилеты. Горстями жру стрептоцид и аспирин.

31 октября 1942

Стал подниматься с постели. Сегодня мылся в д. Орехово в д-ревенской бане – красотища!

Зам. Наркома по бронетанковым войскам маршал Федоренко еще пребывает у нас. Они с нашим генералом – друзья. Но тут дело, видимо, не в дружбе, а в службе. Вечером маршал собрал нас – начальников служб и командиров соединений – на совещание.

Обаятельный, без напыщенности и величия, говорил он с нами просто и доступно о предстоящих серьезных делах. После совещания он улетел в Москву.

3 ноября 1942

Та же погода, та же работа. В этом бегут дни и ночи. В подразделениях свирепствует эпидемия гриппа. Переговорив с генералом и комиссаром об этом, вечером проводим бурное совещание с работниками санитарной службы.

Только пришел к себе в землянку, как явился Ситников. Я люблю этого застенчивого, вежливого русского богатыря, уроженца Брянской области. Он – страж нашей безопасности, и свою службу справляет честно и добросовестно. Только вот почему-то (пока не

пойму) у него натянутые отношения с комиссаром Купаревым. Странно и парадоксально!

Ситников извинился. Я его усадил за ужин, на столе трещали поджаренные американские консервы.

– Кушай и докладывай! – говорю я по примеру генерала Дребеднева – тот всегда посадит за чай и тут же говорит: «Пей чай и докладывай!»

– Часа два назад, когда вы проводили совещание с медработниками, я арестовал вашего второго фотографа. Работал на врага, пойман с поличным! – У меня застрял в горле кусок колбасы.

– Не возмущайтесь! О нем у нас имелись данные еще с момента его прибытия в наше соединение.

– Так чего же вы его не взяли тогда и не предупредили меня об этом?

– Нельзя было. До сего дня он был лишь на подозрении, здесь же был уличен безапелляционно. – Я был ошеломлен сообщением Ситникова.

– Не удивляйтесь, Кузьмич! Хорошо, что все это случилось до начала боевых операций, – успокаивает меня Ситников.

Ситников ушел. А я долго не спал, думал о том, как нагло и напористо действует разведка врага.

7 ноября 1942

Праздник 25-й годовщины Октября проходит во встречах и беседах с личным составом подразделений. Весь праздник вражеская авиация висит над нами: бомбит, обстреливает. «Рамы», «Костыли», «Юнкерсы». Но нас спасает хорошая маскировка – лес. Враг встревожен внезапным появлением здесь нашего соединения, и поэтому теперь свирепствует во всю.

Еще 6-го ноября Соломатин дал приказ переселить штаб корпуса и вообще все наши учреждения из д. Орехово в заранее приготовленные землянки. Вслед за нами из деревни убрались все жите-

ли. И как хорошо и вовремя это было сделано, потому что сегодня на рассвете налетело 15 «Юнкерсов», они принялись ожесточенно бомбить деревушку, превратив ее в груды развалин.

– Орехово разделали под орех, – как-то механически говорит мой инструктор Васильев, находившийся сейчас с нами и наблюдавший бомбардировку деревни с начала до конца.

– Да, Орехово фашисты разделали под орех, а вот если бы нас генерал не разогнал из Орехова по землянкам, что бы с нами было? Ведь многие были настроены праздничек отпраздновать в деревне, в просторных хатах, со всеми удобствами! – ответил Васильеву Ситников.

10 ноября 1942

Вечер. Освободившись от повседневных дел, нас четверых пригласил на ужин к себе в землянку полковник Белоусов. Тыловики прислали Белоусову глухаря, и он зажарил его на славу. Все мы в жизни своей еще не кушали мяса этой диковинной птицы. Уселись: Белоусов, Горяинов, Ситников, нач. связи Ковалев и я.

– Ну, друзья, – говорит Белоусов, – праздник у нас весь прошел кое-как: под бомбежками да в делах, давайте его отпразднуем сейчас. Нам посчастливилось сегодня глухаря отведать. Генералу с комиссаром и нач-ку штаба я послал соответственно, не гляди на меня, Кузьмич и не упреки в эгоизме, – все засмеялись. – Так прошу за наши будущие боевые успехи шандарахнуть этого глухарика!

Белоусов в прошлом был человеком завидной судьбы, он испытал, наподобие Гиляровского, все профессии. Особенно много у него было историй в годы Гражданской войны. Но об этом я постараюсь, если позволит время, записать потом. Через несколько минут глухаря, как и не было...

Отблагодарив хозяина за прекрасный ужин, мы разошлись. Засиживаться нам было некогда, каждого из нас ждала своя служба.

15 ноября 1942

Выйдя утром из своей землянки, я был поражен обилием снега, выпавшим за ночь. Вековые ели и сосны стояли, словно в серебре. У своих землянок барахтались солдаты, играя в снежки, радуясь этому явлению природы. Огромное озеро Велиспо, покрытое снегом, выглядело огромным белым полем. Был легкий морозец, и в воздухе стояла хрустальная чистота.

Придя после завтрака в штаб, полковник Дубовой сообщил мне, что сегодня будем снова перемещаться в новый район. Я хотел выразить досаду на наши частые перемещения, но опытный в военном деле полковник шукнул мне на ухо: «Ша! Быть может, мы этой своей «кочевой стратегией» вводим в заблуждение вражескую разведку? Они вчера засекли нас тут, а мы нынче перепрыгнем в другое место».

Штаб и разведка все время занимаются рекогносцировкой местности, они уезжают с утра и возвращаются ночью. Предстоящая операция готовится по всем направлениям.

Снова засел за свои бумажные дела. *Я каждую ночь сижу за подписанием партийных и комсомольских документов. Перед каждым боем приток в партию – огромный.* Позвонил Дубовой:

– Не собирайся с перемещением, мы пока останемся здесь. Я отошлю лишь некоторых. – Я понял старика и кутузовские хитрости генерала.

17 ноября 1942

Вечером Дубовой крикнул нас с Ситниковым в штабную землянку, где начинался допрос пленного фельдфебеля. Наши разведчики схватили его в расположении немецкой дивизии. Дело обстоит так: разведчики, проникнув в стан врага за языком, затаились в снегу около одной землянки. Через некоторое время этот фельдфебель вышел из землянки и уселся по большой нужде прямо перед

носом нашего сержанта. «Ну вот, этого еще не хватало!» – подумал сержант. Он тихо поднялся позади немца, зажал ему рот, свалил на снег, так что немец и крикнуть не успел. Подскачившие наши товарищи сунули фашисту в рот кляп, связали и приволокли. «В лесу, да ночью, всегда можно обтяпать любое мероприятие скрытно и внезапно», – думаю я.

Фашист вначале вел себя надменно. Он сетовал лишь на то, что ему не дали сделать туалет, что это-де – некультурно и не по правилам войны. Разведчики смеялись.

19 ноября 1942

– Давай скорее на рацию! Важные вести, – позвонил мне нач. связи подполковник Ковалев. Прибегаю – там уже сидели и слушали: Соломатин, Купарев, Дубовой и др. гремел голос Левитана: ... «наши войска под Сталинградом окружили 330 тысяч немцев и ведут бои по уничтожению этой огромной группировки». – Мы все восторгаемся успехами наших товарищей на южных фронтах. Генерал улыбается и подмаргивает нам, дескать, вот какие дела развертываются на фронтах. Расходимся все радостные и возбужденные.

21 ноября 1942

Зима активно вступает в свои права: усиливаются морозы, подсыпает снежку. В лесу снег лежит пухом, он уже выше колен, местами – по пояс человеку.

Вечером Ситников сообщил, что он снял еще одну группу фашистских агентов. *При бегстве из-под Москвы враг немало оставил на нашей земле такой нечисти. Они небольшими группами осели в здешних лесах. Ходят в нашем обмундировании, с красноармейскими книжками в карманах, вроде отстали от своих частей и ищут их.* На этот раз среди военных были и гражданские из ближайшего села Б-во.

– Да уж не шпиономанией ли заболел ты? – спрашиваю я его.
– Вот факты, взгляните! – он показывает мне фотографии, письма, оружие, взрывчатку..

23 ноября 1942

Сегодня у меня праздник – после долгих ожиданий, наконец-то, прибыла редакция и типография корпусной газеты, будет печататься своя многотиражка. В составе редакции – писатель Стахович. Обрадован донельзя.

Полусуток в 65-й бригаде. Вечером кушали лосиные пельмени. Вкусны. Спросил командира бригады Шевченко, при каких обстоятельствах подбили лесного великана. Шевченко вызвал виновника. Здоровенный детина, бронбойщик, смущенно объясняет по-украински:

– А зтоим мы у штабе, товарищ пидполковник, а вин прется коло нас в сторону нимца. Еще бы трошки, и втикал би. Ну, думаем мы з старшиной, достанется наше богатство нимцу. И я его з бронбойке завалил.

– То, что повалил такое животное, которое охраняется государством – это плохо. В мирное время за это бы судили. А то, что не дали наше добро врагу – молодцы! Немцы его бы истребили. Они вон в Беловежской пуще зубров уничтожают. Но они – фашисты, а мы – советские люди. Ясно? На кухню сдали тушу? Вот хорошо.

В бригаде у Шевченко – порядок. Командир он опытный, инициативный, дисциплинированный, хотя еще и молодой.

25 ноября 1942

На рассвете началось то, к чему мы так долго готовились – наше наступление. Загремела наша артиллерийская канонада. Противник огрызается редкими артиллерийскими выстрелами. Долго и тщательно укреплял здесь враг свою оборону, но ее сейчас успешно ломают наши сибирские стрелковые дивизии.

К 9 часам я прибыл в 19-ю мехбригаду, которая сейчас ведет бой в сильно укрепленном районе врага. Лесные завалы, минные поля. Здесь увидел своего генерала. Озябший, но полный оптимизма, он говорил, что ходом операции пока доволен. Мимо по глубокому снегу ведут партию пленных. Фашисты одеты в шинели и в пилотки с наушниками.

В только что освобожденном селе Климятино – огромное немецкое кладбище. Стройно в ряд стоят березовые кресты с касками – глазом не окинешь.

Бой пошел в ночь. Генерал сказал мне, чтобы я ехал в тыл и расчистил там на дорогах «пробки».

27 ноября 1942

Наше продвижение вперед идет медленно. За время начала наступления мы продвинулись лишь на несколько километров, за деревню Цыцыно. Враг имеет здесь не только хорошо укрепленную оборону, но и много живой силы и техники. К тому же, местность – леса, болота, глубокий снег, морозы. Ну, морозы нам – не помеха, а немцу – страх.

В полуднях я вернулся снова в первый эшелон. Ни на минуту не угасает бой. Треск автоматов, пулеметов, гром орудий «слились в протяжный вой». Наши части продвигаются медленно. Враг сопротивляется яростно.

Вечером с Ситниковым отправились во второй эшелон. Дороги – труднопроходимые, горячее и боеприпасы доставляются с перебоями, и на этом деле надо сидеть неотлучно.

Сделав все крайне необходимое, мы с Ситниковым около 21.00 снова помчались на передовую на его «Виллисе». И на перекрестке дорог взяли влево, да влохались в деревню, занятую немцами... Смотрим – большинство избенок – без крыш от пожара. А мы были уверены, что это Цыцыно. Останавливаемся у крайней хаты. «Да когда это фашист успел тут бомбить?» – думаю. Заходим в избу. Мель-

кает жировичок, как когда-то, помню, в годы гражданской войны, сидит дед в шубе, лупит картошку, кормит мальчонка. При нашем появлении он изумленно поднял глаза.

– Дед, какая деревня?

– Сергеевка!

– Немцы в селе есть?

– Только сейчас вышли трое...

Ни о чем не спрашивая больше, мы пробкой вылетаем из хаты.

– Шофер! Разворачивай обратно, без света! – крикнул Ситников, – в селе – немцы!

И только мы тронулись, как нас начали обсыпать трассирующие пули. Благо, что у села – поворот дороги. Это нас спасло. Молчим, никак не опомнимся...

До Цыцыно мчались, не проронив ни слова, лишь только вздыхали. Соломатин по внешнему виду опознал, что с нами было какое-то приключение. Я не выдержал, кратко рассказал, как все было.

– Ничего себе! Немцы бы завтра такое торжество устроили! Попали в руки начальник политотдела корпуса и нач. особого отдела! Да вы понимаете, что это значит? Иван Васильевич, – говорит генерал нач штабору, – напишите приказ, чтобы без ведома штаба никто из начальников служб ни в первый эшелон, ни отсюда во второй не ездили!

Обстановку разрядил пленный немец, которого только что доставили разведчики. Он был в дырявом мундире, зубы были подвязаны женским грязным платком, а на ногах его – огромные «гебельсовские» соломенные сапоги.

– Я уже третий раз прихожу рус плен, а меня обратно отсылают рус солдат. Гитлер капут! – говорит пленный.

Пленного увели. Мы некоторое время молчали. Вдруг начштаба, глядя на нас, грохнул со смеху, ухватился за живот и начал хохотать так, что я его таким никогда не видел. Глядя на него, начал смеяться и Соломатин. А мы с Ситниковым сидели как из-за угла мешком хваченные.

29 ноября 1942

Четверо суток гремит артканонада, четверо суток прогрызали мы долговременную оборону врага. *Наши части продвинулись на полсотню километров по направлению к городу Белый по лесным заснеженным местам и бездорожью.* Многие деревья стоят сухими скелетами, а снег сплошь усыпан ветками деревьев. По показаниям пленных и данным разведки, враг подтянул пять свежих дивизий, якобы свернувших с пути следования в Сталинград.

Соломатин с утра умчался в 19-ю мехбригаду, где все время – наиболее напряженное положение. А Купарев вчера заболел гриппом и уехал во второй эшелон.

Гремит лес, не умолкая. Идет жестокий бой.

Корпус полностью вошел в прорванную брешь, но продвигается медленно – не только потому, что лес, глубокий снег и бездорожье, а потому еще, что сопротивление врага пока упорное и яростное.

Уже вечерело, когда я добрался в 65-ю танковую бригаду. Полевой штаб бригады был окружен несколькими танками, которые только что вышли из боя на заправку. Все танки были обрызганы кровью. Нашел командира бригады подполковника Шевченко. Он второпях мне рассказывает, что на большаке только что закончился бой, где его бригада вместе с артдивизионом начисто уничтожила эсесовскую кавбригаду. Фашисты вместе со своими конями были расстреляны пушками и подавлены гусеницами танков. Здесь дорога проходит в густом заснеженном лесу, и фашисты оказались как в мышеловке. *Паника у немцев была неопиcуемая. Кони бросались друг на друга. Немцы обезумели и не смогли применить свое вооружение.*

Танки заправились и снова уходили в бой. Я помчался обратно в штаб к себе. Надо было обрадовать генерала, т. к. он давно не мог быть в 65-й бригаде и беспокоился за нее. Связь иногда работала с перебоями.

Скоротечность событий. Сотни подвигов. Сотни убитых. Все это не вмещается в сознании, чтобы записать хоть тысячную долю из всего, что сейчас происходит вокруг. А события развиваются с невероятной быстротой.

В ночь разыгралась невероятная пурга. Сверху падает хлопьями густой снег, а в лесу кружит так, что в двух шагах ничего не видно. Для наступающих войск это плохо. Словно самум в Аравийской пустыне, о котором читал в детстве.

Рассказываю генералу об успешном бое 65-й бригады, он уже об этом знает. Генерал опять простыл и гриппует. Он осунулся, постарел как-то. Не свалился бы с ног сейчас, в такой момент.

30 ноября 1942

Сопrotивление врага на нашем участке превзошло все наши ожидания. За год враг создал здесь мощные укрепления. Сегодня в прорванную брешь устремились наши войска.

Привели партию пленных: немцы, финны, власовцы. Один раненый в ногу фашист уселся на своего убитого собрата и грызет мерзлую галету.

1 декабря 1942

Восьмые сутки в дремучих лесах, в глубоких сугробах мы ведем ожесточенные бои. Как продвинулись на 40–60 километров в первые четыре дня после прорыва обороны врага, так и толчемся на месте. Мы не предполагали, что здесь окажутся такие большие силы врага, и что он так быстро сможет подбросить на подкрепление свои резервы.

На ст. Никитинка наши захватили большие запасы горючего, продовольствия и боеприпасов противника.

По показаниям пленных, противник подтянул еще несколько частей живой силы и техники из-под Брянска, Смоленска и Ленинграда.

Я только что прибыл в 37-ю мехбригаду. Бригада со дня наступления понесла большие потери. Люди утомлены непрерывными недельными боями, немало обмороженных и гриппующих. Но солдаты переносят все стойко.

Буран как будто ослабевает, но бой – нисколько.

3 декабря 1942

Со своим инструктором Вязанкиным в 35-й мехбригаде. Бригада также имеет большие потери в живой силе, а обмороженных и гриппующих, пожалуй, больше, чем в других соединениях. Ранен и ходит с забинтованной головой нач. политотдела подполковник Попов. Около танка в щели Попов и командир бригады подполковник Шанатурин информируют меня о положении дел в бригаде. Люди утомлены, много больных, вторую неделю на холоде при 30-градусном морозе, давно не принимали горячей пищи. А задачу выполнять надо...

5 декабря 1942

Одиннадцатые сутки идет напряженный кровопролитный бой. На некоторых участках наши части переходят к обороне, т. к. противник снова подтянул подкрепления. Со вчерашнего дня противник наносит удар за ударом на Цыцыно с целью вклиниться в стык наших соединений.

В третий раз вражеская авиация подвергает бомбардировке с воздуха наш командный пункт. Нашупали, гады! Начштаба Дубовой не успевает передвигать к. п. с одного места на другое. Наспех идет перегруппировка наших частей (по указанию штаба армии). Вижу, Соломатин этим недоволен.

К вечеру генерал приказал все тыловые машины, кроме боевых, срочно отправить во второй эшелон. Я кое-о-чем догадываюсь...

А бой идет. Может, с небольшими паузами, бой ожесточенный. Не охватить глазами и не постичь умом массового героизма наших

воинов, их неопишемую стойкость и самопожертвование. В 37-й мехбригаде в минуту затишья боя рядовой Авдеенко читал своему отделению сводку. В это время из кустов на них внезапно выскочили фашистские танки, открыли огонь и убили наводчика орудия. Авдеенко не растерялся. Он встал за наводчика и открыл огонь по танкам врага. Сам погиб, но все три фашистских танка уничтожил.

В 65-й бригаде в домике лесника обосновался телефонный узел связи. Связь осуществлял связист Родченко. Но вот вражеская артиллерия начала вести усиленный огонь по домику лесника, и он загорелся. Дом наполнился густым дымом, крыша запылала, но несмотря на это, связь работала. Наконец начал обваливаться горящий потолок. Родченко, охваченный пламенем, передал последний свой сигнал: «Дом объят пламенем! Я горю! Если связь прекратится – считайте меня погибшим!» Родченко сгорел.

О, сколько таких подвигов! Разве перечислишь все их?

Перед вечером группа фашистов прорвалась прямо к штабу корпуса. Я наспех сколотил группу из легкораненых и штабных писарей и бросил ее во главе со своим зав. отделом, тоже раненым, Вязанкиным, на отпор фашистам. Фашистов разбили и приволокли пятнадцать пленных. Молодец Вязанкин!

Не прошло и часа, как новая группа врага снова бросилась на штаб. На этот раз собрали и выставили против налетчиков группу санитаров и раненых во главе с лейтенантом Благодатским. Фашистов снова разбили и привели двенадцать пленных.

Уже стало темно. Я подошел к нач. штабору Дубовому. Старик гримасничал над картой. Он, словно ягуар, готовившийся к прыжку. Я подошел явно не вовремя.

– Уже несколько налетов враг пробовал на штаб. Видимо, он засек наше расположение! Нам, видимо, надо куда-то переместиться? – говорю я.

– Куда же я его перемещу, Кузьмич, к себе в ж.? – ответил мне Дубовой. Я улыбнулся, он – тоже.

Бой пошел в ночь. Крепчает мороз. Гремит артиллерия. Трещат пулеметы и автоматы. Раненых прибавляется.

6 декабря 1942

Утро. Беседую с группой пленных. Передо мною стоят рослые, упитанные, с надменными мордами молодчики из знаменитой эссовской дивизии «Викинг». Не то от холода, не то от страха они вздрагивают, глядят исподлобья, словно воры, пойманные на бахче. Эти уже побывали не в одной стране Европы. Через каждую фразу они спрашивают: расстреляют их или оставят в живых. Напекают на то, что они еще молодые и могут еще работать, и им хочется дожить до победы. *Я наконец-то спрашиваю их:*

– А как вы относитесь к нашим пленным? – Потупив взоры, пленные молчат, думают. Сказал, что у нас пленных не расстреливают. «Поедете в тыл». Ободрились, подняли головы.

Выясняется геббельсовская чушь – что-де все наши части, сражающиеся на этом участке, состоят исключительно из коммунистов-добровольцев-смертников, и что воюем мы только американским оружием и на американских продуктах.

Переводчик переводит им:

– Это – геббельсовская брехня! «Катюши», «Т-34», самолеты «Петляков» и «Як» – наше советское оружие, и оно не хуже вашего и американского, не правда ли?

– О, да! – соглашаются они.

– Что касается коммунистов-смертников – тоже брехня. Коммунистов в любой части – не более 5–6%. А что касается добровольцев, то у нас их действительно немало, и большая часть – это беспартийные. Все партизаны наши – это добровольцы. Они создают много партизанских отрядов сами, не спрашивая разрешения Правительства, а также вооружения. Они воюют в основном вашим оружием, и сами из себя выбирают себе командиров. Все это гово-

рит о великом патриотизме нашего народа, и геббельсовская пропаганда рассчитана лишь на ваш обман.

Пленных увели. Они усиленно о чем-то спорят меж собой.

Многие деревья представляют собой скелеты: сучья обломаны, стволы сплошь пощипаны пулями и осколками. Снег перемешан с хвойными иглами и сучьями, да и с кровью, это как если бы несколько раз по одному и тому же месту прогнать огромный табун кованых жеребцов. Сколько здесь за 12 суток с обеих сторон выброшено металла, сколько пролито крови? Один аллах знает. Да ни черта и он не знает! Уже который день бой идет на одном и том же месте: кто обороняется и кто наступает, я сейчас никак не пойму.

Снова наступает ночь, и бой продолжается...

7 декабря 1942

Наконец-то сегодня вернулся из второго эшелона комиссар Купарев. Болезнь у него прошла. Он мне сказал, что в политотделе скопилось много необработанной документации, и что Политуправление фронта ругает меня за задержку донесений и информации.

– Отпускаю на 5–6 часов во второй эшелон. Дело здесь складывается самым серьезным образом. Нам всем надо быть сейчас здесь – сказал мне генерал. Перед вечером я выехал. *А с собой увожу мешок окровавленных, пробитых пулями погибших товарищей. И так – почти каждый день...*

Проезжая через деревню Спас, я увидел несколько убитых и кучей замерзших в разных позах немецких солдат. Здесь не так давно шли бои. Трупов наших воинов среди них не было. Увидев старика возле хаты, я спросил:

– А наших солдат среди убитых нет?

– Своих мы, сынок, похоронили тут же, как прогнали супостата, а эти, черт с ними, пусть на глазах поваливаются, яко псы бездомные.

– Нельзя, дедушка, так, – говорю ему, – надо и этих закопать, а то с наступлением тепла может вспыхнуть какая-нибудь зараза. Найди председателя сельсовета и передай ему приказ, чтобы трупы в ближайшие дни в какой-нибудь овраг стащить и прикопать.

8 декабря 1942

Всю ночь просидел в своей землянке за бумагами, за подписанием партбилетов и активировал партбилеты погибших коммунистов, а на рассвете с Ситниковым выехали на передовую. Смеемся меж собой – кабы нам опять не заскочить в Сергеевку в зубы к фашистам.

Въехали в зону боевых действий, машину с шофером оставили в кустах. Кратко информировал генерала о положении дел во втором эшелоне и тут же стал пробираться с инструктором Мухиным в боевые порядки, чтобы вручить партбилеты вновь вступившим коммунистам.

Приползли мы с Мухиным с переднего края, когда было уже темно. Наши маскировочные халаты были в клочках. В трех местах нам пришлось туго. Мухин был легко ранен в плечо. Во всех случаях особенно опасен был минометный обстрел.

Мы, после того, как перекусили, сидели в щели и разговаривали о своих делах. Шел обыкновенный бой. Штаб посылает разведчиков, выясняет обстановку в частях. Я собрал всю важную документацию и дал указание Мухину, чтоб он отправлялся со всеми этими документами во второй эшелон. *Назревает окружение, партдокументы оставлять здесь нельзя, да и самому мне уезжать сейчас тоже нельзя...*

Едва я проводил Мухина и стал возвращаться в свою щель, как туда бухнул тяжелый снаряд. Пять автоматчиков и офицер Васков были убиты. Переходим в другое место, обстрел усиливается. В беспокойстве и тревоге проходит холодная, долгая декабрьская ночь. Правда, на войне спокойных ночей, как и дней, не бывает.

9 декабря 1942

Минувшей ночью враг закончил окружение нашей группы войск, замкнул нас в кольцо. Насколько это «колечко» прочное – покажет ближайшее будущее... *Вместе с нашим соединением в кольце оказалась одна бригада сибирского корпуса.*

...Замечаю повышенную нервозность у Купарева и Дубового, и еще кое у кого. Чувствую и замечаю, что меньше стало разговоров между собой, люди погрузились в думу, их лица стали угрюмыми, сосредоточенными. А бой все нарастает. Враг создал значительный перевес – он готовится к свирепой расправе над нами.

Во второй половине дня я вошел в автобус штаба. Генерал Соломатин, в накинутом на плечи полушубке, ухватившись обеими руками за голову, вооружившись очками, сидел над оперативной картой и приговаривал: «Да, дела... да, дела!» С ним рядом за столом сидели начштаба Дубовой и нач. оперотдела штаба подполковник Лебедев – молодой красавец с белой челкой, которого мы меж собой звали витязем. Рядом со столом сидел и усиленно курил Купарев. Я приоткрыл дверь автобуса, сказал: «А накурили-то, дышать нечем!» Соломатин поднял на мгновение свой взор к потолку, отозвался: «Да, в самом деле!» Все они: Соломатин, Дубовой и Лебедев были некурящими. Как только я сказал «а накурили-то...», Купарев бросил под ногу папиросу, блеснув на меня недружелюбно глазами, быстро вышел из автобуса. В такие моменты в нем показывалось что-то «угрюмбурчеевское».

Соломатин, изучая по карте создавшееся положение, заметно сетовал на наше армейское начальство, которое изо дня в день заверяло его, чтобы он за фланги не беспокоился, то есть окружения нашей группировки оно не допустит. И вот... Теперь чувствуем, нам предстоит битва не на живот, а на смерть. Сейчас самое главное – не вешать головы, организовывать и воодушевлять воинов на ратные подвиги, вселять в людей веру в нашу Победу...

Посылаю своих людей, и сам хожу из части в часть. «Да, не при-

ходило тебе, Кузьмич, быть в своей жизни в таком переплете!» – думаю про себя, направляясь в 35-ю бригаду, где еще четыре дня назад тяжело ранен начальник политотдела Попов. У автобуса стоял Соломатин, он кивком головы подозвал меня к себе: «Мы фрицу еще дадим прикурить! Это ему не 1941 год. Тогда он нас пугал своими «клещами» да «кольцами». Не вешать головы! Так и говори уверенно всем подразделениям!»

На участке 35-й бригады враг совершает по нескольку атак в сутки. Артиллерия и минометы с обеих сторон бьют, не умолкая. Иногда с корнем вылетают деревья. А ночью в воздухе постоянно висят ракеты, и становится светлее, чем днем.

В бригаде – большие потери в живой силе, но настроение – удовлетворительное. Много гриппозных, обмороженных, раненых.

Я сказал Кутареву, что иду в 37-ю бригаду, где положение наиболее напряженное. Разыскал офицера связи бригады, идем с ним по заснеженной дороге. Сержант тревожно и пытливо всю дорогу спрашивает меня о сложившейся обстановке. Под свистом пуль пробираемся на к.п. 37-й. Да, положение здесь незавидное. Бригада понесла и несет большие потери.

Почти до самого вечера я пробыл в 37-й бригаде. Бой идет беспрерывно. Выяснив все, что меня интересовало, и посоветовавшись с командиром бригады Шанауриным и комиссаром подполковником Панфиловым, я ушел на к.п. корпуса. А через некоторое время нам сообщили, что Шанаурин и Панфилов погибли...

10 декабря 1942

Более полумесяца наше соединение находится почти в непрерывном бою. Уже третьи сутки мы деремся в окружении врага. Мороз временами доходит до 40 градусов. Давно мы не кушали горячей пищи и не спали в теплой постели. Среди нас много больных,

обмороженных, раненых, но деремся стойко и отбиваем все атаки врага.

На небольшом пригорке, в глухой чащобе леса расположился наш к.п. Здесь стоят рации, несколько автомашин и два охранных танка. Вырыто несколько щелей. В эти щели вползают покурить и перебраться новостями писари, связисты, шифровальщики. Здесь же рядом, на еловых ветках, лежат раненые. Хуже всего в окружении настроение у раненого. Он себя считает чуть ли не обреченным. Этих людей часто оставляют в стороне, и все внимание уделяют боевым подразделениям. Я возложил работу среди раненых на находящиеся здесь же раненых политработников.

Присев сейчас около них, я стал переобуваться, ибо в валенках у меня давно уже хлопает не только от пота, но и от снега, который часто попадает за голенища, и от промокания. Уже суток трое я не спал. От каждого из нас сейчас требуются невероятные моральные и физические усилия, чтобы преодолеть все эти трудности.

Я решил с час вздремнуть. Улегся около раненых, но не сплю, а про себя думаю: «Выберемся ли мы из этого «огненного мешка»? Но что бы с нами ни стало, мы обязаны драться до последней возможности. Только своей стойкостью и мужеством можно одержать Победу». С час я все же поспал.

Подошел к штабному автобусу как раз в тот момент, когда Соломатин, опираясь на плечо своего адъютанта капитана Нарядчикова, вышел подышать свежим воздухом. Генерал ослаб, гриппует. Я ему сказал, что был в 35-й бригаде, что положение там такое-то. «Знаю я это, – говорит он мне шепотом на ухо, – у противника дела не лучше. Для него 40-градусный мороз – смерть! Ты не задавался таким вопросом: мы – в окружении, наше положение тяжелое, а солдаты и офицеры врага каждый день партиями сдаются нам в плен? Значит, у врага дела не блещут?» В самом деле! Я ухватился за эту мысль и тут же передал это своим агитаторам.

В 12 часов наш самолет «Ла-2» сбросил нам на парашютах четыре бочки бензина, восемь ящиков патронов. Это для нас было, как для слона груша, но все-таки.

Немцы от нас – буквально в нескольких метрах. Ночью в паузах боя мы слышим их команды, разговор. Слышим, как скрипит у них снег – идет приготовление к очередным завтрашним атакам, подтягиваются пушки, танки. Немцы любят поиздеваться над нами. Они подтаскивают к переднему краю несколько усилителей, включают громко грамзапись. Вначале – наши популярные песни в исполнении Руслановой, Утесова, Михайлова, Лемешева, а потом грохнут из шестиствольных минометов и спрашивают: «Ну, как?».

12 декабря 1942

Семнадцать дней непрерывных боев и пять из них – в окружении. Сегодня убиты: комиссар штаба майор Джерппа, командир саперного б-на Юхтман, а несколько раньше тяжело ранены заместители генерала полковники Горяинов и Трахтенберг. О, это были советские витязи!

Враг с каждым часом усиливает свой натиск на всех направлениях. Я непрерывно посылаю своих работников в передовые части для поднятия духа. А сам – едва перевожу дух... Чтобы только не свалиться с ног, только бы не свалиться!

В вечерних сумерках втаскивают в штабной автобус всеобщего любимца Нарядчикова, адъютанта генерала, бесстрашного искусного разведчика. Мы его между собой называли «Дукольским» из книги «Порт-Артур». Нарядчиков был послан во главе группы разведчиков в д. Цыцыно. Задание генерала разведчики выполнили, уничтожили 15 фашистов, но в этой схватке Нарядчикову перебили ногу. Товарищи принесли его на плащ-палатке. Как только Нарядчикова внесли в автобус, генерал упал ему на грудь и зарыдал во весь голос. Нам стало жутко.

Когда Нарядчикова отправили в санчасть, генерал вышел из автобуса. Всхлипывая от пережитого, он ходил меж деревьев. А минометно-артиллерийский огонь врага усиливался с каждой минутой. «Погибнет генерал!» – мелькнуло в голове. Как мы не звали его с нач-ком связи Ковалевым, он нас вроде не слышал. Я подбежал к нему, окликнул по имени-отчеству (*противник совсем рядом, и называть генералом было бы нелепо*), ухватил его за рукав полушубка:

– Вас к рации вызывает командующий! – загибаю ему.

– Да? Идем! – Он словно отошел от шокового состояния. Я помог ему влезть в штабной танк. А как только он опустился в танк, я через люк сказал ему:

– Никто пока не вызывал вас к рации, надо было, чтобы вы укрылись в танке. Видите, какой обстрел идет?

– А ты, Кузьмич, – хитер! – сказал генерал и остался пока в танке.

Опять привели партию пленных. Раненый майор Курносов бросился избивать пленных, *потянулся к кобуре, чтобы разрядить свою обойму. Я цапнул его в горячке за раненую руку, он ойкнул и упал, потеряв сознание*. Он был в припадке гнева. И тут вспомнил слова генерала – почему же в данной обстановке немцы сдаются в плен? Я хожу около раненых, и сам себе задаю этот вопрос... Почему немцы сдаются нам в плен?

Звездная морозная ночь. Мороз до 40 градусов. Тяжелораненые гибнут. Костров разжигать нельзя, они служат ориентиром для противника. Но где же нам обогреться? У многих сейчас одна мечта – обогреться бы и отдохнуть. Но этого удовольствия мы долго еще не получим, а некоторые совсем его не увидят...

Стонут, сдерживаясь, раненые, а снаряды рвутся среди них и дополнительно ранят или совсем добивают. А какие это люди!...

Наша армия в течение трех суток пробивалась к нам, чтобы вызволить нас из окружения, но – увы, все усилия кончились не-

удачно, вражеское кольцо разорвать не удалось. По этому можно судить, какие огромные силы враг сконцентрировал против нас. Это хорошо тем, что мы отвлекаем на себя такие большие силы от «Сталинградской мясорубки», где сейчас начались решающие бои по уничтожению окруженной немецкой группировки.

Танкисты – народ находчивый. В щели, укрытой плащ-палаткой, они развели костер и варят конину. Дня три назад, когда забили последних лошадок в соседней сибирской стрелковой бригаде, волею судеб оказавшейся вместе с нами в окружении, выбросили головы и ноги, а сейчас эти отбросы извлекли из-под снега и варят. При мне приволокли две головы с уздечками и несколько ног с подковами.

Немецкие репродукторы снова заработали. На этот раз выбрасывают в эфир наглую клевету как никогда – будто наш генерал бросил нас на произвол судьбы и улетел. А Соломатин стоит рядом у танка, смеется: «Вот наглецы, до чего дошли!» – говорит он. Через своих агитаторов организую контрпропаганду. Передаю по телефону в бригады.

В сумерках возвращаюсь из 37-й бригады. Враг усилил артобстрел. Не доходя до штабного автобуса метров тридцать, с шипением над головой пролетел снаряд, сорвал шапку, разорвался впереди. *На сорокоградусном морозе моя лысина запылала огнем.* Кто-то вскрикнул и умолк. Подбежал к тому месту, смотрю: лежит высокого роста сержант с разорванным животом и сильно изуродованным лицом, умирая. В предсмертной агонии он шевелил губами, но понять ничего было нельзя. Я искал в его кармане медальон, но его не оказалось. Долго и упорно молодой организм сопротивлялся смерти, и, наконец, наконец, притих.

Штаб 31-й армии заверяет нас, что организуют прорыв и выручат нас из кольца окружения. Вижу, что генерал наши в этом сомневается. Во всех наших подразделениях сейчас – предельное напряжение, горячего и продоволь-

ствия давно уже нет. Наши люди собирают в лесу брошенные врагом боеприпасы или отбивают их у противника во время ночных вылазок – вот этим мы и воюем.

13 декабря 1942

19 суток деремся мы в лесу, в глубоких снегах, в трескучих морозах. Из них – неделю в окружении. Для многих из нас такое положение является сверхчеловеческим испытанием. На кого ни погляди – все осунулись, обросли, обветрились, глаза воспалились, ввалились, губы потрескались. У некоторых вырабатывается какое-то равнодушие и безразличие ко всему происходящему. Это и есть сейчас самое опасное... Передаю агитаторам, что главное сейчас – вселять бодрость, уверенность, оптимизм, поднимать боевой дух в войнах, укреплять железную стойкость.

Сегодня ветер повернул с юга, и сразу потеплело. К вечеру в щели стало сыро, в валенках хлюпает пот и вода. Это может вызвать гриппозное заболевание. Разыскал санинструкторов. Обещали принять соответствующие меры. По возможности заставляют людей переобуваться.

Опять привели партию пленных. Немцы – как мокрые куры: обмороженные, заросшие, а завшивевшие – жутко подходить. Вот сфотографировать бы их на киноленту!

В ближайшем овраге послышались крики, шум. Идем туда с капитаном Баланом. Овраг забит гражданскими: женщины, старики, дети. Это жители ближайших сожженных деревень. Озябшие, голодные, завернутые кто во что. Душераздирающие крики... смотришь на эту картину, и в жилах стынет кровь. «Товарищ командир, миленький, дорогой, куда же нам деваться? Вот у меня их четверо, одного убили утром... Все голодные, третий день на морозе... Да за что же это на нас выпали такие муки?» – уцепила меня за рукав молодая мать, а ее облепили кричащие ее дети...

Посоветовали им перебраться по оврагу в более безопасное место и не кричать громко, иначе враг их будет расстреливать из минометов. Ну что еще мы можем сделать для облегчения их участи?

То в одном, то в другом месте прорываются танки врага. Пока мы их отбиваем и подбиваем. Пока... Бой пошел в ночь. В смысле ведения огня, он идет без перерыва: и днем, и ночью.

14 декабря 1942

Наш командный пункт похож, скорее всего, на полевой открытый лазарет: вокруг раций и штабного автобуса лежат раненные или свалившиеся от истощения люди. Снаряды и мины врага довольно часто попадают в это скопище людей и всякий раз находят свои жертвы. Раненные не стонут, не просят ни о какой помощи – видимо, осознают, в какой обстановке они находятся. Среди этого скопища раненых иногда даже можно услышать солдатские остроты, вызывающие смех. Лежат они, словно гладиаторы после боя.

Нас с каждым часом остается все меньше и меньше, но мужество не покидает нас. Некоторые считают, что все мы погибнем здесь, но в столь горячей обстановке это как-то не занимает нас. Каждый делает свое дело, как и в обычном бою, не задумываясь над тем, что будет с ним через минуту...

Наступает морозная ночь. По сведениям разведки и пленных, враг снова подтягивает свежие силы, значит, в ближайшие часы следует ожидать наиболее мощного натиска с его стороны. Сгребаем свои последние силы и возможности для обороны и расставляем их. Штаб сообщил, что сегодня за день мы подбили до тридцати танков, сорок четыре орудия, четыре самолета и уничтожили до шестисот солдат и офицеров врага.

Вдруг наступила тишина. Она длится уже несколько минут. Это впервые за много дней. Может, это затишье перед бурей? Кто-

то сошел с ума: то смеется, то плачет. У него отнимают автомат, а он не отдает.

В 22.00 генерал подозвал меня к своему командирскому танку. Он налил мне полстакана водки. Я выпил, а закусить у него тоже нечем. Я сгреб с крыла танка комок снега, «закусываю». Генерал положил мне на плечо свою руку, крепко сжал плечо. Чувствую – на душе у него тяжело. Некоторое время стоим молча.

В нескольких метрах от нас лежит с оторванной ногой девушка-сибирячка. Это – санитарка из соседней стр. сибирской бригады. Она уже часа три буквально умоляет, чтобы ее пристрелили. Врач, оказавший ей помощь, нагнулся над ней и все ее уговаривает.

Кажется, шестые сутки я совсем не спал. Мысли путаются, в голове – какой-то сумбур, на плечах – словно повешены гири, во рту – горько, в ушах – звон. Словно во всем организме рассыпали «букет моей бабушки». Вот бухнуться бы сейчас головой в сугроб и хоть с час соснуть... Да, действительно сон – милее всего на свете. Но спать не позволяет обстановка, долг, ответственность. Держись! Крепись! Мужайся!

15 декабря 1942

С рассветом наступили ужасные минуты кошмарного дня. Враг обрушил на нас всю свою огневую мощь со всех сторон. Укрыться нам, кроме как в щелях, негде. Но враг находит нас и в щелях. За неделю он установил место нашего расположения, а маневрировать нам некуда. Добиваются раненые и ранятся невредимые, а боевые, санитарные машины и рации – все объято огнем.

Я шмыгнул в щель около танка. Здесь сидят несколько раненых. Прижался к ним. Вот в пяти метрах падают сразу два снаряда: дым, взрывы, звон осколков. Там сидели два автоматчика, их разнесло в клочья. *Спустя полминуты, пока рассеялся дым, на том месте зияли две огромные воронки, кровавое месиво, и все это было прикрыто большим хвойным деревом. Там же*

погибла славная девушка-сибирячка, которая долго просила нас пристрелить ее. На землю валятся сучья деревьев, а часто деревья с корнем взлетают в воздух, выворачиваемые тяжелыми снарядами и минами. Такого мощного огня мы еще не знали с начала этой операции. «Нынче фриц дает прикурить!» – говорит кто-то из раненых. Я совсем оглох на правое ухо.

Часа три продолжался ураганный огонь врага. Сейчас несколько ослабел, но тут же в нескольких местах начались танковые атаки. Они бросались на нас до наступления ночи, мы отбивали их все. За сегодняшний день мы понесли самые большие потери.

У нас на исходе боеприпасы и горючее, а продовольствия нет уже несколько дней. Кажется, еще один натиск, и враг прорвет нашу жиденькую оборону и покончит с нами...

10 часов ночи (по-военному – 22.00). Подошел к танку генерала. Только что получил шифровку: «Корпус свою задачу выполнил. Приказываю отвести его во второй эшелон 31-й армии. Сталин»...

Генерал, вылезая из танка, про себя говорит: «Это как в сказке – медведя поймал! Веди сюда!» На самом деле, думаю, если армия пробивалась к нам четыре дня и не могла разорвать кольцо, то что можем сделать мы? Обмороженные, до предела измотанные, полувооруженные... Разве какое чудо поможет?

Но приказ получен, и его надо выполнять. А генерал уже собирает на совещание всех командиров частей.

Как только командиры собрались и ознакомились с шифровкой, генерал начал отдавать приказ. Он решил: все танки, а их осталось, кажется, лишь четыре (кроме тех, что в боевых частях), идут во главе колонны, с зенитными пулеметами, за ними – все остальные войска. Всех раненых взять с собой. Маршрут выхода – Цыцыно-Шипарево-Дубровка. В это время сибирские стрелки открывают усиленный огонь на флангах. Подготовка к прорыву велась спешно, но в тишине. У всего личного состава поднялось настроение. Даже

раненые заликовали и все, кто только мог, поднялись на ноги. Кому хотелось оставаться в плену у фашистов?

Наскоро прощались тут же около командирского танка и спешно расходились по своим частям.

В 24.00 вся армада двинулась. Генерал приказал с приближением к Цыцыно всем кричать «ура», стрелять из всего оружия. «Смелее натиск, больше напористости, чтобы ошеломить врага». Генерал решил правильно: усиленная внезапная стрельба в зимнюю ночь психически действует на немцев как ничто другое.

16 декабря 1942

В 2.30 подошли к Цыцыно. «Вперед, орлы!» – крикнул, высунувшись из башни танка, генерал – больше натиска!» Раздалось громкое русское «ура», как на параде. Открылась невероятная стрельба, и мы ворвались в Цыцыно. Тут было два полка фашистов. Они выскакивали из натопленных домов в нижнем белье. За несколько минут мы их смяли и уничтожили. И тут же устремились к Дубровке. Победа в Цыцыно окрылила нас всех. К нашему удивлению, наши потери были ничтожны.

В головном танке, кроме экипажа, нас было еще четверо: Купарев, представитель Ставки капитан Грибков, я и адъютант Купарева ст. лейтенант Семенютин. Дубровка от Цыцыно – в 4–5 км. На борту танка – человек 10 раненых. Приближались к Дубровке. Здесь враг приготовился, чтобы встретить нас. Из Цыцыно ему уже успели сообщить.

Перед Дубровкой около полукилометра – поляна. Сразу же из леса выходишь на поляну, и обойти ее некуда: слева – болото, справа – овраг, дорога идет только через Дубровку. Как только мы высыпали из лесу на поляну, враг открыл огонь из всех видов оружия с близкой дистанции и сразу же скосил несколько десятков наших – *они легли, как трава под косой*. Люди попятились в лес. Получалось замешательство. И тут снова раздался голос гене-

рала: «Вперед, орлы! На штурм, и победа обеспечена!» Нам из танка ничего не было видно, только пули цокали о броню, и слышно было, как снова раздалось «ура», наши танки начали стрелять сходно, а в другом месте были танки 19-й бригады на Дубровке, которые подавили ряд огневых точек врага. Враг начал менять позицию, что, видимо, его и погубило. Как потом нам стало известно, в Дубровке была сосредоточена эсесовская гренадерская дивизия, но, видимо, не вся.

И вот мы, наконец, ворвались в Дубровку. Началась рукопашная схватка. Наши танки расстреливали врага в упор. Всюду строчили пулеметы, лопались гранаты. Битва длилась минут 25. И все было кончено. Мы начали выходить из Дубровки, как с флангов по нам немцы открыли артиллерийский огонь. Это части противника спешили на помощь своим в Дубровку. Но было уже поздно. Мы еще несли некоторые потери, но уже вошли в нейтральную зону, и до нашей передовой линии обороны оставалось недалеко. Впереди горел сарай, зажженный нам как ориентир, к которому тянулись наши изнемогающие воины.

Фашисты продолжали еще яростно преследовать нас артиллерийским огнем. Один снаряд ударил в наш танк, срикошетил. Через мгновение – второй. Видимо, стрелял меткий стрелок. Внутри танка блеснули искры. Танк остановился.

– Нажми, может, потянет? – приказал Купарев. Танк пошел тихим ходом, но третий снаряд разорвал гусеницу. Наш «сухопутный крейсер» закружился на месте и свалился в авиаворонку вверх днищем. Мы оказались вниз головами. Сидевшие на борту раненые погибли под танком, *в том числе и начальник политотдела 35-й мехбригады подполковник Попов...*

– Открывай запасной люк! – кричал Купарев

– Сейчас, сейчас! – пытался открыть водитель. Но в танке было так тесно, что не повернуться. Водителю помог капитан Грибков. Наконец-то люк подался. С трудом по одному начали выле-

зять. Немец все время освещал поле боя ракетами, потом фарами. Он заметил, как мы стали вылезать из танка и начал обстреливать из пулемета. Мне пришлось вылезать из танка последнему. Я третий день находился в гриппозном состоянии, ослаб, но сейчас не об этом надо было думать. Едва я высунул голову из люка, как блеснул свет фары, и, как только я окунулся обратно в танк, как прозвучала пулеметная очередь и с яростным жужжанием срикошетили о броню пули. «Неужели каюк мне тут? – думаю, – под носом у своих». На гаечном ключе высовываю шапку. Не стреляют. Луч фары шарит, и огонь ведется в стороне. Быстро, ушибая колени, вылезая, притаился за танком. Посмотрел вперед. Там вдали чернели удаляющиеся точки. Это были мои товарищи, которым я сейчас завидовал.

Ползу по снегу, а он смешан с землей и кровью. Путь ведет на подъем. Вскоре стал до нитки мокрым, словно вышел из бани. От меня на морозе шел пар. Наконец-то дополз до вершины увала. Пули жужжали вверх. Пригибаясь, пошел. Вправо начинался овраг. Подхожу к оврагу. Там хрустит снег. Тихие голоса. Наши! Качусь в овраг, ташу за собой целый обвал. Подбежало несколько человек, я назвался. Подняли, взяли под руки и вели до Клемятина. Прошли свою линию обороны.

17 декабря 1942

За Клемятино у горящего сарая с небольшой группой офицеров был маршал Жуков. Он спешно отправлял нас в назначенные землянки на отдых.

Вечер. Я спал часов десять мертвым сном. Проснулся. Лицо, руки, ноги, были сильно отекающими, словно я был резиновым и наполнен какой-то жидкостью. Во всем теле была слабость, и сильно болела голова. Врач дал мне стакан хвойной настойки и какое-то лекарство, и я снова уснул.

18 декабря 1942

Утро. Я проснулся окончательно. Во всем теле была боль, но голова – свежая. Собрался, вышел на свежий воздух. Ослепительно блестит выпавший за ночь снег. В лесу тихо. Около кухни дежурные солдаты рубили дрова. Из землянок то тут, то там выходят отдохнувшие товарищи, играют в снежки. Пьянит свежий зимний воздух. Жизнь возвращается к нам снова. Живуч и вынослив наш народ! В этом – его непобедимость. Как поразительно быстро забывают наши люди всякие обиды и невзгоды! Как отзывчивы они на чужое горе и готовы отдать все, чтобы помочь в беде другому. Этим наш народ снискал любовь других народов. И без преувеличения можно сказать, что советские люди, воспитанные нашей Партией, могут сделать все, что не могут сделать другие народы, это подтверждает только что пережитое нами.

22 декабря 1942

Маршал Жуков дал нам несколько дней отдыха, чтобы привести себя в порядок. И вот мы эти дни лечимся, отсыпаемся, моемся в своих банях-землянках, банях-шалашах. Русские шутки, прибаутки, самодеятельность в подразделениях.

Ныне пошел в землянку к нашему генералу. Он меня обнял, прослезился. Вспомнили погибших товарищей. Потом генерал говорил о Жукове, о его военном таланте.

– Мы свою задачу выполнили, – говорит генерал, – она заключалась в отвлечении огромных сил от Сталинграда, где сейчас идут бои по уничтожению окружению войск немцев.

Так вот оно в чем дело?

25 декабря 1942

Пока мирные будни, мы – во втором эшелоне нашей армии. К нам начинает прибывать пополнение личного состава. Ныне из Мо-

сквы прибыла также группа артистов, и вечером ребятаки увидят и послушают концерт, о чем мы все даже соскучились.

26 декабря 1942

Зампохоз полковник Белоусов, словно рождественский дед Мороз, доставил ныне целый обоз фронтовых подарков. Наши дорогие советские люди прислали нам свои гостинцы с разными лакомствами из Ср. Азии и Кавказа, а из Сибири, Урала, Поволжья – табачок, а в некоторых и бутылочка. И около этих подарков – много радостного и смешного.

Одному рябоватому сержанту попал подарок, в котором оказался хорошо отделанный кисет, наполненный крепчайшим самосадам, а в кисете – фото-миниатюрка красивой девушки с надписью: «Дорогому отважному бойцу», и указан адрес.

– Дай мне свой подарок, а я тебе за него отдаю три «наркомовских нормы», – уговаривает его другой. Но рябой – ни в какую, не соглашается.

– Везет ему, рашпилю! – говорит третий. – Перед боями, помню, ему в подарок прислали уральскую бритву и зажигалку, да какие! А сейчас – вон какой кисет с самосадам и девушка, как артистка... на знакомство напрашивается.

– Да она, это, не видела его рябую харю, а кабы увидела – с Эльбруса в ущелье тут же шандарахнулась.

– Ну не тяни, меняйся! Я с ней переписку заведу. Может тут судьба моя, ты понимаешь? – Но рябой важно молчал и угощал товарищей самосадам.

– Да, видно, с ним, чертом везенным, пиво не сваришь, – вздыхал желающий совершить обмен.

Задетый за живое, сержант проявил перед солдатами начальствующую струнку – он вытянулся, скомандовал:

– Смирно! Кругом! В землянку шагом марш! – и четко повернувшись, шмыгнул к себе в землянку.

Вечером около соседней землянки перед началом концерта группа солдат ведет разговор. Белоусов, Ситников, Погодин и я слушаем:

– Ты, Крюков, не кичись тем, что позавчера лося свалил. Наш подполковник сказал, что если бы это случилось в мирное время, то была бы тебе тюрьма как миленькому!

– Да в мирное время я и руку бы на него не поднял! Я же понимаю закон. А тут зверь бежал в сторону немцев, и еще бы чуть и он был бы там. Фрицы жрали бы сейчас нашего лося, а не мы! Учит каждый!

27 декабря 1942

Восстанавливаем и вновь организуем партийные и комсомольские организации в подразделениях. Немало коммунистов и комсомольцев прибывает с пополнением.

Сегодня вечером генерал собрал на ужин в штабную землянку командный и начальствующий состав корпуса. Делимся воспоминаниями, говорим о своих промахах, обобщаем опыт минувших боев. Намечено – усилить боевую подготовку в подразделениях. Хозорганам дано указание – пополнить до нормы боеприпасы, горючее, продовольствие и другое имущество.

Всех раненых и больных эвакуировали в эти дни в тыловые госпитали.

А под Сталинградом и Ленинградом идут жестокие бои. Враг еще имеет большую силу, но далеко не ту, которую он имел год назад. И нам надлежит готовиться к новым решающим боям.

1 января 1943

По случаю Нового года собрались в землянке Белоусова – Ситников, Погодин, Белоусов, писатель Стахович и я. Прослушали поздравление Михаила Ивановича Калинина. Стахович читал выдержки из своего будущего романа «Под мирным небом», что

мы прослушали с большим интересом. Говорили о минувших боях, о потерянных товарищах...

После ужина с Белоусовым ездили в полевой госпиталь, отвезли новогодние подарки нашим раненым товарищам, находящимся на излечении.

9 января 1943

Цельми сутками вместе со своими работниками пребываем в подразделениях. Проводим совещания, собрания, инструктажи. Прибыло много людей на пополнение, необходимо было познакомиться с ними. Корпус пока находится во втором эшелоне нашей армии, лишь 19-я мехбригада на передней линии. Погода стоит тихая, морозная.

13 января 1943

В ночь, как только стемнело, мы с Ситниковым выехали в 19-ю мехбригаду, которая находится на переднем крае обороны нашей армии. Нейтральная полоса, а немецкая оборона – в двухстах метрах. По нейтральной полосе протекает довольно глубокий овраг.

Оставив свою машину метров за триста в кустах, мы оделись в маскхалаты и со своими ординарцами стали подползать к землянке командира бригады. Здесь много вражеских снайперов, и потому надо быть осторожным не только днем, но и ночью.

К удивлению командования бригады, вваливаемся в землянку. А командование только приготовилось к ужину. Командир бригады Ершов, комиссар Хасанов, нач. политотдела Цаплин и начштаба Андреев. За ужином говорим о делах в бригаде, о поведении противника. Я интересуюсь вопросом, где повара берут воду для приготовления пищи, ведь бригада стоит здесь около месяца. Выясняется, что наши, как и немцы, берут воду из одного источника, из ручья, протекающего в овраге по нейтральной полосе!!!

– Уже вошло в привычку: когда наши идут за водой, немцы не стреляют; когда они везут свои бочки на санях – мы не стреляем, –

говорит без тени тревоги и смущения командир бригады Ершов. Воцарилась пауза.

– Да, странная война, – заговорил Ситников, – это, уважаемый товарищ полковник, похоже на какое-то братание? Да потом... враг коварен, может в источник-то чего-нибудь подсыпать!

– По-моему, есть приказ генерала, что воду для кухонь и для питья натаивать из снега! есть такой приказ? – спрашиваю.

– Есть! – подтвердил комиссар бригады Хасанов.

– А вы его не выполняете!

Мы до самого отбоя обсуждали этот вопрос.

– Утром, как только немцы со своими бочками подъедут к источнику, накрыть их минометной батареей, а своим сейчас передать, чтобы больше к источнику и нос свой не совали! Вот и все! – говорил нач. политотдела бригады Цаплин.

– Ну да! А немцы откроют ответный огонь, да и воду потом где будешь брать на такую ораву людей? – возражал Ершов.

– Воду брать там, где ее берут все – таять снег. В лесу снега – в рост человека. А нач. политотдела говорит дело. Я по приезду доложу об этом генералу, – сказал я.

Ершов начал отдавать приказания вызванным командиру минбата и нач-ку продфуражного снабжения.

Через некоторое время мы с Ситниковым уехали.

14 января 1943

По приезду я доложил генералу Соломатину «о воде» и положении в 19-й мехбригаде и, видно, генерал тут же позвонил Ершову. Последнему пришлось выполнить приказ. Во второй половине дня генерал сказал мне: «Ершов уничтожил у немцев всех поваров и заготовителей у источника, и теперь они по нему палят весь день. Но люди наши спят в землянках и в ус не дуют».

В ночь генерал улетел в Москву. Вероятно, привезет приказ.

21 января 1943

В корпусной многотиражке и боевых листках подразделений ныне печатается и пишется материал, посвященный 19-й годовщине со дня смерти В.И. Ленина, во всех частях проводятся беседы. Мы все, работники политотдела, тоже пошли по этому случаю в подразделения. Я пришел в просторную землянку командира 37-й мехбригады и беседую с ее командиром и начальником политотдела Пругловым о наших делах. За ширмой из плащ-палаток сидят ординарцы, связисты, ведут вполголоса меж собой беседу:

– Я не ахти какой грамотный, – доносится до нас разговор из-за ширмы, – всего шесть классов прошел. Мне бы, дураку, надо дальше учиться, а я бросил. Отец несколько раз дубасил меня за мою лень. Ну, словом, бросил я и отстал от школы. Но почитать кое-что почитывал из нашей библиотеки. Ну, об Ильиче кое-что прочитал. И вот, скажу вам, друзья, простяга он был и душевным человеком, а за бедный народ горой стоял, и картина была у нас в библиотеке, где Ильич с мужиками запросто беседует. Мужики – в полушубках, в лаптях, мешки и котомки лежат у них на полу, а они сидят с Лениным за одним столом и хоть бы что. Да разве какой царь когда-нибудь сажал мужиков с собою за стол вот так прямо в полушубках да в лаптях и так душевно говорил с ними? И понял я тогда, братцы, что человек он был наш и большого ума.

– Ну, вот это разъяснил он нам, «большого ума!» – в разговор встревал другой, – Да таких-то людей, как наш Ильич, не родилось еще на земле за всю историю. У него почти вся жизнь прошла в тюрьмах, ссылках, да в скитаниях, и, не смотря на это, он столько разных сочиненьев написал, что прочесть их жизни не хватит, больше, чем Лев Толстой. Кое-что и мне у него довелось прочитать. К примеру, «Речь на третьем съезде комсомола». Мудрено написано, но понять можно.

– А вот хочу спросить вас, друзья, почему весь народ наш так любит Ленина?

– Я так считаю, что за душевность его к рабочему люду, ну и за то, что привел наш народ к революции и научил людей, как жить надо и свободу уберечь. Вот что один наш земляк рассказывал, послушайте: значит, такое дело в 1920 году. Взяли в деревне у одного мужика в продразверстку последнюю корову. А мужик этот – бедняк был, и у него – семеро детишек. А взяли у того мужика корову потому, что в той деревне председателем эсерчик был. Замаскировался, гад, под большевика и высасывал жилы из бедняков, а кулаков обходил. Да, ходил, ходил этот мужик в Совет из-за своей коровки – никакого толку! И вот однажды зазвал к себе этого мужика красноармеец безногий, который инвалидом недавно с фронта вернулся, и говорит ему: «Неправильно у тебя корову изъяли. Давай я тебе об этом заявление самому Ленину напишу. Тот сразу правду найдет. И написал. Понятно, мужик вначале оробел. Залепили они тестом в газету это письмо, и отвез мужик его в свою волость, сдал на почту. Прошло там несколько дней, вызывают нашего мужика в Совет. Приходит он: в Совете видит – с председателем и безногим красноармейцем сидит человек в кожанке с револьвером. «Какое у вас хозяйство, сколько ребятишек, когда взяли коровку?» – спрашивает человек в кожанке. Мужик все рассказал. «По приказу товарища Ленина коровку тебе, папаша, возвращаем. Да только твоей-то коровки уже нет. Но на базе в Совете несколько коров неугнанных имеется. Пойдем, выбирай любую! Мужик-то был не дурак, он выбрал корову лучше той, что у него была, изъятую у богатого хуторянина.

Истоия с этой коровой. Когда мужик привел домой эту корову, баба подоила ее и нашатала полно ведро молока, да говорит своему мужику:

– Она – ведерница. Да у нас отродясь с тобой не было такой кормилицы. Кто же тебе такое благо сотворил?

– Ленин, вот кто! – гордо отвечал мужик, – потому как я сам писал ему об этом.

– Ой, врешь! Да ты и писать-то не умеешь!

– Нашлись люди добрые, дура! Иди корми ребят да помалкивай!

На следующий день был какой-то праздник. Баба отправилась в церковь и начала просить попа, чтобы он помолился за здоровье Ленина. А поп – в амбицию:

– Ты что, баба, с ума сошла? Если хочешь за большевистского вождя молиться, иди домой и хоть лоб себе разбей, а я в святой церкви за безбожников не молюсь!

– Да ведь этот, Ленин-то, мне коровку дал, а вы не хотите его отблагодарить за это, да еще безбожником называете? А за всяких царей живых и мертвых каждую обедню молитесь? А мой мужик нынче же об этом Ленину напишет и уже тогда, батюшка, не гневайтесь! – и баба пошла из церкви.

– А ну вернись, глупая баба! Эко гордыня какая тебя обуяла! По распоряжению, говоришь, коровку дали?

– По его, батюшка, как есть по его! По Ленина, значит!

– Ну, так и быть! Отслужу молебен о здравии Владимира Ленина, а ты, когда маслица соберешь от коровки, не забудь меня. А коль твой мужик еще будет писать Ленину, пусть упомянет, что, мол, наш священник молебен отслужит о его здравии.

Мы сидели, слушали солдат. Я сожалел, думая, что их разговор на этом завершился. Но нет, возобновился снова.

– После войны обязательно побываю в Мавзолее и посмотрю Ильича, – заговорил один, – из нашего села двое были в Мавзолее. А один земляк живого Ленина видел во время революции. Вот повезло человеку! Он тогда в Петрограде в красной армии служил.

– Да, в Мавзолее побывать надо, – соглашается другой, – с сочинениями его познакомиться надо, вот где ума наберешься! Конеч-

но, во всем там нашему брату не разобраться, но с помощью грамотных людей – можно. Ведь у него как есть обо всем сказано.

– А вот прожил он мало...

– Такие умные помногу не живут.

– Ну, нет, вот Лев Толстой графского званья был, свое имение держал, жил себе в спокойствии и достатке. Ни жандармы за ним не охотились, ни в ссылку его не ссылали, ни пулями в него отравленными не стреляли.

Я далеко сожалею, что не все схватил и запомнил из того, что говорили солдаты о нашем Ильиче. Но и то, что записал здесь, говорит о глубочайшей любви и уважении нашего народа к нему. Даже самый заклятый враг революции, нашего народа, не может сказать что-либо порочащее имя Ленина, которое стало святыней для нас, для угнетенных всего мира.

23 января 1943

Подписываю документы в своей землянке. Позвонил начальник особого отдела Ситников, просил прийти к нему. Было одиннадцать ночи. В лесу морозно.

У Ситникова – не землянка, а лабиринт. Он подводит меня к одной двери, открывает, говорит:

– Посмотри на этих «молодцов» и пойдем, а я тебе о них расскажу.

– Я вроде угадал одного, но где видел его, не припомню. Это маленький, крайний справа стоял, – говорю.

– Это бывший ординарец Ершова, – поясняет Ситников, – Помнишь, мы с тобой ночевали в 19-ой мехбригаде у Ершова, и ты заставил его утром открыть огонь по фашистам, как только те появятся у водного источника? Я посоветовал тогда своему работнику незаметно для вас, «покопаться» в бригаде вокруг этого дела. И выявилась такая картина: когда брали воду немцы, наши не обращали никакого внимания, когда же к источнику подходили наши (особенно одиночки в ночное время), замаскированные в кус-

тах гестаповцы выходили к таковому, оттаскивали его в сторону, зажимали рот и, угрожая оружием и пленом, вербовали. Пока из завербованных выявлено пять человек, в том числе и ординарец Ершова. Те, которые ходили к источнику. Пока об этом прощу молчать.

Я остолбенел от этого сообщения. «Да, на войне бывает все, – думал про себя.

25 января 1943

Вечер. Я сидел в землянке Белоусова, мы говорили с ним о хозяйственных делах. Вошел Ситников.

– Я заходил к вам. Ваш инструктор Васильев сказал мне, что вы здесь. Вы мне нужны на минуту.

Мы вышли с Ситниковым от Белоусова, и он мне изложил кратко суть дела. Километрах в двадцати в нашем тылу в одной из пустых землянок, оставленных немцами еще более года назад, когда их гнали из Подмоскovie, обосновалась группа не то власовцев, не то диверсантов, которые по ночам останавливают наши одиночные машины с продовольствием, грабят, отнимают оружие, убивают шоферов и сопровождающих.

– Еду со своими ребятами ликвидировать это заведение. Предлагаю поехать со мною.

Дел срочных у меня не было. Я заразился любопытством и поехал. На двух крытых машинах – люди Ситникова. Мы с ним едем в его «виллисе». Он по дороге рассказывает мне подробности, вводит в курс дела. Доехали до положенного места. Проинструктированные заранее солдаты во главе с офицерами разбиваются на две группы, бесшумно уходят в ночную тьму леса по глубокому снегу. Мы с Ситниковым и несколькими автоматчиками остаемся у дороги с машинами. Идут тревожные минуты. Лес не шелохнет. Проходит около двух часов, как ушли наши люди. Вдруг в ночной тишине из лесу раздается голос:

– Можно идти, все в порядке. Освещая следы карманными фонариками, мы идем на вызов. У землянки нас встречает лейтенант Горшков.

– Все в порядке, товарищ начальник! Восьмерых на постели прямо тепленьких взяли без единого выстрела!

Заходим в просторную землянку. В углу стоят восемь обросших верзил, руки назад. Их сторожат автоматчики. На столе – самодельная лампа из снарядной гильзы, игральные карты, две пустые бутылки, консервы, хлеб, папиросы. Из-под нар извлекаем кули сахарей, макароны, шпик, консервы, папиросы, ящик гранат, десять автоматов, патроны, два ящика водки...

Бандитов одевают, связывают как альпинистов меж собой, ведут к машинам. Дорогой нам лейтенант Горшков рассказывает: «Землянку нашли с трудом, сильно замело снегом. Прислушались. Матерятся, в карты резались, подвыпили. Подождали мы, я уже хотел давать команду, чтобы ворваться в землянку, как дверь отворилась, и на наше счастье один выходит и прямо рядом садится оправляться. Я ему зажимаю рот, а Щеглов с ребятами бросились в землянку. Там один сидел «клевал» за столом, остальные все уже улеглись спать. Ну, и «руки вверх», и всех в угол».

Операция закончилась очень удачно, без жертв, и мы были довольны ее благополучным исходом.

Когда увели бандитов, Ситников приказал тщательно осмотреть близлежащие землянки. Через несколько минут доложили, что в одной из землянок обнаружена рация немецкого образца. Ситников инструктирует троих и оставляет их до утра в качестве засады у радики.

Уставшие и озябшие, возвращаемся в свое расположение. А в особом отделе Ситников приступил со своими людьми к распутыванию дела преступников. Через несколько дней Ситников меня информировал, что снятая нами группа состояла из одного немецкого разведчика,

троих власовцев и троих дезертиров. Причем, даже власовцы не знали, что среди них находится один гестаповец, который тайно от них в соседней землянке содержал рацию, через которую шифром передавал во второй половине ночи шпионские сведения своим. На порядочном расстоянии от своего логова бандиты по ночам под видом патрулей останавливали машины с продовольствием, некоторых шоферов-одиночек убивали, отнимали, конечно, и оружие.

6 февраля 1943

В лесу – обилие снега, он лежит толстым пушистым слоем, и едва подует ветер, как на лесных дорогах возникают огромные сугробы.

В такую погоду идет усиленная охота за «языками». Немцы зимой, да еще ночью боятся высовываться из блиндажей. Их солдаты считают подвигом стоять ночью на посту у землянки, у моста или другого объекта, особенно зимой в лесу. В таких случаях наши разведчики почти всегда имеют успех.

Вчера получили информацию о небывалом разгроме немецких войск под Сталинградом. В частях – ликование. Солдаты обнимаются, целуются, валяются в снегу от радости.

После нескольких дней пребывания в Москве Соломатин ныне возвратился. Я его еще не видел. Видимо, привез большие новости и, надо полагать, скоро соберет нас на совещание. Ему присвоили очередное воинское звание, и он теперь – генерал-лейтенант. Мы все рады за него.

14 февраля 1943

Леса, болота, снега – на этой территории на сотни километров раскинулся наш Калининский фронт. Многие сосны и березы изрешечены пулями, посечены осколками снарядов и минометов. Не зевай, днем или ночью – можешь быть сраженным из бесшумного ру-

жья вражеским снайпером. На днях такой снайпер держал нас в авиаворонке под прицелом четыре часа, до темной ночи при тридцатиградусном морозе. Мы счастливо отделались. *Поэтому по всякому неотложному делу на передний край иди ночью и в маскхалате.*

После отката немцев из-под Москвы в декабре 1941 г. они здесь закрепились – создали крепкую оборону, и уже длительное время фронт здесь неподвижен.

18 февраля 1943

Заканчивается пополнение личным составом и техникой частей нашего соединения. Этими днями политотдел провел во всех частях партсобрания и партконференции в бригадах.

Стоит ясная морозная погода. С обеих сторон активно действует воздушная и наземная разведки.

22 февраля 1943

Во второй половине дня генерал Соломатин срочно собрал командиров частей и начальников служб соединения на совещание. Совещание продолжалось один час. Генерал отдал приказ: всем частям корпуса с наступлением темноты, т. е. через три часа, перебазироваться в район озера Велиж. Штаб указал каждой части маршрут и район расположения на новом месте. Ехать приказано без света и без шума.

С наступлением темноты наши части выдвинулись. Я еду в одной машине с полковником Погодиным, новым заместителем Соломатина, прибывшим на место полковника Горяинова, погибшего в бою два месяца назад. Погодин воевал в Испании, герой Советского Союза, уроженец г. Владимира, простой русский мужик. Мы следуем с ним во главе колонны 35-й мехбригады.

Я спрашивал Погодина об Испании, и он рассказывает мне удивительные вещи. Наш марш совершается вдоль линии фронта.

В лесу – темень, в глаз коли. Совсем недалеко, справа, то и дело, взлетают осветительные ракеты противника. Они подолгу висят над лесом, освещая лесное безмолвие и наш путь.

– Это наш генерал, как Кутузов, водит нас, чтобы ввести в заблуждение противника. А через некоторое время и отсюда куда-нибудь передвинет. Вот увидишь! – шепчет мне на ухо Погодин, чтобы не слышал шофер.

26 февраля 1943

Все части соединения три дня назад благополучно переехали в новый район. Расположились, замаскировались. Я эти дни ходил со своими работниками по частям, смотрел, как устроились наши солдаты на новом месте, беседовал, слушал их претензии и рассказы, собирал заявления о вступлении в партию, многих оформлял на награды. Люди отдохнули за два месяца, настроены героически. Ну что еще?

4 марта 1943

Вечером, когда я прошел в штаб, там были: начштаба Дубовой и работники штаба. Дубовой начал мне рассказывать одну историю, случившуюся три дня назад, о которой я совершенно не знал.

– Как известно, в зимнее время мы заправляем танки и броневики антифризом, дабы не заморозить радиаторы. Антифриз – смесь на спирту, употреблять внутрь строго запрещается. Слышал я, что в одном соединении антифризом отравились несколько человек. А у нас на днях в штабной роте бойцы за ночь опорожнили весь радиатор танка. Узнав об этом, я всыпал командиру роты, но мне кажется, по этому вопросу надо бы побеседовать с людьми во всех подразделениях.

– Хорошо, обещаю вам, нынче же начнем это. Ну, а у нас никто не отравился? – встревожено спросил я.

– Нет! На наше счастье, в роте нашелся какой-то «алхимик». По его рецепту ставят котелок антифриза на огонь, вся вредная смесь сгорает сразу большим красным пламенем, и как появится зеленый огонек, котелок снимают, разбавляют водой и все. Представь себе – ни один не отравился. Крепка русская натура, находчив наш солдат.

9 марта 1943

Сегодня после совещания генерал отдал приказ: ночью всем частям перебазироваться в новый район, на этот раз в район Старая Торопа.

С первой же колонной мы выехали в новый район. В машине Погодина ехали Ситников и я. По приезду обосновались в готовой землянке, где нас тут же отыскал полковник Белоусов, наш главный интендант, и пригласил к себе на ужин. За ужином Белоусов рассказал волнующую новость из своей жизни, которую я кратко записал в свой дневник.

В годы Гражданской войны, сидящий сейчас перед нами полковник Белоусов был двадцатилетним красноармейцем, служил в г. Алатыре, недалеко от Казани. Там он встретил одну девушку. Они полюбили друг друга и поженились. А месяца через три Белоусова отправили на Деникинский фронт на юг. Жена осталась беременной. Через некоторое время Белоусов заболел тифом, больше месяца провалялся в госпитале. После выздоровления его отправили на Польский фронт. Там он был ранен и снова лежал больше месяца в госпитале. Связь с женою давно прервалась. На письма Белоусова никто не отвечал.

По истечении двух лет, т.е. фактически после Гражданской войны, Белоусов сумел прибыть в Алатырь, где он оставил свою жену. Здесь оказалась такая картина: жена его с полгода назад умерла от тифа, а сиротевшую его девочку забрали родственники матери и от голода уехали куда-то в Сибирь, адреса никто ему сказать не мог. На этом все и остановилось.

Убедившись, что жена умерла, а девочку отыскать ему так и не удалось, Белоусов в 1922 г. женился снова. И вот, прошло двадцать лет... Началась Великая Отечественная война. Полковник Белоусов прибыл в наш корпус заместителем командира по хозяйству, «главным интендантом», как мы его называли. А в особый отдел к Ситникову прибыла шифровальщица Хохлова Евдокия Степановна, рослая, волевая, статная молодая женщина. Это была дочь Белоусова... Раскрыл это «дело» Ситников.

Сидят сейчас перед нами очень похожие друг на друга отец с дочерью, утирая слезы. А мы изумленно смотрим на них.

15 марта 1943

Совещание у генерала. Объявлен приказ: с завтрашнего дня части корпуса начнут грузиться в ж. д. эшелоны для переезда... Куда?

После совещания все пришло в движение, словно в муравейнике: все перетаскивалось, упаковывалось, разыскивалось затерянное, приводилось в порядок – готовилось к отъезду.

Расставляю своих работников по эшелонам, объясняю им задачи во время пути следования, напутствую, инструктирую.

Часть наших товарищей остается здесь в составе армии, в том числе и полковник Белоусов.

20 марта 1943

Уже четвертые сутки наши эшелоны грузятся и отправляются один за другим на Москву. Только один наш генерал знает, куда они последуют из Москвы. Авиация врага пока нас не тревожит. Поэтому, может быть, что погрузку мы производим ночью. Соблюдая по возможности тишину, и отправляем эшелон ночью.

Ночью к месту погрузки пришел Соломатин. Он позвал нас, нескольких начальников служб корпуса, к себе на ужин. За ужином генерал сказал, чтобы я отправлялся в последнем эшелоне, когда

погрузится все хозяйственное имущество. Затем он с нами распрощался и уехал с очередным эшелоном.

После отъезда генерала часа через два на ст. Торопа прилетели ночные бомбардировщики противника. Они подвесили десятки фонарей и начали бомбить станцию. Бомбежка продолжалась больше часа. К счастью, подвижной состав следующего эшелона еще не был подан. Большинство бомб упало на озеро неподалеку от станции. Солдаты, свободные от погрузки, тут же бросились к озеру и тащили огромных лещей и щук. Белоусов распорядился послать к озеру три автомашины, которые вскоре были наполнены оглушенной рыбой. Когда мы, Ситников, Белоусов и я, подошли к озеру, увидели при лунном свете, что все озеро кишело рыбой. Некоторые рыбы оживали и уходили в воду, большинство же их погибало. Во всех землянках варили и жарили рыбу.

В полночь исправили повреждения, подали состав последнего эшелона, и мы спешно начали погрузку.

Мы прощаемся с Белоусовым трогательно, как фронтовые друзья. Дочь его Евдокия уезжает с нами. Белоусов остается в распоряжении Калининского фронта. Прощай, друг! Придется ли еще увидеться на бесконечной военной дороге?

21 марта 1943

Выехали со Старой Торопы благополучно. Но с восходом солнца вражеская авиация нацупала наш эшелон и преследовала его довольно долго, бросала бомбы, ожесточенно обстреливала из пулеметов. Многие вагоны изрешетила. К счастью, жертв не было, кроме как двоих ранило.

23 марта 1943

Утро. Москва. Станция Ховрино. Здесь скопились все наши эшелоны, которые мы сейчас нагнали.

Ребята рассказали, что наш генерал, как только прибыл в Москву, все время находился в Ставке, где, вероятно, получает боевую задачу.

Обошел некоторые эшелоны. Партийные и комсомольские организации выпускают «боевые листки», проводят беседы с личным составом в вагонах, организовали турниры в шашки и в шахматы.

26 марта 1943

Утром через офицера связи меня вызвали в Главное Политическое Управление. Захожу в Бронетанковый отдел. Едва доложил полковнику Вишневному, как он встал из-за стола:

– Наконец-то! Третий день в Москве и не изволишь явиться? Тебя дважды вызывали уже. Пошли! – Он берет меня за руку и ведет. – Тебя хочет видеть сам Щербаков, начальник Глав. Политуправления. – Я остолбенел.

Заходим. За столом сидит грузный человек в миленьких очках, волосы прилизаны на пробор, что-то пишет. Вишневецкий докладывает обо мне. Щербаков здоровается за руку, приглашает сесть.

– Вы что же это, три дня в Москве и не считаете нужным зайти к нам? Или большим начальником стали и заважничали? – улыбается. – Как воюете? Какой опыт приобрели, чему научились? Идите вот с полковником, и на все вопросы там ответите. А на прощание скажу только: что здесь видели на Калининском фронте – это цветики, а ягодки настоящие – впереди. Предстоят большие бои. Но перелом уже наступил в нашу пользу. Враг будет разбит и победа будет за нами! Изучайте неустанно личный состав, особенно командный. Помогайте, как только можете, своему командиру. Бездарных зазнаек отстраняйте, достойных выдвигайте, награждайте. Не забывайте ни на минуту о бдительности, о вражеской агентуре. Умело организуйте контрпропаганду. Ваш генерал отзывается о вас хорошо, а это кое-что значит. Надеюсь, что вы оправдаете доверие Партии. Желаю успехов в ваших делах. – Он пожал мне руку.

Я вышел от Щербакова мокрый, но воодушевленный, и от головы до пят наполненный оптимизмом. Вишневецкий довольно подробно расспросил меня о боях на Калининском фронте, кое-что записывал.

Уже перед вечером я вернулся на ст. Ховрино.

30 марта 1943

Еще дважды ездил я со своими инструкторами в Глав. Политуправление, но не с официальными визитами, а получал кое-что из литературы, шахматы да шашки для личного состава.

У вагона столкнулся лицом к лицу с комиссаром Купаревым. Последний начал с упреков – почему я к нему долго не заходил, не информировал, не докладывал обо всех новостях. А когда я ему сказал, что трижды был в Глав. Политуправлении и лично у Щербакова, он удивленно спросил:

– А почему он меня ни разу не вызвал?

– Не знаю, – ответил я. На этом мы с ним расстались.

2 апреля 1943

Наконец-то наши эшелоны стали вытаскивать из Москвы один за другим в южном направлении.

К югу начинается весна. Стучат колеса вагонов. Ребятки наши в вагонах играют в шахматы, читают, поют песни. А я думаю о том, куда мы едем...

6 апреля 1943

Наши эшелоны прибывают на Воронежский фронт. Последний, на котором прибыл я, разгружается на ст. Горшечная. Здесь, в отличие от Калининского фронта, местность безлесная, кругом – степь равнинная, местами холмистая, для авиации врага всегда каждый объект доступен, значит – маскировка и еще раз маскировка.

Итак, мы прибыли в нашу русскую Центрально-черноземную зону. Разгружаемся, а вокруг станции, насколько хватит глаз, ле-

жат уже полуразложившиеся трупы немецких солдат, от которых разит тленом на порядочном расстоянии. По полю рассыпались девчата, женщины. Они отгаскивают трупы в ближайшие овраги. Я спросил ближайших девчат, давно ли они убирают трупы. Мне ответили, что с середины зимы. По мере того, как оттаивает снег, трупы обнаруживаются снова. Мы знали, что в декабре-январе здесь наши войска окружили и уничтожили т. н. Воронежско-Касторненскую группировку немцев в количестве одиннадцати дивизий. Но такого количества трупов я еще не видел. После разгрузки эшелона мы – Погодин, Ситников и я поехали по непролазной воронежской грязи в ближайший городок – райцентр Нижнедевицк, где обосновывается штаб нашего корпуса. У генерала в кабинете в это время находится секретарь Райкома Нижнедевицка. Последний просил нашего генерала помочь Райкому по уборке трупов, иначе с наступлением тепла здесь нечем будет дышать, да и может вспыхнуть эпидемия. Генерал обещал завтра же выделить людей для этой цели.

После ухода секретаря обмениваемся сводками, новостями. Генерал доволен тем, что все наши эшелоны прибыли благополучно.

– Вы представляете – благополучно перебросить такую машину и на такое расстояние? Ведь это, по существу, «фронтальный марш»! Мы ведь переезжали по линии ж. д., идущей вдоль линии фронта. А там, говорите, после моего отъезда, на ст. Торопу налетели немцы? Поздно они засекли нас, когда мы им хвост показали, – улыбается генерал. – Иван Васильевич, – обращался генерал к нач. штабору, – давайте указание частям: 1) маскировка самая тщательная, 2) уборка трупов. Надо убрать это «Мамаево побоище».

10 апреля 1943

Нижнедевицк – районный центр Воронежской обл., утопающий в вишневых садах. При отступлении наполовину разрушен немцами, но при этом не утратил своей русской красоты.

Здесь в декабре прошлого года, в дни, когда бушевала пурга, наши войска окружили и уничтожили группировку немцев в количестве одиннадцати дивизий. Говорят, что в этой куче было более ста тысяч немцев. Под Бородино русские вместе с французами потеряли меньше.

Видя свое безвыходное положение, боясь, что такая огромная масса солдат, офицеров, да и генералов попадет в плен к русским, фашистское командование решилось на самоуничтожение (разумеется, кроме генералов, высших офицеров и эсесовцев). Палачи быстро составили план ликвидации своей живой силы и техники. Сначала уничтожали боевую технику, автотранспорт, продовольствие. Затем – своих солдат, служивших им верой и правдой.

Первыми были уничтожены полтысячи раненых солдат и офицеров, находившихся в Нижнедевицком госпитале. Этих прикончили уколом «пустым воздухом» из шприцев. Это было в январе 1943 г. Затем гитлеровцы приступили к уничтожению раненых на ст. Горшечная. Здесь стояли два эшелона, переполненные ранеными солдатами и офицерами, подготовленных к отправке, но отправить которые не успели в связи со стремительным наступлением наших. Оба эти эшелона были облиты горючим и сожжены. Пытавшихся выбраться из горящих вагонов в упор расстреливали эсесовцы. По рассказам, в этих эшелонах сторело более двух тысяч немцев и венгров. Причем, фашисты проделали эту «операцию» ночью и распространили слух, что это сделали русские партизаны. Подлецы! Изверги! Провокаторы! Палачи!

Затем фашисты приступили к уничтожению здоровых солдат, находившихся в строю. Геббельсовские агитаторы в частях пустили слух, что де среди войск назрел заговор с целью предательства и сдачи в плен. Эсесовские команды выводили роту за ротой к ближайшим оврагам и расстреливали пачками ни в чем не повинных солдат. Когда со всеми было покончено, палачи-генералы и эсесовцы садились в самолеты и улетали, а некоторые кончали жизнь самоубийством.

Оставалась колонна автомашин, загруженная какими-то ценностями. Эту колонну приказано было вывести одному генералу. Бушевала пурга. Все дороги замело сугробами снега. В одной деревне фашисты стащили с печки старика и под угрозой расстрела заставили его быть проводником автоколонны, обещая «выдать корову» за услугу. Дед дал согласие. Он направил колонну в один заснеженный овраг. Когда колонна остановилась, и получилось замешательство, дед исчез в снежной метели, поиск прекратили. Совершив подвиг подобно Сусанину, старик исчез. До сих пор не находят его ни среди убитых, ни среди живых.

В свободный час вечера мы беседуем с местными жителями о днях их жизни в оккупации. Не переслушаешь всего, что рассказывают живые свидетели...

13 апреля 1943

Продолжаем знакомиться с новым районом, местностью, с людьми. Уже тепло. На дорогах подсыхает грязь, в садах набухают почки яблонь и вишен.

Вечер. Ситников, Погодин и я сидим на завалинке у хаты. В этой хате – моя временная квартира. Вокруг нас собралось с десятка два местных жителей ближайших хат.

В дни оккупации здесь, в Нижнедевицке, у немцев долгое время размещался офицерский резерв одной армии и разведывательная школа. В местном клубе гестаповцы устраивали вечеринки с выпивоном и закусоном. Здесь гестаповцы демонстрировали свои кинофильмы для нашей молодежи, проводили беседы, организовывали танцы. Главная же их цель была – обработка людей в фашистском духе, вербовка агентуры, выявление подпольщиков. Некоторым девушкам публично дарили часы, отрезки мануфактуры, чулки, туфли под видом «за хороший танец», «за фигуру», «за хорошую песню», «за улыбку», и т. д. До нашего прибытия сохранился плакат. Он был давно снят после изгнания фашистов, но стоял

за ширмой сцены в клубе. Я, как могу, наспех описываю его содержание и оформление: «Не порицайте поступков немецких солдат. Мужчины, которые воюют, должны иметь все: пусть они пьют пиво, вкусно кушают, целуют девушек – кто знает, как скоро они должны умереть?» Этим сказано, что бы оккупанты ни делали – их порицать нельзя, им надо улыбаться, встречать с цветами и с хлебом-солью. Над этой надписью – три картины художника:

- 1) Два немецких солдата ловят курей.
- 2) Два немецких солдата за столом пьют пиво с русскими девушками.
- 3) Немецкий офицер на опушке леса под ручку гуляет с русской девушкой.

15 апреля 1943

У меня на квартире ужинает полковник Погодин. Скромный русский человек – люблю таких. Погодин воевал в Испании два года, герой Советского Союза. У него есть что рассказать, но Погодин вызвал на разговор хозяйку, которая готовила нам ужин. А Погодин о себе рассказывает всегда скупно. И вот, нам рассказывает хозяйка:

«В дни немецкой оккупации в Нижнедевицке одна миловидная женщина, лет тридцати, спуталась с одним гестаповским офицером. Муж у нее был на фронте в наших войсках с первых дней войны, и о нем уже долго не было никаких известий. У этой женщины было две малолетних девочки. Женщина собой была красивая, но легкомысленная. Гестаповец, при сближении с этой женщиной, видимо, кое-что обещал ей, вплоть до того, что он ее возьмет с собой в Германию, т. к. он якобы еще не женат и имеет только престарелых родителей в семье, и больше никого.

Настал час, когда наши войска погнали фашистов на Запад и подступали к Нижнедевицкой, где окружили одиннадцать немецких дивизий, а гитлеровцы заматались как в мышеловке. Рвались снаряды, мины, авиабомбы, трещали пулеметы и автоматы совет-

ских войск. Фашисты паниковали, стремились поскорее унести ноги с земли, которая горела под ними.

Заметался и гестаповец. Его шлюха тоже поспешно собирала, что могла. Она до последней минуты, дура, верила, что гестаповец возьмет ее с собой в Германию. Вот подошла машина за гестаповцем. Шлюха с узлом и двумя девочками тоже заспешила к машине.

– Майн фрау! Как хотите, а девочек я взять не могу... В Германии и так большое перенаселение, и девочки..., – заявил вдруг пьяный фашист.

– А вы, гер офицер, с детьми поступайте как вам угодно, – заявила не менее пьяная шлюха. Гестаповец хладнокровно вынул «парабеллум», выстрелил в головки девочек, хлопнул дверкой машины, не посадив свою любовницу, умчался в снежном вихре.

Когда прибыли наши войска, девочек похоронили, «мать» их увезли в Воронеж».

Мы с Погодиным выслушали этот страшный рассказ хозяйки, долго молчали, поглядывая друг на друга. Хозяйка, видимо, заметив наше недоумение, вышла. А спустя несколько минут она вернулась с двумя соседками, которые подтвердили все, что рассказывала нам хозяйка.

17 апреля 1943

Район сосредоточения наших войск изобилует минными полями и оружием, оставленным фашистами при ликвидации их войск. В связи с этим почти ежедневно происходят несчастные случаи, особенно среди подростков. Дети тянутся к оружию, стреляют из автоматов, винтовок, пистолетов, взрывают гранаты, убивая, уродуя себя или друг друга.

Час назад на окраине Нижнедевицка подорвался мальчик. В местную больницу и наши санчасти часто поступают раненые или изуродованные дети. Вчера в лесных посадках слышалась

стрельба. Мы послали группу автоматчиков выяснить, что за стрельба. Через некоторое время наши посланцы привезли с собой 13 школьников. Один из них – с перебитой рукой. На грудях их было по несколько орденов и медалей. У одних ордена советские, у других – немецкие. Ребята играли в войну.

Начштаба Дубовой распорядился послать несколько групп на прочесывание местности по сбору оружия, для чего привлекли тех же ребят как проводников. К вечеру прибыли три машины, нагруженные оружием. Были тут пулеметы, автоматы, винтовки, пистолеты, гранаты и множество патронов.

23 апреля 1943

Немецкая авиация ведет усиленную разведку нашего района. Поэтому основной нашей задачей сейчас является маскировка. С уборкой трупов наконец-то закончили. Но мимо врагов, не закрыв носа, проходить нельзя – смрад страшный, хотя для засыпки трупов привлекали бульдозеры.

1 мая 1943

Первомайские беседы в подразделениях. Среди личного состава настроение оптимистическое. Большой приток заявлений о вступлении в партию.

В Москву послал две автомашины за культтоварами. Вечером танкисты 219 т.бр. давали концерт в местном районном клубе. Народу было – битком.

После концерта, по выходе из клуба, Ситников шепнул мне, что в расположении 35-й мехбригады он арестовал шпионку из местных жителей, завербованную фашистами в дни оккупации.

В штабе до поздней ночи разбирали с генералом дразги штабных работников.

– Возьмите всю вину на себя, Иван Васильевич, – сказал в заключение генерал начштабу Дубовому, – а адъютантов, чтобы они

не баловались и не превращались в котов, надо чаще их менять и в руках держать. – Решение разумное.

10 мая 1943

Части пополняются личным составом и техникой до штатного уровня. В подразделениях идет тактическая учеба. Вместе с этим идет политико-воспитательная работа. За период нашего пребывания здесь наши саперы обнаружили и обезвредили несколько минных полей, собрали немало оружия, брошенного и спрятанного врагом. Политотделами корпуса проведено десятки лекций, бесед и концертов для местного населения.

В районе возрождается жизнь: чинятся хаты, сажаются огороды, палисадники, засеваются поля. Женщины на себе в мешках таскают на поля семенной материал. Там, где можно, мы выделяем им на помощь машины. Русь оживает и строится как после татаро-монгольского нашествия.

15 мая 1943

Ясное весеннее небо. Вчера генерал серьезно говорил с нами по вопросу маскировки. Он очень беспокоился об этом и потребовал от нас, чтобы мы проверили маскировку во всех частях. «Здесь нам не Калининский фронт, где нас укрывали девственные леса, и мы мало там думали о маскировке, – говорил генерал, – а здесь вокруг – степи. А враг ведет непрерывную разведку, как наземную, так и воздушную. К тому же, к нам почти ежедневно приходит пополнение: техника, люди. Надо все принимать вечером, ночью, и тут же маскировать. Врагу достаточно засечь один-два факта сосредоточения здесь наших войск, и он начнет воздушные бомбардировки».

В 10.00 я поднялся в воздух на приданном нам «У-2» с пилотом Пименовым, чтобы облететь наши части и проверить маскировку их с воздуха. Пименов у нас считается хорошим летчиком, но от не-

которых наших начальников, которым приходилось с ним летать, слышал я, они его характеризовали как лихача и озорника в воздухе, и что Пименов когда-то был летчиком-истребителем, но, подобно Чкалову, когда-то за какой-то проступок переведен на «У-2». У летчиков это – все равно, что разведчика перевести в хоззвонд. Ясно, что Пименов своей судьбой недоволен. К моему сожалению, я не мог за все время побеседовать о личных делах с этим соколом. А парень он – ухабака.

Сразу, как только мы оторвались от нашего аэродрома, Пименов взмыл в небо черт-те куда. Я сзади толкнул его, он выключил мотор, и я ему говорю:

– Нам надо облететь расположение наших частей и осмотреть их с точки зрения маскировки с высоты 300–400 метров – это все, что от нас требуется.

И вот мы начали заниматься своим делом. Самолет снизился на 500–600 метров. Смотрю и возмущаюсь безобразной маскировкой 19-й и 35-й бригад. Машины, кухни видны как на ладони. «Даже следы танковых гусениц! Ну, будет вам вечером!» – думаю про себя.

Мы сделали два круга. Потом, смотрю – подались на запад, и летим уже совсем не над своим районом. Беспокоюсь, я снова толкаю его в спину.

– Куда мы летим?

– Я карту забыл и сбился с маршрута. Но не беспокойтесь, сейчас сядем!

– Ну, знаете, здесь не так далеко до переднего края линии фронта, нас могут «Мессеры» сбить! – я стал злиться. Смотрю – мы подтягиваем к какому-то военному прифронтовому аэродрому... Наш самолет пошел на посадку. «Боже мой! Только бы не к немцам в лапы», – думаю.

Едва Пименов приземлился, еще не выключив мотора, как к нам подбежал дежурный по аэродрому майор с красной повязкой на рукаве, с красным флажком, и в резкой форме потребовал:

– А ну, убирай, нахал, свою старую галошу с летной дорожки вон в посадки! Сейчас с боевого вылета возвращаются боевые машины. А потом разберемся! – А я был рад беспамятно, что мы сели на свой, а не на вражеский аэродром. «Ну, что будет!» – думаю.

Едва мы доползли до боковой посадки на своей «старой галоше», как на аэродром стали прибывать боевые машины, бомбардировщики и истребители. Поднялась такая пыль, что скрылось солнце и дышать стало нечем. Пименов стоял и смотрел с улыбкой на посадку боевых машин, а я как дурак подражал ему. Куда ж мне деваться и что мне еще делать?

Приняв все машины, к нам подбежал дежурный (наш старый знакомый) и повел нас в вагончик к командиру части. Полковник требует документы. К счастью, мое удостоверение было при мне. Взглянув в документы, полковник спрашивает меня:

– Кто же вам дал право без разрешения садиться на военный аэродром в прифронтовой полосе? Ведь опоздай вы на 2–3 минуты, ваш «У-2» был бы смят, а наши самолеты через него начали бы такую свалку в такой пыли, какую себе трудно представить. – Когда я кратко объяснил, как все получилось, полковник насел на Пименова:

– Вас следует за это дело отдать под суд! Но это уж пусть с вами разбирается ваше начальство! – Полковник вернул мне удостоверение, дал Пименову карту нашего района и разрешил дозаправить нам нашу «старую галошу». Я поблагодарил его и пошел как побитая собачонка.

Мы благополучно приземлились в Нижнедевицке. Пименова я не наказал, а, приземлившись, лишь сказал ему:

– Подумай, ст. лейтенант, над сегодняшним своим поступком, дай ему оценку как советский офицер, а дня через два найди меня, и мы поговорим.

А вечером докладывал генералу о маскировке наших частей, и генерал тут же принимал нужные меры. Меня спросил, как органи-

зуется партийная работа в частях, каково политико-моральное состояние личного состава. О выходке летчика я умолчал.

24 мая 1943

Побывал в некоторых частях, возвращаюсь в Нижнедевицк. Обгоняю вереницу женщин и девчат: все несут на себе мешки земляной пшеницы. Жалко смотреть на людей. За 15 километров перетаскивают зерно на себе. По прибытии переговорил по этому вопросу с генералом.

– А чего молчит секретарь местного райкома? Скажу хозчасти, чтобы завтра выделили машин 15 и за полдня вывезут колхозникам весь семматериал. Вон в одном колхозе на территории 37-й бригады наши на помощь колхозу выделили танк и вспахали им пятнадцать гектаров. Я ругать не стал. Но сам знаешь – боевая машина... А вдруг выведут из строя? – говорит генерал, – А вообще-то, пришли-ка завтра ко мне секретаря райкома, и мы поговорим с ним.

Вечером в местном клубе проводили «вечер вопросов и ответов». Было битком народа, много вопросов. После официальной части местные девчата танцевали с нашим военными до упаду.

26 мая 1943

С Купаревым у меня сегодня произошла настоящая брань. Он пришел в Политотдел и начал придирааться. Я выслал всех своих политработников и «спустил кобеля», после чего отношения между нами стали еще более натянутыми.

27 мая 1943

Вечер в редакции корпусной газеты. Кроме работников редакции – Погодин, Ситников. Писатель Стахович читал отрывки своего будущего романа «Под мирным небом».

В конце беседы работники редакции (парадоксально) жаловались мне на равнодушное отношение к редакции комиссара Купа-

рева, на его грубость, на то, что за все время существования нашей газеты он не написал ни одной статьи в нее...

Я попытался замять этот разговор, Ситников и Погодин смущенно отвернулись, молчали.

А газета живет, выходит аккуратно, пользуется успехом!

1 июня 1943

В лесочке весь день проходили учения 219-й танковой бригады. На учениях присутствуем: генерал, Купарев, Дубовой, Погодин и я. Учения прошли удовлетворительно. Они были особенно полезны для вновь прибывших.

После ученья генерал по пути завернул в санбат. Как только мы прибыли, генерал объявил «боевую тревогу». Минут через 25 батальон был построен. Здесь 80% личного состава – женщины. Командир батальона, полугражданский человек, волнуясь, докладывает:

– Товарищ генерал! Личный состав батальона построен. Отсутствуют тридцать два человека по причине «женской болезни»... – Мы все рассмеялись. Генерал махнул рукой, скомандовал: «Вольно!» – И мы все пошли с ним к машине.

Вечером Ситников сообщил, что среди гражданского населения им выявлена группа вражеских агентов. Молодец Ситников! Как это важно для нас – вырвать вражеских лазутчиков перед грядущими боями.

«А почему Купарев всегда имеет неприязнь к Ситникову?» – думаю я.

8 июня 1943

С утра до вечера в воинских частях – учения, проверки, беседы, а вечер и до поздней ночи – донесения, партийно-комсомольская документация. Все это необходимо.

Из Москвы прибыла группа артистов, ставят хорошие концерты. Сегодня после концерта долго хохотали над одним автоматчи-

ком. Этого солдата Купарев «подготовил» выступить с благодарностью в адрес артистов за хороший концерт. Ни мне, ни кому из работников политотдела Купарев об этом ничего не сказал. И вот после концерта, когда ведущий спросил, кто может выступить, на сцену поднимается этакий дылда: шинель – по колено, рукава – по локти, на шее – автомат. Смахивал этот выступающий на артиста Филиппова. И вот его речь:

– Я от третьей стрелковой роты 19-й мехбригады. Ну что ж, товарищи артисты, концерт закатили вы нам подходящий. Ничего, мы не такие трудности переносили! – Артисты и вся публика грохнули со смеху и заглушили оратора. А он и не обиделся. Повернулся четко налево и ушел за кулисы, видимо, довольный тем, что получил бурные аплодисменты за свое выступление. Генерал толкнул меня в бок, закатываясь смехом, он, видимо, считал, что именно я готовил этого «оратора».

14 июня 1943

Летал в Усмать, где сейчас штаб и Политуправление Степного фронта, которому мы сейчас подчинены. Сопещание проводил нач. Политуправления фронта Мехлис. Мы многие не любим этого надменного начальника. Он похож скорее на старого чиновника, а не на политработника. Всегда он заручается полномочиями лично от Сталина, выискивает жертвы. Груб и чванлив до приторности. Каждое свое выступление он заканчивает угрозами и расправой. Его мимика всегда напоминает Льва Давыдовича... Я второй раз сталкиваюсь с Мехлисом, и всякий раз выношу о нем лишь неприязнь и антипатию. И там, где он воюет – провал. Это не только мое мнение, а многих.

20 июня 1943

Почти весь день вручал партбилеты в 37-й и 65-й бригадах. Вечером в клубе делал доклад гражданскому населению о международном положении. В клубе было немало и наших военных. Пос-

ледние, по-моему, уже наполовину поженились на воронежских девчатах, которые липнут к военным, как мухи к меду. Эх, жизнь!

27 июня 1943

Вечер. У меня на квартире сидят Погодин и Ситников. После дневных дел пересыпаем разные события, намечаем планы на завтра. Мои товарищи собрались уходить. Вдруг зазуммерил телефон. Поднимаю трубку: говорит наш генерал, просит срочно прийти к нему на квартиру. «Значит, есть что-то важное», – думаю.

Генерал был один. Он сидел за столом, просматривал бумаги, пригласил садиться. Генерал посмотрел на меня и подал расшифрованную телеграмму Ставки В. К. В телеграмме за подписью Сталина предписывалось Военсоветам фронтов и армий: «Всех политработников в возрасте до 35 лет независимо от занимаемой должности откомандировать в Москву к 1 июля с целью переподготовки на командный состав».

Мне 33 года. Я и ряд товарищей в нашем корпусе подходим под эту директиву. – Да, значит, скоро придется нам расставаться, – вроде недовольно говорил генерал, – Сам знаешь, первые два года войны мы потеряли много комсостава. Сейчас в тылу формируются новые армии, а комсостава не хватает. Как видишь, Партия нашла выход. Я думаю, из вас будут неплохие командиры. Ну, прощаться зайдешь?

Ошарашенный новостью, я шел темной улочкой к себе на квартиру и думал лишь о том, что наступает новая полоса истории в моей жизни...

Едва я вошел в квартиру, как разразился сильный ливень с грозой. Дождь лил несколько часов.

29 июня 1943

Дела политотдела сдаю Купареву. Он теперь по новому положению – не комиссар, а замполит и вместе с этим – начполитотдела

корпуса. Вижу и чувствую, что его самолюбие ущемлено. Но самое главное, теперь предстоит не «комиссарить», а руководить не только политотделом корпуса, а еще пятью политотделами бригад и всеми первичными парторганизациями, коих насчитывается до сотни. А раньше вся эта работенка, о которой он меньше всего беспокоился, проходила около него.

– Оказывается, делов тут не меньше, чем в штабе! – сказал Купарев после приема дел от меня.

– Во много раз больше и ответственнее! – говорю ему.

Вечером долго сидели у меня Ситников и Погодин. Чувствую, что как мне с ними, так и им со мной расставаться не хочется. Крепко сдружился и сроднился я с ними и со многими товарищами здесь. И случится ли еще встретиться с ними когда-то на бесконечной военной дороге?

Ситников и Погодин ушли. Но долго еще приходили попрощаться другие товарищи – замполиты, командиры, начальники служб.

30 июня 1943

Весь день ездил и ходил из части в часть, прощался со своими боевыми товарищами. Спасибо вам всем, кто учил меня всему хорошему. Всем вам желаю счастья и славы, успехов в государственной службе и благополучия в личной жизни! До свидания, дорогие товарищи!

1 июля 1943

Ясное летнее утро. Нас, откомандированных в Москву, отъезжает пять человек: бывший комиссар 19-й мехбригады Хусаинов, оттуда же – бывший начальник политотдела Цаплин, бывший начальник политотдела 37-й мехбригады подполковник Пруглов, бывший нач. политотдела 219-й т.бр. майор Беляев и я. Сейчас все собрались у меня на квартире в ожидании машины, которая отвезет

нас в Москву на учебу. Я подбежал к генералу Соломатину попрощаться.

– До свиданья, дорогой! От души желаю успехов тебе в службе и в личных делах. Уважал я тебя, честно говорю. Но раз Ставка отзывает – сделать ничего не могу... – он крепко обнял меня и слегка оттолкнул, как Чапаев Фурманова.

Я подошел к квартире. Машина уже была подана. Человек сорок, главным образом, политработники и работники штаба, пришли проводить нас. Краткое рукопожатие – и все кончено... В вишневых садах утопал Нижнедевицк, где остались мои боевые товарищи...

3 июля 1943

Москва. Лефортово. Вчера вечером мы прибыли благополучно в матушку Белокаменную. Здесь при Академии моторизации им. Сталина куются и перековываются бронетанковые кадры нашей Армии. Нам надлежит учиться полгода, и мы будем уже не политработники, а командиры.

Пока собираются другие слушатели, занятий нет, и мы гуляем по Москве, любимемся неповторимыми красотами столицы, ее музеями, памятниками, театрами – в Москве не заскучаешь. Мне везет – за войну попадаю сюда уже в четвертый раз.

Сегодня перед началом занятий нас посетил начальник Политуправления А.С. Щербаков – умница, видный организатор дела. Он сказал, что «все вы – коммунисты, и потому из вас будут неплохие командиры. Вам именно надлежит завершить победоносную войну».

5 июля 1943

Лефортово. Когда попадаешь сюда впервые, то, кажется, что ты попал в какой-то средневековый замок – все здесь напоминает башню Петра, все сделано крепко, прочно, навечно. До революции здесь

много десятилетий располагался кадетский корпус, который дал стране немало выдающихся полководцев и военачальников. Здесь сейчас располагаемся только мы, танкисты. Политработники других родов войск обосновываются, соответственно, при своих академиях.

10 июля 1943

Сегодня нас, слушателей, разбили на учебные группы, назначили командиров групп. Кормят нас, как и положено в тылу, по последней категории. Ведь мы теперь – рядовые курсанты, и как есть – тыловики. Чувствуется, что некоторым это – не по шерсти. На вечерней прогулке острослов и весельчак подполковник Евстигнеев с задних рядов подскрывает:

– Повадились ходить в начальниках, с адъютантами да ординарцами, кушать изысканное, то да се, слова Суворова забыли: «Научись подчиняться, прежде чем повелевать», – пока командир группы не крикнул:

– Прекратить разговоры в строю!

А на Курской дуге, откуда я недавно уехал и оставил сотни товарищей, начались грандиозные бои...

12 июля 1943

Утром нас всех выстроили во дворе Академии и объявили учебную программу и распорядок дня. Говорил начальник Академии генерал Побле. Затем развели по учебным классам, и учеба началась.

17 июля 1943

У нас нынче выходной день. Мы группой бродим по Москве. Прибыли на Курский вокзал, чтобы проводить товарища Лукина. Он едет в Иран по части принятия техники от союзников. Лукин – честный, скромный товарищ, недавно прибыл к нам сюда из Ленинградской блокады.

19 июля 1943

Грызём гранит науки. Напряжённая учеба. Теоретические занятия – в классах, строевые – во дворе, а тактические – за городом в поле, в лесу. А после отбоя – гробовая тишина.

Сухонький седенький полковник Лямцев читает нам в классе лекцию по тактике. Читает скучно и нудно, как дьяк с амвона. Смотрю: некоторые дремлют, некоторые рисуют разные фигурки, другие усиленно позевывают. Сидевший неподалеку подполковник Хуртин, огромного роста детина, видимо, совсем заснул и начал падать со стула, но его вовремя схватил сосед и не дал упасть. Лектор попросил Хуртина удалиться с занятий, и это не предвещало ничего хорошего нашему товарищу.

В перерыве один из слушателей, подполковник Лифиц, почуял:

– Дремать на уроках надо умеючи. Я делаю так: плотно привалившись к спинке стула, левой рукой закрываю глаза, а правую с карандашом держу на тетради, будто пишу. Конечно, для этого требуется тренировка. В большой аудитории лектор не заметит.

26 июля 1943

Ныне был дежурным по Академии. Как нарочно, за день здесь раза три побывали начальники из Наркомата. Пришлось докладывать «по всем правилам».

На Курской дуге идут тяжелые бои. Некоторые из слушателей получили известия о гибели своих товарищей.

5 августа 1943

Трудна военная наука! Но преодолевать ее надо. В напряженной учебе мелькают дни. Вечером передали по радио радостную весть – наши войска заняли Орел и Белгород.

В Италии полетело фашистское правительство Муссолини, продержавшееся у власти более 20 лет. Италия – самый большой и

надежный союзник Гитлера. Фашизм начал разваливаться оттуда, откуда он возник.

Ночью столица озарилась гирляндами разноцветных ракет и артиллерийскими залпами в честь наших героев в Орле и Белгороде. Тысячи москвичей высыпали из своих квартир, ликуют, наблюдая фейерверки и слушая артиллерийские залпы.

А на квартире меня ожидали горестные сообщения – в боях на Курской дуге погибло несколько моих боевых друзей, в том числе полковник Погодин, подполковник Бородавко, майор Цыганенко и др. Вечная память вам, витязи Великой Отечественной войны!

16 августа 1943

Возвращаемся вечером с тактических учений со станции Ново-Гиреево. Едва сошли с автобуса – я лицом к лицу встретился с полковником Белоусовым, с которым расстались на Калининском фронте около полугода назад. Отпросился у своего курсового командира на вечер.

У Белоусова на квартире обнимаемся. Воспоминания, расспросы, смех и слезы. Белоусов работает сейчас в каком-то Восточном управлении. Он скоро должен уехать в длительную командировку. О подробностях расспрашивать неудобно. Прощай, друг!

19 августа 1943

Учеба упорная, кропотливая. Требования преподавателей беспощадны. Наряду с тактикой изучаем материальную часть боевых машин.

– Надо знать все до винтика, иначе какой же ты будешь командир? – так и сказал сегодня нам один из преподавателей.

А харчишки у нас – посредственные: манный суп, на второе – ложка картофельного пюре с кусочком шпика весом в пять грамм – это обед. Утром – чай, тарелка супа, ужин – такой же. Потому, когда мы выходим из-за стола после обеда, некоторые говорят:

– Господи! Скорее бы на передовую! Там кормежка – что надо!
Но зато становимся командирами.

За полтора месяца сразу ныне сдаем зачеты по тактике. Многие, *в том числе и я*, схватывают двойки. Известный остряк подполковник *Безнос* только что вышел из кабинета, где принимают зачеты по тактике. Мы его спрашиваем:

– Ну как, сдал? – Он отвечает:

– Сдал на отлично! Все, книги – в библиотеку, а сам иду в санчасть! – Все грохнули со смеху.

20 августа 1943

Сегодня утром, во время изучения матчасти танка, во дворе Академии произошел невероятный случай.

Мы по очереди влезали в танк, на 2–3 минуты запускали мотор, глушили и вылезали снова. Включать скорость машины не разрешалось, об этом мы все были строго предупреждены. Но вот в танк сел слушатель полковник Бронин. Он включил мотор и тут же включил вторую скорость... Танк «Т-34» рванул с места, подмял гусеницей под себя стоящего впереди слушателя полковника Рябова и пошел напрямую по двору Академии. На пути стояли автомашина ЗИС и легкий учебный танк «Т-70», обе эти машины с треском были раздавлены. Затем грозная машина устремилась к двум деревянным домикам, в которых проживают сторожа и уборщицы Академии, а сейчас находилось по полудожине малых ребят... Не растерялся наш преподаватель майор Алексеев, и хорошо, что верхний люк танка был открыт. Майор прыгнул на танк, быстро спустился в люк и заглушил танк буквально в трех метрах от жилого домика. Мы все замерли, ожидая катастрофы.

Дело в том, что когда полковник Бронин включил скорость, он растерялся и бросил управлять машиной, и она пошла «по воле рока».

Бледный и растерянный вылез Бронин из танка и вместе с преподавателем Алексеевым пошел в штаб Академии держать ответ. Раздавленного полковника Рябова накрыли попоной в ожидании прибытия экспертизы.

Наши занятия были прерваны на два часа. Полковника Бронина, видимо, будут судить.

24 августа 1943

Состоялось собрание всего нашего «потока» (курса) по несчастному случаю 20-го августа, когда слушатель Бронин раздавил танком слушателя Рябова, а также автомашину и учебный танк во дворе Лефортовского городка.

Все выступающие строго осудили легкомысленный поступок Бронина. Последний приказом по Академии был отчислен из академии и отправлен в резерв запасного полка. Поговаривают, что будет разжалован и осужден.

6 сентября 1943

Группой курсантов посетили выставку карикатур знаменитых художников – Кукрыниксов...

13 сентября 1943

Весь день занимаемся строевой подготовкой во дворе Лефортово. Некоторые ворчали на усталость.

28 сентября 1943

Упорная учеба. Нет времени сделать запись в дневнике. Все мы изменились до чертиков. Многие ныряют в санчасть. Вечером выстроили нас и зачитали приказ. 450 человек нас завтра отправляют в учебный лагерь в Солнечногорск, где будем проходить практическую стрельбу из всех видов оружия и вождение танков, а также саперное дело.

30 сентября 1943

Мы неделю уже находимся в Солнечногорске. Учеба – с утра до ночи. К вечеру изматываешься как черт. Когда в ночь наши преподаватели и начальники уезжают в Москву по домам, мы отправляемся на озера (торфяные выемки), там водится много вьюна и карася, которого мы глушим толом. А тол припрятываем во время уроков по саперному делу. Наделали противней, а то и варим в котелках на печках-временках. Ну и оживляемся, так сказать.

4 октября 1943

Занятия проходят в любую погоду в поле. Тактика, стрельба, саперное дело, все приближено к боевой действительности. Скоро начнем практическое вождение боевых машин и стрельбу из пушек.

Саперное дело закончили и вьюна глушить теперь нечем. Но Евстигнеев нашел выход – он в это «дело» втянул преподавателя саперного дела, которому мы тайком поставляем вьюна. «Цыпленки тоже хотят жить!»

12 октября 1943

Всю неделю занимаемся на танкодроме практическим вождением машин. Спецшлемов нам не дают, а потому к вечеру ты не только грязный, а еще соберешь в машине несколько шишек на голове.

Ночи под Москвой в октябре уже свежие. В наших деревянных бараках – щели, и потому ночью холодно. Решили ночами топить «временки», для чего дежурируем по два часа.

19 октября 1943

Практическая боевая стрельба из танков. Танк в умелых руках – грозное оружие, но когда его приходится чистить и заправлять после занятий, тут невольно вспомнишь тещу.

Погода с каждым днем становится все холоднее. Припадают дожди, в бараках – холодно.

Подполковник Хуртин хорошо играет в шахматы. Он живет в соседнем бараке. После ужина он со своими шахматами приходит и подначивает:

– Вы еще мелко плавали, чтоб меня обыграть! – Садимся с ним играть. Один, другой – все проигрываем. За вечер обыграл семь человек. Особенно переживает свой проигрыш мой сосед по койке Григоренко, который слывет в нашей группе хорошим игроком.

И вот сегодня, обыграв нас уже в который раз, Хуртин пошел к себе. В это время, привстав на койке, Евстигнеев запел:

– Товарищ Хуртин дело знает, игрок он в шахматы лихой, он Григоренку обыграл и снова топает домой. – Смеемся.

27 октября 1943

Второй месяц мы в лагере. Это – поистине солдатская служба, солдатская жизнь. Она дала нам многое. Все это необходимо для нас в будущих боях.

6 ноября 1943

В связи с наступлением праздника мы переправляемся в столицу. Занятия в лагере еще далеко не окончены, и мы едем только на дни праздника.

Возвращаемся с другом Щербиной после ужина на квартиру, по радио передают радостную весть – наши войска сегодня освободили столицу Украины Киев.

– Вон без нас куда хватили наши товарищи! – говорит мой друг. Он – украинец из-под Киева, там, в оккупации оставались его родители, жена с ребенком, живы ли они?

10 ноября 1943

Прошел праздник. Мы вместе с москвичами присутствовали на параде как зрители. А девятого нас снова отправили в Солнечно-

горск, и учеба возобновилась. Практические стрельбы, отработка вождения танков, тактика и пр. программа.

Солнечногорский лагерь. Бараки летние, дырявые. Холод собачий. Наступили последние дни нашей учебы.

Вечером слушали горестный рассказ майора Мищенко, которому начальство разрешило краткосрочный отпуск на Украину в связи с освобождением его родной Днепропетровщины. Мищенко не видел свою семью около трех лет и не имел о ней никаких известий. Когда Мищенко прибыл в родную хату, там шла свадьба – его жена выходила замуж за другого. Его жене на словах кто-то передал еще два года назад, что Мищенко якобы убит еще в первые дни войны.

Новый муж сконфуженно при его появлении удалился со свадьбы, а Мищенко переночевал две ночи дома, снова явился к нам в Москву, сыграв вторую свадьбу со своей женой.

Сколько трагедий в семьях породила война!

23 ноября 1943

Неделю назад выпал снег. Морозы – до 15 градусов. В бараках так же холодно, как и на улице. Не смотря ни на что, учеба продолжается. Вчера сдавали танковое дело – матчасть. Говорят, через неделю из лагеря уедем. Скорее бы!

Во время полевых учений два дня назад нам пришлось быть в г. Клин на родине Чайковского. Во время оккупации фашисты разрушили дом великого композитора, устроив в нем гараж для мотоциклов, зная, чей это дом. Пианино, на котором сочинял свои бессмертные творения Петр Ильич – сожгли, и сожгли архивы нот. Бюст Чайковского разбили.

Пожилой старичок, живущий как сторож в этом доме при нас, со слезами на глазах, рассказывал, как он после ухода фашистов несколько дней отыскивал в снегу осколки разбитого бюста, втоптаные сапогами, ноты. И все же старик снова склеил бюст и водворил его на свое место. Вандалы, изверги, палачи!!!

30 ноября 1943

Сегодня уезжаем в Москву. Все экзамены и оставшиеся учебные часы будем доделывать в Лефортово. Все рады до смерти. Отмываемся в бане, бреемся, отогреваемся. Смех, шутки.

3 декабря 1943

С утра до полночи сидим над конспектами в классах, проходим консультации. От лагерного пребывания в теплых классах Академии жизнь кажется райской.

Начались гос. экзамены. Деловая натянутость, порядок и дисциплина. Спрашивают придирчиво и строго. Выкладывай каждый, как усвоил учебную программу, чему научился. Москва учит многих и многому. Экзамены – наш последний рубеж, финал учебы.

14 декабря 1943

Сегодня закончили сдачу гос. экзаменов. Сдавали десять основных дисциплин. На нашем потоке не сдали семь человек. Не сдавших экзамены оставляют на полгода снова. Иные от досады скрипят зубами, другие, возможно, в душе довольны...

16 декабря 1943

Ныне прибыла группа ответработников из Генштаба и Управления кадров Наркомата. Каждого из нас, выпускника, вызывают по одному: беседуют, расспрашивают о биографии, о том, как учился, какая дисциплина. Потом решат, куда назначить и объявят приказом. Преподаватели нам говорят, что будут направлять на должности комбатов, начштабов полков, заместителями комполков по строевой и т. п.

20 декабря 1943

Ждем приказа о назначении. Свободны. Гуляем по столице как юнкера (*киевские бурсаки*). А вечером сидим в общежитии Академии, коротаем время за разговорами.

26 декабря 1943

В середине дня нас, всех выпускников, срочно собрали в актовый зал Академии. Все замерли. Полковник из Генштаба читает приказ Наркома о назначениях. Я с группой товарищей назначен на 2-й Украинский фронт. Должность – зам. командира 14-й самоходно-артиллерийской бригады по строевой части... Отныне я – командир, а не политработник. *Я рад своему назначению.*

«Итак, Кузьмич, – говорю сам себе, – отныне ты – не политработник, а строевой офицер, и в твоей жизни наступает новая полоса, новый характер работы, много нового, что необходимо осваивать, быстрее входить в курс дела, чтобы оправдать оказанное доверие»...

28 декабря 1943

Нас быстро рассчитывают и отправляют к местам назначения, и мы разъезжаемся на пространстве от Баренцева до Черного моря. До свидания, друзья и учеба!

Курский вокзал столицы. Вечер. На перроне и в вокзале – много народа. Вот раздалась толпа, работники милиции образовали как бы коридор: по этому коридору в сопровождении Молотова и еще нескольких незнакомых лиц идут к поезду французский генерал де Голль и бывший Чехословацкий президент Бенеш. Они являли собой Пата и Паташона, один – худой высокий, другой – низенький, как надутый.

30 декабря 1943

В Москве мне разрешили заехать на пару дней к семье на Саратовщину. Это попутно. Мне везет. Я за войну имею счастье в третий раз быть в своей семье, видеть своих ребят.

И вот я, как снег на голову, заявляюсь в Аркадак к своим, где уже получили два извещения о моей гибели на фронте, и жена несколько месяцев получала за меня деньги не по аттестату, а пенсию как за погибшего (эти извещения были ошибочно выписаны, одно с Юго-Западного, другое – с Калининского фронтов).

Все выяснилось, все стало на свое место. В семье – радость и слезы.

– Значит, будешь жив, – говорит моя теща, умная и рассудительная женщина. – Признаться, я в душе не верила, что ты убит. Не раз во сне тебя видела. Да разве не могут допустить ошибку в такой свалке, где вас собралось целый мильон со всей Рации?

Собрались родные, соседи, друзья, товарищи. Все враз говорят, и слушать некому. На второй день вечером на своем рысаке заехал местный райвоенком капитан Калашников и пригласил меня на часок прогуляться. Погода была прекрасная. В трех километрах от Аркадака есть пос. Рогово. И вот мы с военкомом – в домике лесника. Как в сказке – свежая рыба, стаканчик русской горькой.

– Эх, Кузьмич, я вместе с твоей семьей переживал, когда получили известь, что якобы убит, и жену твою при каждой встрече уговаривал. – У Калашникова – хороший голос, и он по моей просьбе спел несколько песен.

Рысак несет нас обратно в снежном вихре, бросая санки в сторону. О, как прекрасна ты, жизнь, и как отвратительна война!

1 января 1944

Да здравствует Новый 1944 год! Этот день я встречаю в родной семье, какое счастье! Как соорудили ребятам небольшую елку, вместо игрушек висят разноцветные лоскуты, как на свадебной дуге, но и то забава ребятам. Пусть порадуются. Ведь завтра мне снова уезжать, и оттого у меня щемит сердце...

2 января 1944

Прощай, ребятки, земляки, друзья! Уезжаю. Слезы, объятия. Втискиваюсь в товарный вагон, с попутным поездом еду на юг к новому месту службы. Вагон набит солдатами до отказа. Знакомый запах пота и махорки – я снова в родной стихии... Шутки,

смех, солдатские остроты. Знакомимся, большинство – уже бывалые фронтовики – возвращаются на фронт из госпиталей после излечения от ранений и контузий, люди в большинстве – солидного возраста.

Большинство высказывает, что наступающий Новый год должен закончиться нашей Победой. Доказательствами этого являются наши успехи на фронте за минувший год (Сталинградская, Курская и др. битвы), обогащение наших воинов опытом войны, улучшение оружия. Я думаю про себя: «А ведь это – мнение и желание нашего народа, а это – все, что решает Победу».

Монотонно стучат под вагонами колеса. Дремят мои спутники. А поезд мчит нас на юг.

6 января 1944

На рассвете прибыли в Харьков. Ехали долго, потому что подолгу эшелон простаивал на узловых станциях: Балашов, Поворино, Лиски, Валуйки, Купянск – здесь, на юге, узловых станций больше, чем на севере.

Харьков я видел в последний раз в октябре 1941 г. Тогда этот огромный промышленный город был цел. Сейчас его трудно узнать – разрушен и сожжен наполовину. Битва за Харьков была жестокой, он неоднократно переходил из рук в руки. Помимо того, что Харьков – крупный промышленный центр на юге, он еще и крупный ж. д. узел, и его за это называют «Москвой на юге».

Электричества пока в городе нет, с водой плохо, трамваи не ходят. И вот мы, группа прибывших, сейчас в потемках пробираемся по разрушенным улицам с Северного на Южный вокзал...

Наши попутчики расходятся один за другим по своим направлениям, и мы остаемся вдвоем с лейтенантом Букреевым. Устали. Решили передохнуть в какой-нибудь квартире, Стучимся в одну, другую, третью – не открывают. Возможно, они еще пустыют. Наконец-то одна отворилась. Заходим. Один старик в полутемной комнате.

– Простите, хлопцы, что не сразу открыл. В городе по ночам еще шуруют бандиты, а я вижу – свои. После нашествия швабов мы еще никак не приходим в себя... Я вчера достал мешок угля, и у меня сейчас тепло. Покушать вот у меня ничего нет, звиняйте! – Мы угостили деда консервами с хлебом, попили кипятку, отогрелись. Дед без конца рассказывал о жизни в дни оккупации, но нам надо было торопиться. Взаимно поблагодарив друг друга, мы зашагали своим путем.

Зимнее солнце нехотя продиралось из-за тумана в зенит. Проходим мимо базара-толкучки. Частная торговля, частные кафе – как когда-то в годы НЭПа. Орудуют хищники-спекулянты, порожденные фашизмом. Коробка спичек – 25 руб. На хлеб и сало – цены неподступные, и это – на Украине! Как только мы остановилась закурить, к нам подошел гражданин средних лет, чтобы прикурить. Когда я дал ему коробку спичек, он сделал такое изумленное лицо, словно ему огласили смертный приговор.

Нам повезло – едва мы добрались до Южного вокзала, на Полтаву отходил сборный поезд. Поезд переполнен, идет медленно, как когда-то в годы Гражданской войны. Удивительного в этом ничего нет – железные дороги на Украине восстанавливаются поспешно и местами стряются заново.

Но жизнь свое берет. Во многих местах восстанавливается старое, разрушенное и строится новое. Словно после тяжелой болезни поднимается из пепла наша Украина, залечивает раны, возрождается.

9 января 1944

Сегодня утром прибыли в Полтаву. Полтава разрушена так же, как и Харьков. Вся станция захламлена обгорелыми разбитыми паровозами, вагонами, автомашинами. Метрах в трехстах от станции обнаружили уцелевший домик и направились к нему. Заходим: на постели лежит старуха, около нее – трое детей.

Старушка начала рассказывать: когда несколько дней назад наши войска подступили к Полтаве, и фашисты удирали, они начали поджигать все подряд, что могло гореть, а что не поддавалось огню – взрывали. Три факельщика подбежали поджечь домик, где мы сейчас находимся. Старушка, что лежит перед нами сейчас в постели, со своими тремя внучатами ползала в ногах поджигателей. Фашисты несколько раз своими сапожищами отбрасывали старушку прочь. И вот, наконец, один факельщик хватается ее и бросает в колодец, и вслед ей бросает фургонное колесо. Ребята с криком разбежались. Хата запылала. Но в этот момент раздались две очереди из автоматов – наши солдаты уничтожили поджигателей и вытащили из колодца старушку. У нее была переломана ключица. Дом от огня отстояли. Внучата были тоже спасены.

Радостное лицо старухи. Ребята от нас получили по кусочку шпика, уютятся около своей бабушки. Живи, бабуся!

11 января 1944

Вечером добрались до разбитого Кременчуга. Чемоданы на плечо, идем по льду через Днепр на ту сторону. Здесь уже недалеко до передовой, а поезда дальше на запад еще не ходят. За Днепром я расстаюсь со своим спутником лейтенантом Бекреевым и иду один, пробираюсь на большак с надеждой на попутную машину.

14 января 1944

Кировоград. Две недели поездами, на попутных машинах, пешком добирался я сюда из Москвы. И к своему удивлению узнаю, что здесь сейчас находится первый мехкорпус, откуда я семь месяцев назад выбыл в Москву на переподготовку. Разыскиваю квартиру генерала Соломатина.

Соломатин сидит за чаем:

– Ба! Нашему полку прибыло! Садись пить чай! – Соломатин похудел, поседел, но все тот же. Пошел разговор без конца. О бое-

вых делах, о погибших товарищах... – Оставайся в корпусе, – говорит мне генерал, – заместителем командира танкового полка пока, а мы этот вопрос ныне же согласуем с кем следует. Ты же ветеран корпуса? – Не успел я ответить, как к генералу в комнату вошел полковник Давыдов. Давыдов командовал 219-й танковой бригадой в составе 1-го мехкорпуса, когда я выбыл в Москву, а теперь – начштаба Южного /фронта?/. Услышав разговор Соломатина обо мне, Давыдов сказал генералу:

– Ничего не выйдет, Михаил Дмитриевич: в отношении подполковника Резяпкина у нас уже есть уведомление, что он назначен заместителем командира 14-й самоходно-артиллерийской бригады по строевой части, а посему после этого разговора прошу зайти ко мне!

Чувствуя, что у Давыдова есть какой-то разговор к генералу, я вышел.

15 января 1944

Чтобы оформиться на предстоящую должность и явиться к новому месту службы, мне надлежит ехать в Павлоград, это километров за триста обратно в тыл, аж в Днепропетровскую обл. Но ничего не поделаешь, соединение, в которое я назначен, находится там. Хорошо, что туда сейчас идет попутная машина. Я обрадовался этому.

Моим попутчиком оказался писатель Стахович, сотрудник нашей корпусной газеты, которую год назад мы вместе с ним организовывали. Стахович подробно рассказал нам обо всем, что было в корпусе за мое отсутствие. Алесь – человек застенчивый, скромный, воспитанный. О Купареве отзывался с неудовольствием. Писатель демобилизуется по спецприказу и едет к себе в Белоруссию.

17 января 1944

Ситуация с сообщениями сейчас на Украине – аховая. Мы со Стаховичем добрались до Павлограда только сегодня к вечеру. Па-

влоград – небольшой городок, он почти уцелел от разрушения немцами, поэтому квартиру для ночлега мы нашли тут же.

Пьем чай. Хозяйка рассказывает нам все ту же сказку о днях немецкой оккупации. Чтобы избежать угона в Германию, люди шли на все: приобретали за взятки фальшивые документы, иные зарывались в землю, во время облавы сидели в воде с камышинкой во рту. Но фашисты рыскали с овчарками, обнаруженных подвергали пыткам. В Днепропетровске обнаружено до двухсот мертвых детей – это были дети, свезенные из трех приютов. Фашисты из них выкачали специальными машинками кровь для своих госпиталей, а детей бросили в овраг..

Стахович записывает в свой блокнот рассказ хозяйки. Я сижу слушаю.

18 января 1944

Стаховича по решению Военсовета отзывают в «гражданку». Он уезжает в свою родную Белоруссию. И это правильно. Стаховичам надлежит описать историю-эпопею Великой войны для грядущих поколений. После завтрака мы с ним дружески распрощались. Прощай, дорогой друг! Алесь просит меня переслать ему мой дневник после войны, а «в случае чего» попросить о пересылке моих товарищей... Я дал свое согласие.

20 января 1944

Штаб 14-й САБр находится в Богдановке, в 25 км от Павлограда. Непролазная грязь. Никакие машины не ходят. Надо добираться пешком. Подоткнув за пояс полы шинели, пошел. К вечеру добрался в Богдановку. В штабе был один начштаба майор Маранц, который и устроил меня на квартиру.

21 января 1944

Утро. Мучит изжога. Пришел в штаб. Знакомлюсь с людьми, с историей бригады. *Командир бригады – полковник Петренко,*

нач. политотдела – подполковник Рудин, начштаба – майор Маранц. 14-я САБр воевала на Сев. Кавказе. Бригада стоит здесь уже четыре месяца и превращена в учебную. Примут экипажи и матчасть, сколотят, обучат и отправляют на фронт. Конечно, для меня – это практическая Академия, но...

22 января 1944

Наши солдаты и офицеры давали концерт самодеятельности в местном сельском клубе. Народу – битком. Здешняя публика – одни девчата и молодые вдовушки красноармейки. В стороне от танцующих нас с подполковником Кондратеней окружила группа таковых. Главной темой разговора было, что многие из них на всю жизнь останутся вдовушками...

23 января 1944

Утро. Я только что пришел в штаб бригады, узнаю здесь о полученном приказе: все боевые машины с экипажами отправить на фронт. Мы, весь комсостав, остаемся командирами без войск... началась суетня с подготовкой и отправкой боевых подразделений.

2 февраля 1944

Неделю назад мы отправили боевые подразделения на фронт, сами занимаемся командирской учебой.

Стоит непролазная грязь, которую я в жизни не видел.

Два дня назад прибыла группа рядового и сержантского состава, а с ними вместе – десять самоходок. С прибывшими тут же органируются практические занятия с выходом в поле, несмотря на непролазную грязь.

Сегодня во время стрельбы на полигоне боевыми снарядами произошел несчастный случай: был убит рядовой Голубев из Алтайского края. Ученьем руководил капитан Мельников. Учения прекратили. Из АБТ центра вызвали следователя.

15 февраля 1944

С начальником связи бригады майором Веселовым и начштаба майором Маранцем лазали весь день по непролазной грязи по берегам реки Самары, отыскивая броды в связи с предстоящими учениями.

19 февраля 1944

Вечером сидел писал письмо домой на своей квартире. К хозяйке-старухе пришло несколько женщин-соседок, и они ведут разговор в соседней комнате о днях оккупации. Я прислушался и услышал следующую историю: «В первую мировую войну, в 1916 г. у моей хозяйки Тарасовой был призван на фронт ее муж Николай Тарасов. В одном бою Тарасов попал к немцам в плен, и не было о нем ни слуху, ни духу. Его жена Прасковья Тарасова, убежденная, что ее муж погиб в 1922 г. выходит замуж за другого, а в 1939 г. умер и ее второй муж.

Прошло много лет. Началась Великая Отечественная война. Украина к концу 1941 г. оказалась вся под оккупацией немцев. В 1942 г. на фронт к Сталинграду через Богдановку проходили немецкие войска. К Тарасовым в хату вошел средних лет немецкий солдат. Он спросил по-русски:

– Здесь ли живет Прасковья Тарасова?

Ему ответили:

– Да!

– Был ли у нее муж и где он?

Тарасова ответила, что муж ее умер в 1939 г., а первый как ушел на Германскую в 1916 г., так и пропал там.

– Не пропал я, вот я и есть Николай Тарасов. Когда попал я в плен, до 1922 г. нам нельзя было не только уехать домой, но и переписываться с родными. Я там батрачил у бюргеров пять лет, домой не отпускали, всякую надежду на возвращение потерял. В 1922 г. женился на одной состоятельной немке. Потом народилось двое детей... А вот теперь на фронт прибыл в родные края...

В это время раздалась команда «По машинам!» Тарасовы распростились со слезами, Тарасов спустя месяц прислал в Богдановку письмо, что тяжело ранен, и его эвакуируют куда-то в тыл, и больше ничего до сих пор о нем не слышно»...

22 февраля 1944

Проводили полевые учения. Шел дождь. Командир батареи О. повел в район учений восемь самоходок в обход через пос. Кринички и засадил их в такой грязи, что мы их полдня вытаскивали.

26 февраля 1944

Утром срочно на вездеходе (сейчас только на вездеходе и можно ездить) выехали с начштабом в Павлоград принимать прибывший личный состав и самоходки. Грязь такая, что, кажется, что с неба ее вылили миллион тонн и затопили все пространство.

Приняли все, что прибыло, и двинулись обратно к себе в Богдановку. Но это не дорога, а какой-то тернистый путь, на котором мы можем в любую минуту завязнуть. Автомшины буксируем самоходками, а дорога следом тут же затягивается жидкой грязью.

27 февраля 1944

Весь день проходила партконференция бригады. А на рассвете нас всех подняли по тревоге на тактические учения в поле. Мерим грязь. Вытаскиваем на себе из грязи автомшины. Все грязные, уставшие, злые.

В штабе бригады проходили штабные учения. В перерыве командир бригады полковник Петренко сказал зам. по тех. части подполковнику Кондратене, чтобы он заправил боевые машины горючим, так как послезавтра намечен выход на полевые учения.

– Горючего нет, еще не прислали, да и дорога непролазная. – Полковник Петренко, услышав такой ответ, в ярости бросился на

Кондратеню, ухватил его за грудь и размахнулся ударить, но мы их разняли. Со слезами на глазах Кондратеня удалил. За ним удалил и полковник Петренко. Для всех нас было очевидно, что полковникова выходка была неуместна и неоправданна. Заносчивость и грубость компрометирует и больших начальников.

18 марта 1944

Вторые сутки идет сильный дождь со снегом. Небо заволочили свинцовые тучи, дождь льет как из ведра. Выберемся ли мы когда-нибудь из этой грязи?

20 марта 1944

Уже четвертый раз я здесь простужаюсь и по 4–5 дней лежу в постели. Вот и сейчас. Уже весна на Украине. Зеленеет. Но идут дожди, и вокруг нас – море непролазной грязи. Когда прекратится дождь? Однообразие – даже нечего записать в дневник.

23 марта 1944

Начштаба Маранц и нач. связи Веселов уговорили меня пойти с ними обследовать район предстоящих учений и поглотить рыбу в реке Самаре. Два дня назад дождь прекратился, и необходимо стало провести практические занятия с экипажами в поле перед отправкой на фронт.

И вот мы, «три мушкетера», пробираемся по берегу Самары к намеченной цели. С собой взяли трех саперов, взрывчатку, несколько гранат. Нашли деревянную лодку.

Пока бросали одиночные гранаты, дело шло неплохо. После каждого взрыва на поверхность всплывало по десятку щук, подлещиков. Но Веселова это не удовлетворяло. Он решил заехать с одним сапером на середину реки и бросить там деревянную противотанковую мину, вернее, футас килограммов на семь. И вот что получилось: ко-

гда он поджег шнур, а шнур длиною в метр, приказал бойцу быстрее грести к берегу, а из-за единственного весла (не весла, а полвесла) лодка от места взрыва удалялась медленно. Веселов с другой стороны лодки начал грести рукой, но это мало ускоряло ход лодки. Наши гребцы не доплыли до берега метра четыре, как ахнул взрыв большой силы. Лодку подбросило и перевернуло. «Рыбаки» исчезли под водой.

Мы повели мокрых и оглушенных «рыбаков» в санчасть. Рыбы на поверхность всплыло много. Оставшиеся двое саперов собрали в мешок. У пострадавших, к счастью, оказалось все благополучно.

1 апреля 1944

Говорят, в этот день рождаются дипломаты, а у нас в самоходно-артиллерийской бригаде ночью родился жеребенок. Дело в том, что с месяц назад два солдата подобрали эту беспризорную лошадь в степи, тайком поставили ее во двор к хозяйке квартиры на откорм, чтобы потом забить на мясо. Ребята кормили конягу не только хозяйским сеном, а и кусками хлеба из столовой и радовались, что их Чалуха поправляется. А сегодня утром пошли во двор, а там бегают красавец-жеребенок.

Мы посмеялись над солдатами и подарили их Чалуху с малышом местному колхозу. Колхозницы тут же дали жеребенку имя «Танкист», а матери – «Дареная».

8 апреля 1944

Сегодня Петренко поручил проводить практические полевые учения мне, а сам с нач. политотдела уехал в Павлоград на совещание.

Весь день по грязи утюжим поле. К ночи добрались до Богдановки грязные, мокрые. Машины – сплошь в грязи.

18 апреля 1944

Однообразные дни службы – один так похож на другой, что даже нет желания заносить их в свой дневник. Штабные или полевые уче-

ния, собрания, совещания – в этом проходит время. Обучим, сколотим экипажи – и отправляем на фронт, а потом – снова получаем людей и технику, и снова учеба. В общем, наше соединение – учебное в полном смысле. Однако для фронта наши дела имеют большое значение.

1 мая 1944

В честь праздника солдаты давали концерт самодеятельности в местном клубе. Народу было много. Концерт прошел хорошо.

17 мая 1944

Месяц не заглядывал в дневник. Сегодня мы перебазировались из Богдановки в лес неподалеку. Вырыли землянки и обосновались лагерем. Все обрадовались, что из грязи выбрались в лес.

Учеба продолжается по-прежнему.

18 мая 1944

С подполковником Кондратеней утром отправились по делам службы на «Виллисе» в Днепропетровск. И вот, мы в Днепропетровске. Оставив машину у знакомого Кондратени, мы пошли по делу. Идем по улицам полуразрушенного города. Навстречу нам идет среднего роста лейтенант, он бросается на Кондратеню, плачет, с трудом выговаривая:

– Степан Степаныч!

– Ты жив, Николай? Рад тебя видеть! – отвечает подполковник. Мы остановились. Кондратеня знакомит меня с лейтенантом.

Лейтенант Николаенко Николай только что вернулся из госпиталя после ранения. В Днепропетровск прибыл вчера. Он разыскал свою жену с сынишкой, которые остались здесь в оккупации.

Мы идем мимо «толкучки», Кондратеня с Николаенко разговаривают без умолку, я при сем присутствую. И вот – около торговых съестными продуктами толпится группа ребятишек. С вытянутыми

ручонками они просят у теток чего-то съестного. Вдруг лейтенант Николаенко бросился к толпе ребятишек, ухватил одного за плечо, спрашивает:

– Толик? Николаенко?

– Да! Ты, папка?

– Ну да, а кто же? – Лейтенант поднял на руки сынишку, который намертво обнял своими ручонками шею отца, и целует без конца. – Ну а мама где? – спрашивает отец.

– Немцы замурдовали у прошлом роке, – отвечает малыш. Ему семь лет, из них почти три года он не видел своего отца, а отец – его. И вот, случайно они встретились...

Мы все по этому случаю вернулись к машине и по рассказу мальчика поехали на окраину города к той «тете», у которой мальчик жил после смерти матери.

Наконец мы распрощались с нашим товарищем и уехали. Нас ждали служебные дела. После некоторого молчания мой друг сказал: «Сколько семейных трагедий породила эта война? Сколько разрушений и жертв?»

20 мая 1944

Вечером наше радио передавало, что Геббельс в своем интервью одному фашистскому газетчику заявил по поводу изгнания немцев с Украины, что «Мы на Украине оставили только небо, воду и землю».

26 мая 1944

Провожу практические занятия в поле. Командиру бригады Петренко, видимо, понравилось, как я провожу занятия, или надоело и не хочется самому проводить их. Факт, что он уже в который раз поручает готовить и проводить учения мне.

Сегодня на учения выведена буквально вся бригада со всем ее личным составом и материальной частью. На учения прибыль началь-

ник АБТ фронта генерал Чернобыль с командиром соседней бригады генералом Тараном. Учения прошли неплохо. После разборки генерал Чернобыль отозвал меня в сторону, к своей машине. Заставил кратко рассказать биографию. Затем он пожал мне руку, и мы расстались.

4 июня 1944

Утро. В лагере в лесу хорошо утром, чистый свежий воздух, поют соловьи... О, хорошо весной на Украине!

После завтрака меня вызвали в штаб бригады и передали, что к 11.00 меня вызывают в Павлоград, АБТ центр.

Прибыл в АБТ центр. Подали около десятка анкет, указали на отдельную комнату:

– Заполняй! – И вот я до полудня заполнял их. К вечеру вернулся снова к себе в лагерь.

10 июня 1944

В лесу хорошо и весело. Погода сейчас прекрасная – не жизнь, а курорт! В нашем личном составе много украинцев, вечерами после ужина они замечательно поют.

16 июня 1944

Мы проводили практические учения. На учения прибыл пом. начштаба нашей бригады капитан Симонин. Он отозвал нас с начальником штаба бригады майором Маранцем в сторонку и показал нам шифровку из АБТ центра, в которой сообщалось, что наша бригада расформируется на три полка, и что по истечении четырех суток полки должны отбыть на фронт..

Наконец-то! Мы прекратили учения и дали команду всем возвратиться в лагерь.

Всем нам давно надоело отираться в Богдановке, и весть о том, что бригада расформируется, и мы в скором времени отбудем на фронт, всех нас обрадовала.

Вечером услышали радостную весть – наконец-то наши союзники открыли Второй фронт!

17 июня 1944

Вечером меня с *майором Кучеренко* вызвал по телефону к себе в Павлоград генерал Чернобыль. Как только я вошел к нему в кабинет и доложил, он усадил меня за стол против себя, заговорил:

– Вы назначены командиром одного из полков бывшей вашей 14-й САБР. В три дня подберите согласно штата себе работников штаба, там же в бригаде примите двадцать самоходок, а также другое имущество и продовольствия на неделю. Выполняйте приказ!

Вернувшись в лагерь, я занялся своим делом.

19 июня 1944

Кручусь как белка в колесе. Жмут сроки, дела, ответственность. Надо подобрать достойных помощников, с которыми предстоит воевать.

И вот, первые мои помощники. Зам. по политчасти – майор Фомичев, начштаба – капитан Андрианов, пом. по хозяйству – майор Рябенко, старик, зам. по тех. части – капитан Васильев, командиры батарей – лейтенанты Кожевников, Оленчиков, Сысоев и Мордюков.

Получаем имущество, спорим, ругаемся, бегаем по лагерю. Поздно вечером совещаемся, намечаем, что надлежит сделать завтра.

22 июня 1944

Вечер. Тиха украинская ночь... В лесу поют соловьи, в палисадниках и садах – тоже. Сегодня – три года, как началась эта война. Война все идет, и неизвестно, когда кончится. Символично: около трех лет назад, в августе 1941 года, вот в этом же Булаховском лесу мы после жестоких боев под Уманью отвели с Бугаенко и Фляжниковым более полутысячи автомашин 6-й и 12-й ар-

мий, где расформировали остатки этих армий, и разъезжались в разные стороны все друзья-приятели. От воспоминаний заняло сердце...

В лагере в основном устроились. Только с питанием дело еще не наладилось – а все из-за зампохоза. Неповоротливый, безынициативный наш зампохоз больше занимается самообеспечением, чем думает о личном составе. Ну, сегодня ему досталось!

Одиннадцать часов ночи. Только что закончилась погрузка нашего огромного эшелона. При отправке присутствует сам генерал Чернобыль. Высокий, молодой еще – настоящий потомок Запорожских казаков. Все его здесь любят и уважают. Ровно в 23 часа эшелон мой двинулся на Запад. Прощай, Павлоград!

24 июня 1944

Эшелон подолгу стоит на каждой узловой станции. Вечер. Мы стоим в Краснограде. Корпус, из которого я выбыл год назад, носит наименование «Красноградский»...

Здравствуй еще раз, Красноград! Где ты пребываешь сейчас и как Там мои товарищи? Сколько их уже в сырой земле? Кто гремит своей славой?

26 июня 1944

Эшелон стоит уже несколько часов на ст. Гребенка. Все пути забиты составами. Ясный день. Из двери вагона соседнего эшелона выглядывают несколько человек девчат-украинок, они кричат нам с начальником штаба:

– Командир! Отпусти до нас с десятков своих хлопцев, пусть волны з нами доедут до Рагодана. Обижены не будут!

27 июня 1944

Вечер. Только что прибыли в Дарницу. На той стороне Днепра

– Киев, мать городов русских. Дарница разрушена до основания. Кругом – щебень, кирпичи, камни.

Вдруг объявили воздушную тревогу. Через несколько минут нас начали бомбить воздушные бомбардировщики врага. Станция забита эшелонами. Но сильный зенитный огонь наших батарей отогнал стервятников. Все сброшенные бомбы упали в Днепр. Ни один эшелон не пострадал. Это была первая для нас воздушная тревога.

По радиции передали, что наши союзники на Западе успешно продвигаются вперед.

29 июня 1944

Двое суток стоим в Киеве. Большое движение на железнодорожных магистралях, а дороги еще не совсем отремонтированы после изгнания оккупантов, а потому создаются пробки. Но уже во многих местах возникают стройки. В полуднях выехали из Киева. Не едем, а тащимся. Уже неделя как в пути, а проехали всего каких-нибудь пятьсот километров.

30 июня 1944

Перед вечером эшелон остановился в лесочке перед станцией Коростень. Коростень бомбит вражеская авиация, почему и остановили наш эшелон. Слышим взрывы на станции. Если путь поврежден, то застрянем мы здесь надолго.

После бомбежки ко мне в вагон заходит незнакомый подполковник. Он отрекомендовался комендантом станции Коростень. Показывает свой документ. Комендант сообщил, что путь поврежден, но восстанавливается и будет готов часа через четыре-пять. Комендант просит выделить 10–12 человек для прочесывания леса около станции, где, по его словам, скрываются сигнальщики и диверсанты из числа оставшихся бандеровцев. Выделяю группу в распоряжение его помощника лейтенанта, куда вливаются еще пять солдат из комендатуры.

Люди ушли. Я послал в группу писарей и хозяйственников *во главе с начальником разведки полка капитаном Столярчуком*, а рвавшихся на прочес солдат из боевых экипажей умышленно не пустил.

Комендант на несколько минут задержался, и пока мы с ним курим, рассказывает: «Верите, подполковник, – житъя от них нет! Они впитали в себя опыт эсеров, махновцев, гитлеровцев. Грабят население: забирают продукты, скот, насилюют, убивают. Обряжаются в форму партизан или наших солдат, с нашими документами, да еще с нашими орденами. Подрывают эшелоны, автомашины, казнят активистов в селах. Очень искусные конспираторы и провокаторы. Недавно одному нашему солдату, отставшему от своего эшелона и зашедшему в лес, отрубили по локти руки, отпустили и сказали: «Иди, теперь ты, сволочь, больше воевать с нами не будешь!» Одному председателю сельсовета выкололи глаза, а дочь его изнасиловали и отрезали ей груди. Да разве перескажешь все их злодеяния?»

Часа через три хлопцы мои вернулись все в целости (*двое наших были легко ранены*), чему я обрадовался. Рассказывают, что (*троих убили при сопротивлении, троих взяли живьем и сдали коменданту*) задержали в лесу пять подозрительных молодых мужчин, коих сдали в комендатуру.

Провел с личным составом совещание, чтобы усилили дежурство, и все были в полной боевой готовности. Вечером эшелон тронулся, не останавливаясь на станции Коростень. Дорога идет лесом. Люди не спят, все в боеготовности.

1 июля 1944

Перед вечером, не останавливаясь в Сарны, эшелон прибыл на ст. Махневичи, где начал разгружаться. Все обошлось благополучно.

Вокруг – густой девственный лес. Станция Махневичи обнесена колючей проволокой и высоким забором из толстого горбыля.

Это соорудили немцы, когда еще хозяйничали здесь. Смотришь и думаешь: «Да, поистине собачья жизнь была здесь у фашистов. От наших партизан возводили эти сооружения, сволочи!»

Неподалеку от станции – небольшая деревушка, в которую, кроме партизан, никто не заходил. Люди этой деревушки забыли вкус соли и сахара. В целях экономии, они умудрялись расщеплять надвое спичку безопасной бритвой, чтобы одной спичкой затопить печь два раза.

Полк влился в знаменитую 8-ю гвардейскую армию Чуйкова, чему мы все радуемся.

Ночью авиация врага дважды бомбила станцию Махневичи, но вреда большого не нанесла.

3 июля 1944

Утром вызвали в штаб армии. Меня принял командующий бронетанковыми войсками 8-й армии генерал Вайнруб, герой Сталинграда, умный симпатичный начальник. Кратко расспросил, как доехал, каков личный состав. Затем стал знакомить с обстановкой и потребовал привести полк в боеготовность, т. к. скоро предстоит совершить многокилометровый марш по лесисто-болотистой местности, где еще большими шайками орудуют власовцы и бандеровцы.

5 июля 1944

В полуднях ко мне в распоряжение полка прибыл представитель командующего бронетанковых сил 8-й гвардейской армии майор Леонов. Он же привез приказ на марш. Мне приказано: со всеми мерами предосторожности двинуться со своим полком в ночь к линии фронта по лесисто-болотистой местности, и к утру совершить 130-километровый марш. Задача – со всеми четырьмя неизвестными... Не люблю войну и марш в лесисто-болотистой, незнакомой местности.

Через час собрал своих орлов на лесной поляне и отдал приказ на марш. Люди получили путь маршрута, пятидневный сухой

паяк. «Благо пехоте совершать лесные маршруты, а вот нам, механизаторам...», – говорит мне мой начштаба капитан Куприянов. Да, танкисты – это профессия сильных, выносливых и смелых людей.

Темь – в глаз коли. Бездорожье. Лишь хрустят под гусеницами сломанные деревья. Колонну веду по компасу, по карте.

6 июля 1944

С рассветом прибыли к станции Голобы. В намеченный район добрались вовремя и без отстающих машин. Я вылез из машины, принял рапорты командиров подразделений и облегченно вздохнул. Майор Леонов пожал мне руку. Он был доволен организацией марша. А для меня и моих командиров это было хорошей школой.

Не показываясь из леса, мы остановились перед станцией на дневку. Экипажи проверяют, регулируют и заправляют боевые машины, завтракают и отдыхают. В ночь снова двинулись в путь.

Дорога опять проходит лесными чащобами, как и в прошлую ночь. Но теперь мы движемся вдоль линии фронта. Здесь местность более заболоченная.

8 июля 1944

С восходом солнца остановились в густом Лецинском лесу. Завтрак, отдых после заправки машин. Я с начштаба и майором Леоновым отправился на командный пункт 8-й гв. армии доложить о результатах марша, о прибытии полка.

На к. п. армии оказался командующий бронетанковыми войсками генерал Вайнруб. Генерал остался доволен результатами марша и объявил мне, что я со своим полком вхожу в стрелковую дивизию генерала Панкова, с которым должен сейчас же связаться.

Разыскал генерала Панкова. Грузный русский богатырь, волжанин, говорит, налегая на «О». Знакомлюсь. Он, как барышник жеребца, осматривает меня пронизательным взглядом с ног до головы, расспрашивает кое-о-чем. Потом говорит:

– Иди отдыхай с дороги, а к 18.00 явишься сюда в комбинезоне. Ночью будем вести рекогносцировку переднего края противника. Все.

В 18.00 с к. п. генерала Панкова отправляемся, группа командиров частей, во главе с генералом, идем по тропинке к переднему краю. Курить, кашлять, разговаривать запрещено. Ложимся на берегу речушки, за которой – позиции немцев, враги ежеминутно бросают в небо ракеты. Все как в сказке.

Мы не спускаем глаз с генерала, который знаками на пальцах указывает нам огневые точки противника. Мы должны их запомнить. Речушка Турья, которая сейчас разделяет нас с немцами – капризная, коварная – сильно заболочена. Здесь много ловушек для танков и автомашин. Болота, заросли, топи – комариное царство...

Перед рассветом уставшие от напряжения (спать хочется) тихо снимаемся, удаляясь восвояси.

9 июля 1944

Утро. На трех «Виллисах» во главе с генералом Панковым отправляемся на правый фланг. Одиночными машинами, на больших скоростях, проскакиваем по простреливаемой местности. В фольварке Клюс рассчитывали попить воды – ее не оказалось, в колодце – трупы. Местность здесь кругом песчаная, а с утра – жара, пить всем хочется страшно. Наконец-то к обеду возвращаемся в свои землянки.

– Вот вам наука, – сказал генерал. – Следующий раз не забывайте фляжки с водой.

Мы уже были в километре от своих землянок, как впереди нас раздался взрыв. Мы заскочили на минное поле, оставленное немцами при отступлении, а наши об этом до сего дня не знали. Вместе с машиной погиб командир соседнего полка майор Кучеренко со своим адъютантом и шофером. Мы поворачиваем машины обратно в объезд и вызываем саперов на разминирование.

11 июля 1944

Каждую ночь делаем вылазки к переднему краю, изучаем подступы к нему, броды, дороги, огневые точки врага.

Ныне с восходом солнца враг открыл арт-огонь по нашему расположению и палил минут двадцать. А мы, затаившись, лежали под носом у фашистов в кустах. Снаряды со свистом летели через нас. Как только обстрел закончился, тихо отползаем по густым зарослям. От усталости тут же уснул, не завтракая, едва дополз до своей землянки.

Спал, видимо, с час. Прибыл офицер связи – вызывали к командиру корпуса. Окатила голову холодной водой, еду.

Командир корпуса – генерал-лейтенант Рыжов.

– Знаю, что вы только что вернулись с ночной разведки с генералом Панковым, отдохнуть бы, но на этот раз – важные дела, поедете со мной.

До вечера занимались с генералом Рыжовым тем же делом, что и с Панковым.

Всякой успешной военной операции предшествует тщательная подготовка, особенно – глубокая разведка, только тогда будет успех. Вот этим мы и занимаемся сейчас ежедневно.

12 июля 1944

Вечер. Землянка генерала Панкова. Мы ждем, когда совсем стемнеет, чтобы снова проползти на передний край и разведывать данные о противнике и о районе предстоящих боевых действий.

– Запомните: ныне особенно – не разговаривать, не кашлять, иначе немцы нас тут же накроют минометами и с землей смешают, – наставляет нас опытный воин. – Все на меня там смотрите, помните условные знаки, которые я буду изображать руками. Один палец – пушка, два – дзот, три – танк.

Стемнело. Мы все в комбинезонах. Слотнули по таблетке от кашля, еще по две рассовали по карманам. В лесу темно. Идем це-

почкой за майором-разведчиком «след в след», нас – двенадцать человек. Сегодня я по его указанию лежу рядом с генералом. Вот он слегка толкает меня в бок – показывает два пальца в одно, в другое направление. Значит, там зарыты танки врага. В небо взмывают сразу три ракеты противника. Светло как днем. Мы замираем, уткнувшись в траву, пока не погаснут ракеты. И так до рассвета.

С рассветом осторожно уползаем обратно. Отошли уже метров на триста, как враг начал мощный минометно-артиллерийский обстрел. Мины и снаряды обстреливают конкретно наше местонахождение. Неужели враг засек нас, и вся наша работа за много ночей пошла насмарку? Но вот обстрел прекратился, ранен был лишь инженер-майор Корецкий в руку. Мы отделались благополучно.

14 июля 1944

Перед вечером меня вызвал к себе в землянку генерал Панков.

– Поехали! Что-то сам Чуйков вызывает! – говорит мне генерал, усаживаясь в машину. Я еще не видел прославленного командарма Сталинграда. Волнуюсь. Подъехали к большой землянке. Около землянки без фуражки, китель нараспашку, прохаживается Чуйков, с ним – мой непосредственный начальник генерал Вайнруб. Панков докладывает о прибытии. Вайнруб представил меня. Чуйков пожал мне руку, мгновение посмотрел на меня, сказал:

– Иди, подожди в машине, – и они все скрылись в землянке. Я остался ждать у машины.

Через час мы с Панковым едем обратно. Молчим. Меня вызывали, видимо, лишь для знакомства с командармом.

16 июля 1944

Утро. Ясное безоблачное небо. Командиры полков и отдельных частей собрались в землянке у Панкова. В середине землянки – большой ящик с песком с изображением рельефа местности, линия обо-

роны противника – по фронту нашей дивизии за рекою Турья. Генерал внятно объясняет нам, где и как пойдут наша пехота, танки, по каким объектам врага наносит удары наша артиллерия в первые часы, во вторые, и т. д. Детали уточняем дополнительно вопросами.

– А сейчас каждый из вас так же на ящике с песком соорудит полосу своего полка и проведет такое же занятие со своими командирами подразделений. Уяснить все. Без суеты и без шума. Разбейтесь!

А вечером был получен приказ: все привести в боевую готовность и ждать сигнала о наступлении.

Хожу по подразделениям, все проверяю сам лично, расспрашиваю, все ли готово.

17 июля 1944

В шесть часов утра мы все были подняты по тревоге, и тут же грянул залп наших орудий – началась артподготовка, началось наше наступление, к которому мы так долго готовились.

Развожу свои батареи по стрелковым полкам – они будут шествовать с пехотой, непосредственно поддерживая ее.

Бьет артиллерия всех калибров, ее залпы слились в сплошной, непрерывный вой. На наш участок прибыл сам Жуков. Под прикрытием нашего артиллерийского огня мы через час двинулись и начали форсировать капризную реку Турья.

Враг огрызается ожесточенно. Но вот взломана его первая линия обороны. Наша артиллерия переносит огонь в глубину его обороны. Мы перешли реку. Тут я получил один за другим три сигнала – подбито три самоходки... Хорошо, что экипажи остались целы. Но три самоходки?..

К концу артподготовки мы форсировали болотистую Стоход и устремились на Запад.

Мы продвигаемся вперед, подавляя уцелевшие огневые точки врага. Перемещаем свои командные пункты за продвигающимися

боевыми частями. На поле боя – тысячи убитых немцев, сотни их подбитых машин и орудий. Много пленных. *Фашисты при отступлении стреляют мирных жителей, их скот, поджигают жилища.*

В полуднях вошли в город Любомль, на Зап. Буге. Именно отсюда, с нашей гос. границы три года назад враг начал свое нападение на нашу Родину. Слева наши соседи заняли Ковель.

18 июля 1944

Переправляюсь через Западный Буг. Здесь наша гос. граница, откуда начал нападение Гитлер. Как только я со своим полком переправился на польский берег, на вахту начали заступать наши пограничники.

19 июля 1944

Вихрем развиваются события. Мы вчера форсировали Зап. Буг, и ведем бои за Бугом. И, хотя вторые сутки льют дожди, наши войска с боями продвигаются вперед. Многие реки и речушки вышли из берегов. В Польше и без того много озер и болот, а во время дождей эти болота сливаются в одно сплошное пространство воды.

Наши тыловые части далеко отстали от передовых, и мы третьи сутки не кушаем горячей пищи.

Итак, бой с врагом ведем уже на польской земле.

20 июля 1944

Продолжаем преследовать отступающих немцев. Пески, болота. Моторы машин часто перегреваются.

21 июля 1944

С восходом солнца начали свое продвижение вперед. Враг цепляется за каждую водную преграду, за каждый населенный пункт,

но мы его тут же выбиваем. Фашисты при отступлении стреляют людей, скот, жгут и взрывают мосты, вокзалы, здания.

Схода ворвались в фольварк Каралико. Из подвалов выходят перепуганные, но обрадованные поляки. Дрожащими руками обнимают и целуют нас – чумазных, грязных, запотевших.

Мчимся на Запад по лесам и болотам, преследуя врага. Мелькают по сторонам деревни, фольварки.

22 июля 1944

Неделю уже как идет наше наступление. Почти не умолкает наша артиллерия. Мы идем за огневым валом. Много за неделю взяли в плен, много погибло.

23 июля 1944

В прошлую ночь в фольварках и лесах вылавливали укрывшихся фашистов. Их наловили сотни: насильники, палачи, грабители – словом, варвары наших дней. Многие успели переодеться в гражданскую одежду – боятся ответственности. В поимке укрывшихся фашистов активно помогает местное польское население. Варвары порядком насолили полякам, и последние имеют на них зуб не меньше, чем мы.

Сейчас мы – на подступах к большому польскому городу Люблин. *Соседние части* почти с ходу взяли Майданек, в восьми километрах от Люблина. В Майданеке – настоящая «фабрика смерти», где варвары в течение пяти лет уничтожали коммунистов, партизан, плененных солдат, борцов сопротивления, и всего уничтожили больше миллиона передовых людей нашей эпохи... Оставшиеся в живых узники выморены до такой степени, что многие мужчины весили 19–20 килограммов – кости и кожа. Даже бывалые солдаты не могут без содрогания смотреть на это зрелище. Впечатление – неизгладимое...

24 июля 1944

Почти без сопротивления продвигаемся вперед. Настроение среди личного состава – приподнятое, ликующее.

У перекрестка дорог, где висит католическая икона (матка боска с открытым сердцем, под сердцем горит пламя), я остановился, чтобы уточнить маршрут движения. Вдруг на «Виллисе» подскакал Чуйков. Он был в полевой фуражке, в забрызганном комбинезоне. Лицо его было хмурое, уставшее. Подозвал пальцем к себе:

– Знаешь, кто я?

– Как не знать вас?

– Ну вот, возьми свою резервную батарею и оседлай вот этот перекресток дорог (показывает пальцем на карте). К тебе туда скоро подойдет батальон пехоты *из дивизии Вагина*. Из нашего тыла пытается выскочить группа фашистов. Не дать ей выскочить! Ясно? Выполняй!

Чуйков умчался, а я отправился на неведомый перекресток.

Вскоре подошли пехотинцы. Организуем круговую оборону. Ждали до утра, но фашисты начали свой выход правее нас. Но там они тоже нарвались на засаду наших войск и были разбиты, многие сдались в плен.

К вечеру наше продвижение было приостановлено.

Мой полк с начала операции взаимодействует с мотострелковой бригадой полковника Жарова. Это – замечательной души человек. Нам с Жаровым предоставили сутки на отдых, на подтяжку материальной части.

Фольварк, в котором мы с Жаровым обосновались, довольно большой. Готовим обед, занимаемся своими делами: чистим танки, оружие, сушимся, моемся, бреемся. На территории фольварка – два больших сарая-подвала. Мы считали, что это – места для хранения картошки. Оказалось, что здесь всю войну находились (вернее, хоронились) эвакуированные из Лодзи и Варшавы женщины.

Как только мы прибыли, полячки высыпали из подвалов, поправили свои замысловатые прически и, улыбаясь, обступили нас. Они просили нас отпустить их на луг, что рядом, набрать букеты луговых цветов. Конечно, мы им не препятствовали и считали, что цветы они идут собирать для своего общежития. Оказалось, что полячки собирали цветы для нас... Каждому из нас был вручен букет полевых цветов, они со слезами на глазах обнимали и целовали нас... Рассказывали о кошмарных днях немецкой оккупации, о грабеже немцев, о насилиях, о потерях близких...

Полковник Жаров дал указания поварам в обеих наших кухнях приготовить обед для беженцев, что и было сделано. И вот, изголодавшиеся люди едят свежий суп. Одна из полячек была похожа на нашу актрису Эмму Цесарскую. Мой адъютант лейтенант Дудин сидел подле нее и вздыхал, видимо, пораженный ее красотой.

Во время обеда раздался крик мужчины. Я поднялся на крик, подошел к хате, около нее стоял крестьянин. Он заговорил со мною на украинском языке:

– Коняга, коняга сбиг! – В стороне, метрах в двухстах, вороной жеребец «выбрасывал кренделя». Хозяин не мог поймать и обуздать жеребца, и сокрушался со слезами на глазах. Конь-то, видимо, был трофейный, и в руках мужика – бешеный капитал...

– А ну, чего стоите! Поймать жеребца и загнать во двор! – крикнул я своим ребятам. И человек тридцать помчалось на красавца-жеребца. Окружили, поймали, привели в конюшню *к старику, как к Вещему Олегу*. Хозяин был на седьмом небе. Его старушка, стоя на крыльчке и видя всю эту сцену, заговорила:

– Матка боска! Яки же смелы хлопцы! Мигом коня укоротили. Це же льщари!

– Так це же, Гапка, Червона Армия! Теперь, сдається мени, швидко от Гитлера останется тилько его собачье имя. Вишь яки хлопцы, уси из гвардии! – Через минуту мужик вынес из хаты огромную бутылку самогона. Но от его угощенья мы все отказались. Жаров велел адъютан-

ту налить стакан нашей водки и поднести старику. Старик смачно выпил, вытер усы, хлопнул о землю шапкой и заплакал. На душе у старика было что-то для нас непонятное, наверное, радостное... *Затем Жаров налил и старухе. Та, к нашему удивлению, тоже опрокинула стакан, чмокнула Жарова всенародно и утерла глаза. Жаров обомлел...*

В Люблине (расположенном неподалеку городе Холм) оказались большие склады с продовольствием и снаряжением. Наши интенданты подсчитывают. *Мой зам по хозяйству Рябенко привез шесть машин мяса, круп, сахара, масла. Однако, вскоре узнав об этом, Чуйков выставил охрану и продукты стали отгружаться в Москву. Но мы неделю кушали борщ.* Сейчас здесь формируется польское временное правительство.

Говорят, гитлеровцы уничтожили четвертую часть населения Польши, это шесть миллионов. Всю страну они покрыли тюрьмами и концлагерями. Оккупанты считали Польшу не страной, а «областью интересов Германии», а поляков вообще не считали за народ.

Немецкая оккупация научила поляков многому, теперь-то они знают, кто их друг, а кто – враг.

25 июля 1944

Продолжается наше наступление. Ныне, кажется, мы выбрались на твердую почву. В освобожденных фольварках выходят напуганные полячки: дрожащими руками подают воды. С вилами и лопатами они яростно бросаются на конвоируемых пленных.

– Ну, кажется, и этим колбасники насолили, – говорит мой шофер Тарасов.

27 июля 1944

Утром получили приказ, что полку предоставляется двое суток на регулировку и приведение в порядок матчасти и оружия.

Полк расположился в фольварке Фарлей, место живописное. Рядом – огромное озеро. Кругом – сосновый бор. Несколько четырехэтажных корпусов. Говорят, что до недавнего времени здесь был эсесовский курорт. В Польше вообще немало красивых мест, но много и таких, где ухнешь вместе с машиной, и аминь тебе – бездонные болота!

Все боевые экипажи собрались вместе, некоторые уже полмесяца не виделись друг с другом. Ребятки обнимаются, подпрыгивают от радости. А несколько человек уже выбыли из наших рядов в госпиталя или навсегда.

Выстроил полк. Поздравствовался. Зачитал список погибших, коих почтили минутой молчания. Зачитал приказ о награждениях. Затем объявил о ближайших задачах. Всем приказал сейчас же очистить и отрегулировать, а затем заправить боевые машины. Зам. по хозяйности – приготовить хороший обед. А после обеда – всем искупаться и сменить белье. Зам. по политчасти Фомичева отправил за наградами в штаб армии.

Вечереет. Сажу на траве около своей палатки. Любуюсь, как купаются в озере мои боевые товарищи. Они радуются, как школьники, этому короткому отдыху. Много ли человеку нужно, чтобы забыть все вчерашние опасности, трудности и невзгоды?.. Дорогие мои однополчане, а скольких из вас с наступлением грядущего дня не останется в живых?..

Замечтался я и слышу, как позади за палаткой фыркнула и остановилась легковушка. Поднялся навстречу. Выходит с адъютантом... Чуйков. Хотел доложить. Он перехватил мою руку:

– Ладно, пошли в палатку! – Вид у него был утомленный. Он спустил с себя до пояса комбинезон и упал лицом вниз на охапку свежей травы. С озера веяло прохладой и ароматом соснового бора. Мы уже хотели с адъютантом незаметно выйти из палатки, как командарм поднял голову и спросил:

– Может, есть перекусить чего хорошенького?

– Жареный карп и винегрет со свежими помидорами, товарищ командующий!

– Так чего же лучше?

В озере, кто только не знай, развел карпа, и мои хозяйственники давеча спроворили полмашины этой рыбки. Повара выменяли на консервы у поляков помидоров, молодой картошки, молодого лука, укропа и пр. Повар Дробнис до войны работал в одном из одесских ресторанов и сейчас постарался на славу.

– Эх, да так жрали только цари да короли раньше! – говорит командарм, – А рыбу как, глушили?

– Нет, танкисты маскировочными сетками наловили.

– Смотри! За браконьерство голову оторву! Мы – не немцы, чтобы глушить рыбу взрывчаткой или вырубать и ломать танками фруктовые сады, а особенно здесь, на территории наших союзников и дружеских народов. Эти люди ждали нас и видят в нас своих избавителей. Запомните это, и избавь бог, если на кого пожалуются они по части обиды!

Командарм отвернулся от тарелки и уснул. Он был утомлен до предела. Мы потихоньку вышли. Я махнул рукой своим хлопцам, чтобы они меньше горланили и отплыли подальше со своим купаньем.

Чуйков спал часа полтора. Освеженный сном, он выпил бокал крепкого чая, поблагодарил за обед и уехал.

28 июля 1944

Сидим около палатки с замом по политчасти Фомичевым, любуемся, как купаются в озере наши солдаты. Часа два назад около сорока человек получили ордена и медали. Ребята радуются. В это время в сопровождении часового пришел польский ксендз с жалобой на наших солдат.

За холмами, в километре от нас – польское село. Там – костел, чмина (волостное правление), вот оттуда и пришел с жалобой святой отец. Суть жалобы: два дня назад, именно солдаты моего якобы

полка уничтожили у него коллекцию. Коллекция его – в банках, залитых спиртом – трупки младенцев, от едва зачаточного и до девятимесячного. Об этой коллекции, якобы знали уже в Ватикане. Спирт выпили, а трупки выбросили... Мы переглядываемся с Фомичевым, и у нас глаза лезут на лбы... Берем машину, сажаем ксендза, едем на место происшествия.

Во дворе костела – несколько флигелей. Заходим в один из них – прохладная комната, разбитые банки, в углу – куча посиневших трупиков, от которых уже пахло тленом.

– Когда произошло это событие? – спрашиваю я.

– Двадцать шестого июля, – отвечает ксендз

– Солдаты были в форме пехоты, говорите?

– Да, с малиновыми и с полевыми погонами.

– Вы присутствовали при этом погроме?

– Нет, я по делам отсутствовал. То все было, пан, без меня.

– А кто присутствовал, позовите!

– Никто не присутствовал, погромщики всех тогда загнали в подвал, и наши вышли из подвала, когда погромщики удалились из костела.

– Так, пан ксендз, ваши претензии к нам совершенно необоснованны. Во-первых, вы говорите, что коллекцию вашу разрушили 26-го июля, а мы сюда прибыли 27-го июля, т. е. вчера. Во-вторых, вы говорите, что погром совершали пехотинцы, а мы – танкисты. В-третьих, это, скорее всего, смахивает на провокацию. Этими «вещами» занимаются краевцы, власовцы и бандеровцы, которые сейчас сплелись в один клубок в борьбе против нас и польского народа. Во время совершения таких провокаций они одеваются в нашу форму и запасаются книжками наших убитых и пленных солдат. Сейчас вся эта нечисть скопилась в польских лесах. Я попрошу наши соответствующие органы глубоко и тщательно расследовать это происшествие, а с выводами потом ознакомят и вас.

– Стоит ли, пан, еще расследовать? – говорит ксендз.

– Расследовать надо обязательно, – настаиваю я. – Ведь если даже снимется подозрение с личного состава моей части, то оно у вас останется к другой, какой-то пехотной части наших войск! За кого вы нас считаете? У нас в полевых войсках ежедневно выдается норма «Московской» водки, самой лучшей в мире. Дай, адъютант, фляжечку! – мы налили три полных стакана и вместе с ксендзом выпили. Ксендз было выпил половину, но Фомичев почти силой влил в него остальное. Ксендз что-то крикнул. Я думал, ему стало плохо. Но ошибся. Оказалось, что он крикнул послушнику, который принес на нам тарелке по огромной свежей помидорине.

– Ну, как русская водка?

– Борзо добже, пан!..

Ксендз вскоре ошалел. Он словно прирос к креслу. А мы попрощались и уехали. *Из окон смотрели на нас монашки...*

– Так опрометчиво в следующий раз поступать нельзя! – говорит по дороге мне мой комиссар Фомичев. – А вдруг нам приготовили какую ловушку? Ведь краевцы и бандеровцы на все способны!

– Да, это могло быть! – Об этом я даже не подумал. Я был переполнен возмущением. Да у кого примет душа пить спирт из его «коллекции»?

– *Делать не хрен этому ксендзу, вот он и коллекционирует абортированных детей. Они, может, дети-то все его, – говорит Фомичев. – Да не один алкоголик не станет пить, видя, что там труп. Ну и дела творятся! Меня чуть не сорвало при виде всего этого!*

Фольварк Г. Вечер. Приказано приостановиться, передохнуть. В палисаднике висит труп мужчины. Рядом уже догорают дома. Где-то голоса женщины.

29 июля 1944

Наши части преследуют потрепанные фашистские дивизии, с боями пробиваются на Запад. Снова пошли дожди, но они не могут

остановить нашего продвижения вперед. Мы с бригадой Жарова в полуднях подошли к реке Вепш. От сильных дождей Вепш вышла из берегов и бушует как в апреле. Отыскиваем брод и, рискуя, переправляю самоходки своим ходом. Переходим на быстром ходу. Собравшиеся поглазеть на нашу переправу поляки аплодируют нашей смелости и успеху.

На заходе солнца вышли на Вислу. Перед нами – широкая река с отлогими песчаными берегами – серьезная военная преграда. Влезаем со своей техникой в прибрежные тальниковые заросли, которые ниже роста человека. Располагаемся, маскируемся.

Итак, мы – на Висле. Дожди, туманы. Перед нами на противоположном берегу – столица Польши Варшава, где затаился враг. Чтобы форсировать такую большую водную преграду, необходимо произвести глубокую разведку и изготовить средства переправы не только для людей, но и для боевой техники.

1 августа 1944

Сегодня – тридцатая годовщина начала первой мировой войны 1914 года. Словно в ознаменование этого дня, наша артиллерия утром открыла мощный огонь через реку по позициям противника. В воздух поднялись десятки самолетов. Вскоре там завязались ожесточенные воздушные бои, а враг открыл по нам ответный артиллерийский огонь.

В ряде мест наши части начали было форсировать Вислу, но, понеся потери, отказались. Арт-огонь противника не прекращается второй час *и топят плоты и лодки наших смельчаков. Мимо нас плывут в Балтику трупы людей, разбитые лодки, плоты.* Затем враг перенес огонь на наш берег. Со мною рядом убит командир первой батареи лейтенант Кожевников, осколок попал ему в голову.

Кожевников – любимец всего полка, оптимист и весельчак, бесстрашный витязь. Хороним его тут же в щели. Это был

первый убитый из командиров батарей. Многие плачут о Кожевникове.

Уже вечер, артобстрел врага не прекращается. Видимо, враг сосредоточил здесь немалые силы, и борьба за Вислу затянется надолго. Враг понимает, что грозит ему, если мы переправимся через Вислу и возьмем Варшаву, а потому бросает все силы, чтобы удерживать здесь свои позиции.

Идет дождь. Все кругом в воде. Мы все мокрые. Дождь льет и льет. Артобстрел противника пошел в ночь. Жмемся к танкам. Щелей копать нельзя – кругом вода, которая тут же их заливает.

2 августа 1944

Вторые сутки, как только мы вышли на Вислу, идет взаимный артиллерийский обстрел. Вместе с этим, не смотря на дождливую погоду, с обеих сторон действует авиация. Один бог знает, сколько снарядов выпущено здесь с обеих сторон за двое суток.

К вечеру артобстрел со стороны противника прекратился. Меня вызвал лично Чуйков. Я побежал. Неподалеку – небольшая роща, примыкающая к самому берегу Вислы, большие штабеля обработанного строевого леса. Здесь, накрывшись от дождя плащ-палатками, стояли Чуйков, генерал Вайнруб и два незнакомых мне полковника. Я доложил. Чуйков *в упор сурово посмотрел в глаза, взял меня двумя пальцами за пуховицу грязного кителя*, отвел от группы начальников на три шага в сторону, указывая на противоположный берег, сказал:

– Видишь тот берег?

– Вижу.

– К рассвету, чтобы был со своим полком там. Ясно?

– Ясно. А как насчет средств переправы, товарищ командующий? – спросил я.

– У меня нет никаких средств переправы, – посуровев, ответил он. – Вон штабеля бревен, видишь? Делай плоты в три, в пять нака-

тов, чтобы плот выдержал самоходку. Проволоку для скрепления плотов возьмешь у саперов. Танкист должен быть находчивым!

Командарм со свитой уехал, а я некоторое время еще стоял как из-за угла мешком ошарашенный...

Собрал своих командиров батарей, штаб. Объясняю им поставленную задачу. Послал за проволокой к саперам, и началась работа.

В потемках вяжем пробный плот в четыре наката, на тросу загоняем на него самоходку. Плот погружается в воду. Стаскиваем самоходку обратно, настилаем еще накат. Снова загоняем танк. Выдерживает. Делаем пять плотов, чтобы сразу загрузить батарею. С первым рейсом отправляю своего заместителя майора Бадамшина. Жду с волнением весточки, засекаю время...

Над Вислой повис густой туман, моросит мелкий дождь. Противник молчит. Наша артиллерия не так активно, как днем, но продолжает обстрел. Прошло около двух часов. Слушаю. Окликают. Огребаясь длинными шестами, подчаливает плот. Сопровождающий сапер докладывает, что все благополучно. Самоходки, как было приказано, зарываются в дамбу, занимают оборону.

Я облегченно вздохнул. Начали грузить вторую батарею. Слушаю – рядом раскатывают бревна и разговаривают. Подошел. Это, оказалось, начинает переправляться штрафной батальон, приданный мне на помощь. Познакомился с командиром батальона, дал ему проволоки. Ребята здесь – все боевые, не хуже моих, но в батальоне всего – восемьдесят человек, это по штату – три взвода. «Ну что ж, воюют не числом, а умением, как учил дедушка Суворов», – думаю про себя.

С третьей батареей я отправился сам, а здесь начали вязать новые плоты, не дожидаясь возвращения действующих. Единственное, что я требовал от своих хлопцев – это соблюдать тишину и проворнее работать.

Саперы как лоцманы с большими шестами щупают дно. Они устали до изнеможения и валятся с ног. Я из жа-

лости дал им из своей фляжки по паре глотков водки. Думал подбодрить, а они оба свалились на плоту, заснули... И поплыл наш плот по лону вод к Балтике... Уже адел расцвет. Или враг засек нас, или открыл огонь для страховки – начал минометный обстрел. Мины рвались рядом, поднимая огромные фонтаны воды. Темнота, ночной туман скрывает нас. Усиленно бужу саперов. Горстями плещу в лицо водой, а они словно мертвые. Вдруг плот садится на мель. У самого берега одна из мин ударила в угол плота. Плот начал распадаться, самоходка накренилась и вот-вот свалится в воду. Подставили бревно, вытащили. Сапер был тяжело ранен осколком в плечо, и он закричал. Зажимаю ему рот, тащу под самоходку и загоняю туда остальных. Обстрел усилился. Сидим ждем, когда кончится обстрел. А черт его знает, когда он кончится! Ждали, может, с полчаса.

Обстрел прекратился. Враг, видимо, считал, что с нами все покончено. Шалишь, фашист! Мы пока целы, и лишь один из нас ранен. Раненому пришлось дать еще два глотка из фляжки. Ему стянули плечо, но кровь идет. Все спускаемся в воду. Вода – по горло. Стягиваем угол плота. Кое-как стянули. Немцы молчат. С трудом спихиваем плот с отмели, и нам теперь плыть против течения. Работаем шестами. Немцы снова открыли огонь, но мины рвутся в стороне.

Туман начинает рассеиваться, приближается расцвет. Мы по-бурлацки тянем свою тяжелую ношу к месту назначения. Но вот, шедший по берегу в качестве разведчика командир танка ст. лейтенант Авросимов шепчет, что обнаружил следы гусениц наших самоходов. Заводим машину, съезжаем на берег. Удивительно, что враг не стреляет. Вскоре подбежал солдат и повел нас к дамбе, где стояли врытые в землю наши самоходки. Вот они, родные мои!

К восходу солнца все «вгрызлись» в дамбу и вместе со штрафниками заняли круговую оборону у фольварка Скрудда... Через реку установили связь. Передал на к.п. армии, что переправились благополучно, без потерь, настроение бодрое.

– Не ликуй! Противник о вас еще не знает. Зарыться в землю и не спать! Подкрепление по возможности будет к вам прибывать, а также боеприпасы. В случае чего – стоять по-сталинградски! – говорил Чуйков.

Наспех произвели разведку. Перебазируемся в фольварк Багна.

3 августа 1944

С восходом солнца враг обнаружил нас. Проспали тевтонцы, и тут же с яростью бросились в атаку. Пошли танки с пехотой во взаимодействии с авиацией. До середины дня отбили четыре атаки. С нашего берега наблюдают этот ожесточенный бой, то и дело спрашивают, как у нас дела.

Впереди идут «Тигры» и «Пантеры», позади – легкие танки. Подпускаем на близкое расстояние, открываем меткий огонь. Хорошо, что мы запаслись на 70% подкалиберными снарядами, которые являются губительными даже для таких чудовищ, как «Тигры». «За Кожевникова!», «За Сталинград!» – слышу я перед каждым выстрелом от близрасположенных расчетов.

Налет нашей авиации и артиллерии на некоторое время заставил немцев замолчать, но вскоре враг снова возобновил свои атаки. Пошли до двадцати танков с пехотой, но нашим зарытым в землю самоходкам они ничего не могут сделать. Хотя это «ничего не могут» – понятие относительное...

К вечеру враг навалился значительными силами танков и минометным огнем на батарею Оленчикова. Оленчиков радирует:

– У меня остались одна самоходка и 15 снарядов!

– Как это случилось? Оленчиков – такой опытный и находчивый командир батареи, потерял четыре самоходных орудия?

– *Товарищ Первый! Последние снаряды расстреливаю из последней пушки. Знаю, что вы ничем мне сейчас помочь не можете! Прощайте!* – это были последние слова Оленчикова ко мне.

– *Держись, дорогой! Останешься жив – будешь героем и умрешь – будешь героем!* – ответил я ему в волнении. Второй командир батареи моего полка сложил свою голову в Польше. Перебежками, ползком добираюсь к нему. Но когда я до него добрался, последняя самоходка была подбита, и вместе с ней убит мой Оленчиков... *Люди стояли насмерть. Все мы тут на плацдарме стоим насмерть.*

Выясняю случившееся в соседней батарее: ошибка Оленчикова, которая привела к гибели всей батареи – его самоходки вышли из укрытия на танки врага. Враг воспользовался этим и с фланга начал уничтожать самоходки.

Вечером приползли ко мне два плачущих танкиста – это все, что осталось от батареи Оленчикова...

Обрадовало то, что к нам на подкрепление переправились танковый и пехотный полки и две противотанковые батареи *из гвардейских дивизий Вагина и Панкова*. Теперь нам сам черт не страшен. В 22 часа меня вызвал к себе в фольварк Уршулин командир нашего корпуса генерал Рыжов.

– Ну, жарко было сегодня? – спрашивает. – Кажется, тринадцать атак отбил? Но коль он сегодня нас не сбил, завтра тем более. Все наше соединение уже здесь. Правда, немцы подтягивают эсэсовскую дивизию «Герман Геринг» с тяжелыми танками «Тигры». Ничего, зарывая самоходки глубже. Теперь кроме вас, здесь противотанковый истребительный полк, и еще кое-что. На плацдарме уже нас достаточно, чтобы врагу дать по зубам.

Едва подскочил к своему к.п., как начался налет вражеских ночных бомбардировщиков. С полсотни «Юнкерсов», подвесив «фонари», начали сыпать на нас смертоносный груз. Колеблется земля, взлетают вверх бог знает какие предметы... Удивительно то, что мы понесли совсем ничтожные потери. Что значит зарыться в землю!

6 августа 1944

Фашисты ошеломлены нашим появлением на левом берегу Вислы и предпринимают все для того, чтобы ликвидировать наш плацдарм. Они предпринимают против нас несколько танковых атак в день во взаимодействии с авиацией. Бои идут ожесточенные. Опять впереди тяжелые танки из дивизии СС «Герман Геринг». Вот они приближаются... с орлами, змеями и собачьими головами на бортах. Фольварк Грабов-Пилица ныне переходил из рук в руки несколько раз.

Пять суток, как я со своим полком нахожусь на плацдарме за Вислой, где все эти пять суток идет ожесточенный бой. Враг предпринимает все меры, чтобы сбросить нас с плацдарма в Вислу и покончить с нами. Ежедневно мы отбиваем по нескольку атак. К ночи изматываемся, но за ночь снова пополнимся, передохнем, а с утра – снова в бой. Ночью нам через Вислу в любую погоду переправляют боеприпасы, горячее и продукты. Несмотря на все потуги врага, плацдарм создан и укрепляется с каждым днем.

Враг придумал новые бомбы – «чемоданы» с часовым механизмом. Брошенная с самолета, такая бомба взрывается на определенной высоте, из нее в разные стороны рассыпаются гранаты и мелкие мины и рвутся там и сям, как орехи на сковороде. Наши солдаты сразу же нашли средства защиты от этого коварного оружия – стали накрывать щели бревнами, землей – и все!

Сейчас в фольварк Осембрув, куда я только что прибыл в батарею Сысоева, на самоходке подвезли только что убитого командира этой батареи, ст. лейтенанта Сысоева. Это уже третий коман-

дир батареи, потерянный здесь, в битве за Вислу. В скудной польской земле хороним мы сейчас Сысоева. Многие плачут. Сысоев – из Новосибирска, до войны работал кинооператором. А вчера я вручал ему орден *Отечественной войны первой степени*...

9 августа 1944

Идет бой. Он уже идет со 2-го августа почти непрерывно днем и ночью. Мы отбиваем не только по нескольку атак танков и пехоты в день, враг еще стянул сюда большие силы авиации, которая бомбит нас и днем, и ночью. Враг не дает возможности даже похоронить убитых, переправить через реку раненых.

Перед вечером враг бросил на нас все: танки, пехоту, авиацию. Мы встретили колбасников достойно. Разгорелась жаркая схватка. Со связками гранат под «Тигры» бросились лейтенант Бажников и рядовой Хлюзин. Они погибли, но танки взорвали, и прорыв обороны мы залатали. Ежедневно враг теряет десятки своих танков, самолетов, сотни солдат, но лезет на наши позиции нагло и свирепо.

Десять самоходок, три командира батареи и несколько солдат и сержантов потерял я за неделю в этих жестоких боях.

11 августа 1944

Вторые сутки на плацдарме – относительное затишье, лишь вялая перестрелка с обеих сторон. Враг, видимо, зализывает свои раны, хоронит убитых, впрочем, как и мы. А скорее всего, подтягивает и перегруппировывает свои силы. Его хваленую танковую дивизию «Герман Геринг» мы за эту неделю расколошматили до основания. *Шестьдесят два немецких танка, сгоревшие и подбитые, стоят только против нашего участка обороны, а на всем плацдарме – целое танковое кладбище.*

Используя относительное затишье, к нам тоже прибыло несколько пехотных, бронетанковых и артиллерийских частей. Зна-

чительно усилилась и наша зенитная защита. *Из-за Вислы нас хорошо поддерживают «Катюши» и авиация. Теперь нас голыми руками не возьмешь!*

Кроме записи обычных дневниковых событий, которые невозможно охватить в деталях, необходимо вписать в свой дневник несколько бытовых эпизодов и сцен солдатской жизни.

В полку есть «петровского» роста наш почтальон Анпилогов, скромный, простоватый парень редкой силы, над которым часто подшучивают друзья. Дня три тому назад Анпилогов разнес по подразделениям почту и, утомленный полуденной жарой, улегся и уснул на теплом песке в мелких кустах около дороги, по которой почти непрерывно снуют хозяйственные машины. Как нарочно, в этом самом месте, где спал наш Анпилогов, повстречались две машины. И вот, разгруженный грузовик, уступая встречному, свернул с дороги в кустарник и промчался передним и задним скатом по животу Анпилогова, порядочно вдавив его в сухой песок. Анпилогов проснулся, поднялся, погрозил удаляющемуся водителю, выговаривая: «Ну, еще раз наехай, гад, я тебе покажу!» Эта история стала насмешкой в полку. Спустя три дня после случая с Анпиловым, я, увидев его, подозвал. Меня поразили его глаза, они были у него красные, как у кролика. Видимо, еще немного давления, и они у него могли бы вылететь из орбит.

Второй случай произошел двое суток назад. Для одного подразделения перед отправкой на позицию рано утром был приготовлен завтрак. Но когда лодка с посудой (где были котелки, ложки, миски и пр.) подплывала уже к левому берегу, три «Мессера» сбросили несколько бомб и потопили лодку с посудой. Завтрак солдатам выдавать было не во что... Выход нашел старшина Корнев. Он знал, что в ближайшем селе есть посудный магазин. Позвав с собой несколько солдат, Корнев прибыл в магазин, но... кроме ночных горшков, в магазине никакой другой посуды не оказалось. Старшина распорядился взять потребное количество горшков, и тем самым вовремя накормил своих людей.

К концу завтрака в расположение подразделения прибыл командарм Чуйков. Старшина Корнев доложил, в чем дело, и что людей накормили.

– Молодец, старшина! За находчивость объявляю благодарность! Извините, товарищи солдаты, ведь нам, военным, не всегда приходится кушать из фарфоровых тарелок в бою!

– Горшки все – чистые, товарищ командующий, из магазина, они в употреблении не были! – говорил польщенный старшина.

– Да вижу! И вижу также, что форма посуды на аппетит солдат не повлияла. Молодец, сибиряк! – сказал на прощание командарм.

Третий случай произошел тоже вчера. В Польше много полей засеивается лютиком (у нас его называют «мышиним горохом»). Лютик – высотой до пояса человеку, и растет очень густо. Метров через пять на поле – глубокие борозды для стока излишней влаги. Наши разведчики часто по этому лютику ползают за «языками» к немцам, иногда и они к нам жалуют. Поэтому эти борозды, да и все поле – под нашим наблюдением.

И вот, вчера в полуднях смотрим: с немецкой стороны по борозде бежит к нам заяц (зайцев в Польше очень много), а на шее у него что-то блестит. Ребята приложились – из автомата – хлоп этого зайца. У зайца на шее оказалась наша медаль «За отвагу». А немцы вдали выглядывают и хохочут, дескать, этой наградой у вас трусов награждают. И вот вам наше тевтонское остроумие.

В это время на передовой был старшина Корнев, о котором и о его истории с ночными горшками я говорил выше. Он никому ничего не сказал, ушел в то же село, где он «позаимствовал» горшки на завтрак. Нашел там бездомного бульдога, а из второго эшелона взял несколько немецких крестов (этих немецких наград мы захватили полмешка еще под Люблином). С дюжину этих крестов старшина повесил на шею бульдога, и распогонял его так, что тот только загремел и удрал к немцам. Вместе с крестами старшина прикрепил на ошейник записку «Герман Геринг».

Перед вечером немцы кричали из окопов: «Ай, рус, достойно ответил! Но зачем писать «Герман Геринг?»»

13 августа 1944

Жара, духота. Трупный тлетворный запах перемешался с пороховой гарью и пылью – дышать нечем. Около месяца идут бои, а убитые почти не убираются. Трупы – в воронках, оврагах, в противотанковом рву – не закопаны...

15 августа 1944

Вечер. Дождь с ветром. В фольварке Багна ужинаем в доме коллаборациониста. Фольварк пуст. Хозяин сбежал с немцами. Дорогая посуда вся перебита, окна выбиты, кожаные диваны, ковры порезаны ножами. Лошади, коровы, свиньи постреляны. Вздутые лежат по всему двору.

– Надо бы сказать тыловикам, чтобы зарыли всю эту пададь, – говорю Жарову.

– Не до этого им сейчас. Думаешь, у них делов мало? – говорит мне полковник. – Обеспечить нас тут на плацдарме всем необходимым через такую водную преграду, которую враг все время держит под огнем – это не шутка. Давай соснем немножко.

16 августа 1944

Сегодня ровно месяц, как мы ведем непрерывные бои, из них полмесяца уже здесь, на плацдарме.

С наступлением вечера – боевое затишье. Я с ординарцем пробрался к Висле, наскоро искупался впервые за много дней. Присел в прибрежных кустах.

18 августа 1944

Весь день проходит во взаимной артперестрелке. Плацдарм наш с каждым днем укрепляется. Теперь мы здесь – сила, и в любой

момент готовы дать по зубам ненавистному врагу. Вечером к нам в фольварк Багна пришел один польский коммерсант. Он битый час упрашивал нас переправить его на правый берег, чтобы среди наших воинов реализовать свою продукцию. У него, видите ли, изготовлено два центнера баранок, с центнер конфет, и пр. Нам он обещает за это «вознаграждение».

– Вот что, пан, иди-ка ты со своим «вознаграждением» к ... Мы жизни отдали, чтобы фашистов выбить из вашей Польши, а вы думаете лишь о своих корыстных интересах! – Говорит ему мой начштаба Куприянов. Недовольный коммерсант удалился.

20 августа 1944

На рассвете фашисты начали яростные атаки на наш передний край. Десятки «Тигров» с пехотой при активном взаимодействии с авиацией, заправленные изрядно шнапсом, лезут неистово. Есть сведения, что в числе атакующих много власовцев и бандеровцев.

К середине дня ценою огромных потерь врагу удалось в одном месте прорвать нашу оборону и захватить крупный населенный пункт Гловачов. Тут штаб предупредил нас, чтобы мы были готовы к отражению химической атаки... «Да, петрушка складывается неважнецкая!» – говорит Жаров.

Жара, духота. На плацдарме тлетворный запах бензина, пороха, пыли, трупов. Земля вся изрыта воронками от мин, снарядов, авиабомб и пропитана кровью. При малейшем затишье обстрела рой зеленых мух напоминает об огромном кладбище или скотомогильнике.

Незадолго до вечера мы перешли в контратаку. Через час положение восстановили, вышли на прежний рубеж. Группировка фашистов в Гловачове (с батальон пехоты и десятка два танков) оказались в окружении. Вскоре фашисты заметались, как в мышеловке. Сначала эта шатия рванула на Запад, к своим, но, потеряв несколько солдат и танков, повернула на юг, получив также дос-

тойный отпор. Здесь фрицы бросились к роще на север, где их в упор встретили пулеметы и «Катюши». Фашисты до самой ночи метались, как на футбольном поле. Их осталось в конце концов взвода два, когда одни начали стреляться (это были эсесовцы, бандеровцы), другие сдаваться в плен. В общей сложности в этой битве немцы потеряли не менее полка. Мы тоже понесли потери, но по сравнению с противником, они были ничтожными, так как мы были в обороне.

К вечеру нас предупредили, что противник, возможно, применит химические средства войны. Еще новость! Отыскиваем свои противогазы, плащ-накидки, будь они прокляты! Хочешь – не хочешь, а враг способен на все.

Наступила ночь. Душная летняя ночь. Приводим себя в готовность. Организуем разведку.

23 августа 1944

Стоит тишина. Сегодня – мой день рождения. В части узнали об этом. За Вислой во втором эшелоне испекли пирог и перед вечером доставили его на плацдарм. Об этом позаботились, как я потом узнал, замполит. Фомичев и зам. по хозяйству Рябенко.

Перед вечером мы, человек двадцать, уселись под раскидистой сосной на разостланную попону. В центре – именинный пирог с надписью на верхней корке «Нашему командиру – 35!» Откупорили пять бутылок водки, разлили по стаканам. И вот – бух, с небольшим перелетом снаряд. «Всем в щели, живо!» – скомандовал начштаба Куприянов. Бросили все, затаились в щели. Еще было сделано шесть выстрелов, но невпопад. Однако, «стол» наш был изрядно засыпан комьями земли, пропал пирог, пролилась водка... *Раненым оказался сержант Песков, но легко. Обед не возобновился.*

Тут подошел полковник Жаров. Он отозвал меня в сторонку, сказал:

– Уже третий день вот этот «беспокоящий огонь» ведет «Берта», кочевая крупнокалиберная пушка. Давай-ка пошлем ночью диверсионную группу с целью обнаружить и взорвать ее.

Через некоторое время восемь молодцов, вооруженных ножами, автоматами и противотанковыми гранатами, ушли на боевое задание. Всю ночь мы не спали, прислушиваясь, но не было слышно ни звука. И вот, на рассвете – несколько глухих взрывов.

С рассветом ребята вернулись все. Лишь один был ранен в руку. «Берта» была уничтожена. Ребята были представлены к наградам.

24 августа 1944

Весь день проходит в артоперестрелке. Вечером в фольварке Гжибув в часы затишья собралось несколько поляков и полячек, рассказывают разные истории о днях немецкой оккупации. Неподалеку – противотанковый ров, сооруженный немцами еще до нашего прибытия. В этот ров все время стаскивают убитых, чуть присыпав землей. Здесь – и наши, и немцы. Немцев значительно больше, потому что именно они все время лезли на нас, и здесь их положили тысячи.

Я суток двое ни крохи не спал, и под рассказы поляков крепко заснул на траве около танка. Из противотанкового рва, когда шелестел на нас ветерок, доносился зловонный запах, но куда ж деваться? Факт тот, что я крепко заснул.

Уже наступила ночь, и было темно. Кричали: «Воздух!» В небе появилась большая группа ночных бомбардировщиков врага, над всем плацдармом враг подвесил осветительные ракеты, а я сплю себе. Когда уже завывли бомбы, адъютант Дудин схватил меня в охапку и вместе со мною загремел в противотанковый ров. На дне рва мы разлетелись в разные стороны, и тут я окончательно проснулся. Мы приземлились на вздувшиеся трупы немцев (*своих мы хоронили каждый вечер, а многих отправляли хоронить за Вислу*). И вот, надо же, падаю на живот немецкому полковнику. В часы затишья наши солдаты говорили, что не

раз забрасывали землей этого полковника, а через некоторое время его вздувшийся живот снова просвечивался. Не принимает его Земля-матушка – видно, много нашкодил. Живот полковника лопнул как бычий пузырь. Я по колено оказался в зловонной жиже. Дышать было нечем. Я поднял вверх лицо, силясь вдохнуть свежего воздуха – а его нет. Слышу, неподалеку от меня адъютант зовет в нишу: «Да идите же скорее сюда!» Он хватает меня за руку, мы с ним впритирку стоим в нише, а бомбы сыпятся сериями. Несколько из них попадает в ров неподалеку, и зловонный запах усиливается до невероятной концентрации. Нас обоих начало рвать, но бомбардировка не прекращается, и покидать ров нельзя...

Сколько минут это продолжалось – не знаю, но они показались вечностью. Наконец-то стервятники удалились. Эти ночные бомбардировки я ненавижу больше всего...

Танк наш оказался целым, наполовину был засыпан землей. Домик поляков со всеми его обитателями исчез – в него в него попала авиабомба и разнесла его вдребезги. Сбрасываем с себя зловонные комбинезоны. Никак не отдышаться! Хотя зловонье еще цепко держится в атмосфере, но концентрация уже не такая.

25 августа 1944

Фольварк Гжибув. Вечер. Боевое затишье. Из соседнего фольварка пожаловал степенный пан с четырьмя чопорными девицами. Пан без церемоний представляет нам своих панночек. Они все усаживаются на разостланную попону.

Пан затевает разговор о жизни в немецкой оккупации и тут же переходит к будущему Польши. Он ратует за установление демократического режима в Польше после войны. Пытает, будут ли создаваться колхозы в Польше.

– Польша будет, как и прежде, суверенным государством, дружественным по отношению к СССР, – говорит полковник Жаров. – И

это – дело польского народа, какие внутренние порядки он установит. Сейчас главная задача – изгнать и разбить фашизм. Эта война, видимо, многому научила польский народ. Вас двадцать лет пугали большевистской опасностью, а опасность, которая растоптала Польшу, как видите, пришла к вам с Запада. А мы вот сейчас своей кровью помогаем вам изгнать врага и восстановить Польшу. Так ведь, пан?

– Да, так, пан, я же разумию, – говорит хитрый пан, – вот прогоните германа, наше правительство приедет из Лондона, и все будет хорошо...

Мы переглядываемся с Жаровым, молчим. Пауза. Мы поняли, что из себя представляет пан.

В Польше сейчас идет скрытая ожесточенная борьба между разными политическими партиями, которая, по всей вероятности, еще больше обострится после войны.

Пока мы беседовали с паном, наши разведчики привели «лесника», у которого оказалась рация. Это был ни кто иной, как фашистский коррективщик. «Лесник» настойчиво доказывает, что рацию оставили при бегстве немцы, и только.

– А почему вы до сих пор не доложили нам, что у вас немцы оставили рацию? – спрашиваю я.

– Та все время идет бой, и я не мог даже головы высунуть из подвала...

Беседу с паном закончили, у нас начинался ужин. Пан со своими паночками откланялся, нехотя удалился. Коррективщика отправили в вышестоящий штаб.

26 августа 1944

Каждый день отбиваем по несколько атак врага. Плацдарм покрыт воронками от снарядов и авиабомб, а в воронках – незасыпанные трупы убитых. У меня в полку осталась половина людей и боевых машин, хотя уже раза четыре получили здесь пополнение.

28 августа 1944

Уже несколько дней, как на плацдарме установилось такое положение: немцы утром начинают свои атаки, мы их отбиваем, к вечеру устанавливается затишье, и позиции остаются прежними.

Сейчас вечер. В часы затишья вечером у моего танка всегда собираются офицеры, солдаты, а также ближайшие жители с недоуменными вопросами, с претензиями или просто из любопытства. Молодые солдаты и офицеры, которым тоже надоела война, в такую пору сейчас проводили бы время в клубах, в хороводах на улице или на рыбалке. А сейчас вся отрада у них – в свободный час собраться, поострить, как-то отдохнуть. Я – тоже молодой, мне хочется быть с ними. Я люблю эти солдатские сборища на коротке, как мы их называем, «швейковские собрания», но я – командир полка, на мне – высокая ответственность и забота. Поэтому я – неподалеку, вроде дремлю и не мешаю своим витязям отдохнуть, отвести душу после жестоких боев. Со сколькими из них я расстался навсегда? Сколько их искалеченных отправлено в госпиталь? Сколько ободряющих и смягчающих писем отправил я их матерям, женам, невестам?.. А кто знает, сколько будет их в живых с восходом солнца?

Я люблю их всех до боли сердечной, как братьев. И когда приходится по праву и долгу службы отчитывать кого-нибудь из них за какой-либо проступок, я, вместо выговора, едва удерживаюсь от того, чтобы не прижать его к своей груди, обнять по-отцовски...

И вот, лежу я и слушаю. Солдаты, понизив голос, ведут разговор. Возможно, они считают, что я наматался за день и сплю:

«Недавно в один полк прибыл новый комполка вместо убитого. Новый комполка привез с собой адъютанта, ординарца и ... п.п.ж. Новый командир тут же отстранил старого шофера командирской машины и поставил своего, привезенного. Старому шоферу стало обидно, и он вознегодовал. Прежде, чем сдать машину в следующее

утро, он вечером открыл в «Виллисе» коробку скоростей, оправился туда по «большой нужде» и снова закрыл коробку честь по чести. Утром майор, командир полка, со своей п.п.ж. (полевая походная жена), со своим шофером отправился купаться. Полк-то стоял на формировании в тылу. Проехав километр-два, «адъютантша» зафыркала, зачихала и потребовала остановить машину.

– У тебя, Ефремов, что, желудок не в порядке? Я не могу! Черт знает, какой запах в машине!

– Да, и до меня доносится, – подтверждает командир. «Адъютантша» демонстративно пошла к реке купаться пешком, за нею нехотя плелся и майор. Искупались. Едут обратно. Запах в машине ужасный.

– Сегодня же убери этого вонючего черта и поставь старого шофера! – выпалила «адъютантша» майору, – он еще в том полку слыл неряхой и грязнулей. Вечно у него в животе урчит! – На утро майор отдал приказ старому шоферу принять машину. Тот очистил коробку скоростей, наложил свежего солидола, и дело снова пошло. Несколько дней майор со своей «адъютантшей» ездили нормально. Однако отстраненный шофер был уязвлен, а с «адъютантшей» он был сближен не менее, чем майор. Он снова уговорил, чтобы его взяли в личные шоферы командира полка. И вот командир полка снова отдает приказ передать машину Ефремову. А старый шофер, прежде чем передать машину, опять проделывает ту же процедуру. И опять п.п.ж. затошнило до рвоты. И опять Ефремова майор снял, на этот раз окончательно. Выяснилось это, когда раненого шофера Вилкова отправляли в госпиталь. На этот раз шофер Ефремов был утвержден в своей должности железно».

4 сентября 1944

За пять недель почти непрерывных боев на плацдарме у меня в полку осталось пять боевых машин, а личного состава – меньше третьей части. Хотя полк и пополнялся живой силой, но все это было «полумерами» на ходу.

Сейчас получил приказ: отвести полк во второй эшелон, боевые машины передать соседнему полку, который прибыл на плацдарм недавно.

Едва я мало-мальски привел себя в порядок, в часть прибыл член Военсовета 8-й армии генерал Пронин. Скромный, всеми уважаемый генерал. Он вручил полку *Гвардейское Знамя и награды личному составу. Мне был вручен орден Боевого Красного знамени*. Ночью, едва мы проводили генерала Пронина, как я получил новый приказ: полку переехать за Вислу во второй эшелон армии в фольварк Вельчинек на переформирование.

6 сентября 1944

Фольварк Вельчинек. Людей помыл в бане, накормил, они отдыхают. Без боевых машин как-то легко, и в то же время чувствуешь себя осиротевшим...

Жду пополнения и боевые машины. Позади около двух месяцев ожесточенных боев, десятки убитых и раненых товарищей. Ночь. Бессонница. Трубку не выпускаю изо рта.

10 сентября 1944

Ездил в расположение штаба Б.Т. армии. Генерал Вайнруб вручил мне орден Красного знамени, а так же передал двадцать орденов для вручения моим солдатам и офицерам.

Мне в штабе армии обещали на днях вручить новые боевые машины, которые должны прибыть из России. Вот хорошо бы! А то надоело воевать на латаных танках и самоходках, вышедших из ремонта с фронтовых и армейских рембаз.

12 сентября 1944

Утром, как снег на голову, в расположение полка начали прибывать с ближайших рембаз самоходки... Я с зам. по технической части капитаном Васильевым вышел узнать, в чем дело. Мне суют приказ ко-

мандующего бронетанковыми войсками 1-го Белорусского фронта генерала Орла, что полку надлежит укомплектоваться самоходками с рембаз. У меня такого приказа еще нет, и мне обещали дать те самоходки, которые ожидаются из России...

Пока я вел этот разговор с рембазниками, мой вестовой Семенов вручает доставленный им такой же приказ... Весь личный состав недоволен. Но приказ есть приказ, и его надо выполнять...

– Вот что, – говорю своему зам. по техчасти, – приступай к приему. Но каждую машину проверяй тщательно. Нам на них воевать, а ремонтникам лишь бы с рук сдать. Отбирай самые лучшие машины!

И закрутилась машинка: споры, ругань. Нам надлежит принять 20 машин, а их нагнали с полсотни.

13 сентября 1944

А я пока с остатками своего полка в польской деревне Вельчинек жду пополнения, думаю над минувшими боями, над всеми проколами и ошибками, которые не нужно допускать в будущих боях.

За время боев на плацдарме я потерял 28 человек убитыми, в том числе троих командиров батарей: Кожевникова, Сысоева, Оленчикова... Уничтожили танки врага и сколько фрицев – неизвестно. Враг ... уже надломлен безвозвратно.

15 сентября 1944

Положенное количество боевых машин принято. Завозим горючее, боеприпасы, продовольствие, а личный состав прибывает медленно. Но ожидать всех не приходится. Организую ежедневные учения: сколачиваю экипажи, провожу боевые стрельбы и пр. В каждый экипаж стараюсь всунуть хотя бы одного ветерана полка.

16 сентября 1944

Мои солдатики где-то взяли дневник немецкого солдата, который как участник описывает бои в Сталинграде. Читаю: «непрерывная канонада русской артиллерии, спасу нет, это – ад крошеиный. Я вошел сейчас с другими саперами в подвал, под нами – тридцать тонн взрывчатки – ну как на курорте!»

19 сентября 1944

Полковник О. из в торого эшелона фронта прислал своего адъютанта. Отозвав меня в сторну, адъютант изрек:

– К нашему начальнику из Москвы приехала жена с дочкой. Так вы бы нашли им пару золотых часиков.

Отвечаю:

– Я 58 суток со своим полком истекаю кровью на плацдарме, где потерял около 30 человек воинов. Какие же могли быть у нас трофеи?

Майор хлопнул с апломбом дверцу своей автомашины, чуть не прицемив свой гр... и умчался восвояси. Теперь хорошего не ожидай... Ну и черт с ними!

20 сентября 1944

После боевой стрельбы около станции Катунь я с группой офицеров пошел в домик лесника. Пошли, чтобы обогреться (день был пасмурный, холодный), и потому, что лесник приходил с жалобой во время стрельбы, что-де снаряды якобы ложатся неподалеку от его домика, и что он очень опасается, кабы мы случайно не вмазали в его дом.

Пока шли, установили, что лесник тревожится напрасно, так как снаряды ложатся от его дома более чем за километр.

Мы зашли в небольшой бревенчатый дом. Начали вести разговор о стрельбе, что никакой опасности наша стрельба для него

не представляет, и что вопрос данных стрельб согласован с польскими властями. Ведем мы этот разговор, а в это время в сенцах мои хлопцы вдруг зашумели, затопали, и хозяин заспешил на шум. Вскоре он вернулся хмурый, молчаливый. Я подумал, что солдаты чего-то созоровали. Спрашиваю вошедшего адъютанта:

– В чем дело?

– Да ужа наши ребята убили, думали – змея, а хозяин очень огорчился.

Хозяин – вдовец, и живет вдвоем с шестилетней дочкой. Наконец, хозяин заговорил и рассказал, что уж жил в доме несколько лет. Он его кормил козьем молоком. Уж не пускал в дом ни одну змею, которых в этом месте, якобы, очень много. Всякий раз, когда он уходил в лес, не боялся оставлять девочку одну, теперь с потерей ужа он будет вынужден брать ее в лес собой.

– Многие наши солдаты, пан, никогда в жизни не видели змею и не могут отличить ужа от змеи. Так что, сделано это было без умысла, – говорю поляку.

Мы ему дали пару буханок хлеба, пару банок тушенки и кус шпика. Пан сменил свой гнев на милость, и мы ушли. На базу у него – три дикие козы-серны, большие, пойманы еще малышами, а теперь выросли и привыкли к человеку. Ну да бог с ним!

24 сентября 1944

Ежедневно проводим полевые и штабные ученья. Полк еще не доукомплектован личным составом. Но приказ отправки на фронт может поступить в любой час. Старые ветераны полка передают опыт вновь прибывающим солдатам, а прибывающие – или молодежь, или выздоравливающие из госпиталей.

27 сентября 1944

За два часа до захода солнца доставили приказ Упр. бронетанковых войск 1-го Белорусского фронта: полку в течение ночи со-

вершить стотридцатикилометровый марш на север вдоль Вислы, где сдать боевые экипажи с самоходками 5-му Донскому танковому корпусу, а со штабом вернуться снова сюда в Вельчинск и заниматься опять формированием. «Похоже, что из нас делают учебный полк, как когда-то в Павлограде», – говорит мне начштаба Куприянов.

Люди пока знают только о марше, а о том, что завтра они будут переданы соседнему 2-му Белорусскому фронту – не знают. Им, особенно ветеранам полка, больнее всего расставаться со своим полком, со своими товарищами и командирами, с которыми они сроднились в боях. А мне – еще больнее. Сколочены, обучены экипажи, привыкшие друг к другу...

В 20.00 полк двинулся в указанное место.

29 сентября 1944

Сегодня в моей службе и службе всего личного состава полка – две сногшибательные новости:

1) Как только я прибыл на новое место с начальником штаба (а ведут зам. по техничасти Васильев и зам. по строевой майор Пугачев), отыскал командный пункт 5-го танкового корпуса, доложил, что полк – на подходе, кто и где будет принимать боевые экипажи? Выслушав меня, полковник В., начштаба корпуса, подает мне новый приказ от того же начальства: полк вливается в состав 5-го танкового корпуса как составная часть с полным подчинением.

– Да, но я оставил на месте все свои хозяйственные подразделения, там горючее, боеприпасы и продовольствие! Ведь согласно полученному мною приказу на старом месте, я должен был вам сдать только боевые машины с экипажами, а самому со штабом вернуться снова в Вельчинск.

– Совершенно верно, – говорит полковник, – но ведь вы – человек военный, и устав знаете, что выполняется последний приказ? Сейчас посылайте своего интенданта, чтобы он переводил на

нас все свои аттестаты, а пока мы возьмем тебя на все виды до-вольствия...

2) Подошли боевые машины. Зампотех Васильев мне докладывает:

– На марше вышли из строя восемь самоходок! – Я пересчитываю – боевые машины все налицо.

– Дело в том, – поясняет зампотех, – те восемь машин я взял без актов, по настоянию офицера связи фронта майора Карповича. Он сказал, что оформите после, а на фронте самоходки лишними не будут, а 5-й корпус здорово потрепан в последних боях. Вот они-то и вышли из строя, товарищ подполковник! Дурак я, без приказа и без проверки, без актов взял эти машины...

– Да, отвечать нам за это придется! Найди здесь кого-нибудь из представителей фронта, составь акт, и чтобы этот представитель подписал. Мне сейчас некогда, я уже получил приказ, ночью переправляюсь с полком на Наревский плацдарм и вступаю в бой, – сказал я огорченному зампотеху. Парень он – хороший, добросовестный, ленинградец, а вот глупость допустил, послушал этого Карповича...

О Карповиче. Он – офицер связи фронта, майор. В начале войны полковник Карпович командовал арtpолком. В одном месте полк попал в тяжелое положение. Карпович бросил полк и всю матчасть, струсил и растерялся. Его не расстреляли, а снизили с полковника до майора, без права занимать командную должность. Вероятно, были в верхах друзья, которые спасли «товарища» от расстрела. Вот с тех пор майор Карпович подвизается офицером связи фронта.

1 октября 1944

Позавчера я со своими орлами ночью перебрался на Наревский плацдарм, занял указанную позицию, приказал зарыть самоходки в землю, установил связь с кем нужно. *Полк вошел в 65-ю*

армию генерала Батова. Наревский плацдарм шесть на шесть километров, заросший лесом, изрезанный глубокими оврагами, за последние два месяца стал ареной ожесточенных боев. Десятки сожженных танков, наших, а больше – вражеских, сотни трупов людей, сотни поломанных и вывороченных с корнем деревьев украшают сейчас этот клочок земли, рисуя зловещий апофеоз войны. Вчера отбили три атаки немцев, не понеся никаких потерь. Пехотинцы довольны.

Ныне на плацдарме – мелкий обложной дождь, туман. Противник не атакует, но ведет интенсивный огонь из орудий и минометов.

Плацдарм изобилует оврагами, зарос старым лесом с буреломом. Мой новый «напарник» – командир пехотной бригады полковник Сомов – пожилой, опытный воин. Знакомит меня с историей 5-го Донского танкового корпуса. За последнюю декаду корпус потерпел очень серьезное поражение, потерял много танков, так как вел бой с эсесовской танковой дивизией «Викинг», оснащенной тяжелыми танками «Тигры» и «Пантеры». Да и командование наше кое-в чем повинно... *Теперь полковник Сомов со своей потрепанной мотострелковой бригадой и я со своими семнадцатью самоходками должны отстоять плацдарм. Шутка сказать!*

– Вон, я гляжу, ты, как прибыл на плацдарм, свои коробочки сразу зарыл, а я у своих не видел, чтобы они зарывали свои танки в землю. Ленятся, что ли?

6 октября 1944

Нудный обложной дождь, туман. Вокруг не только земля, но и вся окружающая атмосфера насыщена водой. Мы все – мокрые, в сапогах хлопает, за шиворот капает.

Противник ведет огонь день и ночь, т.н. «беспокоящий огонь». Кое-где делает небольшую вылазку, получит от нас по зубам, и снова назад. Так и продолжается.

Мне нужно было добраться до своего второго эшелона. Я больше недели в нем не был. Он стоит неподалеку, за Наревом. Пошел пешком. Туман стал рассеиваться. Я пробыл за рекой несколько минут. Сменил белье и возвращаюсь с ординарцем обратно. Подхожу к мосту. Из кустов меня окликнули. Гляжу – небольшая группа офицеров. Я насторожился, подхожу. Обомлел. Это был Рокоссовский с группой офицеров. Он был в красном кожаном пальто, в руках развернута планшетка, на груди висел бинокль. Я докладываю, кто такой, куда иду. Он спрашивает, как дела, как ведет себя противник. Затем отпустил. Я отошел метров двадцать, как с того места, где стоял командующий фронтом, выскочило два «Виллиса» и умчалось в ту сторону, откуда я шел.

9 октября 1944

Уже двое суток, как рассеялся туман, прекратился дождь, и враг начал свои атаки. Впереди он пускает тяжелые танки «Тигры», «Пантеры»; за ними – обыкновенные с пехотой. Мы запаслись подкалиберными снарядами в достаточном количестве, и они хорошо себя оправдывают, даже против всяких тяжелых танков врага.

К вечеру снова сгустились тучи, и пошел дождь, нудный польский дождь.

12 октября 1944

Нудный дождь и всюду вода. Враг ведет «беспокоящий огонь». Машины наполовину залиты водой, а из ям их вытаскивать нельзя. Солдаты время от времени ведрами отливают воду из ям, а она, как в родник, прибывает снова. Сколько дней мы уже до нитки мокрые и сушимся только в машинах. Пальцы на руках и ногах от мокроты рябые и ребристые.

Вечером комбриг Сомов собрал совещание. Наставили в два наката бревен, соорудили что-то вроде сцены для самодеятельности, на них мы и расселись, и началось совещание. Сами сидим на

бревнах, а ноги – в воде. Офицеры острят, дескать, мы сейчас как на рыбалке. Сомов, заметив это, вспыхнул:

– Я что же, пойду совещаться с вами на гору Арарат? – Смеюсь.

Сомов ставит нам задачу: рано утром наступать. Прорвать оборону противника, занять два городка – Сероцк и Зегже. Ночью к нам на усиление прибывают танковый и пехотный полки. Расходимся, готовимся к предстоящему бою. Чавкает и хлопает под ногами вода. Темно. Идет нудный польский дождь. Что день грядущий нам готовит?

13 октября 1944

Наше наступление по расширению Наревского плацдарма кончилось неудачно. Противник имеет здесь большие силы, сидит прочно, он легко и быстро отбил нашу атаку. Мы потеряли шесть танков в соседнем полку, несколько человек пехоты, и вернулись на старые позиции. Только еще больше испачкались.

– Может, это была просто разведка боем? – спрашиваю я вечером полковника Сомова.

– Может и разведка! – отвечает он – Нам начальство приказывает, и наше дело – выполнять. – Старик устал, хочет вздремнуть.

14 октября 1944

Ныне опять наступали на Сероцк и Зегже, и опять неудачно. Что можно сделать в такую непролазную грязь? Человек ноги не выгащит, а машины прямо тонут. А дождь льет и льет. Опять вернулись с потерями на прежнее место. Распечатали консервы. Обедали с Сомовым у меня в танке. Полковник нехотя пережевывает пищу, молчит. Он тоже весь мокрый и грязный, как и я.

16 октября 1944

Все подготавливается к контратаке, хотя дожди по-прежнему льют почти непрерывные.

Вечером, когда мы с Сомовым возвращались с к.п. армии на плацдарм, у моста нас со слезами встретили польские дети и просили дать им солдат найти их корову. Корова во время обстрела немецкой артиллерии сорвалась с привязи и убежала в лес. Девочке – 14, а мальчику – 11 лет. Сомов выделил пять человек. Часа через три солдаты доложили, что корову нашли.

17 октября 1944

Утром опять началось наше наступление. Снова по этому же участку. Дождь идет какой уже день. Да вообще он прекращался когда-либо? Кругом – сплошные болота. Весь лес – в воде. В овраг или воронку попадешь – не скоро выползешь, ну а если машина ухнет в такую ловушку – амба!

С обеих сторон идет ожесточенный артобстрел, только брызги летят. За огненным валом нашей артиллерии мы медленно продвигаемся.

К 12 часам немцев сбили с их насиженных позиций, наконец-то! Овладели небольшими городами Сероцком и Зегже. Мимо ведут партии пленных. Среди пленных много власовцев. Последних Гитлер бросает сейчас в самое пекло против нас. У наших солдат на власовцев кипит неукротимая злоба: если где не доглядишь – солдаты готовы растерзать их на месте.

В городке Цепелин фашисты стянули большую группировку и дали нам яростный отпор. Дважды мы бросались на Цепелин и оба раза откатывались назад.

Бой пошел в ночь. С одним пехотным подразделением мы с Сомовым пробираемся в поисках местечка, где можно временно обосновать командный пункт. Вроде отклонились от маршрута. Мы вдвоем несколько метров подались в сторону. Перекресток дорог. Сомов осветил фонариком. Крест. На кресте с печальным взором, с открытым сердцем польская «матка боска». Пока мы ориентирова-

лись, пехотинцы Сомова исчезли, и мы остались вдвоем. Кричать, кликать ночью нельзя – позиции врага рядом. Хлюпаем по болотам, шарим в темноте по кустам, вокруг – ни души. Артстрельба с обеих сторон затихла. Мы сделаем несколько шагов в ту или другую сторону, и опять выходим на «матку боску». Прямо какое-то наваждение! Остановились. Прислушались. Приглушенные голоса. Идем на звук. Земляночка на бугорочке. Русская речь. Заходим. Наши!

– Вы что же, озорники, отогреваетесь, обсушиваетесь, а о командирах своих и не подумаете? – упрекает Сомов.

– Да мы вас шукали целый час, товарищ полковник, – говорит его адъютант, – и не нашли. Зараз еще собирались видти, – оправдывается он украинским говорком. Как выясняется, искали они нас совсем в другой стороне.

Хотя в землянке по колено воды, но зато сделаны нары, на них мы и располагаемся. Не ужиная, повалились спать.

18 октября 1944

Утро. Наше наступление возобновилось артподготовкой и танковой атакой. Увязая в грязи, мы продвигаемся вперед. Обтекаем Цепелин справа и слева, откуда огрызается противник. Идут группами пленные – грязные, обросшие, но упитанные. Польщу еще не всю сожрали. Дождь вроде утихает.

19 октября 1944

Сегодня к середине дня мы свою боевую задачу выполнили – вышли на намеченный рубеж. Окруженная вражеская группировка в Цепелине заметалась из стороны в сторону под обстрелом наших орудий, минометов и пулеметов. Все поле боя усеяно трупами. А они, как бараны, на базу гибнут, но не складывают оружия.

Вскоре из-за переднего края враг открыл яростный огонь из шестиствольных минометов. В воздух взвилась наша кухня с горячим борщом.

– Вот паразит, что учудил, – сокрушается наш повар Щербаков, – опять вам, братва, весь день на консервах сидеть!

Враг пытался контратаковать нас, чтобы выволить свою Цепелинскую группировку, но прорваться ему не удалось, и к вечеру с окруженной группировкой было покончено. Мы заняли Цепелин.

21 октября 1944

Двое суток фашисты вели огонь из орудий и шестиствольных минометов, пытаясь вернуть утраченные позиции. Ныне перед вечером замолчали.

Разведчики привели в блиндаж пленного, «сверхтотальника», немченка лет шестнадцати. Штаны не по росту отвисли на нем до колен, и за пять метров от него исходит «веселый дух». Немченка на смерть перепуган, как попугайчик, кричит одно и то же:

– Гитлер капут! Гитлер капут!

– Вот еще приволокли, – ворчит Сомов, – уберите его из землянки, там и допрашивайте этого попугайчика!

Вечером переходим на новый к. п. Обогнавший нас «Студебеккер», груженный снарядами, взорвался на mine и разлетелся в воздухе. Оказалось, что мы на минном поле... Вернулись обратно, вызываем саперов. Ясно, что фашисты зацепились за позиции, заранее подготовленные и обложенные минными полями. Как паук откладывает ядовитые яйца, так и враг делает это при отступлении. Звери! Людоеды! Разбойники!

24 октября 1944

Два дня наши саперы возились с поисками минных полей. Мин, извлеченных из земли, наложили целые штабеля. Здесь и противотанковые, и противопехотные, и взрывающиеся в воздухе «взлетающие лягушки». Молодцы саперы – обезвредили несколько минных полей, спасли сотни людей и машин. Не дали возможности врагу порадоваться на свою «людоедскую работу».

26 октября 1944

Утром, согласно приказу, начали наступление на местечко Яхронку. Через пару часов Яхронку заняли, куда вечером и перенесли свой командный пункт. У меня в полку осталось всего пять самоходок. Сомов тоже потерял более половины личного состава за эти три недели.

27 октября 1944

Относительное затишье. В середине дня меня к себе на к.п. вызвал командующий армией генерал Батов. Он вручил мне орден Александра Невского, приказал сегодня же сдать оставшиеся самоходки соседнему полку, а с остатками тыловых подразделений отправиться в фольварк Рудник на переформирование.

Еду на передовую. Передаю приказ и прощаюсь с боевыми экипажами. Прощаюсь с Сомовым. Старик обнял меня и оттолкнул, отвернувшись.

С наступлением темноты двинулся в Рудник.

28 октября 1944

Фольварк Рудник. Вчера перебрался сюда на переформирование, согласно приказа командующего армией генерала Батова. У меня в полку сейчас – одни только хозяйственные подразделения да штаб. Теперь через несколько дней этот костяк должен обрасти мясом и снова стать боевым полком.

Люди сегодня помылись в бане, откушали горячей пищи, отдыхают. *Все мои ребята чистенькие, как будто они не танкисты, а гусары, только без шпор и аксельбантов. Пусть отдохнут немного, этот отдых заслуженный. Смотрю на них из окна, на глазах – слезы.*

1 ноября 1944

Пока около месяца я со своим полком бился на Наревском плацдарме, на меня завели судебное дело. Судебное дело за то, что

когда я отправлялся на этот злосчастный плацдарм со своим полком, мой зам. по техчасти Васильев принял по совести офицера связи фронта Карповича без актов, без моего ведения восемь самоходок от 6-й рембазы на честное слово. Все они по дороге на плацдарм вышли из строя. Рембазе № 6 надо было спихнуть плохо отремонтированные машины и получить за это ордена, хотя бы и без приемных актов, а воевать на этих латаных самоходках было нельзя...

Все это «дело» было чистейшим очковтирательством со стороны 6-й рембазы, которому активно содействовал офицер связи фронта Карпович, чего мы тогда и не подозревали.

Я уже забыл о том случае, когда перед выходом на Наревский плацдарм мне докладывал мой зам. по техчасти Васильев о вышедших из строя принятых им без актов восьми самоходках, которые были ему подсунуты по-хамски. Я воевал на плацдарме, за что награжден орденом Александра Невского, многие мои подчиненные также отмечены правительственными наградами, а многие отдали там свои жизни или получили на всю жизнь увечья, выполняя свой долг.

И вот сейчас этот Карпович с ухмылкой вручает мне служебный пакет из штаба фронта. Ухожу в другую комнату, вскрываю пакет. За окном фыркнул мотоцикл Карповича (он вручил пакет и уехал). Читаю приказ командующего бронетанковыми войсками 1-го Белорусского округа: «За необеспечение марша 5-го октября 1944 г., вследствие чего во время марша вышло из строя восемь с.у.-76, командира 1061 полка гв. подполковника Резяпкина А.К. от должности освободить и отдать под суд *военного Трибунала. Командующий Бронетанковыми войсками 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант Орел*».

Я читал, не веря своим глазам. Мне стало очень обидно, закружилась голова, остановилось сознание, я рухнул всем станом на пол... Со мною произошел инфаркт. К счастью, адъютант Дудин был в соседней комнате. Он вбежал (я с этого момента три дня был без сознания), положил меня на кровать, крикнул врача. Что со мною

делал врач, я не помню, без сознания меня отвезли в госпиталь.

3 ноября 1944

Позавчера меня в бессознательном состоянии доставили во фронтovou госпиталь в г. Седлец.

Сегодня я пришел в сознание. Вокруг хлопотали врачи со шприцами. Я подумал, что попал в плен.

– Где я, скажите? – спрашиваю.

– В госпитале, в городе Седлец, – отвечает врач, – успокойтесь, все обошлось хорошо. Вам сейчас нужен покой. Потом все узнаете.

Когда нынче меня привели в сознание, врач объявил мне, что со мной произошел сильный инфаркт.

Мне запретили подниматься, разговаривать, видаться с кем бы то ни было. У меня было ко всему равнодушие, вялость, тошнота, безволие, апатия. Пропал слух, аппетит. Лежу, как чучело, и только.

Вечером после обхода ко мне в палату прошмыгнул адъютант. Всхлипывая, он рассказал мне, что мой полк вчера принял майор Карпович, а меня, как только я выздоровею, будет судить трибунал...

«Вон оно в чем дело! Карповичу давно хотелось опять втереться командиром полка после его предательства в первые дни войны. И вот он, при помощи своих друзей в отделе бронетанковых войск фронта добился своего... Значит, чистейшая провокация с восемью самоходками, вышедшими из строя на марше!» – рассуждаю я про себя. Потом говорю адъютанту:

– Коля! Узнай сегодня же, когда бывает у себя генерал Орел и где его квартира.

Адъютант ушел, а я взялся кричать – такая обида взяла меня на все эти интриги, на все это крючкотворство, что я не мог себя сдерживать... Вбежал дежурный молодой врач. Он меня успокаивал, дал валерианки и сделал укол. Вскоре у меня снова началась апатия, и вскоре я уснул.

4 ноября 1944

Я с вечера уснул, а часа в 22 проснулся, ворочался с боку на бок, и так не заснул до утра. Нервничаю, терзаюсь душой на несправедливость, скриплю зубами на таких типов, как Карпович, которые ценной подлости и предательства добиваются положения и фальшивой славы. Сколько их еще подвизается среди нас? Но как добратся до Рокоссовского, Орла или Батова? Об этом я сейчас думаю. Не страшно совсем, что расшлепают, а обидно до смерти, что совершенно ни за что, да и полк, на знамени которого два ордена, достался трусливому проходимцу... Ну и ну!

Слушаю: за дверью приглушенные голоса и голос моего врача. Затем дверь открывается и во главе с врачом в палату заходят шесть офицеров моего, теперь бывшего, полка: зам. по политчасти Фомичев, зам по хозчасти Рябенко, зам. по техчасти Васильев (из-за которого я и страдаю), начштаба Куприянов, его помощник Бандуров, адъютант Дудин и врач – все в халатах. Все улыбаются, а Васильев плачет. Врач всех корректно предупреждает, чтобы меня не расспрашивали, и что на свидание отводится десять минут. Начались разговоры. Васильев вынимает акт, составленный тогда по моему совету, что самоходки нами не были приняты и были включены в колонну по настоянию Карповича, и что вышли на марше из строя по вине 6-й рембазы, которую возглавлял Рабинович – друг Карповича.

– Вас им судить не за что, и если судить, то надо меня, – утирая слезы, говорит зампотех. Свидание кончилось. Уходя, ко мне нагнулся адъютант Дудин и на ухо шепнул:

– Квартиру Орла узнал, отсюда – километра три, на противоположной окраине города. Приезжает поздно ночью, с рассветом уезжает на передовую. – Дождь идет все время, кругом – грязь.

Дорогие мои друзья, как я благодарен вам за все! На квартиру к командующему намечаем с адъютантом идти завтра на рассвете. Из госпиталя надо уходить украдкой, потому что врачи не отпустят.

5 ноября 1944

В шестом часу утра, еще темно, прокравшись мимо дремавшего доктора, мы с адъютантом выходим на улицу. Идет мелкий польский дождь. Натягиваем плащ-палатки и месим грязь на противоположную окраину. В одном месте обошли патрулей. Добираемся до квартиры генерала Орла, а его нет – он несколько минут назад уехал. Ахай – не ахай, а сходили впустую.

Мокрые, грязные возвращаемся в восьмом часу в госпиталь. Дежурный врач на меня насел как командующий. Я дал ему высказаться, горячка с него слетела.

– Доктор! На черта мне нужно ваше лечение! Как только вы меня вылечите, меня расстреляют! Вы понимаете это? – Я коротко рассказал ему суть дела. Врач некоторое время молча глядел на меня, затем ласковым девичьим голосом стал уговаривать меня принять лекарство, стал измерять температуру.

6 ноября 1944

Уже с ведома доктора и с паролем, мы с адъютантом месим грязь (причем встали на час раньше, чем вчера). И вот – счастье! Генерал у себя. Он торопится, допивает стакан чаю. Через своего адъютанта генерал разрешил мне войти. И вот такой диалог:

– Товарищ командующий! Бывший командир 1061 САП гвардии подполковник Резяпкин обращается к вам по личному вопросу!

– Я знаю, в чем дело. Идите в госпиталь, а когда выздоровеете, тогда и говорить будем.

– Коль я к вам добрался после нескольких попыток, прошу принять и ознакомиться вот с этим документом. Он подписан вашим заместителем полковником Михайловым. (Вручаю ему акт на восемь самоходок, вышедших из строя на марше). Орел отставляет в сторону стакан с чаем, читает акт. Затем берет телефонную трубку, вызывает полковника Михайлова. Последний живет за стеной, через пять-шесть минут заходит:

– Я вас слушаю, товарищ генерал!

– Вы, вот я вижу, сами подписались тут, а лично видели эти вышедшие из строя самоходки? – Орел подает акт Михайлову.

– Все до одной. Я тогда часа три провел около этих самоходок и распорядился, чтобы 6-я рембаза отбуксировала их обратно к себе на базу. Надо сказать, товарищ генерал, что 6-я рембаза не раз уже была замечена в недоброкачественном ремонте и даже в очковтирательстве. Я покажу вам документы. В дальнейшем полк был уже полностью укомплектован самоходками, и командир полка Резяпкин уехал на рекогносцировку, чтобы на плацдарме встретить полк. А здесь без него по настоянию Карповича, без приемочных актов, всовывают восемь С.У. Кто давал ему право на такое своеволие?

– Резяпкин схватил инфаркт, – говорит Орел, – Он пришел из госпиталя. На него заведено дело в Трибунале, и как только он выйдет из госпиталя, его будут судить.

– Судить? За что? Генерал Батов о Резяпкине хорошего мнения, и за действия на Висленском и Наревском плацдармах Резяпкин получил награды.

Орел берет телефонную трубку, вызывает начальника отдела кадров Б.Т. фронта полковника Охмана, и говорит мне:

– Подойди сюда, – жмет руку, – На войне бывает все. Поедешь вместе со своим адъютантом в Кисловодск. Отдохнешь. Потом снова получишь полк.

Спешно входит начальник отдела кадров Охман. Орел говорит:

– Сейчас же отозвать Карповича с должности 1061 САП сюда, в резерв. Командование полка временно возложить на майора Пугачева, на заместителя Резяпкина. Кстати, кто рекомендовал Карповича на должность командира полка?

– Рекомендовал полковник Трикоз.

– Ясно. А подполковника Резяпкина отправьте в Кисловодск на лечение. У него тяжелый инфаркт. Все. Все свободны. Михайлов, оставайтесь!

Охман говорит мне:

– Садись в мою машину, поедem в отдел кадров, получишь отпусковые документы.

Через час, на вверенной машине, заезжаю в госпиталь, потом еду в свой полк к Карповичу...

Прибываю в полк. Около штабной избы – группа солдат и офицеров. Карпович стоит спиной ко мне, кого-то распекает. Обернулся. Смотрим с минуту друг на друга в упор.

– А ну, марш из полка! Один сдал немцам, ухитрился другой получить! Разобрались во всех твоих махинациях. Сержант Кравцов! Подбрось этого проходимца до перекрестка дорог – и обратно. Дальше не вези – машина нужна в хозяйстве.

– Вы не имеете права! Вы будете отвечать за дискредитацию перед личным составом!

– Я сказал – марш из расположения полка, шкура! В отделе кадров узнаешь все!

– Мало пришлось повоевать нам с вами, товарищ майор! – кричали вслед Карповичу солдаты.

Заходим в штаб. Зачитываю выписку из приказа. Крики «Ура!» Да как я мог расстаться с вами, родные мои?! Ужинаем вместе – все остатки полка.

По прибытии в штаб фронта, я наткнулся на командующего 65-й армией генерала Батова.

– А! вот ты где мне попался! – шутил командарм. – А ну, зайдем, получишь награду, – он вручил мне орден Александра Невского. Радостный я отъезжал в Кисловодск.

7 ноября 1944

Праздничный день. Утром шофер Тарасов помчал меня с адъютантом в Брест, откуда мы последуем поездом в Кисловодск. Под Бялой Подляской в лесу нас обстреляли бандиты. По прибытии в Брест шофер обнаружил в «Виллисе» четыре пробоины.

Брест. Вокзал. Вечер. Вокзал забит освобожденными из неволи девушками и солдатами. Девчата-украинки многие разуты, но настроены весело – вырвались из фашистской неволи. Сбившись толпой в большом зале, они поют хватающие за душу песни:

*Ни жена, ни сестра нас не ждет у костра,
Мать родная на стол не накроет.
Наши семьи ушли, наши хаты сожгли,
Только ветер в развалинах воет.*

Ночью подали поезд. Отчаливаем в Кисловодск.

9 ноября 1944

Москва. Курский вокзал. Пересадка. Народу – как в муравейнике. Шум, смех, перебранки – родная речь...

11 ноября 1944

Вечер. Наш поезд прибыл в Кисловодск. Я ехал в двупальном купе с безногим инженер-майором. Он едет после Ленинградской блокады. Какие жуткие вещи рассказал он мне из дней, пережитых им в блокаде! Может, когда-нибудь напишут об этом книги, которые нельзя будет читать без слез.

Работники санатория встретили нас гостеприимно: вымыли, одели в чистое белье, накормили. После многих месяцев фронтовой обстановки это было для нас райским блаженством.

14 ноября 1944

Отдыхаю, лечусь. Процедуры, лекарства, массажи. Сообщения с фронта передают об успехах наших войск, чему мы все радуемся. Как там мои друзья-товарищи? Надо им написать письмецо!

Вечером лечащийся здесь полковник Усков начал рассказывать фронтовые истории. Потом возбудился своим рассказом и впал в истерику.

18 ноября 1944

Во время прогулки ... с полковником Усковым поднялись на одну горку. Смотрим ... – вышел хозяин и буквально затащил в гости... Лезгинец, 88 лет, а он чинит чайники, примусы, самовары. Угощал нас брынзой ... Горцы – народ гостеприимный.

19 ноября 1944

Мы, группа отдыхающих, сегодня выезжали на могилу М.Ю. Лермонтова – место, где был сражен подлой рукой убийцы светоч русской литературы. Многие стояли, угрюмо задумавшись, и бросали по горсти земли на могилу. Убийцы-Мартыновы есть и сейчас.

В Кисловодске несколько корпусов представляют собой пустые коробки – следы фашистской оккупации. Вот куда докатывались волны «коричневой чумы»!

Доктора и сестры каждый вечер по очереди заставляют нас, как живых свидетелей войны, проводить беседы о событиях, пережитых на фронте.

25 ноября 1944

Ежедневно выводят на прогулку. Ныне во время прогулки полковник Усков упал и подвихнул ногу.

В который уже раз прочитал «Героя нашего времени» Лермонтова – прекрасная вещь.

Вечером смотрели кинокартину. Спать, как всегда, укладывают принудительно, согласно распорядку дня.

Скончался генерал-майор, кажется, Евдокимов – он пять дней назад был доставлен сюда прямо с передовой с глубочайшим инфарктом сердца...

29 ноября 1944

С полковником Усковым на прогулке. Погода – чудесная.

Вдруг над нами что-то прошумело. Это пикировал горный орел, завидя шакала. Последний в панике...

2 декабря 1944

Наши войска подошли к Германи. Объятые животным страхом, фашисты запугивают (местных жителей?), сравнивая наше наступление с нашествием Атиллы и Батыя.

15 декабря 1944

Давно не заглядывал в свой дневник.

Я стал чувствовать себя совсем хорошо. Сердечные боли все больше и больше отступают. Уколы, капли, массажи, душ.

Уже получил несколько писем с фронта от своих товарищей. В одном – огорчение: без меня убиты два командира батарей – Мордюков и Пометов. Оба – прекрасные ребята.

21 декабря 1944

Я уже больше месяца на излечении в Кисловодске. Думал, что за три-четыре недели излечусь от своего инфаркта и контузии. Дудки! Ныне после осмотра врач сказал:

– Не все у вас прошло, еще будем лечить. Вылечим, коль уж к нам попали, – Он показал рентгеновский снимок моего сердца. На левой стороне сердца – какая-то шишка. Сердце мое представляет форму Африки на географической карте. Вот те на! – Вот наша задача – сердце сузить, поставить в свои рамки. Все процедуры, прием лекарства выполняйте точно!

25 декабря 1944

Душ, массажи, уколы, таблетки. Сегодня во время приема «вечернего душа», я закрываю свои фронтовые отметины – стыжусь. А сестра-старушка после приема душа нагнулась и целует мои рубцы, приговаривая:

– Это – гордость солдата, эти отметины приняты за Родину, за наш народ! – Какие слова!

Погода испортилась – уже третий день идут дожди. И все же, мне кажется, что наши дожди – не такие нудные, как польские.

Вечером был организован шахматный турнир.

31 декабря 1944

В столовой санатория – Новогодний вечер. Приготовлен хороший обед. Около 12-ти часов ночи директор санатория поднял тост за солдат и офицеров Красной Армии, за Советский народ и за окончание войны.

После ужина расфуфыренные сестрички силой вытаскивали нас танцевать под баян.

Один полковник (может, от хмеля) сидит в углу, плачет, танцевать не идет. Говорят, что он ранен в «самое интересное место». А в сущности – это вовсе не смех, а, скорее всего, трагедия в личной жизни.

8 января 1945

Привезли генерала с инфарктом сердца. Двое сопровождающих солдат осторожно ввели его в приемный покой, посадили на диван. Он отрывисто дышит. Лицо его – какое-то серо-зеленое, глаза – мутные.

15 января 1945

Сегодня после комиссии мне объявили, что меня выписывают. Два месяца пробыл я здесь. Чувствую себя хорошо. Спасибо вам, дорогие советские медики! Завтра уезжаю. На пару дней разрешили опять заехать к семье на родную Саратовщину.

19 января 1945

Аркадак. Вечер. Подхожу к тещиному дому, где проживает жена с ребятами с начала войны после эвакуации (сюда, в этот дом,

присылали с фронта обо мне два извещения, что якобы я убит). А я опять заявляюсь с курорта, жив и здоров. Картина Репина «Не ждали!»!

На мгновение – у всех шокое состояние. А потом... Что потом? Шум, слезы, радостные восклицания, и пошло все своим чередом.

23 января 1945

Ну, вот и кончился мой отпуск. За эти три дня ездил в лес и привез дров на топку. В военкомате оформил, чтобы жене снова платили за меня по аттестату положенное, а не пенсию, как по убитому. Ну а потом – снова: прощание, слезы, и я опять отрываюсь от родной пуповины и еду на фронт...

24 января 1945

Утро. Наш поезд мчится на север. В нашем товарном вагоне от накалившейся времянки не тепло, а даже жарко. Солдаты разных возрастов следуют на фронт, все они в основном возвращаются из госпиталей после лечения от ран и контузий. Здесь – воины разных областей и национальностей. Солдаты дышат махоркой, завязывают разговор. О, как я люблю эти волнующие беседы в вагонах, в лесу у костра, в землянке, в кузове автомашины... Здесь рождается мудрость, острое крылатое слово, пословицы и прибаутки, навсегда западающие в душу. Я незаметно насторожился, прислушиваюсь к разговору:

– Выбыл я из своей части месяца два назад после контузии, когда мы еще только нашей белорусской земли коснулись. А теперь наши вон уже Польшу проходят! Вон оно как выиграло дело-то! А то некоторые из нас в первые дни войны болтали: «Немец непобедим, силушку страшную на нас бросил – аминь, да и только!» Да истари веков мы лупцевали их в хвост и в гриву! Вначале он всегда верх берет, когда хорошенько гарнизуется, лучше вооружится, да исподтишка, как волк, набросится. И вот охальничает – спасу нет. А

как наш народ во весь рост поднимется, размахнется – какая сила супротив нас устоит?

– А я из-под Ленинграда, – начинает говорить молодой солдат. – Месяца три с ногами в госпитале провалялся. Прижал он нас, гад, в болотах, ну и начал изводить. Когда фашист возымеет над тобой силу, он любит чваниться и издеваться. Ну вот, обложил он нас в болотах и долбаёт минами да авиацией день и ночь. Мы в это время кору осиновою ели, а он буханку белого хлеба на штыке подымет и орет: «Рус, сдавайся, иди к нам, вот такой хлеб будешь есть, да еще маслом намажем». А мы знаем, каким маслом в лагерях наших пленных он кормил. «Все равно мы вас из этих болот не выпустим! Капнут вам!» А мы все же вышли. Ночью наш подполковник нащупал самое слабое место. Собрали все гранаты и пулеметы к этому месту, рванули. Прорвались и вышли. Вот там при прорыве меня кокнуло, но товарищи до лазарета вынесли и спасли. Теперь опять все в порядке.

– Теперь ему, зверю, за все надо отплатить. Ох и злой я на них, колбасников! – повествует уже третий. – Пусть не ждут пощады от наводчика Степакова! Помню, как первые дни отходили мы по Украине, а с нами – и гражданское население. Обочь дороги по одну сторону идем мы, а по другую – женщины и дети. Так он, гад, на бреющем полете летит и из пулемета поливает. Да еще из кабины кулаком грозит!

Мелькают заснеженные деревушки, стучат под вагоном колеса. Наш эшелон торопится на север.

27 января 1945

Вчера долго стояли в Рузаевке. Сегодня утром прибываем в Москву – все пути ведут через нее, матушку. В Москве – пурга с морозом, но в городе это не так заметно. Перебираемся с Павелецкого на Белорусский вокзал.

Белорусский вокзал. Битком народу – большинство военные. Стоят, сидят, лежат в разных позах. Кое-как протискиваемся в большой зал.

Меж спящими солдатами пробирается средних лет женщина с бидончиком. Вдруг один из спящих поднимает голову и говорит:

– Ты, тетка, уже второй раз мне на руку наступаешь, как все равно через меня большая дорога пролегает. Аль заигрываешь со мной?

– Ой, прости, милоч, это я нечаянно, – извиняется женщина, – за кипяточком ходила, прости!

– Да ты мне хоть за колбасой шагай, да только на руку не наступай! – не унимается солдат, – Она у меня раненная и еще не зажила!

– Перестань, Петров! – говорит старшина, видимо, командир подразделения. – Видишь, теснота какая, ну гражданка и наступила нечаянно!

– Чайно или нечаянно, а на руку дважды даванула как лошадь!

– Да это он, товарищ старшина, на знакомство с этой гражданкой набивается. Ей богу! – заявляет солдат, лежащий рядом с потерпевшим. И вот, женщина, виновница всей этой сцены, подходит к Петрову, нагибается, смачно его целует и снова извиняется:

– Прости, дорогой, истинный бог – нечаянно!

– Ну вот, этого ему только и надо было! Теперь, поди, у него всю боль как рукой сняло! – подхватывает сосед-солдат. Все смеются.

– Муж-то есть? – спрашивает уже Петров.

– Нет, милоч, еще в Финскую погиб, – сконфуженно отвечает женщина.

– *А дитя с тобой чье?*

– *Чужое. Сиротка безродная. Мы освобожденные. Мать ее фашисты на моих глазах замурдовали.*

– Ну, вот и познакомились! А я чего говорил! – подковыривает сосед-солдат. – Бери скорее адресок, а то скоро уедем.

И действительно, вскоре послышалось:

– Выходи грузиться!

31 января 1945

Наш эшелон прибыл в Брест. Государственная граница. Отмечаемся в комендатуре. Переправляемся через госграницу на польскую территорию. Здесь – польская колея железной дороги, и ходят только польские составы.

От Бреста на восток вдоль железной дороги по обе стороны, насколько хватает глаз, лежит трофейная техника: автомашины, танки, пушки, контейнеры и проч. Сколько потребуется эшелонов, чтобы все это отгрузить отсюда?

2 февраля 1945

Железнодорожное сообщение в Польше налаживается слабо. Фашисты при отступлении выводят из строя все пути сообщения, как только это умеют. К тому же, после ухода немцев, на путях производится немало аварий и диверсий со стороны краевцев, власовцев и бандеровцев, которые сейчас сплелись здесь в единый клубок, засели здесь в польских лесах и по заданию фашистов творят свои гнусные дела. А потому от Бреста до Седлеца пробираемся как придется вторые сутки.

С чемоданишком шагаю по грязным улицам Седлеца. Здесь сосредоточились все тыловые атрибуты нашего фронта. Народу набилось порядочно. Во всю идет частная торговля. Польские спекулянты не дремлют. Частные лавочки, толкучки, рестораны, кафе, даже «интимные заведения». «Здесь все Европой дышит», – как сказал некогда про Одессу наш А.С. Пушкин.

Останавливаюсь передохнуть у витрины одного магазина. Всматриваюсь в выставленные товары. Вдруг кто-то подошел сзади и закрыл мне ладонями глаза. В душе сразу потеплело (значит, кто-то из близких друзей), рывком вывертываюсь. Ба! Старый доверенный друг полковник Садовский. По национальности он – поляк, но жизнь прожил у нас в России. Еще в 1918 юношей вступил в Партию и ушел добровольцем на фронт. С тех пор стал военным. С

1935 по 1939 мы с ним вместе служили в г. Пугачеве, он был командиром артдивизиона, а я у него «комиссарил». *В 1938 году его репрессировали, но через год реабилитировали.* Перед Финской войной расстались. И вот, он передо мной – полковник польской армии, в польской форме. Мы крепко обнялись. Мимо проходят и улыбаются поляки, дескать, вот теперь какая дружба между польскими и советскими воинами. Пусть думают обыватели что хотят, дружба меж русскими и поляками действительно установилась, слава тебе боже.

Садовский затащил меня к себе на квартиру. О, сколько было разговоров за вечер. Друг мой командует сейчас артиллерийской дивизией в Войске Польском. Молодец, он достоин этого. Он рассказывает интересные вещи и забавные случаи из своей службы, а также о черных днях фашистской оккупации в Польше. Не помню, когда мы заснули.

3 февраля 1945

Утром Садовский отправил меня на своей машине до г. Гнезно, где находится управление кадров Первого Белорусского фронта. Мы братски распрощались со своим другом, обещали переписываться.

От Седлеца до Гнезно – ...80 километров, мы на «Виллисе» ехали с шофером 10 часов.

Отпустил, поблагодарив, шофера, отыскал управление кадров. Меня отвели на квартиру, снабдили продуктами, приказали никуда не отлучаться.

Гнезно – по-польски, по-русски – гнездо. Легенда говорит, что здесь перед Грюнвальдской битвой 1410 года собрались как в одно гнездо сыны славян: поляки, русские, чехи, словаки, белорусы, чтобы разгромить тевтонские орды. Здесь братья-славяне получали церковное благословение «о ниспослании победы», здесь они клялись на вечную братскую дружбу. Вот с того времени местечко это – большой красивый город, и называется Гнезно.

Гнезно – цел и невредим, не видно никаких следов разрушения.

5 февраля 1945

На квартире у безногого поляка, инвалида Первой мировой войны. К вечеру еще подселили полковника Лядова. Последний вызван с Д. Востока, едет на фронт принимать артполк. Товарищ еще не был в боях и спрашивает меня, что да как.

В Гнезно активно орудуют краевцы, агенты лондонского правительства. На днях они стреляли в нашего генерала В. и ранили его. А хозяин рассказывает, что недавно ночью здесь схватили двух наших офицеров и до сих пор не нашли.

Я с дороги устал и завалился спать, а полковник Лядов с хозяином и его дочками до полуночи жарили в преферанс, и полковник, видимо, продулся.

7 февраля 1945

Я, видно, по дороге простыл. Ночь спал плохо. Едва забрезжил рассвет, я встал, сел бриться своей «безопаской». Слушаю – под окном остановилась машина, и вскоре забарабанили в окно. С намыленной харей выхожу в сени, спрашиваю:

– Кто?

– Охман! Это вам что-нибудь говорит?

Открываю, заходит полковник Охман, нач. Управления кадров бронетанковых войск Первого Белорусского фронта.

– Собирайся быстрее! Поедем получать документы о назначении – и в самолет. *Едешь опять в свою «непромокаемую» чуйковскую*. Да, буди полковника Лядова: ему тоже к самолету. Сам (Жуков) звонил, чтобы пять командиров полков прислать, а у меня вот пока всего двое..., – шепотом на ухо передает мне Охман.

Встает заспанный Лядов. Он, видимо, спал всего два часа, шпарил в преферанс.

– Ну, добрить вторую щеку-то вы мне дадите? – говорю я.

– Никаких! – он полотенцем смахивает мне мыло. – Самолеты под парами. К переднему краю нужно добраться затемно, чтобы не повстречаться с «Мессерами», ясно?

Выходим к машине. Дождя нет, но пасмурно. На улице темно. Мчимся на аэродром, из-под скатов во все стороны летит грязь. «Нагнал Жуков страху на нашего Охмана, и он выпроваживает нас поскорее», – думаю я про себя.

В дежурке на аэродроме Охман вручает нам нужные документы. Смотрю приказ: я назначен командиром 1461 САП.

– *А почему не на свой полк посылаете?* – спрашиваю

– *Там дело идет неплохо и без тебя!* – говорит Охман.

– *Опять развалюху даете, а потом спрашивать начнете?* – ворчу себе под нос.

– *Ты уже командир опытный. Вот и наводи порядок, чтобы и этот полк был гвардейским!*

– *Спасибо!*

Прощаемся, садимся в У-2, я в один, Лядов – в другой, и взмываем в мутное небо. Оба летим в армию Чуйкова, чему я рад.

Передний край обороны немцев проходит по реке Одер, нам лететь на «кукурузниках» километров двести, и, так как ветер встречный, это часа два. Летим. Договорились с Лядовым следить за воздухом и, в случае чего, предупреждать пилотов.

Видим внизу частые вспышки артиллерийских выстрелов. Это – Познань, где наши вот уже несколько дней добивают фашистскую группировку в шестьдесят тысяч. Обтекаем Познань слева и снова ложимся на свой курс.

Мы летим уже полтора часа. Становится совсем темно. Позади на Востоке всходит солнце. В утренней дымке показался, извиваясь бледно-голубой лентой, Одер. С обоих берегов вспыхивают отблески орудийных выстрелов, идет артперестрелка.

Только оторвал свой взгляд от Одера и поднял глаза в небо, как

заметил – над нами разворачиваются три «Мессера». Толкаю пилота в спину. Тот выключает мотор, тишина. Ору ему, что над нами – три «Мессера». Не прошло и минуты, как мы шлепаемся в болото. Наши соседи, видимо, заметили стервятников раньше нас, где они приземлились – не знаем.

«Мессеры» сделали два круга, видимо, потеряли нас из вида, а может, испугались наших зениток, которые начали их обстреливать, и удалились.

Меж тем наш «лайнер» был наполовину в воде и с каждой секундой погружался дальше в воду. Из лесу бегут люди, ведут пару лошадей. К нам ли спешат они? К нам! Двое солдат с веревками. Почти по пояс в воде к нам подходят, обращаются ко мне:

– Товарищ гвардии полковник! Зараз вытащим! Мы вже таких из цього болота тягали «кукурузников».

– Ну, ну! – обиделся пилот. – Эти кукурузники перевозят полковников и генералов. И попрошу! Вот здесь цепляйте и тяните потихоньку!

Через пару минут битюги доставили нас сухими на берег. Подошедшему капитану показываю свои документы. В это время подходит полковник Лядов и обнимает меня. Он рад за благополучный рейс, как и я.

Идем к командиру ближайшей части. Тихо, обстрела со стороны противника пока нет. Командир части, майор, приглашает сесть, отдохнуть, перекусить. Посмотрев наши документы, с улыбкой говорит:

– Да, к нам попали!

– Чуйковцы? – спрашиваю я.

– Они самые!

– Ну, мы вас попросим доставить нас в штаб.

– Все сделаем!

Перекусили вместе с пилотами – съели по тарелке супа и, поблагодарив чуйковцев, с Лядовым и офицером связи на броневике

помчались вдоль Одера по грязной дороге в штаб. На протяжении всего пути валяются искромсанные или сожженные машины, убитые лошади, перины, подушки, поломанные столы, стулья и пр.

Часов в 10 прибыли в штаб. А перед вечером я уже на мотоцикле с офицером 1461 САП, который еду принимать, прибываю в полк.

Вечер. Неподалеку от немецкого селения Кунерсдорф, где когда-то, около двухсот лет назад, наш светлой памяти дедушка Суворов разбил армию Фредерика Второго, стоят остатки 1461 САП. Указанный полк недавно был сильно потрепан именно в Кунерсдорфе, т.к. мой предшественник, подполковник Никулин, увлекся успехами, без разведки и безо всякой осторожности влетел в эту немецкую деревню, где фашисты замаскировали сильную засаду с фаустами, пушками и пулеметами. А Кунерсдорф расположен вдоль дороги в два порядка, дорога через деревню проходит в узком глубоком дефиле. Каждый кирпичный дом был превращен в крепость. Фашисты стреляли в упор, сверху вниз, ожесточенно и настойчиво. А нашим было трудно развернуться, чтобы уйти из-под обстрела. В результате было убито более полусотни человек, в т.ч. начальник штаба полка капитан Колесников, два командира батарей. Самому командиру полка подполковнику Никулину перебило обе ноги. Я не знаю и не видел подполковника Никулина и капитана Колесникова, но говорят, что это были хорошие ребята.

Вот этот полк я сейчас и прибыл принять, с ним мне надлежит воевать. Захожу в крайний дом. Как из деревенской бани, в дверь валит дым. На подложенных кирпичах стоят несколько сковород и противней, под которыми пылает огонь – жарится сало. В углу на полу, нахохлившись, сидит пьяный солдат, плачет, что-то ворчит сам собой. Спрашиваю:

– Где начальство?

Солдат не встал, даже не взглянул на меня, махнул нехотя рукой наверх, ответил:

– Там все, на втором этаже!

Я не стал поднимать его, следую на второй этаж. В первоопавшуюся, неплотно прикрытую дверь светит огонек. Захожу. Сидит в расстегнутой до пупа гимнастерке, разувши, грузный подполковник и плачет как заяц. Он был пьян.

– Я – вновь назначенный командир полка. – *Отрекомендовался я и показал выписку из приказа.*

Застегивая ворот гимнастерки, подполковник встал, смахнул ладонью слезы, представился:

– *Подполковник Воронцов, зам. по политчасти полка!*

– *Кто есть из офицеров поблизости трезвый? – спрашиваю.*

– Трезвых офицеров? Сейчас, по-моему, нет... Хотя, сейчас только был уполномоченный «Смерш» капитан Селиверстов, он, кажется, трезвый.

– Ординарец есть?

– Есть, в соседней комнате спит.

– Позовите!

Заходит ординарец.

– Сейчас же найдите и позовите сюда уполномоченного «Смерш» капитана Селиверстова, – приказываю. Через 5–6 минут является Селиверстов.

– Вы когда-нибудь в жизни дежурным по полку были? – спрашиваю его.

– Нет!

– Ну вот, будете им до 7.00. А сейчас: у всех спиртные напитки отобрать, костры погасить и уложить спать. Выставить внутри здания часового, снаружи – двоих патрулей. В 7.00 всем подъем. Все!

Я быстро разделся, разулся, не снимая гимнастерки и брюк, и ложусь спать. Противник из-за реки ведет «беспокоящий» арт-огонь. Наш дом стоит под горкой, и снаряды пролетают через нас.

8 февраля 1945

Семь часов утра. За тыльной стороной дома я выстроил полк. По количеству людей это был не полк, а около роты. Как в кинофильме «Трактористы» стояли передо мною грязные обросшие люди, одетые кто во что – кто в шинели без хлястика, кто – в фуфайке, кто – в куртке. Все они были с похмелья, кроме некоторых, и виновато прятали свои глаза. Уцелевшие от боя машины были наполнены перинами, одеялами, бидонами, склянками и пр. рухлядью.

Я сказал, что назначен командиром полка, за две минуты рассказал о себе, затем устно передал приказ командующего армией Чуйкова, что полк отводится в тыл на формирование. Затем приказал зам. по хозяйству выдать всем по «сто грамм» (людям надо похмелиться), весь же запас спиртного изъять в хозяйств. Всю рухлядь с боевых машин убрать и через полчаса двинуться на новое место. Из-под обстрела выезжать одиночными машинами на больших скоростях.

Здесь долго разговаривать некогда, будем говорить на месте, думаю про себя. А через два часа «полк» сосредоточился в городке Грюнове, за 15 километров от Кунерсдорфа. Как только все прибыли в Грюнов, я снова выстроил полк, начал говорить:

– Товарищи! Я выстроил вас не ругать, а кое-о-чем неотложном и насущном поговорить. 1461 САП только что пережил кровавую драму, в которой погибло много ваших однополчан, наших советских воинов. Как и отчего это произошло, с этим разберутся, найдут виновных. Но мы не должны забывать этого. Всем нам понятно, что фашизм – враг нахальный, хитрый, коварный, к нам беспощадный, и пользуется любой нашей оплошностью, чтобы больше укусьить. Потому наша Партия постоянно требует от нас высокой бдительности, крепкой дисциплины и стойкости, особенно сейчас, накануне нашей Победы. Нам предстоят еще жестокие бои, но раненый зверь всегда злее и опаснее. Из Кунерсдорфской трагедии мы должны сделать самые серьезные выводы. Потому приказываю, как

командир полка и одновременно прошу вас всех: 1) Сейчас же очистить все боевые машины от всего постороннего и оставить там только то, что положено в бою. 2) Все боевые машины почистить и заправить горючим, боеприпасами, чтобы они были в боевой готовности. 3) *Зампохозу сейчас же в экипажах все спиртные напитки изъять, оприходовать и положенную норму (сто грамм) пока в течение пяти дней не выдавать. В ротах завести «тетрадь грешников», куда заносить (несколько дней – по усмотрению командира роты) всякого, замеченного в нетрезвом виде.* Всех людей обмундировать и помыть в бане. Чтобы завтра все выглядело по-гвардейски. Проверю. Скоро к нам начнет прибывать новое пополнение. Вы, как ветераны войны, полка, тут же по-братски встретьте этих товарищей, передайте им свой опыт и покажите пример в дисциплине.

Мы должны быть искуснее и хитрее врага в бою, только тогда мы сокрушим его. А уж если придется отдать свою жизнь, то за дорогую цену. Как сказал Фурманов: «Чтобы и в смерти твоей враг видел свое поражение».

В ближайших боях полк должен смыть с себя позорное «Кунерсдорфское пятно» так, чтобы на его знамени блистали ордена Родины. Правильно ли я сказал, товарищи?

– Правильно!

В подразделениях закипела работа. Шум, споры, остроты. А замполиту Воронцову сказал, чтобы на завтра он готовил партсобрание. Замполит – русский, флегматичный человек, честный, то с «маленьким сердцем», то сердитый и грубый. Он скорее смахивает на интенданта, нежели на комиссара. Сердечник, чуть выпьет и раскиснет.

Зам. по хозяйству капитан Масловский, еще молодой, красивый сибиряк. К делам относится добросовестно, но к прекрасному полу тянется заметно. Ну, может, молодость, война?

Зам. по технической части майор Царелунга. Украинец, силач, гвардейско-

го роста. Дело свое знает. Но часто срывается, особенно под хмельком, любитель драк. Этого часто приходится осаживать за фалды.

Начштаба майор Воротинцев. Грамотен, свое дело знает. Корректен, учтив, исполнительен, аккуратен.

Остальных еще знаю мало. Надо изучить, понять.

10 февраля 1945

Обосновались в Грюнове, несколько привели себя в порядок, отдохнули. Проводим занятия с личным составом по собственной программе.

В полуднях к окраинам Грюнова подошла большая толпа немецких женщин, стариков и детей. Увидев нас, остановились, замерли. «Испугались – боятся расправы», – подумал я. Сажая в «Виллис» уполномоченного «Смерш» Селиверстова, как переводчика, замполита Воронцова, подъезжаем к толпе. Погода сырая, холодная. Детишки жмутся к матерям, а матери сами дрожат от холода и от испуга. Тут, где остановилась толпа, в полукилометре от окраины Грюнова, вроде немецкая деревня, пять довольно больших двухэтажных домов. Указываем, чтобы все шли в один, наиболее просторный дом.

С опасением заходят. В доме прохладно, но не то, что на улице. Спрашиваем:

- Озябли?
- Да!
- Почему в этих домах не отогреваетесь?
- Они – чужие, нельзя!
- Педанты! Голодные, не ели несколько дней!
- Куда идете?
- К своим, за Одер!
- Но здесь – фронт, к тому же, видите, как Одер разлился, а все мосты фашисты взорвали?
- Вы нас перевезите!
- Ни хрена себе! – говорит мне Селиверстов по-русски.

Посылаю замполита Воронцова на машине в Грюнов, чтобы повар сготовил пшеничного супа и как можно скорее доставил сюда и накормил беженцев. Сказал беженцам, чтобы сидели отогревались здесь: «Через час будете кушать суп». Люди меж собой зашушукались, глаза их потеплели. Ребятки подходят к нам, рассматривают, ощупывают. Осмелели. Матери на них шикают. Ведь в немецком понимании офицер – это гроза, его должны бояться. Я взял на руки мальчика лет пяти, через Селиверстова спрашиваю, как его зовут, где живет. Он отвечает чин по чину. Когда я его спросил, где его фатер (отец), он ответил: «Пук-пук Иванов», т.е., бьет русских. Мы засмеялись, а мать схватила малыша за руку и дала шлепка, видимо, испугалась за своего сынишку.

Тем из стариков (в толпе их было мало), которые курили, мы дали закурить. Завязывается непринужденная беседа. Вызывает изумление, до какой степени немцы обмануты, околпачены фашистской пропагандой. «Нет, – думаю про себя, – этот час надо использовать. Я – коммунист, и сколько могу, расскажу вам о правде, о ваших заблуждениях».

Начал с того, кто развязал войну, какие бедствия принесла война нашему и немецкому народам. Мы ведем войну не против немецкого народа, а против шайки Гитлера, а порядок в Германии после войны будут устанавливать сами немцы. Я рассказал о зверствах фашистов у нас в дни оккупации, о «душегубках», о том, как фашисты живьем зарывали в землю наших детей, о насилиях, и пр. Затем показал некоторые фотографии, сделанные немецкими же офицерами. Селиверстов переводил, а я смотрел, какими изумленными становились лица немцев.

Незаметно прошло часа полтора, и вот прибыла кухня. Но кушать суп – не в чем! Стали собирать посуду в уцелевших домах. Люди ели с жадностью. Мы собрались уезжать. На прощанье говорю:

– За Одер сейчас вас переправить невозможно, вы слышите,

что там идет бой. *Ваши же войска вас расстреляют, подумают, что за вами идут наши войска.* Идите в тыл и пока размещайтесь там. Война скоро окончится.

Немцы стали просить, чтобы им пока разрешили остаться здесь. Я возражать не стал. Как только мы стали выходить из дома, несколько молодых немков перегородили нам дорогу и начали целовать нас – видимо, благодарили за гостеприимство и изливали свою признательность.

– Не думайте, что наш жест не распространится в ближайшие дни по всей окрестности, – говорит Селиверстов, – ведь Геббельс вдолбил им, что мы ни что иное, как орда Чингиз-Хана.

13 февраля 1945

Январское наступление наших войск было самой грандиозной по своим масштабам операцией в истории всех войн: за каких-нибудь 17–18 суток наши войска продвинулись на 400–500 километров по лесисто-болотистой местности, сокрушая «Восточный вал» Гитлера, разрезая его на куски. Поэтому сейчас по нашим тылам, в лесах и болотах, бродят целые дивизии и корпуса немцев, не желающих сдаваться в плен. Они объединяются в большие группы, нападают на нас с тыла, чтобы прорваться через линию фронта. Некоторым таким группировкам вначале удалось выскочить.

Десятки случаев, когда они ночами мелкими группами отваживаются переплывать на чем попало через разлившийся Одер. Большинство их, конечно, гибнет. Мы усилили ночное наблюдение, пушки и пулеметы повернули в тыл. И проходит редкая ночь, чтобы не была разгромлена группа на том или ином участке. Прошлой ночью до сотни солдат и офицеров взято в плен, а побито было еще больше. Сейчас положение у этих немецких вояк – еще хуже, чем было в свое время в наполеоновской армии, отступающей от Москвы.

15 февраля 1945

Ночью опять ликвидировали небольшую группу немцев, напорывшую на нас. Теперь мы по ночам периодически включаем фары машин. Фашисты первыми открыли огонь, стремясь вызвать панику. Среди немецких солдат – или седые старики, или 16–17-летние пацаны, и все они – грязные, голодные, завшивевшие. До утра держим их, а утром отправляем на указанные пункты сбора.

Одер разлился без конца и края, и течение его – довольно быстрое. Надо быть без головы, чтобы ночью отважиться в лодчонке или на пучке бревен переплыть такую преграду.

За время пребывания в Грюнове я со своими людьми побывал во многих квартирах горожан. Некоторые квартиры еще пустуют, и в них еще нередко скрываются вражеские лазутчики. В ряде квартир мы увидели вещи и мебель, вывезенные из разных стран Европы.

Через Грюнов почти ежедневно проходят толпы освобожденных наших людей. Это – главным образом молодежь, вывезенная в свое время на работу в Германию. Они истощенные, плохо одетые, но все улыбаются, обрадованные, что освободились и теперь возвращаются на Родину.

Ежедневно проводим занятия с личным составом в поле. А погода ненастная, такая же кругом грязь, как это было год назад на Украине.

17 февраля 1945

С группой своих офицеров сижу за ужином. Заходит командир первой батареи Соколов с двумя сержантами. Докладывает, что оба сержанта каждый вечер изрядно напиваются, да еще и другим подносят.

– Я несколько раз ругал их из-за этого, потому как есть ваш приказ до вступления в бой водку никому не давать, а эти...

Я спрашиваю сержантов:

– Где берете водку?

– У поляков.

– На что?

Помявшись, виновники нехотя начинают рассказывать:

– Месяца три назад, задолго до прибытия в Кунерсдорф, в одном фольварке командир батареи приказал зарыть самоходки в посадках у дороги, т.к. ожидалась контратака немцев во время продвижения наших войск. Когда начали втроем копать яму, наткнулись на небольшой чемодан с золотом. Были в чемодане несколько золотых червонцев, кольца, браслеты, серьги, броши, ложечки и пр. изделия из золота весом килограммов 6–7. Здесь же было семь часов, двое карманных. Не сказав никому об этом, мы спрятали найденное в машину, и вот около трех месяцев сплавляли эти вещи польским спекулянтам за самогон. – Мы, разинув рты, слушали этот рассказ.

– Что у вас осталось сейчас из этого клада? – спрашиваю сержантов.

– Одни вот карманные часы, – вынимает и кладет на стол сержант Вьюрков. – Да ведь в боях мы, товарищ подполковник, всей батарее подносили!

– А вы знаете о том, что есть приказ Верховного Главнокомандующего, что всякие трофейные ценности сдавать в Фонд Оборонны, а кто присвоит их – того судит Трибунал?

– Нет, не слышали о таком приказе!

– Начштаба, часы уберите в полковую кассу. Оприходуйте, иначе и их пропьют. И найдите список, где весь личный состав расписывался, когда зачитывали приказ Верховного о трофейных ценностях, – говорю начальнику штаба. Тот приносит приказ и список. Просматриваем. Да, действительно, сержантов Вьюркова и Кармаева в списке нет. Они прибыли в часть месяцем позже, один после ранения, из госпиталя, второй – по призыву, и о приказе не знали, а здесь их не ознакомили.

– Вы – глупцы! – Говорит замполит Воронцов. – Да вы знаете, что стоит полпуда золота? Больше полумиллиона! Все равно вас надо судить за то, что не доложили своему командиру!

– Награды имеете? – один награжден два раза, другой – три. – А как они в боях вели себя? – спрашиваю командира батареи.

– Хорошо! – отвечает Соколов.

– Ну, насчет суда подумаем, – говорю им. – Знайте теперь о приказе Верховного и другим скажите. А за пьянки посадите их на трое суток на губу!

Сержанты ушли, а мы дивились, ахали. А штабу я давал нагоняя за то, что мы плохо знаем личный состав и не знакомим вновь прибывших с важнейшими приказами.

20 февраля 1945

Всю прошлую ночь вели настоящий бой и вылавливали в лесу подошедших с тыла немецких солдат и офицеров. Около сотни побили, а с полсотни взяли в плен. В большинстве это были «сверхтотальники» – старики и пацаны, но в этой группе было и несколько офицеров-эсесовцев.

24 февраля 1945

Опять всю ночь вели бой со «сверхтотальниками». Да сколько же их там, у нас в тылу, бродит? И не сдаются без боя, гады! Слышно, что наши сформировали несколько спецчастей, которые сейчас начали прочесывать леса и ликвидировать эти группировки.

26 февраля 1945

С радостью получил сейчас сообщение о том, что в район прибыли боевые машины с экипажами для нас. Быстро собрались с зампотехом и начальником штаба и помчались по грязной дороге получать все прибывшее. Однако, дали всего только десять единиц – это далеко еще до штата.

Боевые машины новенькие, прямо с завода. Экипажи – все молодые, не были еще в боях. Глядишь на них, и слезы навертываются.

В свое расположение вернулись за полночь.

1 марта 1945

На вновь полученных машинах весь день проводим учения в районе Грюнова.

Вечером за ужином уполномоченный «Смерш» капитан Селиверстов рассказал забавный случай. Некоторое время назад в Познани отправляли поездом в тыл одного пленного фашистского офицера. Этот фашист был эсесовцем, «непростой птичкой». Фашиста конвоировали в вагоне два наших солдата с овчаркой. Перед отправкой фашист два дня отказывался принимать пищу в знак протеста. У конвоиров в одной сумке были продукты для себя, в другой – для овчарки. И вот ночью, когда один солдат ушел в туалет, а другой дремал, фашист решил тайком взять что-нибудь из продуктов из сумки и съесть (голод – не тетка), но залез в ту сумку, где находились продукты овчарки. Как только фашист стал извлекать из сумки хлеб, овчарка, гавкнув, ухватила его за руку и задержала. Вошедший солдат-конвоир узнал, в чем дело. Отнял овчарку, сказал:

– Она права, вступилась за свои харчи. Вы привыкли без спроса и разрешения грабить по всей Европе, а это не всегда удается.

Солдаты накормили фашиста, и он с того часа стал принимать пищу регулярно и бесцеремонно.

4 марта 1945

Сегодня получил еще десять самоходок с экипажами до полного штата. Итак, полк сформирован. Теперь задача – сколотить экипажи к предстоящим боям.

Вечером в полк прибыл командующий артиллерией корпуса полковник Пелипенко. Он вручил полку *гвардейское* знамя. *Весь*

личный состав прошел торжественным маршем мимо знамени. Затем был торжественный обед.

Полковник одобрил мои мероприятия по сколачиванию экипажей и дал указания, чтобы тщательнее отработывали тактику уличных боев в городах.

9 марта 1945

По указанию штаба армии мы, несколько частей, находящихся во втором эшелоне, двое суток собирали по лесам и пустующим населенным пунктам бродячий беспризорный скот. Собрали сотни коров, коней и свиней. Коровы, много дней не доенные, с воспалившимся выменем ласкались и как бы сами просились, чтобы их доили.

Весь скот угнали в тыл.

11 марта 1945

Весь день проводил полевые учения. Осваивали трофейные фаустпатроны. Опять обнаружил минное поле... К счастью, обошлось без жертв.

15 марта 1945

Гитлеровская Германия в настоящее время – это скопище разбойников и мародеров (я имею в виду военщину, не смешивая с населением). Куда ни глянешь – бросается в глаза награбленное во многих странах Европы, куда только ступал сапог гитлеровского солдата. Вон в доме, где мы живем – стулья, вывезенные из Киева. В гардеробе висит меховая одежда из Смоленска. Бутылки, из которых выпито вино – из Франции, банки со сгущенным молоком – из Дании, баночки из-под икры – из Норвегии, коровы – из Белоруссии, сало – с Украины, орехи и табак – из Югославии. А во всех кирхах Германии идут богослужения: – «Спаси, нас, боже, от большевистского нашествия».

Многие гражданские лица из немцев, с которыми мне доводилось беседовать, на 90% отвечают, что войну начал СССР, а не Германия. В этих беседах я убедился, насколько уровень политического сознания немцев ниже, чем уровень нашего народа.

21 марта 1945

Всю прошлую ночь шел страшный ливень, бушевала гроза. У нас со двора разбежались собранные вчера коровы. Грязь стоит непролазная.

27 марта 1945

Сегодня наши соседи справа овладели большой крепостью Кюстрин. Говорят, что Кюстрин – родина Геббельса. Хромому черту – неплохой подарок.

Через нашу стоянку Грюнов к фронту непрерывным потоком тянется пехота, артиллерия, танки, а навстречу этому потоку идут колонны пленных немцев. Эти немцы взяты в плен в крепости Кюстрин.

Одер еще не думает входить в свои берега. А после прошедших дождей воды прибавилось довольно много. Вода идет грязная, и по реке плывут разные предметы.

5 апреля 1945

Неподалеку от Грюнова проводим со своим личным составом учения. В район учений прибыл командующий артиллерией корпуса полковник Пелипенко. Подозвав меня, он сказал:

– Кончай свою баталию и сейчас же с зампотехом и начштаба езжай в Швибус. Туда сейчас прибывает эшелон с техникой и экипажами для тебя. Укомплектуешься сразу до штата. И смотри, чтобы все было в порядке.

Даю отбой, еду в Грюнов, беру с собой Васильева и Воротинцева, мчусь в Швибус.

Эшелон разгрузили быстро и благополучно. Машины новенькие, а ребята все молодые, хорошие. Все хорошо!

В Швибусе скопилось много немцев-беженцев: женщины, старики, дети. К нам подошли несколько женщин с ребятами. Ребята просят: «Рус, хлеба! Рус, хлеба!» А у нас собой ничего нет. Одна из женщин говорит: «Мы вам верим, это вы на днях нас обедом накормили... Вот наши ребята вас и узнали»...

Вечером весь личный состав мыли в бане.

9 апреля 1945

Полк укомплектован полностью. Утром всех выстроил и проверил экипировку. Остался доволен и приказал регулировать боевые машины, очистить личное оружие.

Вечером снова примчался полковник Пелипенко и предупредил о боеготовности полка. Едва уехал полковник, как я срочно собрал штаб и командиров батарей, объявил, чтобы все были в полной боевой готовности, потому что с часу на час ожидается получение приказа на марш.

11 апреля 1945

В полуднях офицер связи штаба армии доставил приказ полку в течение ночи перебазироваться через Одер на плацдарм... Приказ был подписан Чуйковым.

В 21.00, как только начало темнеть, машины (по одиночке, с большими интервалами) на больших скоростях устремились к наведенной переправе. Прощай, городок Грюнов!

Деревянный мост через бушующий Одер на днях сооружен нашими саперами под огнем врага. Его часто обстреливает вражеская артиллерия. С воздуха бомбят самолеты, но движение по мосту идет, особенно ночью. Я со своим адъютантом Давыденко выбросился вперед, со своим «Виллисом» замаскировался в кустах у переправы, наблюдаю, как проходят на плацдарм мои самоходки. Слу-

шаю – позади меня негромкий разговор. Оглянулся – накрывшись плащ-палатками, в кустах стоят Чуйков, полковник Пелипенко и еще трое, мне не знакомых. (*Чуйков махнул мне рукой, чтобы быстрее перебрасывал свои боевые машины*). Когда стала проходить моя последняя боевая машина, я вскочил в свой «Виллис» и помчался за ней следом. Шел мелкий нудный дождь. Над землей сгустился туман. Вражеская артиллерия вела огонь по плацдарму.

Итак, полк переправился на плацдарм благополучно. *На плацдарме машины встречает зам. по строевой майор Пугачев*. Все тыловые подразделения остались на левом берегу Одера.

Ночь темная, пасмурно. На плацдарме машин и людей – как сельдей в бочке. Враг обстреливает из длиннобойных и непрерывно бомбит с воздуха.

Уже было совсем темно, когда я с большим трудом отыскал к.п. командира 12-й мотобригады Жарова, своего давнишнего боевого друга, с кем мне предстоит действовать плечо к плечу.

От реки Одер до Зееловского гребня простирается километров на 5–6 болотистая, с редколесьем, пойма, которая сейчас забита нашими войсками. Войска сосредоточены для решающего броска в ближайшие дни на логово Гитлера. До Берлина сейчас от нас – 70 километров. Но перед нами – Зееловские высоты, залиты железобетоном. Там – три линии обороны, которые длительное время укреплялись фашистами. Гитлер знает, что с падением Зееловских высот дорога на Берлин будет открыта, а поэтому драка предстоит нам ожесточенная. Сейчас Гитлер снимает с Западного фронта все и перебрасывает против нас.

В полночь враг открыл мощный огонь из орудий и минометов. В воздух поднял сотни ночных бомбардировщиков. Нам некуда рассредоточиться. Наши зенитки ведут ожесточенный ответный огонь по самолетам. Сбито несколько бомбардировщиков. И все же, к утру мы понесли большие потери. У меня пять че-

людей убито. Убитых приказано вывозить за Одер и хоронить на польской земле.

13 апреля 1945

Опять всю ночь враг вел ожесточенный артиллерийский огонь и бомбил с воздуха наше расположение. Прекратил лишь с восходом солнца.

Солнце только стало продираться из-за ночного тумана, как нас с Жаровым вызвали в крепость Маг..ушев(?) на совещание Военсовета Армии.

Совещание проводят командующий армией Чуйков и член Военсовета генерал Пронин. Совещание было коротким: на 16-е апреля намечено наше генеральное наступление на Зееловские высоты. Всем быть в полной боевой готовности.

Едва мы начали разъезжаться, как противник начал мощный артиллерийский обстрел. Лавируя между взрывами, пробираемся в свое расположение.

Весь день проходит под обстрелом вражеских орудий. *С Зееловских высот враг ведет артпальбу, совершает танковые вылазки и пускает самолето-снаряды.* Наши пока молчат, видимо, не желают обнаруживать свою огневую мощь перед врагом.

Сегодня враг выпустил по нам два ФАУ-2. Я впервые увидел и ощутил на себе это грозное оружие врага. Но посмотрим, что будет потом.

16 апреля 1945

Этого дня мы давно ждали, но его, видимо, ждал и враг. Быть может, в будущем напишут в календаре, что в этот начался решающий штурм последней твердыни фашизма – Зееловских высот. Мы знаем, что враг бросил все, что мог, на чашу весов, поэтому битва будет самой жестокой за всю войну. *В таких случаях в про-*

шлом, как не раз мне рассказывал в детстве мой отец – старый солдат, участник Японской и Первой мировой войн, солдаты одевали чистое белье. Ничего этого сейчас с нами не было. И удивительно было то, что все были бодрь, преисполнены стойкости духа, и даже некоторые острили. Видимо, все чувствовали душою близость нашей Победы.

Рано утром тысячи наших орудий всех калибров обрушили всю свою огневую мощь на оборону противника на Зееловских высотах. Одновременно сотни наших бомбардировщиков начали сыпать тысячи бомб на эти укрепления. Сплошной гул слившихся воедино орудий – ничего не слышно, кроме этого гула. Земля дрожит, как осиновый лист, дрожат небесные просторы. Позиции врага – в огне и дыму. Немыслимо работают наши славные «Катюши». Враг ошеломлен, и поэтому не сделал пока ни одного выстрела. Затем десятки прожекторов осветили, как днем, вражеские позиции.

Наше командование фронта ввело в бой две танковые армии в помощь пехоте, штурмующей высоты. Лишь к трем часам дня нам удалось с большим трудом и потерями сокрушить две линии обороны противника. Бой пошел в ночь.

17 апреля 1945

Рано утром по всему фронту разгорелись ожесточенные сражения. Враг за ночь подтянул из тыла свежие дивизии, артиллерию и танки. И вот сейчас он не только яростно огрызается, а в ряде мест даже переходит в контрнаступление. Идет ожесточенный бой. Борьба идет за каждый метр земли.

Однако, отбивая контратаки врага, мы продвигаемся вперед. Бой идет сейчас уже в третьей линии обороны врага. Дым, копоть, пыль, пороховые газы – дышать нечем. Так продолжалось весь день, и так было ночью.

18 апреля 1945

Рано утром наши войска возобновили штурм третьей линии обороны врага на Зееловских высотах. Уничтожаются одна за другой дивизии противника, а на смену им Гитлер бросает на подкрепление новые и новые, перебазирова их с Западного фронта. Немалые потери несем и мы.

В ожесточенных боях проходит весь день. И лишь к вечеру была сокрушена последняя линия вражеской обороны на Зееловских высотах. Но враг начал упорно цепляться за каждый населенный пункт, за каждую водную преграду, идя на большие жертвы, преграждая путь нашему движению на Берлин.

Ничего не слышно. Многие охрипли и оглохли. Грязные все как черти, во рту, в ушах – полно песку, и весь день нет секунды, чтобы немного привести себя в порядок.

19 апреля 1945

Утро. Мы продвинулись вперед километров на двадцать от Зееловских укреплений. Подошли к деревне Вульково. Вокруг Вульково – хвойный лес. Оказалось, что в Вульково у противника – укрепленный пункт. В это время к нам подъехали генералы Орел и Катюков. Они ставят нам дополнительную задачу – обстрелять Вульково мощным арт-огнем. Если сопротивление врага не будет сломлено, то обойти Вульково и двигаться дальше. А в лес набивается все больше и больше наших пушек и танков. И вдруг враг из Вульково открыл беглый огонь из орудий и шестиствольных минометов. Сосновый бор запылал сразу в нескольких местах, загорелось несколько боевых машин, начали рваться боеприпасы.

Мы находимся в море огня. Жаров дал команду пяти танкам идти по огню, ломать лес и тем самым прекратить пожар. Дело значительно поправили. Вскоре от нашего обстрела в Вульково тоже возникло несколько пожаров. Наша артиллерия продолжала бить по Вульково.

В это время подскочили генералы Орел и Катуков. Они поставили дополнительную задачу: Вульково обойти и двигаться дальше на Берлин. Мы стали быстро выводить свои машины из пылающей роицы, продолжая огонь по Вульково. Генералы уехали.

В середине дня сопротивление врага в Вульково было сломлено, и мы ворвались в укрепленный пункт. Бушевал пожар. Все улицы поселка были усеяны трупами немецких солдат. Среди убитых гражданских лиц не было.

(Мы с Жаровым прибыли в пылающую деревню. Оказалось, что нашими снарядами в Вульково были взорваны склады с боеприпасами, отчего возникли пожары. На улице и в домах лежало несколько десятков убитых солдат и гражданских немцев. Около восьмидесяти солдат сдалось в плен.)

Покидаем Вульково, продвигаемся на Берлин.

20 апреля 1945

После прорыва самой мощной в истории войн оборонительной линии врага на Зееловских высотах, мы продвигаемся к Берлину все же медленно. Все города и даже небольшие населенные пункты на нашем пути превращены противником в укрепленные оборонительные пункты, в узлы сопротивления. В Германии, как в городах, так и в деревнях, все здания – кирпичные, железобетонные, и все они яростно обороняются фашистами.

В середине дня после упорного боя мы заняли небольшой город Буков, а к вечеру подошли к узлу обороны Рульсдорф. *Городок Буков мы взяли быстро, а за Рульсдорф лупцовка продолжалась часов десять.* Наше продвижение снова приостановилось.

Упорный бой за Рульсдорф продолжался до полуночи. Как только выбили противника из Рульсдорфа, я уснул мертвым сном, повиснув в машине. В час ночи меня с трудом разбудил полковник Жаров. С ним был генерал Герко. Это был новый заместитель ко-

мандующего бронетанковыми войсками нашего фронта, и я его вижу первый раз.

– Знаю, все мы устали и утомились, – начал генерал, – но на войне бывают минуты, которые решают Победу. Мы сбили врага с главной линии обороны, он откатывается сейчас как раненый зверь в свое логово. На его плечах нам надо ворваться в Берлин. – Я в полусне слушал и шатался. Жаров поддерживал меня за локоть, а генерал нет-нет, да взглянет в упор, дескать, не хлебнул ли я через край. Убедившись, что я, как и Жаров, с момента начала наступления в рот ни капли не брал, он уже строго заговорил:

– Стряхни с себя сон, подполковник, и возьми себя в руки! У тебя еще 16 самоходок. Это – сила. Собери их сейчас вот на этот участок (показывает на карте) и усиль его пехоту (показывает на Жарова). *Перед вами вот здесь засело десятка три эсесовцев, их нужно сбить и двигаться к Берлину.* Небольшой натиск, и к утру мы будем в Берлине. Соседи справа и слева от вас уже далеко впереди. – Собираем с Жаровым в кромешной тьме под обстрелом мои самоходки. Стреляем в тьму наугад, по карте и продвигаемся. Думаю – только бы не нарваться на вражескую засаду, как мой предшественник Никулин в Кунерсдорфе пять месяцев назад. *Дали пять залпов. Противник огрызнулся и замолчал. Послали усиленную разведку. Через некоторое время разведчики привели 22 пленных, а с полсотни осталось перебитыми.* А соседей впереди и не было!

С рассветом подошли к предместьям Берлина – Альтлинсберг. С обоими соседями установили связь...

Оказалось, что наша небольшая операция, начатая по инициативе генерала Герко, имела значение.

21 апреля 1945

Восход солнца. Уже больше часа бой – так себе. Наши части подтягиваются, сжимая кольцо вокруг огромного города. Враг зата-

ился, как раненый зверь, и подготовился, чтобы достойно встретить нас.

Немецкие танки пошли в контратаку.

– Это – продукт отчаяния! – говорит Жаров. – Осенняя муха кусает больнее. Давайте, подполковник, организовывать обезумевшим эсесовцам достойную встречу. Подпускаем «Тигры» на самое близкое расстояние и расстреливаем их подкалиберными снарядами!

Четыре «Тигра» сразу же запылали, шесть остальных свернули вправо, подставив свои борта полевым артиллеристам, и те начали щелкать их за мое почтение. Ушел лишь один «Тигр».

– Ну, черт сним, – утирая пот со лба, говорил командир моего танка Авросимов, – он доложит своему начальству о результатах, а то некому будет доложить!

Мы пока рассматриваем в бинокль готические шпили кирх и костелов, высотные здания, на которых, видимо, сидят вражеские наблюдатели и следят за нами. Да, борьба за фашистскую твердыню будет небывало ожесточенной и длительной. Она будет вестись за каждый дом, за каждую дверь, за каждое окно... Немало здесь будет еще пролито нашей крови, немало голов сложат наши люди. Но мы думаем только о нашей Победе, чего бы это ни стоило. В ближайшие дни – конец фашизму!

Танки, кузова машин, орудия, конские фурманки, что подтягиваются сейчас к Берлину, пестрят лозунгами, которые красками и мелом намалевали наши солдаты: «Даешь Берлин!», «Смерть фашизму!», «Скорее в логово врага!», «Смерть людоеду-Гитлеру!», и т.д.

Накапливаются и подтягиваются наши войска для предстоящего штурма фашистского логова. Местами проходит взаимная артперестрелка. Уже вечерет.

Мы с Жаровым пошли перекусить. За домами в поселке – большая толпа народу у наших кухонь. Это оказались наши советские

люди, вырвавшиеся из фашистской неволи. Среди них – поляки, югославы, итальянцы... В одиночку и небольшими группами просачивались они из-под обстрела в наше расположение. Немало их перебили фашисты, пока они бежали к нам. Наши повара кормят их, чем могут.

– Родные мои! Дайте мне хоть взглянуть на вас! – причитала одна женщина, – Ведь как с того света мы вырвались. Уж не чаяли. Всех бы вас осыпали золотом, кабы оно у нас было...

– О, мамаша, да столько золота, наверное, и у самого Форда нет, чтобы всех нас осыпать (смех).

Нередко в этих пестрых толпах наши солдаты и офицеры узнают своих земляков и родных. Наскоро обнимаются и тут же расстаются – одни спешат на Восток к родным очагам, окрыленные радостью свободы, другие спешат к Берлину на последнюю схватку с фашизмом.

Пока штурм не начался, мы из любопытства столпились в палисаднике, провожая освобожденных наших людей. Вот еще одна старушка подошла и поклонилась нам, сказала:

– Дай бог всем вам вернуться к своим, домой. Да сохранит вас Господь, дорогие наши избавители! Вы нас вызволили как с того света...

– Где вы работали, мамаша? – спросил ее Жаров.

– У одного «доктора» прислугой была! Он у них видный был, коллекционировал человеческие черепа. Полный сарай наволол черепов-то этих!

– Дорогие товарищи! – обращается к беженцам Жаров. – С минуты на минуту начнется жестокий бой. Давайте быстрее уходите в тыл, там отдохнете и покушаете как следует, вы теперь спасены!

И люди заспешили, наполненные радостью и надеждой.

Едва мы успели перекусить, как нас с Жаровым вызвал к себе Чуйков. Наш командарм был в хорошем расположении духа. Он, видимо, урвал часок для сна.

– Все готовьтесь к серьезным боям: более серьезным, чем были в Сталинграде и Познани, ясно? Враг превратил каждый дом, каждый этаж в крепость. Улицы и дома заминированы. Во многих местах заложены фугасы. Для истребления наших танков и самоходок накопил горы фаустпатронов. Путь к Рейхстагу нам придется прокладывать только огнем и металлом. Фаустпатроны – забирайте, и ими же выбивайте врага из его огневых точек. Танкам – действовать попарно, под прикрытием пехоты. Избегайте ловушек, засад. Продвигаться по улицам – осмотрительно, но упорно. У врага в Берлине – многотысячная армия из отборных эсесовцев. Это – последний решительный бой с фашизмом.

Нам с Жаровым отведена одна из длинных улиц Берлина – Франкфурт-аллея. По ней и пойдем. Проверяем в потемках последние приготовления.

22 апреля 1945

Сегодня – день рождения нашего Ильича, ему – 75 лет.

На рассвете тысячи наших орудий дали небывалый залп по Берлину. Тут же враг открыл ответный огонь, и началось столпотворение. Все вокруг – грохочет, сотрясается, обрушивается. А через некоторое время над пылающим городом развернулся воздушный бой. Одиннадцать наших армий начали штурм фашистской столицы.

Вся наша артиллерия открыла огонь по логову., а потом подключились сотни самолетов. Причем, чередовались: наши отбомбят – начинают американские, затем – английские, и снова наши.

Говорят, в Берлине сосредоточена пятисоттысячная армия фашистов.

Пять часов уже продолжается артиллерийский бой. Мы пока стоим на месте. В 12 часов дня мы с Жаровым решили спуститься в один из подвальных помещений наскоро перекусить. *Мы заметили еще*

часа три назад, как туда шмыгают солдаты соседних частей.

– Пойдем заглянем, что там за притончик, – говорит мне мой друг. Спускаемся. Такие добротные подвалы у немцев под каждым домом! В подвале такая картина: десятка три наших солдат распивают пиво. Какой-то немец уже приспособился и всю торгует пивом.

– Товарищи! Кто утолил жажду – отправляйся на свое дело, вот-вот начнется атака! – призывает Жаров. Около половины людей вышло. Мы присаживаемся за один столик, открываем второпях банку консервов.

– Давай по кружечке выьем за 75-летие нашего Ильича! – говорит Жаров. Хозяин пивной заметил нас и поставил две кружки пива. Пиво у немца неплохое. *Деньги он получал «гуманно» – кто сколько даст. Но с нашим приходом расплачиваться стали более добросовестно.* Вдруг к нашему столику подходят полковник в форме морской пехоты и подполковник в общевоинской форме. Спросив у нас разрешения, они присаживаются к нам. Знакомятся. Полковником оказался писатель Всеволод Вишневский, подполковником – известный композитор Тихон Хренников. Немец-хозяин без заказа ставит нам еще две кружки пива. Отпиваем прохладный напиток. Мы с Жаровым намереваемся уходить. Тут к нашему столу подходит высокого роста человек со стулом. Садится без приглашения. Лицо его – угрюмое, под глазами – мешки, волосы на голове – седые и жесткие, подстрижены бобриком, «под Керенского». Человек окинул нас тяжелым взглядом, заговорил:

– Я очень извиняюсь за бесцеремонность. Я – тоже русский человек... Из Ростова, полковник царской армии Корытов. Меня знают ваши маршалы Шапошников и Егоров. В 1920-м после разгрома Деникина эмигрировал во Францию, а в 1935-м из Франции – вот сюда, в Германию. Многие мы тогда были обмануты и клюнули на

обещания англичан... На что-то надеялись... Была у меня лавчонка – разорился, жена *и* дочь погибли в *Дрездене* от воздушной бомбежки американцев, сын убит на *итальянском* фронте. К семидесяти годам я вот остался один на чужбине... Единственное, чего я хотел бы сейчас – это взглянуть на свой родной Ростов и умереть... Он тяжело уронил свою седую голову на ладони и зарыдал...

Всеволод Вишневецкий что-то записывал в свой блокнот. Мы с Жаровым пошли к выходу. Наверху по-прежнему грохотала артиллерия.

23 апреля 1945

Бьет наша артиллерия, ожесточенно огрызается враг. Утром противник выпустил в контратаку до тридцати тяжелых танков «Тигр». Наша артиллерия открыла по ним с трех сторон шквальный огонь и больше половины уничтожила, остальные ушли обратно.

Наши штурмовые группы вгрызаются в город и медленно продвигаются вперед. В один час убиты мой начальник разведки капитан Мельников и заместитель полковника Жарова майор Куцепин. Их и нескольких убитых солдат погрузили в опорожнившиеся из-под снарядов машины и отправили хоронить за Одер, на польскую землю.

Перед вечером вчетвером спускаемся в ближайший подвал перекусить. Этот подвал оказался винным, огромным. В центре подвала – проход, по обе стороны прохода стоят огромные вагонные цистерны. Почто из всех цистерн свищет вино, которого натекло уже до пояса человеку. В вине плавают пять солдат какой-то пехотной части. Мир праху вашему, братушки!

Едва мы вышли из подвала, как справа от нас вспыхнула ожесточенная пальба наших орудий. Оказалось, что какая-то эсесовская часть бросилась в яростную контратаку. Вскоре эсесовцев расчихвостили в клочки. Несколько человек взяли в плен. Все оказались пьяными.

24 апреля 1945

Уличные бои – самые сложные, изобилующие бесчисленными неожиданностями и опасностями. В непрерывном грохоте орудий, сплошном треске автоматного и пулеметного огня надо иметь железное мужество и стойкость, мгновенную сообразительность, чтобы управлять боем.

Пыль разбитого кирпича, пороховой дым, запах бензина, копоть пожарниц – все слилось в один «букет». Рушатся здания, горят машины. Улицы, мостовые устланы трупами, залиты кровью... Но думать сейчас ни о чем нет времени.

В центре Берлина прозвучал сильный взрыв, от чего дрогнула земля. Видимо, взорвался склад взрывчатки или горючего.

...в подвале одного дома обсуждали странное заявление президента США Трумэна: «если русские будут одолевать немцев, то мы должны оказывать помощь немцам, а если немцы русских, то помогать последним»...

Вечером с наступлением темноты мы с Жаровым получаем приказ Чуйкова: меня с полком отзывают в резерв армии. Прощаюсь с Жаровым. Самоходки перебрасываю по одной в указанный пункт.

Выехал из зоны огня. На большой скорости пронеслись две машины, в одной был Жуков. Всякий раз, когда его видишь – чувствуешь прилив мужества и уверенности в Победе. Ожидаю нового приказа.

26 апреля 1945

Сутки, как я выведен из боя, и в ожидании приказа нахожусь около к.п. армии. Получаю небольшое пополнение, привожу в порядок все после боя. Уличные бои в городе ведутся с нарастающей силой, не ослабевая ни на минуту. В дополнение ко всему этому часто возникают воздушные бои над городом.

У командного пункта Чуйкова вечером толются (конечно, по делу) офицеры связи, адъютанты, шифроваль-

щики, переводчики. Здесь можно узнать все штабные новости. Говорят, в одном нашем госпитале разоблачили фашистского шпиона. Шпион был без ноги, ходил на протезе, а в этом протезе был вмонтирован радиопередатчик.

Берлин окутан огнем, он горит днем и ночью. Сейчас, когда над нами завязался ожесточенный бой, мы шмыгнули в один из ближайших подвалов, ибо с неба сыпались бомбы, падали горящие самолеты, свистали пулеметные пули. В подвале было битком гражданских немцев. По всей вероятности, большинство здесь было завсегдаев, постоянных обитателей. Человек пять каталось в припадке на полу. Это были люди со слабыми нервами, «авиатики», пораженные т.н. «авиаболезнью». Такие, едва слышат в небе рокот мотора, сразу впадают в крайнюю истерику и с пеной на губах катаются по земле. Среди наших людей, с которыми приходилось за войну не раз бывать под бомбардировкой с воздуха, я таких случаев не видел.

Среди нас был один наш военный врач со своей санитарной сумкой. Увидев корчившихся на полу «авиатиков», врач дал пострадавшим что-то нюхать, и больные тут же приходили в себя. Затем доктор давал им по таблетке. Немцы же сидели равнодушно: кто играл в шахматы, кто жевал свои эрзац-бутерброды, другие просто сидели и переговаривались меж собой.

Когда бомбежка закончилась, и мы стали уходить, один элегантно одетый средних лет немец вынул массивный кошелек и протянул нашему врачу пачку марок в знак благодарности за оказанную «авиатикам» помощь. Улыбаясь, наш врач отстранил предлагаемые ему купюры, сказал:

– Помочь человеку в беде мы, советские люди, считаем своим долгом, а лечение людей у нас – бесплатное.

Многие немцы встали, о чем-то зашептались и до самого выхода провожали нас удивленными глазами.

Я после этого случая думаю: «Вот оно, буржуазное общество, буржуазная мораль, где человек человеку – волк. Когда их близкие

катались в припадке на полу, все они равнодушно взирали на эти сцены, никто не подошел к мучившимся, дескать, пусть погибают!»

Сейчас получил приказ: выступить со своим полком на ту же Франкфурт-Аллею, где ведет бой мой друг Жаров, чему я обрадовался. Мы уже так сдружились с ним, словно родные братья.

Попарно перебрасываю свои «коробочки» на больших скоростях. В дымящемся пекле отыскиваю Жарова и обнимаю его. Он – словно штукатур, весь в мелу, в пыли, с покрасневшими глазами и потрескавшимися губами, но улыбается и выглядит козырем. А вокруг – дым, пыль, пламя, грохот, громкие команды. Все вокруг горит: горит в домах и на крышах, горит и дымится на улице. Горит все деревянное, масляное, горит мануфактура, кондитерские продукты в магазинах, даже асфальт плавится. Вылетают окна, двери, рушатся высотные здания. Горят автомашины, танки.

Совсем рядом рухнула шестиэтажная «коробка», 15 человек наших пехотинцев погибло. Там же завалило мой танк, стоявший в засаде. Саперы танк извлекли. Экипаж жив. Позади нас улица представляет собой груды развалин.

27 апреля 1945

Идет штурм гитлеровского логова. Коварный враг в этом ожесточенном бою идет на всякие ухищрения. Когда у фашистов есть боеприпасы, они ведут остервенелый огонь из каждой двери, из каждого окна, с каждого этажа. Когда же боеприпасы кончаются, они спускаются в подвалы, где битком гражданское население, в том числе и наших советских людей, угнанных сюда за всю войну, переодеваются в гражданскую одежду, и сам черт не отличит фашиста от обыкновенного гражданского. А при удобном случае стреляют нам в спину. Пулю или нож...

В середине дня в стену над нашими головами ударил тяжелый снаряд. Дом затрещал, начал рушиться. Мы беспорядочно, друг че-

рез друга, загремели в подвал... Двенадцать человек наших погребено под обломками.

Выбираемся на улицу в другом конце подвала. Дышать нечем. Улица наша превращается в груды развалин. Враг дерется за каждый дом с фанатичной яростью.

Вечерет, но бой не ослабевает. Перебираемся в подвал следующего дома. К нашему удивлению, подвал чист и пуст.

– Осмотреть! Не заминировано ли здание! – отдает команду Жаров. Смотрим – в углу красавец рояль под белой краской. Крышку открыли, а все клавиши перерублены топором – какой-то фашист постарался.

28 апреля 1945

Ни на минуту не угасает уличный бой. Уличный бой – самый напряженный, изобилующий ежеминутными неожиданностями, где каждый солдат и офицер сосредоточен до предела.

Враг бросает на подкрепление эсесовцам новые и новые подразделения из стариков и подростков. Во многих зданиях закладывает фугасы, «адские машины» с часовыми механизмами, минирует коридоры, проходы, подвалы.

Позади на уцелевших стенах расклеиваются приказы нашего командования, коменданта города генерала Берзарина. Немецкие школьники на этих же стенах пишут мелом: «Сталин – гут!». «Гитлер – капут!» Часто эсесовцы стреляют в этих детей. Изверги! Рядом убита сейчас старушка-немка. Давеча наши солдаты кормили ее консервами. Она целовала им руки. Говорила, что Германия больше никогда больше не будет воевать с Россией, и будет ее другом, как завещал будто Бисмарк. Себя называла «левой» социал-демократкой.

Наши самолеты сбросили над городом тысячи листовок, призывая фашистов прекратить бессмысленное кровопролитие и разрушение города.

В расположении противника снова произошел взрыв огромной силы. А бой продолжается.

В ряде домов бывает так: нижние один-два этажа – наши, а в верхних этажах – фашисты. Тогда наши солдаты выходят из дома и бьют немецкими же «фаустами» под основание здания, пока оно не рухнет.

Сейчас разведчики приволокли в подвал пленного немецкого майора. Налили ему кружку водки, немного поломался и выпил залпом.

– Ничего себе, – пробурчал сержант Коростелев, – пропустил пятикратную «наркомовскую норму»! – Затем майор давал важные показания, пока не свалился от опьянения...

29 апреля 1945

Бой длится вторую неделю с неослабевающей силой. Сегодня мы продвинулись на два квартала. Говорят, что до Рейхстага осталось четыре квартала, но в дыму и огне ни хрена не видно ни в один бинокль. От взрывов и сотрясений все рушится и падает, заваливая улицы. Танкам нашим подчас невозможно развернуться, и они маневрируют «челночно».

Обезумевшая немка с распущенными волосами с криком «О, майн гот! О, майн гот!» выскочила из подвала на улицу, но не пробежала и метров четырех, как была сражена очередью автомата из горящего дома.

Вечереет. Бой продолжается. Смерд, дым, пыль. С наступлением темноты стреляем по вспышкам с быстрой сменой позиций.

Спустились в подвал перекусить. Все грязные, потные, уставшие до предела. Есть случаи, когда танкисты и артиллеристы падают от изнеможения спящими. Но спать нельзя. Наступили часы наивысшего напряжения моральных и физических сил. В ушах звенит,

во рту горько, на плечах – словно висят гири. Эх, уснуть бы хоть часок сейчас в мягкой сухой постельке!..

Но, увы! Мужайся, солдат! Терпи! Терпение – Победа!

30 апреля 1945

За ночь продвинулись метров на 250. Едва взошло солнце. Наша артиллерия ведет сильный огонь из сотен орудий. Тяжелые снаряды летят с шипом и улюлюканьем через наши головы, летят в сторону Рейхстага. Под арт-огнем мы шаг за шагом продвигаемся. К вечеру вгрызаемся в парк Тиргартен. Наша дальнобойная артиллерия прекратила огонь из-за опасения поразить своих. Сейчас ведет огонь только дивизионная и полковая артиллерия, да минометы всех калибров. И когда мало-мальски рассеивается пыль и дым, мы видим Рейхстаг..

Вот он! Точка, куда летят сейчас, как пчелиный рой, сотни наших мин и снарядов. Стоит он серой тюрьмой с множеством выбитых окон, с зияющими пробоинами в стенах, с разбитой крышей. Крики наших артиллеристов: «Даешь по логову!», «Смерть людоеду!», «За Ленинград!», «За Сталинград!», «За Киев!»

Но Тиргартен – с бункерами и ловушками. В парке Тиргартен, где недавно гулял фюрер со своими сановниками, почти все деревья посечены артиллерией и пулеметами, и он выглядит сейчас, как участок ржи после сильного градобитья. Но мы заняли еще не весь парк.

В Шпрее плавают трупы, подушки, стулья, столы, двери, бревна и пр.

В Рейхстаге засели отборные смертники. Говорят, что они съели по горсти земли в клятве Гитлеру, что будут биться насмерть, но Рейхстага не сдадут.

В 11.00. группа наших пехотинцев из соседней дивизии, с криком «Ура!» бросилась через площадь к Рейхстагу, но была встречена шквалом пулеметного огня из окон Рейхстага и почти вся уничтожена.

Снова на несколько минут возобновляется ожесточенный огонь с нашей стороны. Все здание покрыто дымом и пылью. Пока мы ведем огонь, создаются специальные штурмовые группы.

Как только перегруппировались штурмовые отряды, наши атаки на Рейхстаг возобновились. Непосредственный штурм Рейхстага был поручен 150-й Идрицкой п.д. и 23-й танковой бригаде. Вот волнами, одна за другой бросились наши витязи в решающую схватку. Враг ведет ураганный огонь. Редуют ряды наших героев, но большинство их врывается в Рейхстаг, где завязалась смертельная рукопашная схватка. Следом туда бегут на подмогу товарищам свежие подкрепления. Идет жестокая схватка в Рейхстаге. Слышатся взрывы гранат, автоматная трескотня.

В 13.00, когда начался непосредственный штурм Рейхстага, и огонь по нему вести было нельзя, все наши огневые средства были повернуты на правительственный квартал, где находилась Рейхсканцелярия. Уже без нас там, у Рейхстага летели в воздух шапки, фуражки, пилотки и каски, и победные крики сливались с очередями из автоматов.

В третьем часу дня над Рейхстагом взвился наш флаг, его водрузили Егоров и Кантария, солдаты из 150-й Идрицкой дивизии. А бой в Рейхстаге еще долго не умолкал. 1500 человек было взято в плен в самом Рейхстаге, а всего, говорят, смертников там было 6500 человек. Весь Рейхстаг завален трупами.

В час затишья, когда была уничтожена вражеская группировка в Рейхстаге, мы добежали туда, чтобы заглянуть в чрево серого чудовища. Но пройти на верхние этажи было невозможно: все широкие лестницы, окна, проемы были завалены трупами, разбитой мебелью, а стены покрыты на сантиметр черной копотью.

С взятием Рейхстага война еще не кончилась. Бой за правительственный квартал пошел в ночь, упорный бой. На что рассчитывает враг?

1 мая 1945

Раннее утро. Международный праздник всего мира. Наш праздник проходит в ожесточенной борьбе с темными силами фашизма. Льется кровь, гибнут молодые люди. Родина, наш народ ждут от нас сигнала о Победе. Но многих из нас наши родные не ждут на этот праздник.

Человек восемь в подвале поднимаем тост за праздник, за нашу Победу. Наскоро перекусываем хлебом с консервами и выбегаем по своим местам. В пол-квартале от нас падают два самолета врага, огромный сдвоенный взрыв сотрясает все окружающее.

Фашисты упорно, с фанатичной яростью дерутся за правительственный квартал, за Рейхсканцелярию. Видимо, уничтожают архивы и как пчелы в улье, берегут своего фюрера и его цепных псов. Весь квартал объят огнем, превращается в щебень, а враг не сдается. Ну, коли враг не сдается, его уничтожают.

2 мая 1945

Всю ночь шел бой, а с восходом солнца возобновился с небывалой силой. Берлин в огне, а фашизм – в агонии.

На отдалке, в километре расстояния, на берегу Шпрее ведет бой моя третья батарея командира ст. лейтенанта Перевиспы, в которой я не был уже двое суток, и где необходимо побывать. Сказал Жарову, что еду в батарею.

В огне и дыму пробираюсь в своем «Виллисе» к Перевиспе. Добрался. Вот они, мои грязные труженики войны! Ведут огонь через Шпрее. Почти все – перераненные: у кого обвязана голова, у кого – рука, но ведут бой и разят врага. Перевиспа – украинец, красавец, богатырь. Увидев меня, он крикнул:

– Батя приехал! – схватил меня в охапку и понес в подвал. – Здесь ни минуты нельзя быть, все время бьет, гад, по нашему расположению! – говорит он мне.

Целую его в грязную щетинистую щеку, спрашиваю, как у него дела. Оказывается, что у него в батарее восемь человек убито, а остальные десять все ранены. Но батарея со своей задачей справляется, и пехотинцы на наших самоходчиков не в обиде.

– Привез вам сухой колбаски, консервов, праздничные «сто грамм» и курево, – говорю ему, – Подмени на десяток минут кого можешь, я хоть взгляну на них!

Человек шесть явились. Расцеловал всех, поздравил с праздником. Сказал, что всех представил к наградам, что война с часу на час закончится. Они меня начали качать.

– Да як же вы добрались до нас? – спрашивает Перевиспа. В отсеке подвала лежат убитые наши товарищи, я подошел к ним, снял фуражку, молча простился. Сказал, что хоронить будем за Одером со всеми почестями под нашим полковым памятником.

Прошло с час времени, как я на батарее. Я собрался в обратный отъезд к своим главным силам. Время было 12 часов дня. Слушаем: перестрелка стихает. Тут вбегает в подвал с одного орудия радист, сообщает:

– Товарищ подполковник! По радио передают приказ командующего армией Чуйкова, чтобы прекратили всякий огонь до особого распоряжения!

Выскакиваю из подвала и – в боевую машину. Одеваю наушники, слушаю:

– Внимание, внимание! Говорит командующий 8-й гвардейской армии генерал-полковник Чуйков: войскам восьмой армии огонь прекратить из всех видов оружия, но от пушек и танков не отходить. За противником следить. Со штабом армии держать непрерывную связь!

Стрельба с обеих сторон прекратилась. Наступила тишина, от которой в ушах звенит. Солдаты на ходу жуют, улыбаются. У всех – радостные лица. Все мы озадачены и чего-то ждем...

Смотрим: от переднего края обороны немцев вышла группа немецких офицеров с белым флагом и шествует прямо к нам, а по

всему переднему краю обороны противника поднимаются белые флаги и поднимаются в рост немцы. Перейдя наспех сколоченный деревянный мостик через Шпрее, группа немцев во главе с их генералом подходят к нам.

Из подвала вышел командир пехотного полка, подполковник, (которого поддерживает батарея Перевиспы), мы познакомились. Немцы подошли. Переводчик, немецкий майор, докладывает:

– Немецкая мирная делегация во главе с генералом Кребсом прибыла для мирных переговоров. Сведите нас с русским генералом!

Тут же услышали мы по радиации голос Чуйкова:

– Немецкую делегацию доставить на к.п. армии в такой-то пункт.

Командир пехотного полка и я предоставляем свои машины, и они под двумя флагами отправляются под охраной к Чуйкову.

Мы остались. Ждем. Кто закусывает, кто скоблится бритвой, иные дремлют в машинах. Перебрасываемся репликами: «Неужели война кончилась?», «Вот как оно все получается!», «Да, дела!», «Слух идет, что Гитлер – того, застрелился»...

Вернулись наши машины, отвозившие свиту Кребса на к.п. армии. Времени было около часа, как я подъехал к Жарову.

Не успели мы обмолвиться словом, как ливанул сильный дождь. Мы спустились в подвал. На перебой передаем друг другу новости. Опять вбегает радист, зовет в машину к радиации. Слушаем.

– Объявляется перемирие. Огонь всюду прекращен. Сейчас пойдут пленные немецкие войска, пропускать беспрепятственно! *Обезоруживать их и сопровождать на восточную окраину Берлина. Никаких бесчинств и насилий не чинить!*

А немцы уже идут, шлепая по грязи. На площади они складывают в одну сторону оружие, в другую – знамена. Машины следуют на окраину города.

Вот они, 75 тысяч, опустив понуро свои глаза, обжиравшиеся недавно украинского сала, голландского сыра, бредут по грязным

улицам своей столицы. Обросшие, грязные, с красными глазами, просят на малейших остановках кто хлеба, кто курить. Посматривают по сторонам, «любуются» на свою столицу, на свою Германию, на всю разрушенную Европу... Как только прошли пленные колонны и их машины, мы получили приказ выезжать из города в указанные места. Наши саперы приступают к разминированию города. Слух идет, что по приказу Гитлера в берлинском метро затоплены тысячи жителей. Затоплены те, кто укрывались там во время осады города.

Но где же Гитлер и его свита? Их ищут.

Как только прошли пленные немцы, получили приказ: выезжать из города осторожно из-за обвалов полуразрушенных зданий, падающих от сотрясения. Мне приказано со своим полком обосноваться в Фридрихсгадене, на окраине Берлина, куда к вечеру съехались все мои чумазые прокопченные боевые товарищи, оставшиеся в живых. Сюда же привезли и мертвых, которых завтра будем хоронить за Одером на польской земле.

Чистимся, моемся, бреемся, приводим в порядок оружие и машины.

3 мая 1945

Приказал начальнику штаба выстроить полк. И пока личный состав готовится к построению, я подошел к полковым кухням, около которых столпилось до полусотни немецких ребятишек разных возрастов, в большинстве же от 3 до 10 лет. Все они с протянутыми ручонками просят:

– Рус хлеба, рус хлеба!

– Ну что, Осипыч, покармлишь немецких ребятишек? – в шутку спрашиваю я своего повара, пожилого волжанина, который уже два года готовит на весь полк обеды. Повар, видимо, понял, что я за это дело ему сейчас буду давать нагоняя. Он обернулся ко мне, сверкнув своими четырьмя медалями, недовольно говорит:

– По-моему, товарищ подполковник, дети тут ни при чем! Отцы их наших детей убивали и в нас стреляли, а не они. У нас – русская душа, разве вытерпишь, когда ты, взрослый, ешь, а голодное дитя на тебя смотрит?

– Правильно, Осипыч! Только так: накорми сначала своих, а потом – их. И пусть они приходят к концу обеда и завтрака, да со своими мисочками. Повар сворныхал ребятам что-то по-немецки (наши уже почти все научились за войну изъясняться по-немецки). Смотрю: дети, как воробьи, побежали из рощи по домам за мисками. *А матери этих детей украдкой смотрят из окон на нас...*

Полк выстроен. Почти половины состава боевых экипажей нет. Кто убит, кто в госпиталях... Даю указание: 1. Выделить 25 человек из хоз. подразделений для похорон убитых. 2. Война еще не окончена, о капитуляции врага ничего не сообщено, а потому все оружие и машины держать в боевой готовности. 3. Личному составу – всем быть на месте, без разрешения не отлучаться. 4. Желаящим расписаться на Рейхстаге под командованием зам. по политчасти после обеда отправиться на это дело – в первую очередь, боевым экипажам, которые вели бой за Рейхстаг. А я со штабом сел за оформление наградных листов и за другие дела, кои скопились за дни боев.

Повар кормит немецких ребятишек. При разговоре с поваром немецкие ребята принимают стойку «смирно» и руки держат по швам. Солдафонство в крови? Думаю, да. А зам. по хозяйству говорит: «Да наш Осипыч сейчас для них, все равно, что фельдмаршал Кутузов. Они, поди, всю войну не ели так».

Расписывались на стенах Рейхстага. Стены изнутри очень закопчены, и гвоздиком или острым камешком надпись получается очень яркой. Однако, надписей уже столько, что приходится подставлять лесенку, чтобы найти с дециметр места для росписи.

Мы расписались и стали выходить, как в Рейхстаг протолкались Жуков, Телегин и Берзарин. Они обвели взором закопченные своды, расписались и уехали. Кроме фамилий – никакого текста.

Надпись на Рейхстаге: «В Бельгии вы уголь крали, в Голландии сыр глотали, во Франции вино хватали, в Польше лагеря создавали, в России жгли и взрывали, в Югославии тоже убивали, а когда мы вам под задик дали, вы побежали и на весь мир о большевистском нашествии заорали».

Приезжают и делают свои надписи также американцы и англичане. А наши солдаты меж собой говорят: «Они тоже пахали».

6 мая 1945

В одиннадцать часов дня, в предместье Берлина Шенейхе, нас, всех командиров частей, собрал на совещание командарм Чуйков. Прославленный командарм поздравил нас с Победой в Берлине и предупредил, чтобы готовились к параду Победы, что на параде будут присутствовать представители союзных войск: «Помните, что не так часто уж проводим мы парады в Берлине, а лет так через двести». – Смех.

После совещания все устремились к Рейхстагу. Кто еще не расписался – расписываются, а многие фотографируются.

Вечером проводим совещание с комсоставом полка.

8 мая 1945

Вечером сообщили о подписании акта о капитуляции Фашистской Германии, чего мы все ожидали с часу на час. И вот уже Левитан трубит на весь мир с таким пафосом, что все дрожит. Наши люди ликуют: обнимаются, целуются, улыбаются и плачут одновременно. 9-е мая объявлено Днем Победы.

9 мая 1945

День Победы. Для всего нашего народа – радостный, небывалый праздник. У всех – приподнятое настроение. Все украсились своими наградами, каждый выглядит по-парадному, сердца наполнены оптимизмом и гордостью.

В полуднях мы все – командиры полков, дивизий, корпусов со своими заместителями и начальниками штабов были приглашены Военсоветом 8-й гвардейской армии на торжественный обед в предместье Берлина Шенейхе. В огромном зале выстроены в пять рядов столы, уставлены бутылками вин и закусками, за которые нас усадили. На сцене – Военсовет нашей 8-й гвардейской армии во главе с Чуйковым, все при орденах.

Торжественное собрание открыл член Военсовета Пронин и предоставил слово Чуйкову. Последний встал, прозвенев орденами, окинул взглядом зал и после краткой паузы начал речь. Я ее записываю почти дословно:

– Дорогие товарищи, боевые друзья!!! Сегодня народы Советского Союза, народы союзных стран, все миролюбивое человечество радуются нашей Победе над германским фашизмом и торжественно отмечают этот день как всенародный праздник. Прежде, чем дожить до этого дня, наш народ принес великие жертвы, – когда командарм повышал в волнении свой голос или поворачивался, его многочисленные ордена издавали мелодичный малиновый звон и переливались всеми цветами радуги. – Сегодня наступил долгожданный мир. Скоро многие из вас вернутся к мирному труду, к своим родным и близким. Многие останутся еще служить в рядах нашей славной армии. Но где бы мы с вами не били, мы останемся верными сынами Советской Отчизны.

От имени Военного совета и командования 8-й гвардейской армии всем вам желаю благополучия и личного счастья, ибо без личного счастья не может быть успеха в государственной службе. Всех вас я благодарю за честную и самоотверженную службу, за то, что вы, не жалея своих сил, не щадя своей жизни, выполнили свой долг перед Отечеством. Помните и не забывайте своих боевых друзей, живых и мертвых. Не стесняйтесь, рассказывайте своим детям и внукам о подвигах своих и ваших товарищей!

Да здравствует наша любимая Родина – СССР!

Да здравствует наш советский народ, народ-победитель!
Да здравствует наша Коммунистическая партия во главе с великим Сталиным!

Весь зал поднялся, долго не смолкали крики «Ура!» и бурные аплодисменты, от чего сотрясались стены здания.

Затем командарм вручил многим боевые ордена. Мне был вручен второй орден Боевого Красного Знамени.

Затем начался торжественный обед. Тут уж пили и кушали «по потребности». А на сцене начался концерт московских артистов. Великая Победа над темными силами совершилась.

Штаб армии и Военсовет дали нам указание, чтобы с 10 по 17 мая дать обеды: в дивизиях, полках, батальонах, ротах, взводах и в каждом отделении отдельно.

Поздно вечером обед и концерт, для всех нас исторический и незабываемый, был окончен.

11 мая 1945

У нас сейчас много свободного времени, и мы часто делаем вылазки в достопримечательные места Германии.

Едва были мало-мальски расчищены улицы и площади Берлина, как наши союзники организовали окошко Рейхстага т. н. «международный базар». И началась здесь мелкая спекуляция, наподобие такой, какая была в 1919–20 гг. в Москве на Сухаревке. Главными «биржевиками» здесь выступают американские и английские офицеры и их солдаты.

Продают тушенку, автомашины, канистры со спиртом, иконы, рейтузы, порнографические открытки и альбомы, презервативы, зажигалки, пистолеты, часы, мануфактуру и пр. Большая часть барахла – трофейная.

Мы прохаживаемся с начштаба майором Воротинцевым. Вот перед нами американский подполковник стоит с поднятыми рука-

ми, закатанными по локти рукавами, на обеих руках – по полдюжины ручных часов разных фирм. Он продает часы. Он же предлагает шелковые французские презервативы...

К нам подходит американский капитан. Он, видимо, уже продал «свою продукцию», т. к. в руке у него пачка «союзных марок». Он довольно хорошо говорит нам по-русски:

– Вы, русские, имейте дело с нами, и не имейте со «Старушкой» (так американцы называют сейчас Англию). Девятнадцатый век был веком Англии, двадцатый век – американский, двадцать первый, возможно, будет веком Росси, – затем склоняется к уху и доверительно предлагает: – Не желаете ли красивых девочек? Через 20 минут доставлю на меблированную квартиру. Цена 100 марок. Немки, итальянки, француженки? А может, желаете машину? «Хорх». «Линкольн», «Мерседес». Цена три тысячи марок...

– А где вы возьмете машину? – спрашивает его Воротинцев. – У своего генерала. Скажу – выездил мото-часы. Я – его адъютант, он меня любит и обязательно поверит, – и он засмеялся над своим остроумием.

Недисциплинированность и развязанность среди американцев бросается в глаза. Они походят сейчас на «наших» анархистов 1919 года.

Везде они торопятся. Кушают, как правило, стоя, жуют на ходу. Разве вот только в ресторане нашем сидят часами, пьют смеси («ерша»), кладут ноги на стол и без зазрения совести выпускают газы, как жеребцы на конюшне. Если это все у них считается признаком цивилизации, то что же тогда называть дикостью?

Но американцы в отличие от англичан – более общительные, менее надменные и чванливые. Англичане – более угрюмые, молчаливые. Если вы спрашиваете английского офицера старше себя в звании, он с вами не заговорит: смотрит как истукан и молчит. У каждого из них страсть – повелевать и безапелляционно приказывать. Из плохих союзников они становятся хорошими врагами.

Французы – юркий, подвижный и веселый народ. Я не видел случая, чтобы француз не удостоил вниманием, если к нему с чем-либо обращаемся. К русским они всюду относятся с подчеркнутым уважением.

В период с мая по июль 1945 г. англичане провоцировали с нами несколько драк в ресторане (ресторан – наш, но в нем всегда в два раза больше англичан и американцев), но всегда наши давали им как следует «прикурить». Американцы в таких случаях не вмешивались и всегда аплодировали нашим. Но это было в первые недели победы над фашизмом. В дальнейшем американцы становились такими же, как англичане, все больше и больше отклоняясь от своих обязательств, от выполнения ранее принятых ими же самими решений. Их больше интересовало наше выступление против Японии, больше ничего. Словом, барышники остаются барышниками, тарханы – тарханами.

13 мая 1945

Солдаты из армии Чуйкова сегодня пели «Эпитафию фашизму» у стен Рейхстага.

*Гитлер с Муссолини
Между собой решили
На части, на пол-части
Россию поделить:
– Тебе, Бенито, нужно –
Кавказ, там климат южный,
А я – фюрер ушлый, могу все подарить.*

*Мы русских уничтожим.
Свою славу умножим,
Что нам Карл Шведский?
Что Наполеон?
Гармоники губные,*

*Дивизьи голубые,
В два счета мы окружим
Москву со всех сторон!*

И т.д.

Эпилог

На моих глазах и в моей памяти началась и окончилась Великая Отечественная война. Наш народ вышел из этой войны победителем.

Из развалин и пепла скоро поднимутся новые города и станицы. Люди уберут мусор, выстроят сады и парки. Высохнут слезы миллионов вдов и сирот. Наши люди под руководством нашей Партии сделают все, чтобы людям жилось хорошо и счастливо – за что и боролся наш народ.

По свежему утреннему воздуху радостно побегут в школу наши дети, и будут говорить: «Мой папа воевал в Сталинграде», «А мой дед штурмовал Берлин!»

Много будет написано книг, создано кинокартин о бессмертных подвигах героев войны, и никогда не померкнет слава о минувших днях нашей истории.

На этом я заканчиваю свой дневник войны.

*Июнь 1941 – май 1945
Шенейхе, предместье Берлина*

Приложение

Война с белофиннами

Однако, вернемся к событиям 1939 года. Итак, я прибыл в Балашов, к месту назначения, где срочно формировалась 173-я мотострелковая дивизия. За подписью Мизернова у меня на руках была выписка из приказа, что я назначен комиссаром 204-го отдельного батальона связи. Командиром дивизии был полковник Марцынкевич, комиссаром – Швед, начальником политотдела – Хрусталеv, а начальником штаба – полковник Кравченко. 204-м отдельным батальоном командовал капитан Дубровин. В батальоне почти весь офицерский состав был налицо, рядовой и сержантский лишь только стал прибывать из ближайших районов. Среди них оказалось немало моих земляков, чему я весьма обрадовался.

В начале ноября уже было довольно холодно, и старики предсказывали, что зима с 1939 по 1940 год будет лютой. С прибывающим пополнением после разбивки по подразделениям тут же начали занятия. Расположена была наша часть в центре города на Красной улице в здании клуба Осоавиахима, где с утра до вечера – проверка, пополнение, шум, гам.

30 ноября до нас дошла весть, что начались военные действия с Финляндией. Наше формирование пошло форсированным темпом. До штата укомплектовывались личным составом, техникой связи, вооружением. Оформляли партийные и комсомольские организации. В нашем соединении наскоро прошла дивизионная партийная конференция, на которой я был избран зам. секретаря П.К. А в декабре мы погрузились в эшелоны и поехали на фронт. Все мы уже были в новой форме: шапки-ушанки, полушубки, ватные брюки и валенки. Зима действительно была лютая, морозы часто переваливали за -40.

Когда наши эшелоны пошли с Москвы на Ленинград, мы встретили несколько эшелонов, в которых везли с фронта обморо-

женных красноармейцев и офицеров еще в старой форме (ботинки с обмотками, шинели, «буденки»). Следующие с фронта товарищи на остановках рассказывали нам о мощных железобетонных укреплениях белофиннов, о хорошей выучке их солдат и офицеров, об их дерзости и устойчивости в бою, о том, что белофинны метко стреляют и все вооружены автоматами.

В самом начале января наша дивизия выгрузилась за Ленинградом, в районе Красная горка. Нашему батальону связи тут же было приказано: навести линейную связь на тот берег финского залива протяженностью 45 километров и связаться с частями, ведущими бой с белофиннами. В истории войн это была самая длинная линия связи.

Трещали рождественские морозы. Водка в бутылках замерзала в лед, консервы, хлеб – все превращалось в камень. Чтобы линия связи работала бесперебойно, через 2–3 километра посадили телефонистов-дублеров. А чтобы телефонисты не замерзли, им было приказано тут же соорудить себе шалаши из снега. Кроме того, каждого дублера обеспечили банкой с сухим спиртом, на которой можно за несколько минут разогреть консервы, сварить суп из концентрата, и самое главное – отогреть руки. Но, несмотря на все это и на теплое обмундирование, люди не только обморачивались, но и совсем замерзали. Замерзали те, которые засыпали. На лыжах обхожу линию связи.

В середине января 1940 года нашему корпусу было приказано в полном составе переправиться на финский берег. Машина людей – до пятидесяти тысяч, уйма техники и имущества. Выдержит ли все это толща льда? Ленинградцы говорят, что в некоторые зимы Финский залив вовсе не замерзает, а если замерзает, то лед образуется небольшой толщины. Но в этом году – зима исключительная, и что-де лед должен быть мощным. Дороги расчищали в пять линий. Опробовали. Как будто все нормально. В ночь двинулись машины, десятки их пошло к финскому берегу. И, как нарочно,

одновременно с этим дунула невиданная пурга, которая тут же замела дороги. Машины не могли двигаться ни вперед, ни назад. Пурга бушевала около четырех суток. В некоторых машинах заморозились блоки, радиаторы, замерзли шоферы. Мы были беспомощны что-либо сделать. Начальники, командиры рвали волосы и плакали.

Я помню, как на четвертые сутки пурги к нам в штаб дивизии прибыли два инженера из Л.В.О. (как они добрались – удивительно), и начали разговор с командиром и комиссаром дивизии, и разговор этот был резким и тревожным. Инженеры сообщили, что по метеорологическим данным, из Балтики в залив устремилось теплое течение, и машины, застрявшие на льду, могут провалиться. Пурга должна скоро прекратиться, а потому следует выслать людей с лопатами, чтобы расчищать дороги и проталкивать машины. Командир дивизии Марцункевич, ухватившись за голову, стонал: «Все пропало! Все пойдет ко дну! С меня голову снимут! Ну что я могу сделать?»

Но начальник штаба Кравченко уже рассылал людей с лопатами, давал указания, кому что делать. На наше счастье, через несколько часов пурга действительно стала ослабевать. Люди копошились по всему заливу, словно в муравейнике. Тягачи вытаскивали машины обратно на берег. Отогревали радиаторы, расчищали снег. Немало машин удалось вытащить на берег. К вечеру лед начал трещать, у финского берега пошли под лед три автомашины с грузом и два танка. Но переправляться надо было во что бы то ни стало. Машины стали переправлять с большими интервалами и на больших скоростях. Через полсутки все переправились. Все облегченно вздохнули. Молодец Кравченко!

В заснеженном лесу среди гранитных валунов на финском берегу стали расчищать дороги, рассредоточиваться. На второй день нас, командиров и комиссаров частей, собрали на совещание в штаб армии. Он располагался в большом сарае, это было одно из уцелев-

ших зданий после белофиннов, которые при отступлении все сжигали.

Совещание открыл командующий нашей армией генерал Мерецков. С ним за столом сидели генералы Воронов и Павлов. Павлов не так давно вернулся из Испании, у него на груди блестела звезда Героя Советского Союза. Мерецков знакомил нас с тактикой и приемами противника, с театром военных действий, с климатическими особенностями, требовал привести оружие и технику в состояние полной готовности. Вообще, давал толковое разъяснение всем нам вновь прибывшим. Дельно выступал и генерал Воронов, говоривший главным образом о применении артиллерии. Но выступление генерала Павлова нам не понравилось: он говорил грубо, в возбужденном тоне, намекал на мордобой подчиненных*.

Вскоре наша 173-я мотострелковая дивизия вступила в бой. Мы были на самом левом фланге нашей армии и шли по берегу Финского залива по направлению на Выборг. На нашем пути было две крепости: Койвисто и Тронсгуд, которые мы брали штурмом. Продвигались наши части медленно: крепости, глубокий снег, леса, болота, лютые морозы сковывали наше движение. К тому же, на нашем пути были мощные укрепления противника: минные поля, лесные завалы, противотанковые рвы, проволочные и спиральные заграждения, а по этим препятствиям в шахматном порядке были сооружены железобетонные ДОТы, а на деревьях замаскированы снайперы-«кукушки».

Финны хорошо знали местность, вели тщательную разведку, у них была хорошо организована связь, отработана одиночная подготовка солдата. Это был серьезный и коварный противник. Почти всегда они вели по нам огонь из железобетонных дотов, а мы шли по открытой местности. Но, как говорил генерал Панфилов, «воюя – учишься воевать!» наши воины овладевали тактикой и приемами врага, учились поражать его и в железобетонных дотах, снимать с деревьев «кукушек», переносить холод, преодолевать различные препятствия.

Несколько слов о т.н. «Линии Маннергейма». О ней, кроме участников Финской войны, мало кто знает. Эта линия укреплений создавалась на протяжении двадцати лет под руководством лучших военных специалистов нескольких западных стран. Она достигала нескольких километров в ширину, а в длину тянулась через весь Карельский перешеек более чем на 120 километров. Вся эта полоса была покрыта минными полями, завалами деревьев, проволочными заграждениями, противотанковыми рвами, врытыми глубоко в землю гранитными столбами. Причем, мины были под завалами, под проволокой, на дне танковых рвов, среди надолбов – везде. Кроме всего прочего, по всей этой оборонительной полосе были сооружены в шахматном порядке железобетонные огневые точки (ДОТы), где имелось отопление, эл. освещение, ходы сообщения и телефонная связь между точками. Вооружены точки были пулеметами и пушками. В лесу по деревьям в шахматном порядке так же в оборудованных точках сидели снайперы («кукушки») с определенным сектором обстрела.

По ходу войны было видно, что о Линии Маннергейма было мало известно даже многим нашим вышестоящим военным начальникам. Однако, наши люди, офицеры и солдаты, быстро поняли, насколько серьезна эта преграда, распознали тактику противника и в ходе военных действий изобретали свои средства борьбы. Не смотря на суровую зиму (а белофинны сжигали все помещения за собой, чтобы нам негде было обогреться в лютые морозы), труднопроходимые леса, снега и болота, на исключительные военные укрепления, наши воины били врага и продвигались вперед. Ночью, в пургу, наши солдаты подползали к ДОТам, подкладывали взрывчатку и рвали их. Саперы под огнем врага расчищали завалы, проволочные заграждения, обезвреживали мины. Перед наступлением пулеметным огнем уничтожали «кукушек» на деревьях. Изобрели «миноуловители». Наша артиллерия и авиация метким огнем уничтожала ДОТы. Так постепенно прогрызали мы Линию Ман-

нергейма. Четко стали работать наша связь и разведка. Питание и медицинское обслуживание в той войне были поставлены хорошо, даже отлично.

Мы всегда в достаточном количестве имели не только концентраты (кашу, лапшевник, картофельное пюре и др.), но и сухую колбасу, шпик, корейку, консервы. У каждого воина была банка сухого спирта, на которой можно было за несколько минут разогреть себе и товарищу завтрак или ужин. И мы все, участники той войны, глубоко признательны нашим рабочим, колхозникам и медработникам за такое обеспечение наших воинов.

В конце февраля 1940 года, преодолевая бешеное сопротивление противника, получавшего щедрую поддержку в вооружении и технике от Англии, Франции и Германии, а также от Швеции, мы овладели крепостями Койвисто и Тронсгуд, которые были главными узлами сопротивления на пути к Выборгу. Линия Маннергейма была сокрушена. Белофинны вместе со своими западными союзниками убедились, что нет таких крепостей, которые не были бы сокрушены Красной Армией. Но враг еще продолжал яростно сопротивляться, взирая на Лондон, Париж и Берлин. На втором этапе войны белофинны несли огромные потери, которые всячески скрывали как от нас, так и от своего народа. Мы обнаружили сотни убитых финнов в погребах под картошкой, в оврагах под снегом, в склепах на кладбищах, в подвалах домов и т.п. однако, справедливости ради, надо сказать, что физическая и военная подготовка у финнов была отличная: смелость, дерзость, патриотический дух и дисциплина были выше всяких похвал. Вообще, Финская война научила нас многому.

Наступил март, но еще стояли крепкие морозы. В один из таких дней перед вечером я зашел в штаб дивизии. По делам связи мы со своим командиром Дубровиным часто сюда заходили, а еще чаще нас туда вызывали в случаях нарушения связи. Кроме того,

начштаба дивизии полковник Кравченко был членом дивизионной Парткомиссии, а я с января, после гибели секретаря Парткомиссии Нуйкина, как его заместитель, был теперь секретарем. В общем, с Кравченко, с этим замечательным человеком и военачальником, мы стали друзьями. Часто встречались то в штабе по делам обеспечения связи, то на заседаниях Парткомиссии.

Получив нужные указания, я было собрался уходить к себе в батальон связи. В это время с передовой прибыла группа разведчиков, которые докладывали полковнику данные о противнике и о том, как идет бой. Кравченко имел привычку перепроверять наиболее важные донесения. Выслушав разведчиков, он сказал мне: «Обожди минутку, мне туда же нужно, пойдем вместе?» И на этот раз полковник шел перепроверить данные, доставленные ему разведчиками. Нас было семь человек.

Мы шли по дороге, проложенной в лесу нашими танками и кое-как расчищенной саперами, и подходили к холмам, где дорога круто сворачивала вправо к позициям, где шел бой. Впереди нас шли два автоматчика, за ними – мы с полковником, за нами – еще трое разведчиков. И вот, едва мы свернули на повороте, как столкнулись лицом к лицу с группой белофиннов. Их было человек пятнадцать, все на лыжах, впереди – офицер. Это было для обеих сторон так неожиданно, что как мы, так и финны на какое-то мгновение замерли. Первым засуетился финский офицер, который торопливо потянулся к кобуре за пистолетом. И вот, с быстротой молнии, Кравченко застрочил по толпе финнов из автомата и сразу же скосил человек шесть. «Ложись и стреляй!» – крикнул он нам, продолжая стрелять по убегающим в кусты финнам. Мы некоторое время строчили наугад по кустам, затем по команде полковника прекратили. Он приказал разведчикам прочесать местность, а мы с ним извлекли оружие и документы у убитых. В кустах на обочине дороги оказалось еще два убитых – итого восемь. Остальные исчезли, и мы прекратили их преследовать. Мы

вернулись обратно в штаб, захватив собой убитого офицера. Кравченко**, отослав разведчиков на свое дело, тщательно исследовал документы и карту убитого. Всем нам он настрого приказал молчать о стычке с финнами.

Когда разведчики ушли, он нам в узком кругу сказал, что белофинны шли уничтожить штаб нашей дивизии, а убитый офицер – очень важная «птичка». Забегая вперед, скажу, что после заключения мира, когда нам часто приходилось встречаться с финскими офицерами по ряду вопросов, они наводили справки, допытывались, кто же убил их офицера Фон Киссена. Последний оказался любимцем Маннергейма, выдающимся финским спортсменом. Вроде бы, он был чемпионом Финляндии по стрелковому спорту, по плаванию, по лыжам, по боксу, велосипеду и мотоциклу.

5-го марта 1940 года на наш участок фронта прибыл из Москвы какой-то высокопоставленный генерал. Говорили, что этот генерал недавно только вернулся с Дальнего Востока. Он собрал на совещание командиров и комиссаров частей нашего корпуса. Этот молодой и довольно красивый генерал (фамилию которого я не помню) в резкой форме потребовал от нас усилить натиск на врага, показать пример рядовому составу в мужестве и отваге. Не считаясь ни с чем. «До каких это пор мы будем валандаться с этими белофиннами?» – говорил он. «Подумаешь, какие вояки! Всему политсоставу и штабным работникам сейчас же отправиться на передовую (а политсостав и был все время на передовой)! Нечего сидеть за бумагами! Пора от слов перейти к делу! Это установка товарища Сталина!»

После совещания нас всех послали в боевые части, главным образом в пехотные. Я оставил за себя в своем батальоне связи секретаря парторганизации Выскубова, а сам пошел в пехотный полк, которым командовал капитан Чакваная, а комиссаром был Аронов. Нам была поставлена задача: ночью захватить высоту 162 и удерживать ее до подхода главных сил. От исходной точки, откуда мы уже

в темноте двинулись напрямую, до высоты было километров десять. Идем густым лесом по глубокому снегу, мороз – за 30, по бездорожью, напрямую, как самая обычная толпа.

Мы некоторое время шли во главе колонны: командир Чакваная, комиссар Аронов и я. В середине толпы усилился разговор, он демаскировал нас. Мы возмутились, приостановились, пропуская колонну. Снег местами доходил до груди человеку, солдаты и командиры с большим трудом преодолевали свой путь. Мы прошли всего километра три, а уже порядком устали. От нас на морозе поднимался пар. Ночь была облачная, но временами из-за облаков показывалась луна.

И вот, едва мы пропустили голову колонны, как с двух направлений по нас ударили «кукушки». Все без команды бухнулись в снег. Лежим, молчим, а «кукушки» поливают колонну свинцом. Вскоре послышались стоны и крики, это уже были раненые. «Перебьют тут нас всех сейчас, как баранов!» – думаю я. Надо рассредоточиваться. Никакой команды не слышу. Куда делась команда с комиссаром? Я их не вижу. Живы ли они? Я уже хотел ползком отправиться под ближайшую ель. Гляжу – совсем рядом стволом из снега торчит станковый пулемет. Подползаю: рядом из снега торчит чей-то зад. Бью голицей – зашевелился. Это оказался пулеметчик. Матом привожу его в сознание.

– Да ведь «кукушки» нас всех перебьют! Давай лупи по вспышкам, чего как страус голову спрятал, а пулемет рядом?

– Да я не знаю, где у меня второй номер! – оправдывался и лязгал зубами пулеметчик.

– Я буду за второго номера! – говорю ему. А пули жужжат – только ветки валяются.

И вот, пулемет заработал.

– По вспышкам бей, по вспышкам! – слушаю, одна финская точка замолчала. В это время наши открыли такую стрельбу, что в лесу из-за грохота ничего не было слышно. Но вот стрельба стала

затихать. Слышу голос командира, он приказывает прекратить стрельбу. Пробираюсь к нему, спрашиваю:

– Жив-здоров?

– Все в порядке.

Подошел комиссар. Советуемся: выявить раненых, убитых, собрать на короткое совещание командиров рот.

Уточнили: убитых – семнадцать, в т.ч. один лейтенант и два сержанта, раненых – двадцать семь. Решили послать впереди усиленную разведку, и двигаться, время от времени обстреливая вокруг, где густой лес, деревья, где могут быть «кукушки». Раненых отравили в тыл.

Таким образом мы шли. До высоты 162 оставалось километра два. Дорогу нам пересекло озеро метров двести в ширину, в длину – неизвестно сколько. Здесь враг приготовил нам две засады, о которых мы не знали. Финны пропустили через озеро нашу разведку, а как только на лед вступили наши главные силы, финны открыли фланговый огонь слева и справа и сразу положили на льду человек двадцать наших. Мы отхлынули назад с озера. Среди убитых был комиссар полка Аронов.

Уединившись за гранитными валунами, мы втроем стали совещаться о том, что предпринять, чтобы выполнить приказ командования, дабы занять эту зловещую высоту 162, до которой оставалось километра два. Путь наш был поистине тернистым: мы не убили ни одного белофинна (кроме шести «кукушек»), не взяли ни одного пленного, а сами уже потеряли до сотни убитых и раненых. Нам надо было не только идти наугад и преодолевать в дремучем лесу глубокий снег, но и коварные передвижные засады врага, его всевозможные ловушки и минные поля. Что бы то ни было, а боевую задачу мы должны были выполнить.

Мне принесли документы убитого комиссара полка Аронова. Все мы были потрясены его смертью. Командир полка Чакваная уже не раз повторил:

– Трудно мне будет без комиссара!

Я тогда сам себя объявил комиссаром полка и сказал командиру:

– До конца операции я буду у тебя комиссаром, а после операции Политотдел назначит тебе нового!

Чакваная несколько успокоился и обнял меня, сказав:

– Спасибо! Я думал, что ты сейчас уйдешь, ты же представитель Политотдела дивизии!

Мы решили обойти озеро справа. Для этого послали усиленную разведку с пулеметами. На наше счастье, белофиннов на правом фланге не оказалось, лишь были следы их лыж на снегу (видимо, их была небольшая группа, да к тому же они себя обнаружили). Мы стали пробираться к высоте. И, наконец-то, вот она, злосчастная высота! Мы заняли ее без боя, ни одного белофинна на ней не оказалось. Усыпанная гранитными валунами и покрытая вековыми елями и соснами, ночью в лесном массиве она была едва заметным выпуклым местом.

Едва мы поднялись на высоту, как измученные солдаты тут же валились на снег и засыпали. Мороз ночью крепчал, и было, видимо, где-то около сорока градусов. Я, увидев эту повальную спячку, не на шутку встревожился, и к этому были основания. Во-первых, уснув с усталости, сильно вспотевшие люди могут во сне не только обморозиться, но и совсем замерзнуть. Во-вторых, без сторожевого охранения коварный противник во сне без шума нас может вырезать, что он уже проделывал в некоторых местах. Ищу командира. А сам устал так, что валюсь с ног и весь мокрый. Маскировочный халат на мне изорван в клочья.

Наконец, среди сонного царства разыскал командира. Он дремал под большой елью вместе с командиром разведки. Добудился, и сразу же:

– Слушай, командир, ведь мы – в серьезной опасности: враг рядом, он все время зорко следит за нами, в любую минуту набро-

сится с финками и всех переколет! А наши все спят. Постов не выставили, да и померзнуть могут. Собирай командиров подразделений и политруков на совещание живо, здесь и задачу им поставим!

Связные поползли в свои подразделения за командирами. Командир приказал: 1) Занять круговую оборону, на вероятных участках нападения выставить секреты и пулеметы. Выставить часовых, закопаться в снег. 2) Часовым через каждые полчаса будить спящих и переворачивать. 3) Объявить о местонахождении штаба и санпункта. Это было около двенадцати часов ночи.

В два часа ночи финны одновременно с двух сторон дерзко бросились на нас. «Белофинны!» – раздался зычный голос часового в одном направлении, и тут же хлестнули очереди автоматного и пулеметного огня. «Белофинны!» – раздалось в другом месте, и там застрочили пулеметы. Враг, видимо, не ожидал такого отпора с нашей стороны. В длительный бой финны на ввязывались, это не в их тактике. Оставив десятка по два убитыми на обоих направлениях, они отхлынули назад. «Усилить наблюдение и все быть начеку до получения моей команды!» – передавал через связных распоряжения по подразделениям командир полка.

Едва забрезжил рассвет, как белофинны, демонстрируя наступление на прежних местах, фактически попытались нанести удар в двух новых направлениях. Но и этот «фокус» врага не удался. Ведь огневых средств в наших частях в то время было больше, чем у финнов. Главное было в том, чтобы эти средства умело организовать, применить массированно в решающих направлениях.

Почти трое суток в трескучие морозы, на сухом пайке без горячей пищи отбивались мы от вражеских атак на высоте 162. Связь со штабом дивизии была прервана еще в первый день. Посылаемых нами для установления связи лыжников перехватывали финны, и только в последний день нам удалось установить связь. В се-

редине дня 9-го марта наша рация заработала: ее восстановил связист Саврасов. О, как мы все обрадовались! Перепрыгивая через раненых и обмороженных, мы с Чакваная побежали к рации. С нами говорил начштаба дивизии полковник Кравченко: «К вам подходит подмога. Держитесь. Организуйте жесткую оборону. Командование объявляет вам благодарность. Война в ближайшие дни окончится!»

Настроение у всех поднялось до открытого ликования. Но еще прошло около суток, пока подошли наши основные силы. Это было утром десятого марта. Многие обнимались с подошедшими к нам в авангарде автоматчиками и плакали. Прибывшие занимали наши позиции, а мы уходили во второй эшелон. Мы шли опять по глубокому снегу, тащили с собой раненых товарищей, но настроение у всех было приподнятое.

Не доходя метров триста до штаба дивизии, я присел под сосной, обессилев, пропуская своих измотанных товарищей. Сквозь просветы между деревьев проглядывало мартовское солнышко, и я незаметно задремал, уснул. Это был смертельный сон замерзающего человека. И, видимо, я уснул бы под этой сосной навсегда. Мне было так хорошо: я находился в каких-то райских местах среди цветущих вишен, среди журчащих фонтанов – вероятно, я был во власти галлюцинаций. И вот, сквозь сон слышу, как захрустел снег – ко мне подошли люди, они подняли меня на ноги, открыли мне глаза и потащили к дороге. А я так бы и растерзал их за то, что они прервали мне такой блаженный сон.

Посланные полковником Кравченко два автоматчика притащили меня в дивизионный лазарет. Это была большая двойная палатка нашей санчасти. Здесь было тепло от раскалившейся печки-временки. Меня раздели, влили в рот рюмку коньяку, начали оттирать конечности. А через минуту я истошно орал от боли и окончательно проснулся. Мои руки и ноги были массивно обмотаны ватой и бинтами и горели как в огне.

– Спасибо говорите полковнику Кравченко, – нагибаясь ко мне, говорит нач. санчасти наш врач Анна Васильевна, – это он послал несколько связистов, чтобы собрать по дороге отставших и обессиленных. Несколько человек доставили сюда, и вас с ними. Еще с полчаса не обнаружили бы вас, и вы замерзли бы. А теперь все хорошо!

Нас кормят горячим супом. Сколько уж дней мы не видели горячей пищи? А после завтрака я погружаюсь в глубокий сон.

Просыпаюсь от резкого разговора. Спорили и стонали раненые. Большинство здесь было обмороженных. Врачи и санитары снуют от одного больного к другому – кого перевязывают, кого кормят, кого успокаивают. Меня особенно одолевает боль в руках.

– Неужели я обморозил руки, – спрашиваю я врача Анну Васильевну.

– Ну нет, не беспокойся, родненький, все у вас хорошо. У вас обмораживание не серьезное. Поболит несколько дней и пройдет. Не волнуйтесь.

12-е марта. День ясный, морозный. В оконца нашей палатки проглядывает солнце. Мы все, больные, раненые и обмороженные, только что закончили свои завтраки. В палатку к нам заходит наш любимец, всеми уважаемый в дивизии полковник Кравченко. Кто только мог, подняли головы и с радостью смотрели на него. Раскрасневшись с мороза, полковник спешно у входа одел халат и потом, пройдя на середину палатки, заговорил:

– Здравствуйте, дорогие товарищи! Наши герои и труженики войны! Сообщаю вам, что война с Финляндией окончена. Подписан мирный договор. Территория до Выборга, т.е. весь Карельский перешеек отошел к нам вместе с городом Выборгом. А на севере также отошли к нам Печенга и Петсамо. Так что, быстрее выздоравливайте, дел у нас впереди много. Многие из вас представлены к правительственным наградам.

Все ожили как-то, благодарили полковника за радостное сооб-

щение, улыбались. Затем, спросив что-то у врача, Андрей Герасимович подошел ко мне. Справившись о моем здоровье, он сказал:

– Выздоровливай, тебя ожидает приятная новость. А я спешу – делов по горло.

И ко всем:

– Желаю вам, товарищи, скорейшего выздоровления!

** – Забегая вперед, следует сказать, что после окончания Финской кампании Павлов был назначен командующим Особым Западным Военным Округом. С началом нападения фашистской Германии на СССР этот Округ преобразовался в Западный Фронт, которым командовал Павлов. В первые же дни боевых действий войска фронта были деморализованы до развала. Связь с боевыми соединениями была парализована, царила паника и неразбериха. Управление войсками Павлов потерял. Тысячи наших солдат и офицеров попали в окружение и в плен к фашистам. Видимо, Павлова переоценили, назначив на столь ответственный пост. В результате он был смещен, осужден и расстрелян.*

*** – Также считаю необходимым сказать несколько слов о полковнике Кравченко. После Финской войны этот человек заслуженно стал расти по службе, и все мы, кто знали его близко, радовались этому. В Отечественную войну он уже командовал танковой армией, а после войны был командующим бронетанковыми войсками Прибалтийского Военного округа. В звании генерал-полковника и на этом посту он скончался в 1966 году. Последнее его письмо ко мне было в 1951 году, когда я получил назначение на Север. Он приглашал меня служить к себе.*

Между двух войн (Бессарабский поход)

Прошла неделя после окончания войны. Вчера штаб дивизии переехал в местечко Сяккиярви, а сегодня туда переправляют и нас. Впервые за всю эту лютую зиму мы размещаемся в теплых и светлых помещениях. У финнов – добротные и уютные жилые помещения, и они нам кажутся раем.

Ноги мои отошли, в них еще ощущаю боль, но терпимую, а на руках все пальцы взволдырявили, как после сильного ожога. Боль острая. А если неосторожно заденешь – хватает за сердце. Нынче, во время перевязки, врач Анна Васильевна сказала, что в первые дни стоял вопрос об ампутации некоторых пальцев на руках, но теперь эта опасность миновала. Лишь спадет шкура и ногти на некоторых пальцах, и только.

Наши воины вторую неделю хоронят своих товарищей: роют большие братские могилы, наполняют их убитыми и замерзшими и закапывают. На надгробные знаки наносят обыкновенным химическим карандашом имена известных.

Среди штабников идет скрытый слухок, что нашу дивизию скоро отправят на юг. А у меня в Парткомиссии скопилась уйма дел, и они ждут меня, а заместителя своего Колесатова я никак не найду – он где-то занят с похоронами.

В палату принесли свежие газеты. Я читаю больным, и они с жадностью слушают. А новостей в мире сейчас – хоть отбавляй. Вот в Англии и во Франции правящие круги крайне раздражены нашим мирным договором с Финляндией. А в центре и на севере Европы разбойничает Гитлер, и это вызывает меньшее беспокойство в Лондоне и Париже.

К концу подходит март, а я все в госпитале. Совсем было мы нацелились перебраться в теплые края, но пришел приказ – дивизию нашу оставили до особого распоряжения охранять госграницу до передачи ее погранвойскам. Значит, мы теперь – пограничники?

Сегодня полковник Кравченко проводил совещание с начальствующим составом. Он требовал навести порядок в частях, особенно с оружием и техникой, закончить захоронение тел убитых и замерзших. С забинтованными руками, которые держу выше головы, чтобы избавь бог не ушибить, я тоже пошел на это совещание. После чего просил Кравченко, чтобы он разыскал моего заместителя Колесатова и заставил его провести заседание Парткомиссии, т.к. Кравченко является членом комиссии. Дел там скопилось много, а я не могу провести заседание, и писать мне нельзя. Вскоре явился Колесатов. По болезни я ему временно передал обязанности секретаря Парткомиссии.

Во второй половине апреля мне сняли с рук повязки, и я впервые тщательно осмотрел их. Все ногти слезли, а новые не показывались. Врачи успокаивают, что все будет нормально. Мои руки чем-то смазывают, бинтуют и велят носить легкие галочки. Я не могу удержать в своих руках какой-либо жесткий предмет, а тем более стакан горячего чая.

А весна вступила в свои права даже здесь, в Карельских лесах. Снег почти весь растаял, всюду – лужи, болота. Я сижу с Колесатовым в Парткомиссии. Мы ведем с ним разговор о наших делах. Завонил телефон. Колесатов поднял трубку, но передает мне. Я же в своих руках трубку еще не могу удержать, и Колесатов держит ее у моего уха. Звонит Кравченко: «Ты извини меня, что я не мог быть на заседании Парткомиссии, – говорит он, – я только что вернулся из Ленинграда. Поздравляю тебя с правительственной наградой! Найди газету «Красная звезда» за 14.4.1940 года, там себя найдешь. Если есть время, зайди сейчас».

Я тут же поспешил к полковнику. Мы поздравили друг друга с наградой и обнялись. Помолчали. Он вполголоса заговорил: «Привез важный приказ. Завтра будет важное совещание. Скоро мы отсюда уедем. Пока знай об этом один. А сейчас сажусь за подготовку совещания». Я поспешил освободить полковника и не мешать ему в делах.

17-е апреля 1940 года. Местечко Саккиярви. Открылось совещание командного состава 173 м.с.д. Совещание открыл командир дивизии Марцынкевич и предоставил слово полковнику Кравченко. Кравченко сообщил о приказе, по которому наша 173 м.с.д. 22-го апреля на своих машинах со всем своим имуществом и вооружением снимается и следует в Ленинград, где грузится в ж.д. эшелоны и движется в новый пункт своей дислокации. За три дня все хозяйство привести в порядок, упаковать и погрузить. Место погрузки в эшелоны – Ленинград, Витебский вокзал. Нам, работникам политотдела и штаба, указано, кто с какой частью и в каком эшелоне следует месту назначения.

Я следую эшелонам с батальоном связи. Из города Ленина наш эшелон отошел вечером 24-го апреля. Прощай, Ленинград! Город-красавец, город-герой, колыбель революции! Прощайте, славные, родные ленинградцы! Вашу ласку и заботу о нас в период войны красноармейцы никогда не забудут!

Мы следуем на юг. Наши эшелоны мчатся по Белоруссии. Останавливаемся только на узловых станциях. В вагонах играют гармошки, красноармейцы поют. Другие играют в шахматы или домино. Чем дальше мы отъезжаем от Ленинграда, тем становится теплее. Зимнее обмундирование нас уже тяготит. Тепло, по которому мы так тосковали минувшую зиму в снегах Финляндии, теперь на нас действует угнетающе.

Проехали Белоруссию, едем по Украине, где уже цветет вишня. На Украине еще теплее. На шестые сутки нашего пути мы прибыли на Одессчину. Разгружаемся и переправляемся в Грушевские лагеря, что около города Первомайска.

На Украине обильно цветут сады, словно осыпаны снегом. Люди ходят в весеннем одеянии, жизнерадостные, веселые. Всюду слышатся песни, смех. А мы – в зимнем обмундировании преєм грязные, потные. Послезавтра – праздник Первое мая, но мы к нему совершенно не готовимся. Нам уже сказали, что никакого парада не бу-

дет, и в праздничных торжествах мы никакого участия принимать не будем. Идет слух, что с часу на час мы отправимся к Бессарабии.

Проходит пять дней. После Первомайского праздника нам разрешили на 2–3 дня вызвать к себе жен. Через несколько дней наши боевые подруги заявили с ребяташками. Наш лагерь превратился в цыганский табор. По лагерю гуляют сотни пар. Под каждым кустом – споры, смех, чмоканье... А через пять дней мы снова провожаем свои семьи восвояси. Снова – вздохи и слезы.

На несколько дней – будничное время: занимаемся тактикой, стрельбой, физподготовкой, возимся с имуществом.

В конце мая по ночам мы небольшими группами перебрасываемся к Днестру. Маскируем машины, роем щели в балках и молдавских садах. Лесов здесь нет, кругом – степи и глубокие балки. Днем, когда южное солнце печет милосердно, мы из-за кустов виноградника наблюдаем за противоположным берегом Днестра. А там румынские солдаты под руководством немецких инженеров лихорадочно ведут фортификационные работы: днем и ночью подвозят лес, кирпич, цемент, копают противотанковые рвы и заливают их нефтью, и по примеру финнов сооружают железобетонные ДОТы. Значит, немцы – вместе с румынами? Вот тебе и «союзники» наши!!!

Сегодня – 27 июня. Нас, командиров и комиссаров частей, начальников служб перед вечером срочно собрали на совещание в Григореополь. И как только все собрались, полковник Кравченко (последний фактически командует нашей дивизией с самого начала Финской войны и по сей день – командир Марцынкевич то отсутствует, то «болеет») сообщил, что румынское правительство согласилось после длительных переговоров добровольно вернуть Советскому Союзу Бессарабию, которую оно от нас отторгло в 1918 году насильственным путем. Все мы восторженно приветствовали это радостное сообщение. Значит, войны с румынами не будет!

Совещание было кратким. Затем Кравченко приказал нам прекратить все фортификационные работы на Днестре. Сейчас же всем получить летнее обмундирование. Каждой части было указано, где и когда наводить переправы, какая часть в какой пункт Бессарабии следует – все уже было четко разработано и распределено в штабе. Молодец Кравченко!

Часов в десять утра 28 июня, когда переправы были наведены, наши машины с людьми и имуществом двинулись через Днестр. Наша часть переправляется в районе Григореополя. Все офицеры и солдаты – в новеньком летнем обмундировании, чисто побриты, веселы, жизнерадостны. И вот мы вступили на бессарабскую землю! Ни одного румынского солдата и офицера не видно. А народу столпилось на берегу – пушкой не пробьешь. Нас восторженно приветствуют, в воздух летят тысячи фуражек и шапок, букеты цветов. Женщины машут платками. Люди плотной стеной обступают машины, и проехать невозможно. Сотни рук тянутся к солдатам с бутылками вина и букетами цветов. Многим из нас пришлось спрыгивать с машин, «раздвигать толпу», чтобы дать возможность машинам проехать. До самого Кишинева, шестьдесят километров, так и пробирались мы среди неистовой толпы людей. В Кишиневе тоже все улицы были забиты народом – это был исторический день как для освобожденных, так и для освободителей.

Нашу часть пока раздислоцировали в центре Кишинева в архиерейском саду, проще сказать – в монастыре. Мы – связисты – всегда должны быть около штаба. Огромные груши, яблони и черешни монастырского сада создают блаженную тень, и мы сейчас чувствуем себя как в раю. Все наши машины поставлены на солнце у дороги, а мы расселились в опустевших монашеских кельях. Из обитателей монастыря пока не было видно ни души. В саду – большие гряды созревшей виктории, созрела и черешня. Наши солдаты ходят около этих грядок виктории и облизываются как коты. Лишь изредка кто-нибудь незаметно для начальства украдкой отправит в

рот вкусную ягоду – трогать что-либо категорически запрещено. В кельях, пропитанных ладаном, – гробовая тишина. Но мы спим не на чистых постелях, а на траве около машин. Столовую же заняли под штаб. Под каждой койкой монахини стоит по трехведерному бочонку виноградного вина, настоящего на лепестках розы. В одной келье не удержались от искушения, попробовали – архивкусное! Там же под койками и в тумбочках – уйма банок с разными вареньями. В гардеробах – женские платья, плащи, туфельки.

Командир моей части, капитан Дубровин – человек с житейским опытом, он лет на десять старше меня. Маленький, хитроватый (говорят, маленькие – все хитрые). Ходит со светлыми глазками. Еще до финской войны я иногда замечал его под хмельком, за что тогда с нас, военнослужащих строго взыскивали. И когда в таких случаях я, как комиссар части, замечал ему, он говорил: «Молчи, Кузьмич, и извини – из-за своей Федоры иногда пару глотков пропускаю. Ты видишь, она в два раза больше меня, в ней пудов семь. Она при ссоре берет меня под мышку как щенка, бросит на кровать, накроет с головой – и лежи не рыпайся под домашним арестом до тех пор, пока не придет час идти мне на службу...

– Да сейчас-то твоей Федоры здесь нет! – шутя, говорю ему.

– Кузьмич! Да ведь мы сейчас с тобой в Бессарабии, а Бессарабия – край вина. В любом доме спроси: «Тетка, дай напиток!» – Она тебе сейчас же нальет кружку виноградного, да еще будет извиняться, что мол, с водой-то у нас плохо, а вот вина – пей сколько хочешь! И это – сущая правда!

Дубровин уже обошел почти весь сад. Он уже знает где что. Знает, где архиерейский подвал, где квартира попа, и что в монастыре из всех обитателей остались только поп и четыре монаха, а архиерей и игуменша удрали с румынами, а монашки разбежались по домам. Капитан советовал мне познакомиться с попом и поговорить с ним.

Вечерело. Я сидел в своей келье, просматривал газеты, думал о том, что надо начинать подготовку к предстоящему параду войск,

который будет принимать командующий южной группой войск генерал Жуков. Вдруг слышу, за дверью идет такой разговор:

– Напрасно вы волнуетесь, отец Яков! Комиссар наш – такой же человек, как и мы с вами, даже скажу, что молодой и представительный человек. Я уверен, что он вам понравится. Вам, поди, румыны бог знает что наговорили о наших комиссарах, что они-де с рогами, с хвостами, и в зубах финку держат. Пошли! – голос был капитана Дубровина. Затем дверь отворилась.

– К вам, Александр Кузьмич, можно? – спрашивал Дубровин

– Пожалуйста! – отвечаю.

В келью вошел Дубровин и под потолок ростом священник. Последний был красив собою: пышные черные волосы, красивая, чуть тронутая проседью курчавая борода, из-под которой висел массивный, ярко начищенный крест. Поп был в полном своем облачении, как будто он прибыл на какое-то торжество. Я встал из-за столика, протянул руку:

– Комиссар части капитан Резяпкин!

– Волею судеб исполняющий обязанности настоятеля местного монастыря священник Яков! – отрекомендовался гость, протягивая мне руку. И вот, мы жмем друг другу руки. У меня на рукаве комиссарская звезда, у священника на груди – золотой крест. Символично! – думаю про себя, – не дай бог, кто сейчас нас сфотографирует?

– Садитесь, пожалуйста, отец Яков! – приставляю я ему стул, – не стесняйтесь. Это мы вас стеснили своим присутствием в вашей обители. Но вы сами понимаете, что мы здесь – люди временные, а вы, как были, так и останетесь полными хозяевами. Так что, извините, пожалуйста!

– Да что вы, господин комиссар, не извольте беспокоиться! Я прошу вас разъяснить мне некоторые вещи, которые меня больше всего волнуют. Во-первых, можно ли с сегодняшнего дня служить обедню в нашей церкви? Во-вторых, когда вы будете нас арестовывать?

Я посмотрел на своего командира, потом снова на священника и не без улыбки ответил:

– А разве вам кто-то запрещал служить обедню? Служите, отец Яков, обедню, когда вам нужно, ни у кого не спрашивая на это разрешения. Что касается насчет вашего ареста, я просто и не хотел бы отвечать, ибо это – сплетни наших врагов. Ведь вы никакой подрывной работы против нас не ведете?

– Боже избавь! – он порывается встать, но я удерживаю его и продолжаю.

– Вы же грамотный и культурный человек, отец Яков, неужели вы верите этой чепухе? Все вы сами скоро увидите и поймете, что это есть ложь и клевета на нашу Армию, нашу страну и нашу Партию. И еще добавлю: если кто в чем-либо вас обидит или притеснит, даже оскорбит – идите ко мне или вот к командиру, не стесняйтесь.

– От всей души благодарю вас, господин комиссар. Не смею вас больше задерживать. Разрешите откланяться! – В большом волнении, с приподнятым настроением он поднялся, сделав низкий поклон, и удалился. Воспитанный поп!

– Пожалуй, ты очень хорошо сделал, что привел его сюда, – говорю я Дубровину. – Я сам должен был это сделать. Ну, ничего. Надо еще раз людей предупредить, чтобы абсолютно ничего не трогали и чтобы не вступали в антирелигиозные разговоры с местными жителями.

Прошло минут двадцать, как ушел от нас поп. Дубровин еще был у меня, и мы вели разговор о наших делах. Вошел дежурный по части и доложил, что пришли два монаха с какими-то «дарами».

– Пусть войдут! – сказал Дубровин.

Монахи поставили на стол два серебряных подноса: на одном под салфеткой стоял огромный цветастый кувшин с вином из архиерейского подвала, на другом подносе – крупная обработанная виктория. Едва ушли монахи, как явился отец Яков. Он вежливо попросился войти, и был уже в летнем костюме без креста.

– Господин комиссар и господин командир! Выпейте с и откушайте во здравие господа нашего Иисуса Христа и вождя великого Иосифа Сталина! – и первый осушил бокал.

Дубровин легонько толкнул меня под столом – тоже не заставил себя ждать, а за ним и я. Это было не вино, а какой-то божественный напиток, которого мы досель не ведали. Вино приятной истомой разливалось по всему организму, и я почувствовал, как конечности мои отваливаются, щеки горят, и хотелось петь и смеяться. Однако, я всеми силами себя сдерживал.

– Сей напиток – из архиерейского подвала, многолетний! – указывал на кувшин отец Яков. – А сам святой отец в Румынию удалился, – и отец Яков стал рассказывать о себе. Он – русский человек. После окончания саратовской семинарии он был направлен священником в Самару. Там женился, имел двух детей. В 1917 г. в конце лета поехал в Кишинев к родственникам один без семьи погостить, здесь его и застала Октябрьская революция, а затем румынская оккупация Бессарабии. В России разразилась ожесточенная Гражданская война, длившаяся около пяти лет. Румыния с Россией в тот период, да и потом была все время в натянутых отношениях, и граница с Россией все время была закрыта. В 1923 году до него дошла весть, что вся семья его погибла в Самаре во время голода 1921 года. В Румынии распространялся слух о голоде в России, о зверствах большевиков, о гонениях на церковь и служителей культа. В 1925 году он вынужден был принять румынское подданство и вторично жениться. Спустя двенадцать лет отец Яков овдовел вторично и сейчас живет с пятнадцатилетней дочкой.

Священник с исключительным любопытством расспрашивал нас о жизни в России, особенно в Саратове и Самаре. Он оказался нашим земляком, чему я был очень рад. В дальнейшем он указал нам дом Инзова, где жил во время ссылки великий Пушкин, а также памятник ему. На второй день я вырвал пару часов времени и с группой своих офицеров отправился вначале к памятнику Пушкина, а

затем к дому Инзова. Памятник произвел на нас исключительное впечатление. Он сооружен в 1885 году на собранные «Обществом друзей Пушкина» деньги. На высоком столпе красного гранита – фигура Александра Сергеевича. Пушкин стоит с полугрустной улыбкой. А через весь пьедестал его почерком написано: Здесь лирой северной пустыни оглашая, скитался я...»

Дом Инзова оказался запертым. Как нам рассказали, в нем проживает какой-то адвокат, и что он вроде сбежал с румынами. Мы очень жалели, что не заглянули внутрь дома, где творился «Евгений Онегин»...

На следующий день, в обеденный перерыв, я услышал за окном разговор многих голосов. Подошел к окну, посмотрел в сад – там было полно монахинь. Все они были одеты в свою форму, как гимназистки, на белых платках – черные кресты. В большинстве – молодые, краснощекие. Красивы женщины на юге, слов нет! Монашек обступили наши красноармейцы, и некоторые уже перемаргивались. Вскоре вошел дежурный, который доложил, что пришли монашки за своими личными вещами. Послав дежурного за отцом Яковом, я вышел к монахиням. Увидев меня, они все поклонились и устремили свой взор на меня. Видимо, они считали, что перед нами какой-то командующий, коль их сад занял.

– Чего бы вы хотели, святые сестры? – спросил я их. Они улыбались и, подталкивая свою пожилую подругу ко мне на переговоры. Та, потупясь, заговорила:

– Мы пришли, чтобы взять свое личное белье, одежду, обувь, если вы нам позволите.

– Сейчас все получите, вот только подождите отца Якова, он сейчас здесь за хозяина, – отвечаю я.

– А нам сказали...

– Что вам сказали?

– Сказали, что отца Якова уже нет...

– Вы хотели сказать, что отец Яков арестован? Это ложь!

Явился отец Яков. Он говорил со мною смело и вежливо. Я объяснил ему, зачем явились монахини, и сказал дежурному, чтобы он беспрепятственно провел монахинь в свои апартаменты. Когда несколько монахинь вышли в сад, где мы стояли, я спросил их, где они были эти трое суток и куда теперь уходят. Одна молодая ответила:

– Скрывались в садах по соседним селам, а теперь расходимся по домам.

Вскоре двор опустел. Отец Яков сказал, что в саду переспела виктория и черешня, что у него много корзин-плетушек, и пусть солдаты и офицеры собирают ягоды сколько им угодно. Вот тут наши ребята разговорелись. Но наряду с этим мы дали указание красноармейцам, чтобы они нарвали плетушек пять для отца Якова, чем он был польщен.

Отец Яков стал нашим постоянным гостем. Он снабжал нас в неограниченном количестве ягодой и первоклассным вином. Сам же с дочкой не пропускал ни одной кинокартины, но самое главное – он был прекрасным собеседником.

Второго июля в Кишиневе состоялся парад, который принимал генерал Жуков. Наша часть тоже участвовала в параде. Парад был заснят на кинолентку, которую я потом смотрел два раза и видел себя и Дубровина на параде.

Накануне

Целый месяц простояли наши части в Кишеневе. А сегодня получили приказ о выезде за Днестр, в Котовск. Укладываем свое имущество в машины. Мы прощаемся с отцом Яковом как старые друзья. Мы благодарим его за гостеприимство, а он благословляет нас крестным знаменем и утирает слезу. Прощай, красавец Кишенев! Бессарабия снова вернулась в Россию, не в Россию, а в Советский Союз. И уже организуется Молдавская Советская республика.

В Котовск прибыли вечером. В военном городке стаскиваем свое имущество, устраиваемся на новом месте. Создается новое соединение ? 16-я танковая дивизия. Командиром ее назначен полковник Мындро, комиссаром – Руденко. Я – заместителем начальника политотдела. Наш уважаемый полковник Кравченко поехал командиром мехкорпуса в Измаил. Все бывшее командование 173 м.с.д. выведено за штат и отбыло в штаб округа в Одессу. Всех нас, участников финской войны и «Бессарабского похода», разверстали по разным местам и частям. В Котовске осталась лишь небольшая группа старых друзей.

Вскоре к нам стал прибывать для доукомплектования по штату личный состав. Начались обычные будничные дни боевой учебы, сколачивания подразделений. А в центре Европы шествует германский фашизм: Гитлер прибирает к рукам одно государство за другим. В Лондоне трусливо поджал хвост британский лев. Только Англия и Швеция пока не в когтях у Гитлера. «Мюнхенское соглашение» лопнуло, как мыльный пузырь.

За обычной служебной суетой, как-то незаметно, промелькнула южная зима с 1940 на 1941 год. Опять обильным цветом цветут на Украине вишни. Песни и веселье повсюду. 1-го мая 1941 года был открыт доступ к телу легендарного героя Гражданской войны Г.И. Котовского, который похоронен здесь же под памятником. Многие пришли и спустились по очереди в склеп. 15 лет, как погиб этот вы-

дающийся полководец от руки подлого убийцы. За стеклом лежит он как живой, лишь почерневший, и три ордена Боевого Красного Знамени на красных бантах украшают его богатырскую грудь. Я поднял сынишку Витьку, и он, строго посмотрев на Котовского, до самого дома меня спрашивал: «Ну засем они его убили?»

Вскоре после праздника комиссар дивизии Руденко пригласил меня с собой на охоту. В окрестностях Котовска много лиманов и болот, где изобилие уток и аистов. Мы просидели с ним часа три. Больше говорили, чем охотились.

– Война с фашизмом назревает, дорогой товарищ, – говорил мне комиссар. – И не такая война, какая была с финнами или японцами на Халхин-Голе, а большая война. Надо упорно готовить к ней рядовой и командный состав. Видишь, как развиваются события в Европе? Гитлер уже почти всю ее прибрал к своим рукам. Надо изучать тактику врага и разяснять личному составу.

– А в газетах пишут о нашей дружбе с Германией! – спрашиваю я.

– В газетах так и надо писать, но порох надо всегда держать сухим, – говорит комиссар. В этот вечер он посеял в моей душе уйму тревог.

Через несколько дней после этой охоты меня вызвали в штаб дивизии и спросили, когда я был в отпуске, и желаю ли поехать в Крым (в Алушке был санаторий нашего военного округа). Я сначала подумал, что штабники со мною шутят, но они серьезно предлагали мне сразу две путевки – на меня и на жену. Прошрое время нам не давали отпусков по два-три года, а сейчас вот сами вызывают и предлагают. Но так как у меня было немало дел по ремонту Дома Красной Армии, я взял путевку жене, а на себя сказал, что возьму дней через десять–двенадцать. В это время у нас жила моя теща, поэтому было кому посидеть с ребятами. Я отправил жену в Крым с условием, что скоро туда приеду и я.

В самом конце мая я взял путевку и тоже отбыл в Алушку. Что мне бросилось в глаза, так это то, что все курорты Крыма были на-

полнены исключительно военными. Из разговоров я узнал, что и курорты Северного Кавказа тоже заполнены в основном военными. «Ну что ж, после войны с финнами и японцами надо нашим ребятам отдохнуть как следует!» – думал я. Так как у жены уже кончался срок отдыха, я на месте беру ей вторую путевку. Но побыв с декаду по второй путевке, моя благоверная решила ехать домой, так как соскучилась о ребятах. 15 июня я проводил ее в Ялте и поспешил на лекцию о международном положении, которую делал приехавший из Москвы лектор.

Часов за пять до начала лекции мы получили газеты с сообщением Т.А.С.С. В этом сообщении говорилось, что по заявлению английского посла в СССР Стаффорда Крипса, война между Германией и СССР в ближайшее время неизбежна. Т.А.С.С. уполномочен заявить, что эти слухи являются провокационными, что наши отношения с Германией прочны и укрепляются с каждым днем.

Вот вокруг этого сообщения Т.А.С.С. и построил свой доклад «посланец ЦК». Он всячески доказывал прочность наших отношений с Германией, на примере развития торговли с ней. Утверждал, что никому не удастся столкнуть нас с Германией, восторженно говорил о разгроме Франции германскими войсками, о бессилии Англии противостоять Германии. Сообщил, что сейчас на станке каждого немецкого рабочего рядом с портретом Гитлера висит и портрет Сталина, что товарищ Тельман скоро будет освобожден из тюрьмы, по этому вопросу уже есть договоренность с Гитлером, да и разница между национальным социализмом и нашим интернациональным небольшая и т.д.

Эта лекция не только дезориентировала нас, она усыпила нашу бдительность, оправдывая гитлеровскую агрессию в Европе, затушевывала разгром германской Компартии Гитлером и его подготовку к нападению на СССР. Лекция посеяла в нашем сознании лишь недоумения и противоречивые суждения. Всю эту неделю между нами военными только и был разговор о прочитанной лекто-

ром ЦК лекции. Вслух, конечно, критиковать содержание лекции боялись. А наиболее «ортодоксальные» выражались так: «Раз товарищ из Москвы, значит это – непосредственная установка ЦК, и сомнений тут ни в чем быть не может!»

Отдыхаем, купаемся в Черном море, загораем, выезжаем на экскурсии то туда, то сюда, знакомимся с достопримечательностями Крыма. Но чувствуется, что на душе у каждого висит что-то тревожное, необъяснимое.

Мы уединились сегодня вчетвером в одной комнате, упросили сестру, чтобы дала нам возможность закончить партию преферанса. Время уже подходило к отбою. За раскрытым окном благоухает крымская июньская ночь. Мириады цикад стрекочут свою однообразную песню. Тихо набегают на берег волны Черного моря.

Мой отпуск кончился – завтра, 22-го июня в середине дня я отчалию в Одессу теплоходом «Аджария». Внизу из раскрытого окна под звуки гитары звучит приятный женский голос. Какая-то дама из отдыхающих поет старинный русский романс...

Фотоальбом. Документы

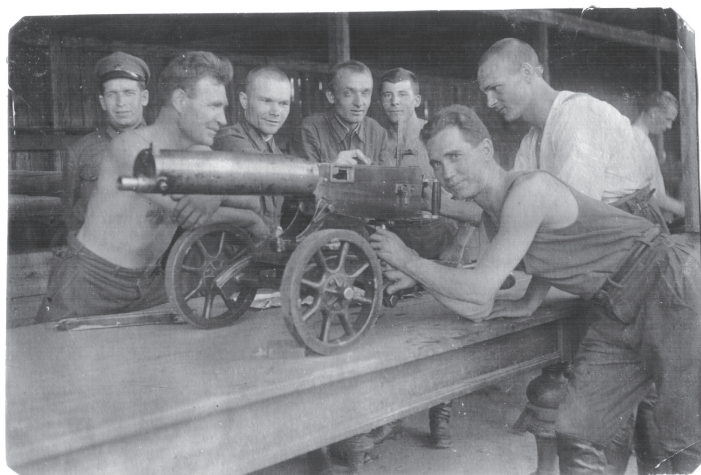

Резякин А.К.

1935–1939 , довоенная служба

*Июль–октябрь 1935 г., Куйбышев,
Курсы подготовки политсостава ПриВО*

Военный комиссар полка, Казань 1938 г.

Дети Виктор и Лариса

Февраль–май 1939, Куйбышев, курсы комиссаров ПриВО

**Январь–июль 1940, война с белофинами
и освобождение Бессарабии, 173-я м.с.д.**

*Февраль 1940, г. Красногвардейск Ленинградской обл.,
перед отправкой на Финский фронт
(А.К. Резяпкин – батальонный комиссар, с инструкторами
политотдела)*

*Апрель 1940, после окончания Финской войны г. Сяккярви.
Слева направо: Резяпкин, Кравченко*

29 июня 1940 г. Кишинев, день освобождения Бессарабии

Резяпкин А.К.

г. Кишинев, 1940

Одесский ВО, 1940

Май-июнь 1941. Накануне

Июнь 1941, Санаторий комсостава ОдВО, г. Алушка, Крым.
Отдых с женой

Май 1941. С другом Дубейковским (погиб 07.1941 г.) после окончания
Заочного ф-та Военно-политической академии им. Ленина

13 июня 1941, победители
в соревновании по стрельбе

Резяпкин А.К.

Начало войны, июнь-октябрь 1941.
Юго-Западный фронт, 16-я и 47-я т.д.

Курсы комиссаров танковых рот, с М. Богомоловым

С другом Костеровым

Воронеж, 10.1941–03.1942

Март–июнь 1942, Юго-Западный фронт, 58-я т.бр.??

Осень 1942, Начальник политотдела корпуса, с другом Щербиной

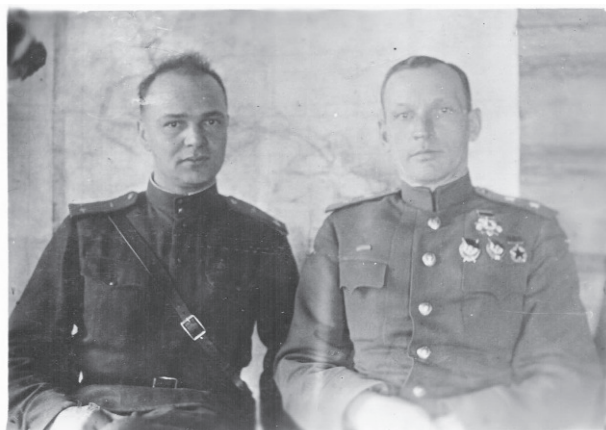
Резяпкин А.К.

Командование корпуса: Резяпкин, Соломатин, Купарев

*Сентябрь 1942–март 1943,
Калининский фронт, 1-й мехкорпус*

А.К. Резяпкин, М.Д. Соломатин

Резяпкин А.К.

Апрель – июль 1943, Воронежский фронт, 1-й мехкорпус

Март 1943, с другом Ситниковым

Март 1943, Резякин и Бородавко

Военком Калашников и Резякин с женами

Резяпкин А.К.

**1944, Польша, 1-й Белорусский фронт,
1061 и 1461 Самоходный артиллерийский полк**

Весна 1944, слева – Алесь Стахович

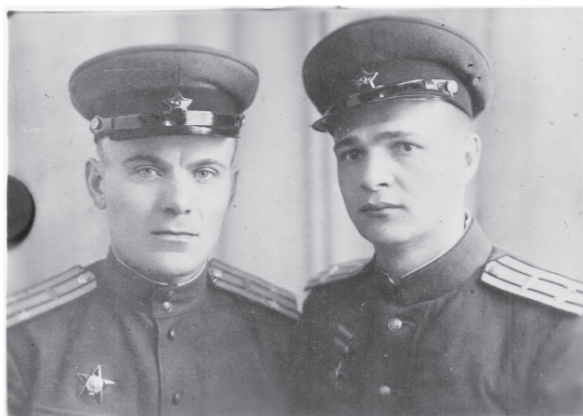

1944 г., Люблин, Польша. Визит друга

Резяпкин А.К.

*1945, Германия, 1-й Белорусский фронт,
1061 и 1461 Самоходный артиллерийский полк*

Март 1945, с начальником служб полка, Грюнов

Справа – Воронцов

Резяпкин А.К.

Справа – Воронцов, в центре – Резяпкин

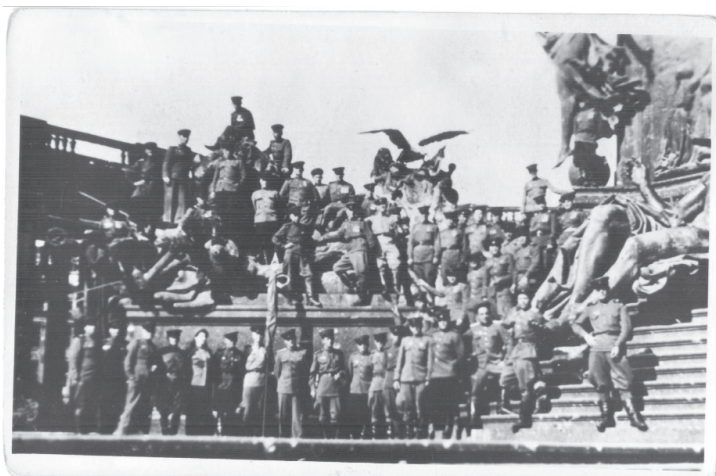
Октябрь 1945 г., совещание полка по предстоящей передислокации

В часы досуга

Резяпкин А.К.

Митинг в день Победы, май 1945 г.

Писать разборчиво, аккуратно и только чернилами

АВТОБИОГРАФИЯ

На Подполковника Резяпкина Александра Рудольфа

Я родился в селе Лада, Ново-покровского района, Саратовской области, 23 августа 1909 г., в семье крестьянина-бедняка.

В 1917 г. начал учиться в школу 1-ой в Селе Лада, которую окончил в 1921 г. С весны 1921 г. по ноябрь 1923 г. байрачил у кулака Стиренкова на поселке Кривои Ново-покровского района. В начале 1924 г. заболел и болел почти весь этот год в семье отца. С начала 1925 г. по конец 1928 г. я байрачил в кулацких хозяйствах: Калганкина, Ляранкина Самокина и Сайкина.

С января 1929 г. по октябрь 1931 г. я работал в с. Ладе землеметром и одновременно отсекром комсомольской ячейки. С октября 1931 г. по октябрь 1932 г. там же работал отсекром партийной ячейки и одновременно директором сарвазода. В ноябре 1932 г. я был командирован райкомом партии на учебу в Саратовский комвуз, которую окончил в марте 1935 г. С марта 1935 г. по июль 1935 г. работал зав. культурпросом Ново-покровского РК РКПб.

В июле 1935 г. был призван Балашовским райвоенкоматом по спецнабору на партийную работу в Красноармейскую бригаду. С июля 1935 г. по октябрь учился на курсах партийной работы в г. Рубцовске. С октября 1935 г. по март 1938 г. партийрук артиллерийской дивизии 157 сд в гор. Лугарево. С марта 1938 г. по сентябрь 1939 г. - комиссар 256 стр. тер. полка в гор. Казани. С сентября 1939 г. по март 1940 г. - комиссар 204 отд. б. на связи - гор. Балацков, а затем артиллерийской бригады. С марта 1940 г. по август 1940 г. - Отсекр ДРК 173 м. в. С августа 1940 г. по октябрь 1941 г. - зам. нач. политотдела 16^й танковой дивизии - гор. Ротовск Орловской обл., а затем Ю.З.Ф. С октября 1941 г. по март 1942 г. - нач. учебной группы курсов комиссаров танковых рот Ю.З. Фронт - г. Воронеж.

С марта 1942. по июнь 1942. - казачья полкострела
58^я танк. бригады - 10.3.42. С июня по сентябрь 1942. - гоот-
плав, после ранения - ст. Аркадак Саратовской области.
С сентября 1942 по июль 1943. - Казполкострела 1^ю мех-
корпуса - Калининский и Воронежский фронты. С июля
по декабрь 1943. - АКУФС при ВВ.М.И - г. Москва.
Сведения о родственниках: Отец умер в 1924. Мать
68 лет, проживает на родине в колхозе. Братья Трофим с
1904. беспартийный, проживает в г. Балашихе, связи с ним не
имею. Брат Василий с 1915. или ВКМБ, работал в органах
НКВД в г. Момтове - связи с ним имею. Брат Федор с 1911.
и брат Алексей с 1922. родственники - погибли на фронтах
Оттегей войны. Сестры: Марфа, Мария, Ольга, Акулина
и Елена - работают в колхозе на родине.
Мен ВКМБ с марта 1931. Мен ВКМБ с 1938. Парти-
здатский не имею. Не судим. За границей и раскласифи-
цированных родственников нет. В отечестве война началась
15 мая. жена Любовь-Резвякина Мария Ильинична
34 лет, дочь Лира 11 лет, сын Виктор 7 лет - проживают в
доме в ст. Аркадак Саратовской области.
10.12.43. подполковник А. Резвякин

Подписание прик. Команд. от 17.11.42

45

ПРИСВОИТЬ ОЧЕРЕДНОЕ ВОЕННОЕ ЗВАНИЕ

Народный Комиссар Обороны Союза ССР

4

Аттестационный лист

на присвоение очередного военного звания Резяпкин

Ст. бат. комиссару, нач. политотдела 1 мехкорпуса

Резяпкину Александру Кузьмичу

В занимаемой должности с Сентября 1942г.

№ и дата приказа о назначении № 0102/н от 11.09.42г.

Год рождения 1909 4. Партийность и стаж чл. ВКПб с 1931г.

Соц. положение рабочий 5. Национальность русский

Общее образование н/высшее

Военное образование В.И.К. им. Ленина

С какого года в РККА с 1935г.

Участие в гражданской войне не участвовал

С какого времени в действующей армии (число, месяц) с 26 июня 1941г.

На каких должностях пол. комиссар, военкомбата, военком полка, диссекр ДМК, зам.нач. политотдела, нач. политотдела

Имеет ли ранения в бою был ранен четыре раза

Награды орден "Красная звезда" за Финскую войну

Дата и № приказа о присвоении предыдущего звания № 0162/н от 11.09.42г.

Аттестация

Участник боев в Финляндии. В Отечественной войне с первых дней ее начала. Общие и политические развития хорошие. Идеологически и морально устойчив. Велу партии Ленина-Сталина и Социалистической родине предан.

Военное дело знает хорошо. В боях проявляет героизм. Имел хорошую опыт партийно-политической работы в Красной Армии и особенно в боях уловил. Организацию людей на фронте боевого приказа и партийную работу его в ползу полка. В работе по руководству и воспитанию. С личными советами советской дисциплинирован. К себе и подчиненным требовательен. Странно не интересуется.

Хорошая большая партия дает возможность выдвинуть в Резяпкина на командную должность. А именно: полковника, военного звания "К.М.К.овича"

28.09.42г. Командир ДМК (Соломахи)

Зам. к-ра по политчасти полковой комиссар (Кутырба)

Заключение старших и высших начальников.

ДОСТОИН ПРИСВОЕНИЯ ВОЕННОГО ЗВАНИЯ «ПОДПОЛКОВНИК»

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ 41 АРМИИ ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА 41 АРМИИ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР (ТАРАСОВ) *Тарасов* ДИВИЗИОННЫЙ КОМАНДИР (СЕМЕНОВ) *Семенов*

НАЧАЛЬНИК ВОДИТЕЛЕЙ 41 АРМИИ
ПОЛКОВНИК КОМИССАР (ШЛЯХОВ) *Шляхов*

25 октября 1942 года.
Заключение военного совета армии.

Заключение аттестационной комиссии фронта.

*Согласно приложению
к приказу Военного Совета
41 армии*

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ КАЛИНИНСКОГО ФРОНТА ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ (ПУРКАЕВ) *Пуркаев* КАПИТАН ВОЕННОГО СОВЕТА
КОРПУСНОЙ КОМИССАР (ЛЕВОНОВ) *Левонов*

Заключение высшей аттестационной комиссии НКО.

ДОСТОИН ПРИСВОЕНИЯ ЗВАНИЯ _____

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ _____

1. _____

ЧЛЕНЫ: 2. _____

3. _____

_____ 194 г.

*Согласно
приказу Военного
Совета 41 армии
11 мая 1942*

БОЕВАЯ ДАГА К ВЕРЬС ТИКА

На начальника политотдела 1 Мех. Корпуса подполковника тов.
Р Е З Я П К И Н А Александр Кузьмича

Подполковник тов. Резяпкин А.К. 1909г. рождения, рабочий, член КП/с/ с 1931г., в Красной Армии с 1935г., окончил Саратовский Коммуна 1935г. - заочный факультет Военно-Политической Академии в 1941г. Участник войны с белофиннами, награжден орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА". Участник Отечественной войны с первых дней, имеет 4 ранения.

Начальником политотдела 1 Мехкорпуса работает с сентября 1942г. Имеет достаточный опыт руководства партийно-политической работой в боевой обстановке. Правильно организует работу политотдела на выполнение боевых задач корпуса, много внимания уделяет практической работе в корпусных частях, где учит политработников правильно расставлять силы политпартии, партийных и комсомольских организаций для работы по укреплению способности частей, меньше занимается непосредственной работой в политотделах бригад. Уделяет достаточно внимания росту партийных и комсомольских организаций в укреплении низовых парторганизаций. Имеет неплохие организационные навыки в работе. Проявляет требовательность к подчиненным, авторитетом пользуется, над повышением политических и военных знаний работает. Делу партии ЛЕНИНА-СТАЛИНА и Социалистической Родине предан.

(Должности начальника политотдела корпуса - соответствует)

1 МЕХКОРПУСА
политотдел
Резяпкин А.К.
начальник

21. мая 1943г.

СЛУЖЕБНЫЙ ОТЗЫВ 7

На Заместителя командира бригады по строевой части 14 С А Б Р
подполковника Р Е З Я П К И И А Александра Кузьмича.

1908 года рождения, русский, рабочий из крестьян, член ВКП/б,
с марта м-ца 1931 года. Образование: общее - незаконченное
высшее, военное - 3-х месячн. курсы политруков - 1935 год,
4-х месячн. курсы комиссаров - 1939 г., военно-политическая
Академия им. ЛЕНИНА - 1941 г., АКУС при Академии им. СТАЛИНА
1943 г. В армии с июля м-ца 1935 года.

Тов. РЕЗНИКИН в должности Заместителя командира 14САБР с
января 1944 года. Командного стажа не имеет, до этого тов. РЕЗНИКИН
был политработником, после чего окончил Курсы Усовершенствования нач.
состава.

За время пребывания в бригаде и за период формирования и ско-
лачивания бригады - полностью овладел тактикой и техникой Самоходной
Артиллерии.

К командованию полком Самоходных Установок ПОДГОТОВЛЕН.
Морально устойчив, член Партии ЛЕНИНА-СТАЛИНА и Социалистической
Родины П Р Е З Я П К И И А

 14 Самоходной Артиллерии
Резник Александр Кузьмич

12 июня 1944 года

[Handwritten signature]

Резяпкин А.К.

Все графы заполнить полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

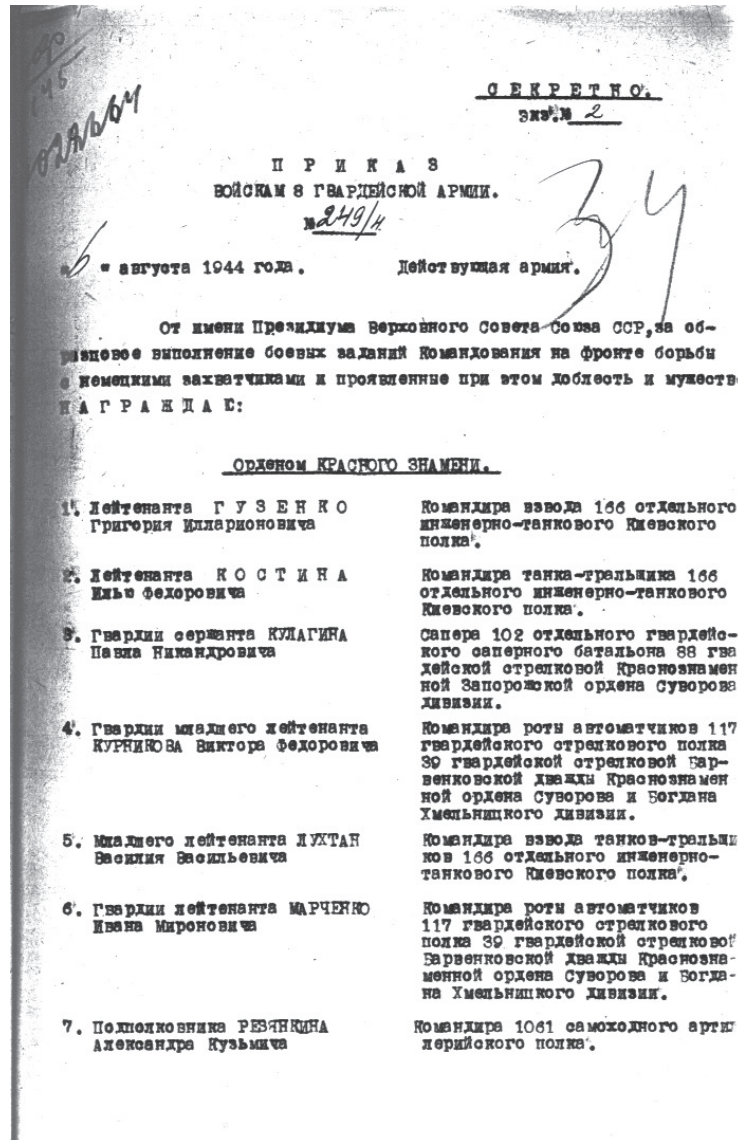
Имя и отчество РЕЗЯПКИН Александр Лукич
 Подполковник 3. Должность, часть командир 1061 самоходного артиллерийского полка.
 представляется к ордену КРАСНОГО ЗНАМЕНИ.
 рождения 1909 5. Национальность Русский 6. Партийность чл. ВКП(б).
 в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной (где, когда) Война с белофиннами в 1940 г. В отечественной войне с 1 июля 1941 года.
 ранения и контузии в отечественной войне три ранения и одно контузия.
 во время в Красной Армии 1935 года 10. Каким РВК призван Кадровый
 ранее награжден за какие отличия орденом Красная Звезда в 1940 г.
 постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи Саратовская область станция Аркадак ул. Революции Юна Резяпкина Мария Ильинична.

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Полк руководимый подполковником РЕЗЯПКИНЫМ за время боевых действий с 18.7. по 22.7.1944 года уничтожил: станковых пулеметов 14; ручных пулеметов 8; наблюдательных пунктов 6; пушек 07 мм 9; пушек 88 мм 11; танков 2; и мост через реку ВУТ.
 Полк своими самоотверженными боевыми действиями способствовал прорыву обороны немцев. При подходе наших войск к реке Зап. Луг тов. РЕЗЯПКИН выдвинул полк к реке и лично руководил боем, чем обеспечил переправу наших войск через сильно укрепленную линию обороны противника.
 Полк все время действовал в боевых порядках, а временами впереди боевых порядков пехоты.
 Умело маневрируя своим полком, подполковник тов. РЕЗЯПКИН наносил врагу тяжелые потеси и сохранил личный состав и материальную часть полка.
 достоин представления к государственной награде ордену Красное знамя.

И. ГВАРД. СТРЕЛКОВОГО СРПУСА
 ПИРАЛ-МАЛОСР: / Р Н К С В /
 Командир (начальник) _____ (звание)
 194 г.

Резяпкин А.К.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

119

Имя и отчество - РЕЗЯПИН Александр Кузьмич.
Подполковник 5. Должность/часть - Командир 1061 Са-
ртиллерийского Полка.

Предлагается к ордену "КРАСНОЕ ЗНАМЯ".

Родился - 1909. 5. Национальность - Русский 6. Партийность -
КП/с/ с 1935г.

Участвовал в гражданской войне и последующих боевых действиях
на территории СССР/где, когда/- Финская война - с января 1940г. по
1940г. Отечественная война - с 1941г.

Получил ранения и контузии в Отечественной войне - ранен
19.10.41г., 23.6.42г.

Военное время в Красной Армии - с 1935г.

Военный призван - Аркадакским РВК, Саратовская обл.

Ранее награжден/за какие отличия/- орден "КРАСНОЕ ЗНАМЯ"
1940г.

Постоянный домашний адрес/представляемого к награжденному или
его семьи/- Саратовская обл. г. Аркадак, ул. Революции № 10.

Жена - РЕЗЯПИНА Мария Кузьмична.

Служба в Вооруженных Силах СССР

Подполковник РЕЗЯПИН отличился в боях за расширение плацдарма
на западном берегу р. АРЗВ, находясь в боевых порядках полка лично
управляя огнем своих батарей, несмотря на сильный артиллерийский
огонь поддерживал танковые подразделения 3-го артиллерийского
полка своим огнем путь танкам, что дало возможность расширить
плацдарм и захватить ряд населенных пунктов, в числе которых г. СЕ-
РОЦК, САГАЗ и выйти на берег р. БУГ.

За период с 19.10.41г. по 24.10.41г. полк нанес следующие потери
в технику: уничтожено - танков - 7, бронетранспортеров - 2, противотанковых пу-
шек - 2, самоходных установок - 1, автомашин - 2, крупнокалиберных пулеметов
- 2, до роты солдат и офицеров. За отличное выполнение боевых заданий
командования и проявленную при этом доблесть и мужество достоин
государственной награды ордена "КРАСНОЕ ЗНАМЯ".

Командир 1061 Артиллерийского
Танкового Красноназемного Корпуса
Гвардии полковник /ГРЕШОВ/

28 октября 1941г.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

24

1. Фамилия, имя и отчество - РЕЗНИКИН Александр Кузьмич
2. Звание - Подполковник 3. Должность и часть - Командир 1461 Самоходного Артиллерийского Битомирского Краснознаменного полка.
Представляется к ордену «КРАСНОЕ ЗНАМЯ».
4. Год рождения - 1909 5. Национальность - Русский.
6. Партийность - Член ВКП/с с 1931 г. п/б № 1999648
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) - с июня 1941 г. МТО Зап. фр., Калининский СВФ фр., с января 1944 г. Павлоградский танковый лагерь, с июня 1944 г. 1-й Белорусский фронт.
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне - контузен в 1941 г., ранен легко в 1941 г., тяжело ранен дважды в 1942 г.
9. С какого времени в Красной Армии - 1935 г.
10. Каким РКК призван - Болховским РКК, Саратовской области.
11. Чем ранее награжден /за какие отличия /- орденами «Красной Звезды» в 1944 г., «Александра Невского» в 1944 г., «Красная Звезда» в 1940 г.
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи - Саратовская обл., ст. Аржадок, ул. Революции д. 10
жена Резникина Мария Ильинична.

1. КРАТКОЕ, КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО Боевого ПОДВИГА ИЛИ ЗАЛУГ:
Командир 1461 САМХП подполковник РЕЗНИКИН в отечественной войне с первых дней ее начала. В боях был четыре раза ранен.
В период наступательных боев с плацдарма на зап. берегу р. ОДЕР с 14.4 по 3.5.45 при прорыве позиционной глубоко-эшелонированной обороны противника подполковник РЕЗНИКИН провел свой полк с боями, нанеся противнику большой урон в живой силе и технике, с малыми для себя потерями.
Полк выламывал долговременную оборону противника, под личным руководством подполковника РЕЗНИКИНА вышел в г. БЕРЛИН и во взаимодействии с пехотой 12 САВР участвовал в боях за овладение г. Берлин. Полк во всех боях действовал слаженно, умело и дерзко.
Сам командир полка всегда находился в боевых порядках батарей и благодаря его умелому руководству полк всегда выигрывал бой и выходил победителем.
В период боев при прорыве обороны противника, во время действий в гд. боев в ржевской оборон и в уличных боях в г. Берлин полком уничтожено: 10 батальонов автоматчиков и пулеметчиков, 12 орудий разных калибров, 19 станковых пулеметов, 13 автомашин. Захвачено пленными 133 солдат и офицеров противника. Подавлен огонь четырех артиллерийско-минометных батарей.
За успешные бои полка на подступах к г. БЕРЛИН и в самом городе подполковник РЕЗНИКИН достоин правительственной награды орденом «КРАСНОЕ ЗНАМЯ».

КОМАНДУЮЩИИ АРТИЛЛЕРИЕЙ 11 ТАНКОВОГО РАЙОННОГО
КРАСНОЗНАМЕННОГО ОРДЕНОВ СУВОРОВА И КУТУЗОВА КОРПУСА
ПОЛКОВНИК: *Ильин* / ИЛЬИНЕНО /

6 мая 1945 г.

266

бригады 20 мая 1942 года убит, насмерть на танку на Западном фронте.

✓ № 6. РЕЗЯПКИН, Александр Кузьмич - батальонный комиссар, начальник политотдела 38 танковой бригады, погиб на Вост-Западном фронте.

Жена - РЕЗЯПКИНА - ИГОРИНА проживает ст. Армавир Саратовской области.

✓ № 7. ВАХАЕВ, Иван Михайлович - батальонный комиссар, военком 81 танковой бригады, 10 июля 1942 года умер от ран на Калининском фронте.

✓ № 8. ПАРКОВ, Владимир Петрович - полковой комиссар, военком 35 танковой бригады 9 июля 1942г. убит на Калининском фронте.

✓ № 9. АНОКИН, Василий Степанович - ст. батальонный комиссар, начальник политотдела 320 стр. дивизии, пропал без вести на Крымском фронте.

✓ № 10. ШАВОРИЖИ, Александр Деметьевич - батальонный комиссар, начальник политотдела тыловых частей и учреждений политотдела 51 армии, покончил жизнь самоубийством на Крымском фронте.

✓ № 11. ВИЛЕНСКИИ, Михаил Ефимович - батальонный комиссар, военком 143 танковой бригады в сентябре 1941 года пропал без вести на Западном фронте.

Жена ВИЛЕНСКАЯ М.М. проживает гор. Саратов, Ю корпус ,9.

П Р И К А З

ВОЙСКАМ 65 АРМИИ
№ 44/1

СЕКРЕТНО
№ 10

1944г. Действующая Армия.

имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество - **НАГРАДИЛИ:**

Орденom "КРАСНОЕ ЗНАМЯ"

Командир танка	АЛДАБЕРГИНОВА Рохимовна	Командир танка Т-34 251-го Отдельного линейного танкового Барыновичского Краснознаменного полка.
----------------	-------------------------	--

Орденom "АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО"

Командир Подполковника	АНТОНОВА Николая Павловича	Командир 251 Отдельного танкового Барыновичского Краснознаменного полка.
Подполковник	РЕЗНИКОВА Александра Кузьмича	Командир 1001 Самоходного артиллерийского полка.

Орденom "ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ"

Командир	НЕВЕРОВА Василия Петровича	Заместитель Командира 251-го Отдельного линейного танкового Барыновичского Краснознаменного полка по строевой части.
----------	----------------------------	--

Орденom "СЛАВА ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ"

Старшего лейтенанта	СЕНИКОВА Павла Матвеевича	Командир орудия танка Т-34 251-го Отдельного линейного танкового Барыновичского Краснознаменного полка.
Старшего лейтенанта	СТАРОСТИНА Дмитрия Ивановича	Механик-водитель танка Т-34 251-го Отдельного линейного танкового Барыновичского Краснознаменного полка.

КАПИТАН 65 АРМИИ
ПОДПОЛКОВНИК
КОМАНДОВАЛ

ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
/РАДЕНСКИЙ/

КОМАНДУЮЩИЙ 1-м МБ 65 АРМИИ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ТУБОСКИ -

1944г. глс.

СЕКРЕТНО

Факт. № 2

П Р И К А З

**КОМАНДУЮЩЕГО БРОНЕТАНКОВЫМИ И МЕХАНИЗИРОВАННЫМИ
ВОЙСКАМИ 1 БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА**

19 мая 1945 года.

49/н

Действующая Армия.

От имени Президиума Верховного Совета СССР, за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество **НАГР А Ж Д А В**:

О Р Д Е Н О М К Р А С Н О Г О З Н А М Е Н И

Гвардии подполковника	АБИХ Виктора Федоровича	Заместителя командира 36 тан- ковой бригады.
2. Старшего лейтенанта	АЛЕКСАНДРОВА Евгения Константиновича	Командира разведывательного взвода роты управления 65 тан- ковой бригады.
3. Старшего сержанта	БЕЛЕНА Николая Тихоновича	Командира орудия танка 1-го танкового батальона 20 тан- ковой бригады.
4. Лейтенанта	БЛИЗНИК Федора Алексеевича	Командира танкового взвода 2-го танкового батальона 36 танковой бригады.
Младшего лейтенанта	ВОЛОДИНА Петра Николаевича	Командира танка 2-го танкового батальона 65 танковой бригады.
6. Старшего сержанта	БРЫЗГАЛОВА Ивана Ивановича	Механика - водителя танка 2-го танкового батальона 36 танковой бригады.
7. Майора	БЫЛТАКОВА Александра Герасимовича	Командира 1 танкового батальона на 20 танковой бригады.
8. Гвардии майора	ВАРАКСА Евгения Антонovichа	Командира 115 отдельного гвар- дейского минометного дивизиона 11 танкового корпуса.
Старшину	ВОЛКОВА Антона Владимировича	Механика - водитель танка 1-го танкового батальона 36 тан- ковой бригады.
10. Старшего сержанта	ВОЛОДИЛИН Тимофей Васильевича	Механика - водитель танка 3-го танкового батальона 36 танковой бригады.
11. Старшего лейтенанта	ГУРШИНА Владимира Никитовича	Командира танкового взвода 50 отдельного гвардейского ту- манского танкового полка.

= 2 =

12. Гвардии лейтенанта	ДЕРЖИЛОВА Ивана Прохоровича	Командира танка 50 отдельного гвардейского тяжелого танкового полка.
13. Красноармейца	ДОЛГУШИНА Ивана Григорьевича	Командира отделения разведывательного взвода 65 танковой бригады.
14. Лейтенанта	ЕВТУШЕНКО Николай Иванович	Командира взвода автосметчиков мотострелкового батальона автосметчиков 65 танковой бригады.
15. Капитана	ИБАНОВА Леонида Андреевича	Командира танковой роты 2 танкового батальона 36 танковой бригады.
16. Майора	НАУМЕНКО Виктора Петровича	Командира 3 танкового батальона 20 танковой бригады.
17. Старшего лейтенанта	ПАВЛОВА Ивана Константиновича	Командира танкового взвода 2-го танкового батальона 65 танковой бригады.
18. Лейтенанта	ПЕЧЕРКИНА Александра Ивановича	Командира взвода противотанковой артиллерийской батареи 2-го мотострелкового батальона 12 мотострелковой бригады.
19. Младшего лейтенанта	ПРИШВИНОВА Якова Павловича	Командира танкового взвода 1-го танкового батальона 36 танковой бригады.
20. Подполковника	РЕЗНИКИНА Александра Кузьмича	Командира 1461 самоходного артиллерийского полка
21. Старшего лейтенанта	РОЖКОВСКОГО Николай Степановича	Командира танковой роты 1-го танкового батальона 20 танковой бригады.
22. Гвардии капитана	РОМАНОВА Виктора Андреевича	Командира танковой роты 50 отдельного гвардейского тяжелого танкового полка.
23. Младшего лейтенанта	РОМАНОВА Николай Павлович	Командира танкового взвода 1-го танкового батальона 36 танковой бригады.
24. Подполковника	САЗОНОВА Василия Ильича	Заместителя командира по политической части 12 мотострелковой бригады
25. Гвардии лейтенанта	САФОНОВА Николай Иванович	Командира танкового взвода 3-го танкового батальона 36 танковой бригады.
26. Гвардии капитана	СВЕШОВА Василий Андреевич	Командира танковой роты 50 отдельного гвардейского тяжелого танкового полка.
27. Старшего сержанта	СЕМЕНДИНОВА Иван Васильевич	Командира пулеметного отделения 1-го мотострелкового батальона 12 мотострелковой бригады.

28 сентября 1943г.

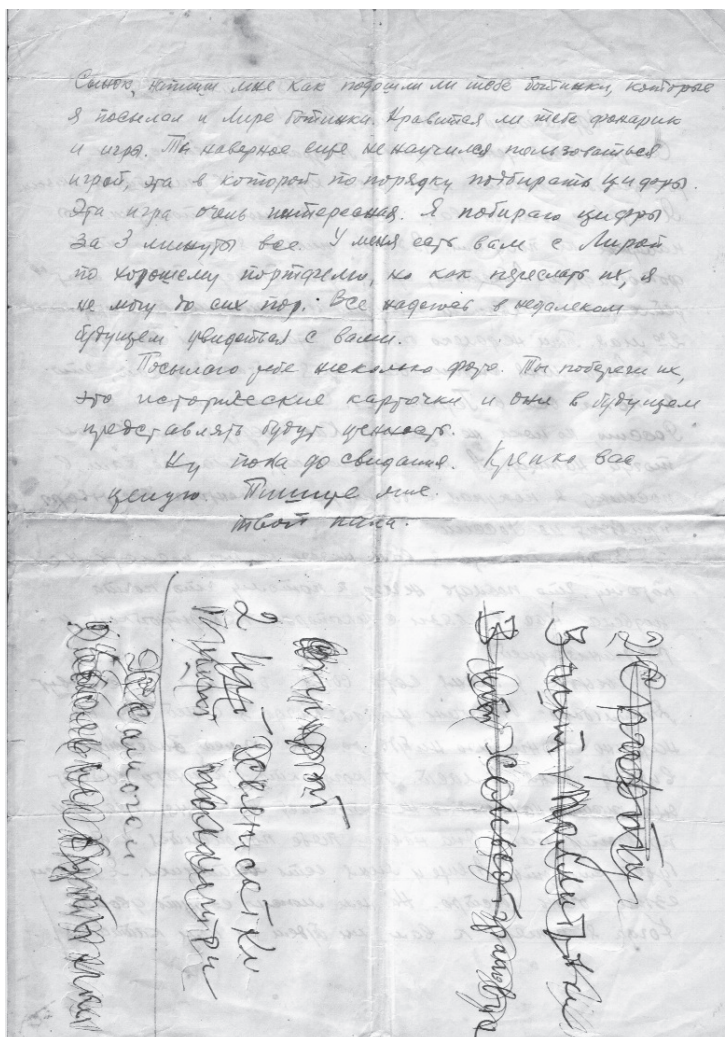
Здравствуй сынок мой Витя!

Сегодня твой день рождения. Поздравляю тебя с этим рождением и желаю тебе всего хорошего & дальнейшей жизни. И надеюсь войной как ты и Верыны фотографии. Ноо наверно их погнали. В этой писемке я посылал тебе фотографию Реймстада, где заседали Гитлер и Гейдлер. Этот Реймстад я совсем забыл и существовал в том же году 2го мая. Там недалеко от этого здания стоял Гейдлер.

Миром меня окружают где я себя. Вывезено, это я пока все в Теригамин. Собираюсь переехать в Россию, но пока не удалось. Как поезд, я вли в этот тогда напишу. А мыло и шоколад, послал тебе в посылке & посылка в воскресенье. А вонючка все улетит привезет из России.

В этом письме я вам ничего не могу написать не потому, что поездка негустая, а потому что поездка пошла пошла нас & связи с некоторой перестройкой и карантинами.

Сынок, у меня есть собака овчарка и ее зовут Дюймовочка. Она очень умная. Когда я с ней иду и хорошо учить это никто, то она будет забавный взгляд меня и лаять. А когда кто в комнату войдет она будет не работать не работает без меня. И ее хочу привезти тебе. Она наверно тебе понравится и тебе будет интересно. А еще у меня есть фотография. Я тебе эту очень люблю. На нем мама сзади своей. Когда я пришел к вам, мы были на нем какашки.

Резяпкин Александр Кузьмич

<i>Рождение</i>	23 августа 1909 г. с. Лада, Новопокровского р-на, Саратовской обл.
<i>Социальное положение</i>	Служащий из крестьян
<i>Партийность</i>	Член ВКП(б) с 1931 г. п.б. №1994648
<i>Образование</i>	Рабфак в 1931 г.
<i>Военное образование</i>	Заочно Военно-политическая академия им. Ленина в 1941 г., Москва Курсы усовершенствования офицерского состава при Академии им. Сталина в 1943 г.
<i>Политическое образование</i>	Саратовский Комвуз в 1935 г.
<i>Участие на фронтах</i>	На ЮЗФ июнь 1941 г. – июль 1942 г. На Калининском фронте сентябрь 1942 г. – июль 1943 г. На 1 БФ июня 1944 г. – май 1945 г.
<i>Ранения</i>	Контужен в июле 1941 г. Легко ранен в голову в сентябре 1941 г. Тяжело ранен в голову в октябре 1941 г.

	Тяжело ранен в правую руку в июне 1942 г.
Награды	Орден КЗ в 1940 г. Орден БКЗ в 1944 г. Орден БКЗ в 1945 г. Орден А.Невского в 1944 г. Медаль за взятие Берлина Медаль за освобождение Варшавы Медаль за оборону Кавказа Медаль за победу над Германией
Звание	Подполковник, приказ НКО 7012/п от 7 ноября 1942 г.
Место службы	Турковский РК ВКП(б) Саратовской обл., 3 секретарь РК, Партийные советские органы
Семейное положение	жена Резяпкина Мария Ильинична 1909 г.р. Дочь Лира 1932 г.р. Сын Виктор 1936 г.р. Сын Александр 1945 г.р.

Служба в СА

Должность	Наименование части	Дата
Слушатель	Курсы политсостава ПриВО	06.1935–10.1935
Комиссар стрелкового дивизиона	159 стр. полк ПриВО	10.1935–03.1938
Комиссар стр. полка	Терр. стр. полк ПриВО г.Казань	03.1938–09.1939
Комиссар отдельного батальона связи	204 батальон связи Финский фронт	09.1939–03.1940
Секретарь дивизионной парт. комиссии	173 мск. дивизия Финский фронт	03.1940–08.1940
Зам.нач. ПО дивизии	16 и 47 тд ЮЗФ	08.1940–10.1941
Начальник учебной части курсов	Курсы танковых рот ЮЗФ	10.1941–03.1942
Нач. ПО бригады	58 тбр ЮЗФ	03.1942–06.1942
На излечении по ранению	Эвакогоспиталь г.Аркадак	06.1942–09.1942
Нач. ПО мехкорпуса	1 мк Калининский фронт	09.1942–07.1943

Слушатель	Курсы УОФС ВА им. Сталина	07.1943–12.1943
Заместитель командира самоходной бригады	14 сам.арт.бр 1 Бел. фронта	01.1944–06.1944
Командир самоходного артиллерийского полка	1061 и 1461 сам.арт. полк	06.1944–02.1946
В резерве	УКБТ и МВВС СССР	02.1946–05.1946